Вестник

Санкт-Петербургского государственного института культуры

ISSN 2619-0303

№ 4 (37) / 2018

Научный журнал

декабрь

Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture

ВЕСТНИК
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Научный журнал

№ 4 (37) • декабрь • 2018

100 лет СПбГИК

Санкт-Петербург

ВЕСТНИК
Санкт-Петербургского государственного института культуры
Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture
№ 4 (37) декабрь • 2018
Издается с ноября 2003 г.
УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Редакционный совет
А. С. Тургаев (председатель, заслуженный работник высшей школы РФ, д-р ист. наук, проф.,
ректор Санкт-Петербургского государственного института культуры),
М. А. Ариарский (заслуженный работник культуры РФ, член-корреспондент РАО, д-р культурологии, проф.),
Л. Е. Востряков (д-р полит. наук),
Р. С. Гиляревский (заслуженный деятель науки РФ, д-р филол. наук, проф., заведующий отделом ВИНИТИ РАН),
С. Н. Иконникова (заслуженный деятель науки РФ, д-р филос. наук, проф.),
Е. Я. Кальницкая (заслуженный работник культуры РФ, д-р культурологии,
генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»),
А. В. Куманова (д-р пед. наук, проф., профессор Государственного университета
библиотековедения и информационных технологий Болгарии, София),
Г. М. Седова (заслуженный работник культуры РФ, д-р филол. наук, заведующая
Мемориальным музеем-квартирой А. С. Пушкина Всероссийского музея А. С. Пушкина, Санкт-Петербург,
А. В. Соколов (заслуженный деятель науки РФ, д-р пед. наук, проф.),
А. В. Шмелев (д-р русской истории, канд. ист. наук, куратор Коллекции России и стран СНГ Гуверовского
института войны, революции и мира Стенфордского университета, Стэнфорд, Калифорния, США),
Киёми Ямасита (д-р искусствоведения, профессор факультета искусств,
директор Научно-исследовательского института искусств Университета Нихон, Токио, Япония)

Редакционная коллегия
А. Ю. Русаков (главный редактор, д-р филос. наук, доцент), Г. В. Михеева (заместитель главного редактора,
заслуженный работник культуры РФ, д-р пед. наук, проф.), Ю. И. Арутюнян (канд. искусствоведения, доцент),
П. Н. Базанов (д-р ист. наук, доцент), Г. В. Варганова (д-р пед. наук, проф.),
А. Ю. Демшина (д-р культурологии, доцент), Т. В. Захарчук (д-р пед. наук, доцент),
С. Т. Махлина (заслуженный работник высшей школы РФ, д-р филос. наук, проф.),
В. В. Молзинский (заслуженный работник высшей школы РФ, д-р ист. наук, проф.),
А. С. Мухин (д-р филос. наук, доцент), Е. Р. Пономарев (д-р филол. наук, доцент),
Г. В. Скотникова (д-р культурологии, проф.), Н. Н. Суворов (д-р филос. наук, проф.),
А. А. Сукало (д-р пед. наук, проф.), М. Е. Лисовская (ответственный секретарь)

Редакторы Г. В. Михеева, М. Е. Лисовская • Выпускающий редактор М. Е. Лисовская
Техническое редактирование, компьютерная верстка М. Е. Лисовской

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации
Свидетельство ПИ № ФС77-72720 от 23.04.2018

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2. СПбГИК. каб. 2556, тел. 318 97 16.
http://spbgik.ru • e-mail: vestnik@spbgik.ru • Лиц. ИД № 05313 от 09.07.2001
Подписано в печать 21.12.2018. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 24. Тир. 500 (1-й завод 1–250). Зак.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг».
(ООО Первый ИПХ)194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У
Подписной индекс 80434 • ISSN 2619-0303 • Сайт: http://vestnik.spbgik.ru
Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук: введ. 01.12.2015
© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный институт культуры», 2018

СОДЕРЖАНИЕ • CONTENTS

Культурология • Cultural studies

С. Н. Иконникова, И. В. Леонов. Российская культурология в новой парадигме модернизации (Svetlana N. Ikonnikova, Ivan V. Leonov. Russian culturology in new paradigm of modernization) 6

В. П. Большаков. Качество публикаций гуманитариев и эффективность межкультурного общения (Valerii P. Bol'shakov. Quality publications humanitarians and efficiency of intercultural communication) 11

Е. С. Протанская. Профессиональная этика в контексте национальной культуры (Elena S. Protanskaya. Professional ethics in context of national culture) 14

О. С. Сапанжа. Образы Индии в советской повседневной культуре 1950–1960-х гг. (Ol'ga S. Sapanzha. Images of India in Soviet everyday culture of 1950–1960's) 22

В. А. Радзиевский. Украинская культура и «русская мозаика» (Vitalii A. Radzievskii. Ukrainian culture and «Russian mosaic») 28

Л. А. Суетов. Философия истории: некоторые исторические понятия и законы (L. A. Suetov. Philosophy of history: some historical concepts and laws) 35

П. Н. Базанов. Послесловие: Леонид Александрович Суетов и его «законы истории» (Petr N. Bazanov. Afterword: Leonid Aleksandrovich Suetov and his «laws of history») 38

А. В. Шевцов. Вызовы правительственной политической культуре пореформенной России (Aleksei V. Shevtsov. Challenges to government's political culture of post-reform Russia) 40

А. Ю. Русаков. О культуре интерпретации исторических событий (Arkadii Y. Rusakov. On culture of interpretation of historical events) 45

А. А. Попов. Культурные особенности административной организации Греко-Бактрии (Artem A. Popov. Cultural features of Greco-Bactrian administrative organization) 49

С. Н. Иконникова. «Защитный пояс» культуры и стратегии отношения к детству (Svetlana N. Ikonnikova. «Protective belt» of culture and strategy of attitude to childhood) 56

В. П. Большаков. Особенности гендерных культурных практик (Valerii P. Bol'shakov. Especlally gender-based cultural practices) 60

А. В. Конева. Трансформация религиозных практик в информационную эпоху (Anna V. Koneva. Transformation of religious practices in contemporary digital epoch) 65

А. С. Мухин. Семиотика машины в дворцово-парковых комплексах (Andrei S. Mukhin. Semiotics of machine in palace and park complexes) 73

Е. Г. Соколов. Альтернативы трансцендентного опыта в европейской художественной культуре (Evgenii G. Sokolov. Alternatives to transcendental experience in art culture of Europe) 82

С. Т. Махлина. Россия–Япония в судьбе художницы В. Д. Бубновой (Svetlana T. Makhlina. Russia–Japan in fate of artist V. D. Bubnova) 92

А. Н. Балаш. Реляционная эстетика в контексте современных культурных практик (Aleksandra N. Balash. Relational aesthetics in context of modern art practices) 98

А. Н. Огарков. Кризис европейской культуры в произведениях киберпанка (Aleksandr N. Ogarkov. Crisis of European culture in works of cyberpunk) 102

Е. Я. Кальницкая. Документальная история как основа музейного праздника (Elena Y. Kal'nitskaya. Documentary history as basis of museum holiday) 107

Е. П. Островская. К 200-летию Азиатского музея (1818) – Института восточных рукописей РАН (Elena P. Ostrovskaya. 200th anniversary of Asiatic Museum (1818) – Institute of Oriental Manuscripts RAS) 112

А. А. Сундиева. Музеи России на рубеже XIX–XX в. (Anneta A. Sundieva. Museums in Russia at turn of 19th and 20th century) 119

К. Г. Назанян. Исследовательская деятельность православного духовенства в начале XX в. (Karina G. Nazanyan. Research activities of Orthodox clergy in early 20th century) 123

Содержание • Contents

М. В. Коротков. Современные практики реставрации восточной живописи (Maksim V. Korotkov. Modern restoration practices of Eastern painting) 127

Педагогические науки • Pedagogical studies

Т. А. Чернышева. Информационные технологии в обучении музыканта дирижерско-хорового профиля (Tat'yana A. Chernysheva. Application of information technologies in education of musician of choral conducting speciality) 134

Документальная информация • Documentary information

П. Н. Базанов. И. А. Шомракова – историк книги и книжного дела русского зарубежья (Petr N. Bazanov. I. A. Shomrakova – historian of book and book business of Russian abroad) 140

Г. В. Михеева, С. А. Добрусина. Юридическое отделение в Императорской Публичной библиотеке (Galina V. Mikheeva, Svetlana A. Dobrusina. Department of jurisprudence in Imperial Public Library) 144

М. Н. Колесникова, В. С. Крейденко. Современные проблемы библиотечного менеджмента в России (Marina N. Kolesnikova, Vladimir S. Kreidenko. Modern problems of management of Russian libraries) 152

С. А. Добрусина, Н. И. Подгорная. Оценка состояния фондов библиотек и архивов (Svetlana A. Dobrusina, Natalia I. Podgornaya. Evaluation of libraries and archives collections) 157

Искусствоведение • Art history

Т. П. Христолюбова. Академическая традиция в художественной жизни Томска на рубеже XIX–XX в. (Tat'yana P. Khristolyubova. Academic tradition in Tomsk artistic life in 19th – beginning of 20th century). 166

А. С. Яковлева. Предметно-пространственная среда в пейзажной живописи русского символизма (Anastasiya S. Yakovleva. Material and dimensional environment in landscape paintings of Russian symbolism) 170

М. С. Стебаков. Тема движения в творчестве А. Колдера и Ф. Леже (Mikhail S. Stebakov. Theme of motion in A. Calder's and F. Léger's heritage) 174

Т. В. Шлыкова. Реставрационный мотив в творчестве современных художников-керамистов (Tat'yana V. Shlykova. Restoration motifs in creative works of contemporary ceramics artists). 178

Д. М. Кожевин. Развитие идей дада в рамках европейской биеннале Манифеста 11 (Dmitrii M. Kozhevin. European biennial Manifesta 11 as dada ideas development) 182

Рецензии • Reviews

Э. Р. Сукиасян. Полезная книга о современной методологии научных исследований: рецензия на монографию Г. В. Варгановой «Научные исследования в библиотечно-информационной сфере: отечественные и зарубежные практики» (Санкт-Петербург, 2018) (Eduard R. Sukiasyan. Advantageous book on modern research methodology: review on monography «Research in library and information sphere: domestic and foreign practices» by Galina V. Varganova (Saint Petersburg, 2018)) 187

Сведения об авторах (Information about authors) 189

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Cultural studies

УДК 008(470):001.891.3

С. Н. Иконникова, И. В. Леонов

Российская культурология в новой парадигме модернизации

Рассматривается ситуация парадигмального выбора современной культурологии в контексте сложных трансформаций социокультурной реальности. Предпринимается анализ основных характеристик информационного общества и глобализирующегося мира, находящихся в ситуации качественных трансформаций и «текучести». Отмечается двойственная и противоречивая природа данных изменений, рождающих противовесы в виде локализации и ренессанса традиционных начал культур. Уделяется внимание концепту «переходности» и «стабильности», с присущими им тенденциями развития науки, включая науку о культуре. Характеристика общемировых тенденций социокультурной сферы сочетается с анализом процессов, составляющих ее содержание в современной России, общекультурная ситуация в которой тяготеет к выходу из переходного состояния, т. е. к формированию культурной целостности, или «монолита». Обозначается ситуация двойственности в интерпретации реальности и стратегий развития в современной культурологии.

Ключевые слова: российская культурология, парадигма, переходность, кризис, неопределенность, глобализация, информационное общество, стабильность

Svetlana N. Ikonnikova, Ivan V. Leonov

Russian culturology in new paradigm of modernization

The article discusses the situation of paradigmatic choice of modern culturology in the context of complex transformations of socio-cultural reality. The analysis of the main characteristics of the information society and the globalizing world in a situation of qualitative transformations and «fluidity» is undertaken. The dual and contradictory nature of these changes, giving rise to counterweights in the form of localization and renaissance of the traditional origins of cultures, is noted. Attention is paid to the concept of «transitivity» and «stability», with their inherent trends in the development of science, including the science of culture. The characteristics of the global trends in the sociocultural sphere are combined with the analysis of the processes that make up its content in modern Russia, the general cultural situation in which tends to exit from the transition state, i. e. to the formation of cultural integrity, or «monolith». The situation of duality in the interpretation of reality and development strategies in modern culturology is indicated.

Keywords: Russian culturology, paradigm, transitivity, crisis, uncertainty, globalization, information society, stability

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-6-10

В начале XXI в. в различных отраслях гуманитарных наук стремительно возрос интерес к обоснованию роли и значения культуры как всеобщего феномена человеческого бытия. В процессе глобализации и взаимодействия цивилизаций в научных исследованиях и социальной практике происходит смена парадигм.

Траектории модернизации современной России существенно зависят от уровня культуры, оказывающей преимущественное влияние на все стороны общественной и индивидуальной жизни, от ментальности народов, особенностей национального характера, освоения культурных ценностей, духовных предпочтений и гуманистических ориентаций, отношения к культурному наследию и перспективам демократического развития. В отличие от предшествующих эпох, когда культура рассматривалась лишь как сфера просвещения и образования, в новых условиях культура становится важным фактором социального развития. От состояния культуры зависят эффективность экономики и бизнеса, успешность политических реформ, уровень организации и менеджмента, духовный облик среднего класса, деятельность социальных институтов науки и образования, отношения между людьми в повседневной жизни, преемственность поколений и сохранение культурного наследия. Именно культура создает и воспроизводит духовную привлекательность страны, определяет всеобщий интерес к истории и современности.

Это состояние общественного самосознания и социальной реальности называют культуроцентризмом, «культурологическим сдвигом», существенным повышением роли культуры как фактора социально-экономических и духовных перемен. Всемирно извест-

ный академик Д. С. Лихачев называл XXI в. веком гуманитарной культуры, развития творческой деятельности человека, межкультурных связей и диалога между людьми, народами и государствами.

Культура России приобретает черты глобальной информационной системы. Возникают новые формы самоидентификации, ценностные ориентации, меняются прежние стереотипы, под влиянием новых условий постепенно формируется современный тип личности. Динамика инноваций в культуре особенно интенсивно реализуется и обостряется на фоне переходных процессов, когда новообразования возникают в различных сферах весьма спонтанно и неоднозначно, а их социальное влияние трудно прогнозировать. Рост социального расслоения, политических настроений, этнических миграций, религиозных верований, молодежных субкультур характеризует изменение ценностных ориентаций. Наряду с позитивными переменами в российском обществе сохраняется высокий уровень правонарушений и коррупции, в некоторых кругах растет недоверие к власти, искажаются семейные и дружественные связи. Культура, став частью комфорта и массового потребления, не может выстроить вертикаль духовного лидерства и совершенства. Массовые вкусы, невежество и примитивность все еще являются нормой облика многих современников. Эти социальные недуги требуют не только диагноза, но и разработки социальной стратегии культурной политики, опирающейся на комплекс эффективных «гуманитарных технологий» [1; 2]. Не менее важная задача заключается в создании социальных и духовных условий успешного взаимодействия разных социальных слоев, этнических групп, противоречивых политических убеждений, художественных вкусов, интересов и потребностей. Необходимо формирование духовной атмосферы в обществе, основанной на взаимном доверии и понимании, уважении достоинства личности.

Следует отметить, что культуроцентризм не рассматривает современную культуру как духовное возрождение, но отмечает зависимость сфер социальной жизни от уровня культуры, отражает глубину проблем, отсутствие однозначного ответа, необходимость преодоления устаревших схем и стереотипов, поиск новых ответов на вызовы современности [3]. Культура становится важным фактором национальной безопасности, и от культурного облика народа зависит авторитет и благополучие России.

Возрастание влияния культуры выдвигает особые требования к разработке научной методологии, философской и культурологической аналитики в исследовании новых тенденций. К исследованию культурогенеза как противоречивого процесса возникновения и развития новых форм культуры, источника инноваций и модернизации общества, привлечены многие отрасли гуманитарной науки, изучающие специфику новообразований в разных сферах. Однако не менее важным является культурологическое обоснование целостного представления о происходящих процессах, выявление взаимозависимости условий и следствий. В современных условиях преодоления кризисных симптомов несомненную ценность приобретает объединение интеллектуальных усилий ученых гуманитарных наук в раскрытии творческого потенциала культуры в процессе модернизации России.

Современный этап развития гуманитарных наук характеризуется обновлением теоретических концепций, языка описания и объяснения реальности, усилением и взаимопроникновением междисциплинарных связей, при сохранении своеобразия каждой науки [4], созданием нового культурного пространства. Это состояние науки называют «сменой парадигм», «научной революцией» или «гештельт-переключением», принципиальным изменением теоретического корпуса понятий и категорий, используемых для анализа процессов в развитии природы, общества, культуры и человека. Смена парадигм имеет всеобщий характер, является символом и знаком изменения фундаментальных принципов миропонимания и объяснения реальности. История науки многомерна, имеет различные стратегии и векторы, тупики и провалы, остановки и интервалы. Межпарадигмальные ситуации неоднократно возникали в истории технических, естественных и гуманитарных наук, отражая интеллектуальное состояние сознания научного сообщества, в котором развивается сопротивление устоявшимся догмам, разочарование в казавшихся незыблемыми концепциях, несоответствие теории практике. Это состояние весьма драматично: наука постепенно теряет авторитет и доверие, исследования оказываются невостребованными, ученые – ненужными, прежние заслуги подвергаются критике. Научные школы постепенно исчезают, их замещают совершенно иные подходы и принципы, на этой основе формируются новые научные объединения, развиваются современные идеи

описания и объяснения реальности. Однако научное сообщество достаточно авторитарно и консервативно, сопротивляется новым направлениям, отстаивая прежние теории, отвергая новые концепции как ненаучные, создавая ситуацию соперничества и конфликта. Идейная борьба в таких условиях может сопровождаться запретом на публикации, отстранением от преподавания и подготовки молодых кадров.

В процессе научного «гештальт-переключения» на авансцену истории выходят новые концепции, постепенно приобретая авторитет и популярность. Нередко оказывается, что эти подходы намеренно отодвигались, пребывали «в тени» прежних научных систем. Именно они становятся основой модернизации науки и социального развития, поскольку новые процессы и явления не укладываются в прежние схемы, принципы становятся пустой фикцией, старые теории обнаруживают неспособность объяснения изменившейся реальности. Однако переход на новую парадигму происходит в течение многих лет, когда формируются новые теоретические конструкции, создается система понятий и категорий, определяются векторы перемен, разрабатывается стратегия позитивных изменений.

Смена парадигм означает фундаментальные перемены в мире, изменение статуса и авторитета науки, способов обоснования принимаемых решений, влияние на политические структуры, систему образования и массовых коммуникаций.

На фоне межпарадигмальности, ставшей следствием изменений социокультурной реальности, утрачивают смыслы многие теоретические концепции, как в точном, так и в гуманитарном знании. Тем не менее инерция общественного и индивидуального сознания упорно сохраняет и воспроизводит многие стереотипы, понятия, символы, идеи и ценности. В результате новые социальные структуры в экономике и политике, повседневной жизни и образовании сохраняют старые представления, которые одновременно «мертвы и живы». Возникает состояние, именуемое переходным, «маргинальным», эклектично соединяющим прежние понятия в новых структурах и требованиях. Постепенно процесс социального развития сметает стереотипы как устаревшие формы сознания и поведения, но, не предлагая новых ценностей, может вызвать настроения скептицизма, недоверия к наукам и власти, недовольство и разочарование. В науке данная ситуация воплощается в когнитивной дезориентации и разобщении исследовательских направлений, росте скептических настроений и мистификации знания, уходе от ясных объяснений реальности в мир «интеллектуальных игр».

Указанные аспекты неопределенности, характерные для современного общества, являются предметом многочисленных и острых дискуссий. Информационное, сетевое, «открытое» общество» – утверждают одни. Постиндустриальное, эпоха постмодерна, рыночное общество риска, посткапиталистическое – определяют другие. Социальные процессы и тенденции современности описывают в терминах глобализации, модернизации, трансформации. Вопрос, как называть современное общество, остается неясным, стратегия изменений все еще содержит некоторую степень неопределенности [5; 6]. Вопрос «что строим?» – все еще остается открытым.

Прежнее состояние общества отличалось четкой социальной, экономической, политической структурой, почитанием идеологических, нравственных ценностей и традиций, ограничением свободы, подчинением власти и закону. Эти черты в разной степени были присущи социалистическому и капиталистическому строю, либеральному или тоталитарному режиму. Это было общество монолитной структуры «твердых тел», имеющих четкие очертания, не поддающихся глобальным переменам. Сохранение монолита было главной стратегией идеологической, политической деятельности и управления. Наука о культуре в данной ситуации носила парадигмально обусловленный характер, развиваясь только в допустимых теоретико-методологических и тематических рамках, при высокой роли политико-идеологической компоненты, направленной на формирование культуры и человека определенного типа.

Однако монолиты крепки, но не вечны. Они также подвержены старению, от них откалываются отдельные структуры, они рассыпаются и исчезают. Происходит «плавление», разжижение твердых тел, еще недавно считавшихся незыблемыми. Твердые структуры – такие как власть, государство, социальные институты – меняют не только форму, но и содержание. Они теряют четкие очертания, становятся устаревшими, не выполняют своих социальных функций и культурного назначения. Социальная система пребывает в состоянии стагнации, застоя, постепенной утраты своих достоинств и возможностей. Для того чтобы двигаться вперед, надо «снять тормоза», увеличить подвижность и способность к переменам, открыть простор инициативе. Эти идеи либерализации и демократизации

для преодоления застоя были восприняты идеологами перестройки.

Для обоснования новой стратегии высказывались различные идеи и теоретические концепции. Немецкий исследователь Клаус Оффе в книге «Узы, кандалы, тормоза» отмечал, что либерализация должна ослабить жесткое регулирование и ограничение свободы, создать гибкие структуры управления [7, с. 248]. Социолог Ульрих Бек в работе «Политика в обществе риска», назвал состояние общества «вторая современность», которая развивается в форме Великого Отказа от всех позиций и ценностей предыдущего периода, растворения прежних классов и сословий, смены социальных институтов власти, разрушения традиций и норм, изменения финансовой системы, визового режима, графика труда и отдыха [7, с. 248].

Почетный профессор Варшавского университета Зигмунт Бауман в книге «Текучая современность» предложил считать «текучесть» подходящей метафорой для понимания культурных процессов [8, с. 8]. Текучая современность полна неожиданных поворотов, непредвиденных изменений, когда основное русло может обмелеть или разлиться на множество самостоятельных ручейков. Недолговечность и ненадежность человеческих связей и отношений – своеобразная и горькая плата за «разжижение» современного мира. Новое общество увеличивает социальную мобильность во всех сферах жизни. Наступает эра превосходства «кочевого» образа жизни, смены профессий, мест работы, стран и городов проживания, брачных партнеров, форм повседневной жизни. Подвижность, мобильность, миграция становятся показателями современной культуры, границы – прозрачными, свободными от идеологических, финансовых и иных барьеров. Эра доминирования оседлости над подвижностью заканчивается, считает З. Бауман. Текучесть – наиболее удачная метафора переходной культуры. В ней все легко перемещается, подвижно, изменчиво, перетекает из одного в другое, переливается, просачивается, неожиданно всплывает, меняет формы. Жидкости способны растворять твердые структуры, препятствия легко обтекают. Они постепенно разрушают «защитную броню» прежних ценностей и представлений о мире. Это вызывает психологический стресс, наносит социальную травму сознанию, создает ситуацию дискомфорта, дезориентации, неопределенности будущего. В таких условиях, если новый мир не выдвигает новых идей и ценностей, которые могут увлечь человека, неизбежно может наступить время разочарования в новых временах, скептическое отношение и ностальгия по прошлым временам.

Тем не менее, как и в случае с монолитами, переходные процессы не длятся вечно. Неопределенность современного мира в целом, и внутрироссийской ситуации в частности, не обязательно должна восприниматься как итоговая и долгосрочная форма социокультурной реальности. Процессы глобализации рождают локализацию, выраженную в стремлении различных культур к возрождению и сохранению своих ментальных и традиционных основ; «цивилизационный дрейф» многих культур приводит к их качественному обновлению согласно реалиям времени; глобальное противостояние провоцирует налаживание различных форм диалога. Многие пессимистичные прогнозы ставятся под сомнение.

В культуре России, во многом все еще пребывающей в условиях перехода, наметились пути стабилизации, выраженные в новых цивилизационных ориентирах, смыслах и ценностях, в устойчивости властной вертикали и политических институтов, во взвешенной культурной политике, в решении многих проблем, характерных для постсоветского пространства. Данная двойственная ситуация создает интригу парадигмального выбора в науке о культуре, выраженную в установке на ясность или неопределенность происходящих в культуре и обществе процессов, в акцентах на интеллектуальный плюрализм или на однообразное толкование их сути, в ставке на реализацию прикладных возможностей науки о культуре, способной влиять на общество, или на продолжение свободного самоусложнения знания в пространстве переходной реальности. Можно сказать, что в настоящее время научное сообщество в оценке современных социокультурных реалий разделилось. Соответственно, ситуация парадигмального самоопределения культурологии все еще остается открытой.

Список литературы

1. Идентичность как навигатор сознания: монография / Х. Г. Тхагапсоев, Л. М. Мосолова, И. В. Леонов, В. Л. Соловьева. Санкт-Петербург: Астерион, 2016. 170 с.

2. Астафьева О. Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: сложный вектор развития // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2016. № 5 (73). С. 32–41.

3. Большаков В. П. Проблемы современной культурологии и культуры: монография. Москва: Проспект, 2018. 230 с.

4. Докучаев И. И. Трансгрессия и редукция: пути интеграции социально-гуманитарных наук и культурология //

Мир культуры и культурология: альманах / Науч.-образоват. культурол. о-во России. Санкт-Петербург: Центр гуманитар. инициатив, 2018. Вып. 6. С. 60–66.

5. Кондаков И. В. «Смысловая неопределенность» как феномен культуры // Мир культуры и культурология: альманах / Науч.-образоват. культурол. о-во России. Санкт-Петербург: Центр гуманитар. инициатив, 2018. Вып. 6. С. 12–23.

6. Кондаков И. В. Цивилизационный дрейф постсоветской России // Мир культуры и культурология: альманах / Науч.-образоват. культурол. о-во России. Санкт-Петербург: Центр гуманитар. инициатив, 2016. Вып. 5. С. 144–158.

7. Иконникова С. Н. «Текучесть» как метафора современного общества // Тр. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. 2008. Т. 180: Мировая политика и идейные парадигмы эпохи. С. 247–251.

8. Бауман З. Текучая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 238 с.

References

1. Tkhagapsoev Kh. G., Mosolova L. M., Leonov I. V., Solov'eva V. L. Identity as navigator of consciousness: monograph. Saint Petersburg: Asterion, 2016. 170 (in Russ.).

2. Astaf'eva O. N. National and cultural identity in context of globalization: complex vector of development. *Vestnik of Moscow State Univ. of Culture and Arts*. 2016. 5 (73), 32–41 (in Russ.).

3. Bol'shakov V. P. Problems of modern culturology and culture: monograph. Moscow: Prospekt, 2018. 230 (in Russ.).

4. Dokuchaev I. I. Transgression and reduction: ways of integration of social-humanitarian sciences and culturolog. *World of culture and culturology*: almanac / Sci. and Educational Cultural Soc. of Russia. Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. 6, 60–66 (in Russ.).

5. Kondakov I. V. «Semantic uncertainty» as phenomenon of culture. *World of culture and culturology*: almanac / Sci. and Educational Cultural Soc. of Russia. Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. 6, 12–23 (in Russ.).

6. Kondakov I. V. Civilizational drift of post-Soviet Russia. *World of culture and culturology*: almanac / Sci. and Educational Cultural Soc. of Russia. Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2016. 5, 144–158 (in Russ.).

7. Ikonnikova S. N. «Fluidity» as metaphor for modern society. *Proc. of Saint Petersburg State Univ. of Culture*. 2008. 180: World politics and ideological paradigms of epoch, 247–251 (in Russ.).

8. Bauman Z. Flowing modernity. Saint Petersburg: Piter, 2008. 238 (in Russ.).

УДК 316.773:001.4

В. П. Большаков

Качество публикаций гуманитариев и эффективность межкультурного общения

Одна из ключевых современных проблем межкультурного общения сводится к существенному отличию яркости выражения содержания в процессе устной и письменной коммуникации. Живая форма устной речи полнее и разнообразнее отражает мыслительную остроту содержания, чем письменная. В российских гуманитарных науках научность их языка, стремление к научности выражения, сказывается негативно на характере общения авторов с читателями. Гуманитарные публикации – явление собственно культурной коммуникации, момент самосознания культуры и ее трансляции. Автор предлагает поощрять свободу выражения мысли, в том числе и в таких устоявшихся формах научных публикаций, как рефераты, курсовые, дипломные работы, диссертации. Прививать подобную свободу выражения мысли необходимо уже со школьных сочинений и выпускных экзаменационных работ.

Ключевые слова: культурная коммуникация, устная речь, письменная речь, стилистика, гуманитарные публикации, языки науки, устная коммуникация

Valerii P. Bol'shakov

Quality publications humanitarians and efficiency of intercultural communication

One of the key problems of modern intercultural communication is reduced to a significant difference in the brightness of the expression of content in the process of oral and written communication. The lively form of oral speech reflects the mental acuity of the content more fully and more diversely than the written one. In the Russian humanities, the scientific nature of their language, the desire for scientific expression, has a negative effect on the nature of the communication between authors and readers. Humanitarian publications are a phenomenon of cultural communication proper, a moment of culture self-awareness and its transmission. The author proposes to encourage freedom of expression of thought, including in such well-established forms of scientific publications as abstracts, term papers, theses, dissertations. To instill such freedom of expression of thought is necessary already from school essays and final examination papers.

Keywords: cultural communication, oral speech, written speech, stylistics, humanitarian publications, scientific languages, oral communication
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-11-13

Для начала обозначим некоторые исходные положения:

– наука – одна из сфер межкультурного общения;

– всякое межкультурное общение осуществляется в знаковых, речевых формах;

– фиксированное, письменное выражение мысли – специфично;

– любая из форм выражения мысли имеет право на существование, в том числе и в науках, в гуманитарных – тоже.

А теперь о имеющей место проблемности межкультурного диалога гуманитариев, диалога друг с другом посредством научных публикаций и с теми, кому еще могут быть интересны эти публикации.

Очень многое (не все, конечно) из научной литературы читается все с бóльшим трудом. Тексты книг, статей, диссертаций стилистически однообразны, тяжеловесны. Ощущаешь, что ради обычно незначительной прибавки знания (если она вообще есть) приходится продираться сквозь хитросплетения невыразительных фраз. Каждый автор в плане выражения мысли походит на каждого другого.

Мне это стало особенно заметным, видимо, еще и потому, что я занимался и литературой (художественной), и наукой, и преподаванием гуманитарных дисциплин: философии, эстетики, культурологии, литературы. И чем больше в своих разнородных занятиях мне приходилось писать тезисов, статей, книг, тем более я чувствовал, что пишу все хуже и хуже. Не в том смысле, что раньше писал блестяще. И не в том, что сильно отличаюсь в худшую сторону от того, что и как пишут другие. Но вроде бы разучиваюсь выражать свою мысль именно как свою: живо, непринужденно, легко, свободно, без языковых штампов. Моя письменная речь стала слишком отличаться от устной.

Вообще, как известно, в русском языке стилистические пласты художественной, разговорной и научной речи существенно разнятся. В отличие, скажем, от английского языка, в котором это различие проявляется не столь очевидно. В российских гуманитарных науках научность их языка, стремление к научности выражения, сказывается негативно на характере общения авторов с читателями.

В 1970-е гг. в ЛГУ на лекции философа М. А. Кисселя сбегалось большое количество слушателей, не только с его курса, не только с философского факультета. Лекции были интересны по мысли и по тому, как мысль выражалась. Когда я после этих лекций читал некоторые публикации Кисселя, помнится, недоумевал: куда он пропал? Пропал как индивидуальность. Читать написанное было скучно. При отсутствии яркости языковой формы выражения исчезало и то, что выглядело содержательно значимым.

Примерно то же самое могу сказать и о лекциях по зарубежной литературе С. Д. Артамонова, которые читались им в Москве, в Литературном институте. Лекции были зажигательны. Письменное выражение того же самого материала тем же автором в его книгах оказалось значительно слабее, менее действенно.

В чем-то это следствие редакторской работы. Редакторы «причесывали» научные труды «под одну гребенку» правильного научного стиля. Ученые с молодости проходили (и проходят) чистилище редактирования многократно, и постепенно в авторе поселяется «внутренний редактор», который не позволяет «разгуляться» выразительной образности речи, нетривиальности словесных пассажей. Все это приносится в жертву якобы научной строгости, корректности.

Ученые естественники и техники не слишком страдают от этого. Во-первых, потому, что читающая их аудитория – именно специалисты, все более узкие, а не вся общественность, не любители математики, физики, биологии. Для последних есть научно-популярная литература. Во-вторых, максимально достижимые фактическая строгость, четкость, логичность, непротиворечивость изложения, однозначность употребляемых терминов, для естественников вполне достаточны. Особенно с тех пор, когда основное содержание научного исследования стало выражаться не словами, а формулами, схемами, таблицами, графиками и т. д.

В развитии гуманитарных наук уже давно проявилась тенденция к сближению с науками естественными, явно выраженная, например, в структурализме, применении системных методологий. Тем не менее, гуманитарные науки продолжают оставаться весьма своеобразными, настолько, что естественники порой сомневаются в том, что их вообще можно считать науками. Настолько, что философия то стремится стать похожей на объективную, строгую, прагматичную науку (в позитивизме), то заявляет, что она вовсе не наука, а философия.

Известна отмеченная философами-неокантианцами ограниченность применения общенаучных методов познания в гуманитарном осмыслении мира. Ограниченность, определяемая своеобразием объектов изучения, предметов осмысления. С этим своеобразием связаны многие особенности гуманитарного мышления и языковых, речевых выражений гуманитарной мысли.

Как бы ни был велик математик или физик, его научные труды читают только специалисты. И он им интересен в плане постановки и решения научных проблем. И достаточно, если его индивидуальность проявлена именно в этом, а не в том, как он выразил свое отношение к изучаемому, свою личностную позицию.

Историю же государства Российского Карамзина читали и читают не только историки, и в ней явлены «изящность, простота», которые, по ехидному замечанию А. С. Пушкина, доказывают «необходимость самовластья и прелести кнута». Так или иначе может быть оценена направленность карамзинской истории, в его труде, хотел он этого или нет, содержится отношение к описываемым им историческим событиям, фактам, и это делает его труд живым, интересным. Соловьев ту же историю изложил по-иному. Ключевский – по-своему. Индивидуальность каждого из историков отразилась в том, что и как он написал. Можно спорить, кто из них более точен в изложении тех или иных событий. Но каждый выразил свое видение истории России. Описание истории при стремлении быть объективным все равно остается личностным, индивидуально выраженным. И не все равно, каким «штилем», слогом.

Есть, конечно, публикации гуманитариев, представляющие собой просто констатацию интересных находок, сообщений о них, так сказать, в фактографическом порядке. Это важный, но все же подсобный материал для чего-то большего. Гуманитарные публикации – это явление собственно культурной коммуникации. В них содержатся размышления о жизни, о ее ценностях, о духе, о культуре. Они, в известной мере, – момент самосознания культуры и ее трансляции. И если самосознание выражается обезличенно, формализованно, оно перестает быть самим собой. Из попыток открытия истины оно превращается в ее сокрытие. Истина в гуманитарном познании не сводится к соответствию мысли предмету, в ней присутствует не формализуемое, переживаемое, заинтересованное начало.

Почему почти все наши диссертации никем, кроме оппонентов и рецензентов, не читаются. Да и большинство монографий, в которых отражено содержание этих диссертаций, – тоже, если и читается, то в лучшем случае узкими специалистами? Потому, что пишут их не гении, не необычайные таланты? Да нет, не только поэтому, а потому, что в них индивидуальность авторов сведена к минимуму. Научность душится наукообразием в плане выражения мысли.

Ну, диссертации – работы квалификационные. Но и в иных публикациях гуманитариев все стало

близко к этому. Слушаешь ученого где-нибудь на конференции, а тем более в ее кулуарах, и думаешь: о, действительно любопытно. Потом вышла его статья, книга. И куда все делось? И скучно, и грустно.

Петр I предписывал не читать речей по-писанному, дабы дурость каждого видна была. Но я бы сказал, ведь не только дурость, но и ум тоже. Поскольку наш письменный научный язык так сильно отличается и от разговорной речи и от художественной, постольку создается впечатление, что пишущие стремятся не обнаружить дурости, скрывая ее за гладкостью, обтекаемостью, стандартностью форм выражения мысли. Но форма не безразлична к содержанию. Оно тоже становится гладким, шаблонным, невыразительным, бедным.

Дурости не видно, но и умное, толковое поди отыщи в потоке речевых штампов. И межкультурной коммуникации не происходит.

И дело не в том, чтобы непременно поориги-нальничать в статье или книге, используя разговорную манеру выражения. И я не утопист – в том смысле, что все ученые-гуманитарии должны владеть литературным слогом. Я же знаю, что некоторые исключительные авторы, несмотря на все редакторские правки, остаются самими собой, своеобразными и интересными в своих публикациях. Я скорее имею в виду средний уровень научной продукции гуманитариев.

Нивелирование их личностного начала начинается довольно рано в средней школе. Продолжается в вузах, аспирантурах и докторантурах. Изменить эту тенденцию в практике образования и воспитания (касающуюся в том числе и редакторского «племени») – трудно, если вообще возможно. Поддержка этой тенденции не ослабевает, а усиливается в современных условиях.

Так, при поступлении выпускников школ в гуманитарные вузы снижена возможность выбора тех, кто способен не сдать ЕГЭ, а написать сочинение, в котором проверялась бы не только грамотность, а способность и стремление к нестандартному письменному изложению мыслей. Во время обучения гуманитарным специальностям следовало бы развивать дальше эту способность, стимулировать стремление к выразительности письменной речи.

Мы же сами в вузах продолжаем отучать студентов от этого. Курсовые и дипломные работы должны выполняться по установленным образцам и структурно и стилистически. Известно, как надо писать тот или иной вид работ. Почти в каждом из нас, преподавателей, оказался укоренен Семен Пуприков, гимназист из фельетона Власа Дорошевича «Русский язык», который знал, как надо писать сочинения. Ведь и для сочинений, и для курсовых и дипломных работ, и для наших статей, монографий, а тем более диссертаций, есть шаблоны. Научные руководители, научные и ненаучные редакторы знают, как эти бумаги писать. От мала до велика и пишем в соответствии с известными требованиями. И бюрократическая стандартизация дополняется стандартизацией ума.

И что же удивительного, что вполне возможны так называемые «качки» из Интернета. Курсовые и дипломные, кандидатские диссертации, выполненные кем-то по стандартным образцам, в которых никак не выражен автор с его своеобразием, но есть все, чему положено быть, и текст написан, как положено писать.

Хорошо, что у гуманитариев, в частности у культурологов, есть достаточно объемные курсы литературы. Но может быть вместе с тем и практикумы не помешали бы. Писали же все лицеисты (не только Пушкин) стихи в процессе изучения словесности. Почему бы не писать курсовые и даже дипломы в форме эссе?

Понятно, что со всякой свободой, в том числе и свободой выражения мысли, связаны и некоторые издержки. Во-первых, свободно, живо, непринужденно выражать свои мысли может только тот, у кого свои мысли появляются. Во-вторых, важно и каковы эти свои мысли. Может, это только мыслишки?

Вряд ли следует поощрять полную свободу выражения человека недостаточно умного, да еще и достаточно наглого. Но тогда встает вопрос: а судьи кто? Когда есть шаблон, по нему легко измерять. Особой тонкости вкуса не требуется. В случаях же с нетривиальными словесными формами оценивающий их сам должен ценить нестандартность, уверенно отличая творческую смелость от нахальства, имитирующего ее.

Тем не менее для всех гуманитарных наук, но особенно для культурологии, надо искать возможности сбрасывания оков заштампованности научных текстов, которые в таком случае станут играть более действенную роль в межкультурных коммуникациях.

Я намеренно впрямую не касался вопроса об остроте содержательной проблемности, определяющей интерес к публикации. Ведь нетривиальность выражения мысли и нетривиальность самой мысли – связаны теснейшим образом.

А. Блок в статье «Три вопроса» писал о самом соблазнительном, самом опасном, но и самом русском вопросе «зачем?», вопросе о полезности, необходимости написанного. И что касается художественной литературы, и что касается гуманитарных публикаций, даже если эта содержательная необходимость есть, вполне реализуется она только при условии достаточной яркости выражения, соответствия живой формы мыслительной остроте содержания.

УДК 174:304

Е. С. Протанская

Профессиональная этика в контексте национальной культуры

Профессиональная этика рассматривается среди условий конкурентоспособности нации как показатель нравственного климата общества. Признание ценности жизни, здоровья каждого человека, значения комфорта и жизненных удобств, учета индивидуальных потребностей, достоинства личности является условием повышения качества производств. Популярность отечественных товаров и услуг в конкретной культуре свидетельствует о патриотизме населения. Признание производимых продуктов за пределами страны обеспечивает уровень продаж и отзывы потребителей за рубежом. В становлении качества товаров и услуг имеет значение религиозная традиция, которая сакрализует нравственную норму. Показано различие нравственных установок среди христианских конфессий. Отмечено значение исторических традиций, традиционных промыслов, географических условий проживания народа для формирования системы ценностей нации. Традиции нестяжательства и благотворительности в отечественном предпринимательстве связываются с православием. Примеры благотворительности и меценатства предпринимателей прошлого и современности показывают роль предпринимательства в развитии культуры и улучшении нравов нации. Опыт экономически развитых стран, производителей наиболее популярных товаров показывает значение главенства закона, тенденций глобального рынка, требований экологии. Критерием моральности производств становятся формирование и осознание миссии конкретных производителей, стандартов профессиональной этики, следование единым принципам по отношению к обществу и потребителю. Многие из принципов имеют тысячелетнюю истории, возникли в медицине и распространились на другие профессии.

Ключевые слова: профессиональная этика, нравственный климат общества, конкурентоспособность, патриотизм, миссия производителя, нестяжательство

Elena S. Protanskaya

Professional ethics in context of national culture

Professional ethics is considered among the conditions of the nation's competitiveness as an indicator of the moral climate of society. Recognition of the value of life, the health of every person, the value of comfort and living comfort, the consideration of individual needs, the dignity of the individual is a condition for improving the quality of production. The popularity of domestic goods and services in a particular culture testifies to the patriotism of the population. Recognition of manufactured products outside the country provides a level of sales and consumer feedback abroad. In the development of the quality of goods and services, the religious tradition that sacred the moral norm is important. The difference between moral attitudes among Christian faiths is shown. The importance of historical traditions, traditional crafts, geographical conditions of the people's living for the formation of the system of values of the nation is noted. Traditions of non-covetousness and charity in domestic business are associated with Orthodoxy. Examples of philanthropy and patronage of entrepreneurs of the past and present show the role of entrepreneurship in the development of culture and improving the morals of the nation. The experience of economically developed countries, manufacturers of the most popular products shows the importance of the rule of law, global market trends, environmental requirements. The criterion of the morality of production becomes the formation and awareness of the mission of specific manufacturers, standards of professional ethics, following the same principles in relation to society and the consumer. Many of the principles have a thousand-year history, originated in medicine and spread to other professions.

Keywords: professional ethics, moral climate of society, competitiveness, patriotism, mission the manufacturer, non-covetousness

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-14-21

Если ты что-нибудь делаешь, делай это хорошо. Если же ты не можешь или не хочешь делать хорошо, лучше совсем не делай.

Л. Н. Толстой

Профессиональная этика сегодня – одно из главных направлений совершенствования культуры производства товаров и услуг, поскольку в условиях конкурентной борьбы за рынки сбыта она гарантирует качество и обеспечивает конкурентные преимущества народам и культурам. Товары и услуги воспринимаются, прежде всего, как послание человека человеку, от моральной составляющей зависит не только прибыль производителя, но и самоощущение потребителя, его желание оставаться приобретателем у данного производителя вообще.

У России с ее глубокими традициями профессионализма и совестливости работников есть все шансы занять достойное место в этом процессе. Уже в начале XIX в. качество товара

в России было известно за ее пределами и давало преимущества производителю: «В 1824 г. купцы, имевшие репутацию надежных поставщиков товара безусловного качества для Императорского дома России, стали гордо именоваться „Поставщиками Двора Его Императорского Величества“». Звание давалось на два года и требовало нового подтверждения. В начале XX в. это почетное звание имели «шоколад Теодора Эйнема, ювелирные мастерские Карла Фаберже, мармелад от фабриканта Абрикосова, галоши фабрики „Треугольник“, шампанские вина Голицына, печатня и книготорговое дело Сытина и многие, многие другие» [1].

Но исторический путь XX столетия создал серьезные препятствия, исказившие ценностные ориентации предшествующего периода и создавшие новые традиции, что заставляет задуматься о перспективах и ориентирах развития профессиональной морали и стандартов профессионального поведения.

События Первой мировой войны, унесшей жизни миллиона людей, разрушили уклад развивающейся экономики, а революции 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война привели к коренной переоценке ценностей. Так в сравнении с 1913 г. уже к 1920 г. экономическое производство упало до 13 %. В тяжелой промышленности производство практически остановилось: стали выпускалось около 3,6 % от уровня 1913 г. [2, с. 48]. Революционные события, породившие Гражданскую войну, окончательно разрушали производства; специалисты, представлявшие инженерию, руководство и собственников заводов, фабрик, репрессированы. В результате миграции 1920-х гг. Россия потеряла много профессиональных кадров.

Процесс по так называемому «шахтинскому делу» 1928 г., в котором обвинялись во вредительстве на шахтах инженеры-специалисты, придал слову «спец», обозначавшему инженера или профессионала в какой-то области, уничижительный, презрительный оттенок, означавший недоверие… Политические репрессии, жертвами которых и впоследствии часто становились представители интеллигенции, профессионалы в разных областях производства и культуры, привели к снижению стандартов качества, а в плановой экономике предпочиталась значимость количественных показателей. Недостаток образования, профессионализма для карьерного роста часто компенсировался членством в КПСС, декларативными высказываниями на партсобраниях, подписыванием гневных писем против «врагов народа». Так формировалась часть правящей элиты, чья невысокая компетентность сказывалась во многих областях производства, особенно на внутреннем рынке товаров широкого потребления, в сфере услуг, в дефиците самого необходимого. Расслоение общества провоцировало мелкое воровство на производстве, в особенности в продуктовой сфере было много так называемых «несунов», тащивших с работы по кусочку – кто колбаски, кто маслица, кто конфеток, что потом уже обменивалось на соседские «трофеи». Были «несуны» в столовых, не только на пищевых, но и на других производствах. Так за семь месяцев 1953 г. «5305 человек привлекли к уголовной ответственности за хищения госсобственности… только на предприятиях Министерства промышленности продовольственных товаров СССР. Соответственно, масштабы хищений в торговле и промышленности в целом по стране были неизмеримо больше. Мелкие „несуны“ и крупные расхитители воровали буквально все и везде – лес, бензин, металлы и даже утильсырье, проявляя недюжинное мастерство» [3].

В результате падения конкурентоспособности товаров, производимых в СССР по отношению к импортным, в апреле 1967 г. в качестве стимула был введен знак качества, который способствовал формированию критериев и стандартов качества, но из-за отсутствия конкуренции повлиял на них незначительно [3]. Вместе с тем идеология и политика построения социального государства обеспечила доступ к бесплатному образованию широких народных масс, из рядов которых выходили талантливые инженеры, изобретатели, представители науки и культуры, оценившие новые возможности для саморазвития и служения Отечеству. Партийный контроль на производствах в сочетании с добросовестностью новой советской интеллигенции, благодарной власти за доверие, позволили не только воссоздать производства после Великой Отечественной войны, но и построить надежные основы для относительно самодостаточной экономики в условиях «железного занавеса» и слабого товарооборота с зарубежными странами. Однако унизительность партийного «одергиванья» ученых и интеллигенции, цензура в искусстве и гуманитарной сфере, тотальный дефицит привели к застою развития и новой миграции интеллигенции начиная с 1970-х гг.

Перестройка 1990-х гг., приведшая к новому болезненному упадку в сфере производства, высоким скачкам инфляции, сменой идеологии и переоценкой сложившихся в советский период ценностей, породила растерянность: вчерашние «спекулянты» стали называться предпринимателями, скупать доллары, за которые еще недавно «сажали», появились «новые русские» лавочники, некоторые из них повели себя вызывающе. Россия

снова стала утрачивать с таким трудом выращенную мораль служения и надежности. Страну наводнили потоки дешевых импортных товаров невысокого качества, массовые злоупотребления, оправдываемые «борьбой за выживание». Рекламируемые на ТВ финансовые пирамиды, криминальные разборки на улицах городов, рейдерские захваты в бизнесе, преступные сообщества в спекуляциях жилой недвижимостью, в строительстве, банковской сфере, ставшие характерным фоном новостей в этот период, расшатали и без того шаткие основания системы ценностей вследствие перехода на рельсы рыночной экономики. Однако конкурентные отношения, вызовы времени, открывшие границы для поездок за рубеж, для совместных предприятий, торговли поставили вопрос качества, деловой этики едва ли не в центр строительства производств в новейшей России. Бизнесмены освоили этикет, отказались от языка зоны. В 2002 г. была принята Хартия корпоративной и деловой этики Российского союза промышленников и предпринимателей, региональные кодексы предпринимательской этики [4].

Сегодня становится все более очевидной необходимость трудовой морали, развития профессиональных кодексов чести, трудовое воспитание молодежи. Ведь по качеству товаров и услуг судят о нравственной культуре народа, признании ценности каждого человека, его жизни и здоровья, прав, времени и комфорта, понимания важности всего этого в национальном масштабе.

Так общемировая высокая оценка и популярность японской электроники, французских сыров, индустрии моды, немецкого автопрома, пива, швейцарских часов, голландских цветов, итальянских вин и спагетти, венгерских овощей, российских космических аппаратов и зерновых свидетельствуют как о приоритетных интересах, так и о возможностях достижения народа при определенном опыте и усердии. Но эти популярные во всем мире продукты, изделия, стандарты качества – самые яркие свидетельства уважения к нации в мире, ее признания и авторитета не только и не столько у политиков, сколько у широких масс. Для каждой нации этот, разумеется, весьма поверхностный список, легко дополнить (скажем, модная продукция в Италии, хамон в Германии, сельдь в Голландии, вертолеты, автоматы Калашникова, огурчики в России).

Качество производств, их возможности в плане условий, оплаты труда, карьерных лифтов являются результатом социальных перемен, борьбы масс работников за свои права, становится важным фактором патриотизма населения и воспитывается, в том числе, также уровнем потребления товаров отечественных производителей. Так в СССР население любило свою страну, но при этом высоко ценило импортные товары. Политика переманивания, «соблазнения» лучшими возможностями для работы русских в 1920-е гг., в период распада СССР, европейцев – в послевоенное время 1940-х гг., восточных европейцев в период кризиса в странах «социалистического лагеря», в разное время – индусов, представителей азиатских стран во многом обеспечивала подъем экономики страны мигрантов – США. «И так же, как знаменитые небоскребы Манхэттена создавались руками эмигрантов из Старого Света, современная американская наука в значительной степени создана учеными из той же Европы, Китая, Японии и, разумеется, России» [5]. И если ситуация меняется, то она и определяет градус патриотизма в любой стране.

Показатели качества достигаются распространением идеологии долга и служения людям, открытости и индивидуальной ответственности каждого работника, опытом конкурентных отношений, общей атмосферой уважения всякой работы. Словами своих героев лучшие писатели подчеркивали роль трудолюбия: «Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги» [6, с. 123].

В любой стране становление профессиональной этики имеет давнюю историю, тесно связано с законодательством, регулирующим сферу производства.

В экономически развитых странах качество производств повышается с формированием корпораций, от их стандартов зависит моральный климат общества. Но наряду с этим увеличиваются и масштабы правонарушений, корпоративная преступность – присвоение имущества и активов компании. Мошенничества влияют на моральный климат, отношения с заказчиками и цену акций. В России нарушение закона в сфере бизнеса также сегодня не редкость, но с 1990-х гг. положение хотя и медленно, но меняется к лучшему. Независимыми экспертами в 2011 г. установлено, что «от экономических преступлений в России пострадало 37 % опрошенных компаний, причем каждая третья – не менее 10 раз. Это выше, чем в среднем по миру (34 %), Центральной и Восточной Европе (30 %) и в странах „Большой семерки“ (31 %). Но ниже, чем в 2009 (71 %) и 2007 (59 %) гг.» [7]. При этом наибольшие потери возникали в результате участия руководителей высшего звена.

В совокупности пренебрежение интересами потребителей, погоня за прибылью без выбо-

ра средств достижения, манипуляции на грани законности вызывают протесты, разочарование и гнев масс, которые выливаются порой в серьезные беспорядки, убытки. Так немецкая корпорация Фольксваген, бывшая одним из лидеров продаж дизельных авто в Европе и США, в 2015 г. была уличена в подделке системы проверки выхлопных газов, чтобы пройти тесты. «При реальной же эксплуатации выброс оксидов азота мог превышать установленную в США норму почти в 40 раз… В конце концов концерн признал, что разработал и установил в контроллеры дизельных машин обманывающую программу, которая определяла, когда автомобиль проходит тест на выбросы, говорится в заявлении EPA» [8]. Выявленный обман потребителей привел к потере капитализации концерна на треть и многомиллиардным убыткам. Нарушение этики в этом случае сводилось не только и не столько к обману тестового контроля, сколько к нарушениям правил безопасности для экологии и населения в целом. При этом наблюдатели отмечали: «Значение выражения „немецкое качество" потеряет ценность. Это может ударить по экономике Германии и всего Евросоюза посильнее, чем греческий кризис» [9]. Поэтому ради сохранения «лица», достоинства в глазах потребителей и партнеров концерн полностью признал вину, отказался от апелляции и согласился выплатить 1 млрд евро.

Эти традиции – безопасность, доступность, надежность, комфортность – в каждой конкретной стране достигаются разными путями. Огромную роль в становлении норм профессионального поведения играют традиции культурные, в них центральное место занимают нормы религиозной морали. Религия как одна из фундаментальных форм культуры способствует сакрализации нравственной нормы, догматически закрепляя моральную греховность ее нарушения. Все мировые религии полностью или частично признают 10 заповедей, прописанных в Ветхом Завете. Но при этом православие акцентирует внимание на жертвенности Христа, на соборности церкви, католицизм – на пришествии Его в человеческом облике, на Его одиночестве (отсюда целибат католических священников), протестантизм – на личной ответственности, долге перед Всевышним. В отношении к труду христианские культуры и близки, и различны.

Отмечают личную скромность как следствие соборности православной традиции, ее общинный характер: «В определенной мере можно говорить и о том, что глубоко религиозному русскому человеку было свойственно стесняться просить адекватную плату за свой труд. Он как бы боялся оценить его выше, проявив тем самым гордыню и жадность. Широта души не позволяла мелочно выискивать свою выгоду. Для спокойной совести, которая была важнее сиюминутной выгоды, надежнее занизить плату, отдать часть своего труда даром, как бы в подарок» [10]. В источниках подчеркивается богоугодность трудолюбия, в крестьянской среде обязательность обращения к Всевышнему перед началом работы: «Всякому делу предшествовал начал: троекратное осенение крестом, молитва» [11, с. 127]. Исследователи подчеркивают как следствие православной традиции нестяжательность русского предпринимательства, вследствие чего успешные купцы отличались особой приверженностью благотворительности, примером чего служит, например, Третьяков: «Моя идея была с самых юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях; мысль эта не покидала меня никогда во всю жизнь» (цит. по: [12]). Авторы очерков истории отечественного предпринимательства утверждают, что в начале XX в. поддержка «нового вида предпринимательства – кооперативного», становление «идеологии национального предпринимательства, опирающейся на возросший вес деловых людей в хозяйственной жизни страны… приобщение к политической», имели следствием развитие филантропического предпринимательства, подъем экономики и культуры. «Открывались больницы, приюты, ночлежные дома, учебные заведения как в столицах, так и в провинции… создание Московского коммерческого института… Народного университета им. А. Л. Шанявского… Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений, основанного Х. С. Леденцовым. Оно стояло у истоков многих научных школ» [13, с. 137–138]. Меценаты и благотворители России создавали музейные коллекции и отдавали их народу, создавали учебные заведения и поддерживали талантливое юношество, художников, артистов, музыкантов, они помогали своим землякам, бедному люду, способствуя смягчению нравов, популяризации культурных ценностей и процветанию страны. Имена П. М. Третьякова, А. М. и Д. М. Голицыных, С. Т. Морозова, С. И. Мамонтова, П. И. и С. И. Щукиных, Ю. С. Нечаева-Мальцева, С. Строганова, А. Штиглица, К. Солдатенкова – навсегда вписаны в историю России.

Возрождению отечественных традиций благотворительности и меценатства способствуют современные предприниматели В. Потанин, В. Вексельберг, А. Мамут и С. Адоньев, О. Дерипаска, А. Усманов, С. Попов, Р. Абрамович. Они

выкупают шедевры отечественного искусства, создают музеи, поддерживают творческие проекты, продюсируют гастроли выдающихся артистов часто совершенно безвоздмездно и даже анонимно [14]. В отношении стран традиционного протестантизма исследователь отмечает: «Лютер, провозгласив „спасение личной верой", и, допустив мирскую аскезу наряду с монашеской, по существу, осуществил нравственно-религиозное освящение любого труда, что нашло отражение в обосновании Ф. Бэконом научно-технического прогресса, а в педагогике Д. Локка преломилось в кодекс честного ведения дел джентльменом – в этику бизнеса» [15].

Как отмечается в современных этических исследованиях, «в Десятисловии сказано самое важное из всего, что надо знать и практиковать человеку, что определяет человечность его бытия. В этом смысле оно раскрывает тайну человека. И тайна эта состоит в том, что ни ум, ни хитрость, ни сила, ни красота и ни какие-нибудь иные антропологические свойства делают человека человеком, а его способность жить по законам, предначертанным Богом, по законам справедливости» [16, с. 85]. Вместе с тем нельзя не отметить влияние Декалога на трудовую мораль, этическую составляющую экономики, профессиональную этику. Это и распространение требований о достаточной информации о товаре и услуге, принятие требований отказа от необоснованной рекламы – что может быть расценено как требование правдивости (отказ от лжесвидетельствования), и запрет на харассмент (сексуальные домогательства в офисе), и запрет на плагиат, закрепление права собственности на марку, товарный знак как внедрение заповеди «не кради!» и множество других норм, уходящих корнями в Декалог.

В современном мире процветание является следствием продуманной стратегии профессионалов в их отношении к обществу. На смену приверженности исключительно букве закона приходит понимание необходимости осознания своей профессиональной миссии, которая понимается как «обобщенное описание предназначения и роли предприятия в экономике и обществе… обычно выражается в виде достаточно лаконичной и вместе с тем весьма емкой формулировки, отражающей представления (о) собственных возможностях предприятия, его предназначении и притязаниях» Так «Мацусита электрик продактс компани» в результате длительных обсуждений сформировала слоган о своей миссии «Быть хорошим членом промышленного сообщества; улучшать социальную жизнь людей; производить в изобилии дешевые, как вода, электробытовые приборы» [17, с. 117].

Но проблемы формирования идеологии созидания, чувства чести каждого работника, общенародного стандарта высокого качества товаров и услуг остаются. Поверхностное понимание профессиональной этики исключительно как вежливости и внешнего лоска не дает ответа на причины допущения обмана, обвеса, нарушения сроков и режима хранения товаров, безопасности предоставляемых услуг в целом, завышенных цен и мнимых скидок, вызывающих недовольство потребителей. А между тем часто именно вежливость и такие очень условные критерии, как «честность и порядочность», которые в разных ситуациях и понимаются по-разному, называются основными принципами и категориями для работников: «Какие этические принципы и нравственные категории следует признать ключевыми для сервисной деятельности… важнейшие среди них: честность и порядочность по отношению <к> окружающим; совестливость и открытость в отношениях с потребителями; уважение к их достоинству» [18, с. 13]. Об этических стандартах поведения, отстаиваемых ценностях в профессиональной сфере можно судить не только по продаваемости тех или иных товаров, услуг, востребованности производств на рынке инвестиций, но и по косвенным признакам – количеству жертв в чрезвычайных ситуациях, авариях, пожарах, в ходе боевых действий и в результате разгула стихии, средней заработной плате и режиму труда.

Сегодня важно, чтобы в разных профессиях установились общие, принятые в глобальном мире принципы работы, признаваемые социальные ценности. Этому в 2003 г. была посвящена специальная книга о профессиональной этике [19]. За истекший период многое изменилось, произошел отход от советских критериев оценки производств по принципу «чем больше, тем лучше». Сложилась конкурентная среда в производстве, в сфере обслуживания, снижается (но все еще очень высока!) аварийность на дорогах, обращается внимание на качество медицинского обслуживания.

В общем виде сегодня повсеместно востребованы приватность, недискриминация, точность и аккуратность, уважение прав собственности, профессионализм, мастерство. Они легко распознаются во всех профессиях и являются результатом не только конкурентных отношений, но и демократических перемен в современном мире.

Несмотря на многообразие задач в разных профессиях, профессиональная этика имеет общие принципы, в основе которых –

традиции, сложившиеся в медицине, в праве, в педагогике, поскольку именно в этих профессиях уже в древности особенно обращалось внимание на моральный облик профессионала. В каждой профессии реализуются определенные принципы морали, отражаемые в законах, корпоративных кодексах поведения. И все же, как представляется, флагманом развития профессиональной этики является медицина, где сформировались основные принципы, уходящие корнями в «Клятву Гиппократа». Это принципы ненанесения вреда (безопасности товаров и услуг), профессиональной тайны, конфиденциальности, информированного (осведомленного) согласия, коллегиальности, это ответственность, стремление к максимальной пользе и минимальному вреду потребителя, достоинство служения людям.

Медицина всегда была и сегодня является локомотивом культуры, поскольку человечество в целом и каждый из нас более всего заинтересованы в здоровье и продлении жизни, в улучшении ее качества, в победе над недугами. Наивысшим достижением культуры Древнего Египта была, конечно, медицина, именно медицина была сердцевиной философии в древнем Китае, медициной прославилась община основателя античной философии, давшего имя науке, – Пифагора. Сегодня медицина имеет самую разветвленную систему специализации во всем мире, в ней сопрягаются достижения других отраслей науки и техники: химии и робототехники, менеджмента и арт-терапии, компьютерных и биотехнологий. Успехи медицины поражают грандиозностью открытий, замыслов, примеров милосердного служения людям. Происходящее в ней касается каждого.

Причина влияния именно медицинской этики на стандарты поведения в других профессиях, как представляется, в том, что здесь впервые было осознаны последствия вмешательства профессионала в жизнь человека, его судьбу и ответственность за это.

Принцип «Не навреди!», а именно, «воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости» [20], объясняет связь медицинской ошибки, вреда с категорией справедливости. Здесь речь идет не только о ненанесении вреда, но и об изменении режима жизни человека, привычных ее условий, обращение к врачу – повод для его вмешательства в жизнь пациента, который ему доверился, т. е. изначально этот медицинский принцип звучит более расширительно, чем принято думать. Речь идет о выгоде (пользе) для больного, о максимальном усердии и ответственности перед пациентом (потребителем услуги), которое в совокупности является непричинением вреда. Данный принцип является общепрофессиональным, ибо речь идет о безопасности последствий, минимизировании возможности их негативного влияния, предупреждения рисков обращения к профессионалу, ведь нанести вред может и производитель сосисок, и парикмахер, и дворник.

Названный и другие общепрофессиональные принципы важны для понимания общеэтических основ профессиональной деятельности. Это философия профессии, и ее необходимо пропагандировать.

Принципы информированного (осведомленного) согласия, компетентности, коллегиальности, родившиеся в недрах медицины, также распространились на другие виды деятельности. В медицине осведомленное согласие означает право на информацию о диагнозе, последствиях лечения, прогнозе, побочных эффектах и пр. Но подобная информация необходима в любом деле, и во всем мире существует стандарт инструкций для пользователей, описание состава продуктов, времени продолжительности мероприятий. Информированное (осведомленное) согласие как принцип означает обязательность информирования потребителя, ответственность производителя за информацию, а также важность отказа от дезинформации и замалчивания информации. Так сегодня становится важным показателем профессионализма отказ от невыполнимых обещаний, необоснованных прогнозов не только в рекламе, но и в политике.

В информировании о критериях и оценках качества своей работы нуждаются и исполнители – это важный принцип этики руководителей: «отсутствие информирования сотрудников о результатах контроля делает негативные результаты контроля бесплодными, поскольку они не становятся предметом обсуждения и поэтому не дают возможности сотрудникам сделать правильные выводы» [21, с. 55].

Нарушения профессиональной этики, имеют, как правило, одни и те же причины в разных профессиях – злоупотребление невежеством или отсутствием информации у потребителя.

На каждом рабочем месте человек понимает, чему или кому он служит, при этом важно понимание не только условий роста заработка, но и сохранения «чистой совести» перед собой, потребителем, обществом. Человек каждый день что-то предлагает другим в виде результатов своего труда, он осознает, что и сам является потребителем. Один из исследователей объясняет это принципом тор-

говца: «распределение доходов и богатства зависят от добровольных поступков и взаимодействия всех участников… Полученный человеком доход причитается ему по справедливости, если он заработан благодаря добровольному обмену, в качестве вознаграждения за предложенную им ценность, размер которого определяют те, кому она предлагается… Сказанное не означает, что ценность своей личности я должен определять размером своего дохода: речь идет лишь о том, что, если я желаю жить за счет обмена с другими, я не могу требовать, чтобы они принимали мои условия, жертвуя собственными интересами» [22].

В этой связи, вероятно, в каждой профессии следует иметь в виду сначала общепрофессиональные принципы, а затем уже узко специальные. Если провести параллель с правом, которое, как полагали В. Соловьев, Г. Еллинек, является минимумом морали [23], то профессиональная этика начинается там, где завершается очерченное законом (профессиональной инструкцией) поле деятельности. Это не вопрос как действовать, если оборвались провода от урагана, а вопрос, как максимально быстро обеспечить больницу, жилье, как помочь людям и унять их тревоги.

Говоря о первичности общепрофессиональных принципов, важно иметь в виду, что они облегчают работнику план действий: в первую очередь важно знать, что может причинить вред потребителю, а потом уже прибыли, бизнесу, начальству, самому работнику. Есть профессиональные компетенции, наряду с ними есть общеэтические принципы. Они должны быть понятны работодателю, а им разъяснены работнику, вне зависимости от его личных качеств, т. е., как писал А. Ф. Кони, «одно внутреннее убеждение, не стесненное обязательными правилами или формальными указаниями, не может, однако, обеспечить справедливости решений» [24].

Для России идея служения людям в своей профессии сегодня особенно актуальна. Труд как выполнение долга, забота о последствиях сделанного, о качестве и надежности, соблюдении прав и создании благоприятных условий для жизни людей вполне может рассматриваться как национальная идеология, внедряться в корпоративную культуру и отношения. Благополучие всех и каждого может и должно опираться на взаимное уважение и ответственность, равенство всех не только перед законом, но и перед моральной обязанностью быть гражданином и ответственным человеком на своем рабочем месте.

Список литературы

1. Когда в СССР появился знак качества и как это происходило // Вопросы СССР. 2012–2018. URL: https: // ussrvopros. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

2. Буфетова Л. П. Состояние и проблемы экономики России на рубеже XIX–XX в. // Эко: всерос. экон. журн. 2017. № 11. С. 47–61.

3. Несуны в СССР и борьба с ними // Назад в СССР. 2018. № 5. URL: https: // back-in-ussr. com (дата обращения: 26. 11. 2018).

4. Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: https: // рспп. рф (дата обращения: 26. 11. 2018).

5. Наука под контролем. Почему США переманивают к себе лучших ученых мира // Аргументы и факты. 2014. 23 апр. URL: https: // aif. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

6. Чехов А. П. Три сестры: драма в четырех действиях // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т.: сочинения: в 18 т. Москва: Наука, 1978. Т. 13: Пьесы, 1895–1904. С. 117–188.

7. Сухаренко А. Корпоративная преступность в России. URL: https: // WiseLawyer. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

8. Оверченко М., Анисимов Г., Виноградова Е. Как один Volkswagen может похоронить все дизельные автомобили // Ведомости. 2015. 28 сент.

9. Беспрецедентный скандал с Volkswagen нанес удар по лидеру мирового автопрома // Новое время. 2015. 2 окт., № 36. URL: https: // nv. ua (дата обращения: 26. 11. 2018).

10. Коваль Т. Б. Православная этика труда. URL: https: // cyberleninka. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

11. Бернштам Т. А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянский среде, XIX – начало XX в. // Этнические стереотипы поведения. Ленинград: Наука, 1985. С. 120–147.

12. Юденкова Т. Неустанное служение: к истории коллекции Павла Михайловича Третьякова // Наше наследие. 2006. № 78. URL: https: // nasledie-rus. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

13. Кузьмичев А. Д., Шапкин И. Н. Отечественное предпринимательство: очерки истории. Москва: Прогресс-академия, 1995. 185 с.

14. Крупнейшие меценаты современной России. URL: https: // iveinternet. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

15. Акиндинова Т. А. Опыт эстетической аналитики социокультурного ритма в истории: различие и повторение // Серия «Symposium» . Социальная аналитика ритма: сб. материалов конф. Санкт-Петербург: С.-Петерб. филос. о-во , 2001. Вып. 13. С. 7–16. URL: http: // anthropology. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

16. Гусейнов А. А. Великие моралисты. Москва: Республика, 1995. 512 с.

17. Клейнер Г. Б. Сущность и структура стратегии предприятия // Соврем. конкуренция. 2008. № 6 (12). С. 114–130.

18. Аванесова Г. А. Сервисная деятельность: историческая и современная практика, предпринимательство, менеджмент: учеб. пособие для студентов вузов. Москва: Аспект пресс, 2004. 318 с.

19. Протанская Е. С. Профессиональная этика: моральная пропедевтика делового поведения. Санкт-Петербург: Алетейа, 2003. 288 с.

20. Клятва Гиппократа. URL: https: // national-travel. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

21. Мишаткина Т. В. Педагогическая этика: учебник. Ростов-на-Дону: Феникс; Минск: ТетраСистемс, 2004. 304 с. URL: https: // simfstud. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

22. Нравственность капитализма: то, о чем вы не услышите от преподавателей / под ред. Т. Дж. Палмера; пер. с англ. М. Коробочкина. Москва: Новое изд-во, 2012. 138 с. URL: https: // economylit. online (дата обращения: 26. 11. 2018).

23. Братусь Д. Мораль и право: сущностные противоречия категорий // Юрист. 2011. № 12. URL: https: // journal. zakon. kz (дата обращения: 26. 11. 2018).

24. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе: общие черты судебной этики. URL: https: // Lib. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

References

1. When quality mark appeared in USSR and how it happened. *Questions of USSR*. 2012–2018. URL: https: // ussrvopros. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

2. Bufetova L. P. State and problems of Russian economy at turn of 19–20th century. *Eko: all-Russ. econ. j*. 2017. 11, 47–61 (in Russ.).

3. Pilferers in Soviet Union and fight against them. *Back in USSR*. 2018, 5. URL: https: // back-in-ussr. com (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

4. Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. URL: https: // rspp. rf (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

5. Science under control. Why US is poaching best scientists in world. *Argumenty i fakty*. 2014. Apr. 23. URL: https: // aif. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

6. Chekhov A. P. Three sisters: drama in four acts. *Chekhov A. P. Complete works and letters*: in 30 vol.: works: in 18 vol. Moscow: Nauka, 1978. 13: Plays, 1895–1904, 117–188 (in Russ.).

7. Sukharenko A. Corporate crime in Russia. URL: https: // WiseLawyer. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

8. Overchenko M., Anisimov G., Vinogradova E. How can one Volkswagen bury all diesel cars. *Vedomosti*. 2015. 28 сент. (in Russ.).

9. Unprecedented scandal with Volkswagen struck blow to leader of global automotive industry. *Novoe vremya*. 2015. 2 окт., № 36. URL: https: // nv. ua (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

10. Koval' T. B. Orthodox ethics of work. URL: https: // cyberleninka. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

11. Bernshtam T. A. Weekdays and holidays: behavior of adults in Russian peasant environment, 19th – early 20th century. *Ethnic stereotypes of behavior*. Leningrad: Nauka, 1985. C. 120–147 (in Russ.).

12. Yudenkova T. Relentless service: to history of Pavel Mikhailovich Tret'yakov collection. *Nashe nasledie*. 2006. 78. URL: https: // nasledie-rus. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

13. Kuz'michev A. D., Shapkin I. N. Domestic entrepreneurship: essays on history. Moscow: Progress-akademiya, 1995. 185 (in Russ.).

14. Main patrons of modern Russia. URL: https: // iveinternet. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

15. Akindinova T. A. Aesthetic experience of analytics of sociocultural rhythms in history: difference and repetition. *Series «Symposium». Social intelligence rhythm*: proc. of conf. Saint Petersburg: Saint Petersburg Philos. Soc., 2001. 13, 7–16. URL: http: // anthropology. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

16. Guseinov A. A. Great moralists. Moscow: Respublika, 1995. 512 (in Russ.).

17. Kleiner G. B. Essence and structure of enterprise strategy. *Sovremennaya konkurentsiya*. 2008. 6 (12), 114–130 (in Russ.).

18. Avanesova G. A. Service activities: historical and modern practice, entrepreneurship, management: textbook for univ. students. Moscow: Aspekt press, 2004. 318 (in Russ.).

19. Protanskaya E. S. Professional ethics: moral propaedeutics of business behavior. Saint Petersburg: Aleteia, 2003. 288 (in Russ.).

20. Hippocratic oath. URL: https: // national-travel. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

21. Mishatkina T. V. Teaching ethics: textbook. Rostov on Don: Feniks; Minsk: Tetra Sistems, 2004. 304. URL: https: // simfstud. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

22. Palmer T. G. (ed.); Korobochkin M. (transl.) Morality of capitalism: what your professors won't tell you. Moscow: New publ. house, 2012. 138. URL: https: // economylit. online (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

23. Bratus' D. Morality and law: essential contradictions of categories. *Yurist*. 2011. 12. URL: https: // journal. zakon. kz (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

24. Koni A. F. Moral principles in criminal proceedings: general features of judicial ethics. URL: https: // Lib. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

УДК 341.232.7(470+540)"1950/1960"

О. С. Сапанжа

Образы Индии в советской повседневной культуре 1950–1960-х гг.

Современная культурология значительное внимание уделяет исследованиям в области повседневной культуры. Одним из важных аспектов структуры повседневности является система образов и представлений о других культурах. В связи с этим большой интерес представляет проблема формирования представлений о других странах в советский период. С 1947 г. в орбиту повышенного внимания СССР попадает Индия, начинается процесс интенсивного знакомства советских граждан с культурой Индии. В статье представлены основные пути формирования образа Индии в пространстве советской массовой культуры различными средствами: кино и телевидения, музыки, декоративного искусства, периодической печати, публикацией специальных изданий, появлением товаров массового спроса. Итогом стало формирование целостного представления о крупнейшем некоммунистическом партнере СССР у советских граждан.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, советская культура, повседневная культура, культурная политика, Индия, советско-индийские связи

Ol'ga S. Sapanzha

Images of India in Soviet everyday culture of 1950–1960's

Everyday culture is a significant section of modern cultural studies. One of the important aspects of the structure of everyday life is the system of images and ideas about other cultures. Accordingly, the problem of forming ideas about other countries during the Soviet period is of great interest. Since 1947, India is of great importance for the Soviet Union, the process of increasing the information of Soviet citizens with the culture of India began. The main ways of forming the image of India in the space of Soviet mass culture by various means are named in the article. Elements are cinema and television, music, decorative art, periodicals, the publication of special editions, the emergence of mass-market goods. The formation of the idea of the largest non-Communist partner of the USSR among Soviet citizens was the result of this process.

Keywords: multicultural communication, soviet culture, everyday culture, cultural policy, India, Soviet-Indian relations

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-22-27

История советско-индийской дружбы берет свое начало весной 1947 г., когда Индия установила дипломатические отношения с Советским Союзом. Это произошло после того, как 20 февраля 1947 г. премьер-министр Великобритании Клемент Эттли заявил, что британское правительство предоставит Индии независимость. Полную независимость Индия получила 15 августа 1947 г., однако уже в апреле временное правительство Индии заявило о решении обменяться дипломатическими миссиями на уровне посольств с Советским Союзом, а 5 августа в связи с открытием первой дипломатической миссии за рубежом в Москву прибыла Виджаи Лакшми Пандит – первый посол Индии в СССР [1, с. 614].

Этапы стратегического партнерства двух стран, кульминацией которого стало подписание Договора о мире, дружбе и сотрудничестве 9 августа 1971 г. [2, с. 3–4], достаточно хорошо известны. Менее известна история взаимопроникновения культур и формирование взаимных представлений о культурах Индии и Светского Союза до 1971 г. Именно последний аспект – система знаний об Индии у рядового советского человека представляет особый интерес в связи с развитием научных исследований повседневности, в которых обыденные явления рассматриваются «сквозь призму феноменологии культуры» [3, с. 78–79]. В рамках таких исследований фокус смещается с истории официальных политических отношений и межгосударственного сотрудничества в области науки и культуры к изучению структуры обыденных представлений о культуре стран, имевших значение для Советского Союза.

Таким образом, изучение проблемы формирования представления об Индии в пространстве советской повседневной культуры является актуальной для современной культурологии.

Советскому человеку 1950–1960-х гг. достаточно хорошо было известно, что Индия стала важным стратегическим партнером советского государства. Более того, к 1960-м гг. Индия стала самым крупным некоммунистическим торговым партнером СССР [1, с. 621]. К этому времени у со-

ветских людей сложилось определенное представление о культуре Индии, которое формировалось, в основном, двумя путями: средствами массовой информации и путем включения товаров промышленного производства в пространство повседневной культуры.

Формирование комплекса представлений об индийской культуре шло очень быстрыми темпами, особенно с учетом того, что до 1947 г. представление об Индии у рядовых советских граждан было весьма размытым. Особенно мало было визуальной информации. Основным источником сведений о Британской колонии – Британской Индии были небольшие книжки-брошюры из серий «Библиотека рабочей молодежи» (1925), «Революционное движение в странах капитала» (1928, 1930), «Классы, партии и союзы молодежи мира» (1930), «Капиталистический мир» (1940). «В помощь преподавателю дивизионной школы партийного актива» (1946).

В качестве типичного пассажа, открывающего рассказ об Индии 1920–1930-х гг. в подобных изданиях, можно привести следующий: «Индия. Страна чудес. Страна сказочных богатств и неведомых тайн. Родина факиров и йогов. Лучшая жемчужина в короне его величества короля Великобритании и короля Индии. Страна, где царствует и грабит капитал… Самая бедная страна в мире, где голодает 25 % населения, где за один 1918 г. умерло от голода и болезней 15 миллионов человек, а средняя продолжительность жизни индийца не превышает 23 лет» [4, с. 1].

Структура таких научно-популярных изданий практически идентична, включает «историю закабаления Индии Англией, описание экономического положения страны, государственного устройства и национально-освободительной борьбы индийского народа» [5, с. 1]. Помимо сведений о географическом, политическом, экономическом положении Индии, в подобных книгах-брошюрах неизменно высказывалась уверенность в коммунистическом будущем Индии, созданном массами «эксплуатируемых рабочих, крестьян и угнетенных париев, которые стремятся сейчас, помимо всех кастовых и иных перегородок, установить союз борьбы с революционным пролетариатом всего мира» [4, с. 108]. М. Ганди и его «сумбурная идея непротивления» [6, с. 31], «по существу реакционная теория» [7, с. 61], осуждались, а надежды возлагались на молодую компартию Индии, которая «находится в глубочайшем подполье… а завтра будет призвана руководить движением миллионов, чтобы смести с лица индийской земли как английских, так и своих, туземных эксплоататоров (орфография по цитируемой книге. – *О. С.*)» [6, с. 31]. Постоянным лейтмотивом подобных брошюр была идея о грядущих революционных потрясениях в Индии: «рабоче-крестьянская масса пришла в мощное движение. Уже задрожали устои британского владычества в Индии. Великая борьба продолжается. Решающие революционные бои – еще впереди» [8, с. 32].

Тиражи таких брошюр были не очень значительными – несколько тысяч экземпляров. Например, брошюра Г. Кочарьянца из серии «Классы, партии и союзы молодежи мира» (1930) была издана тиражом 10 155 экз., а книга Е. Штейнберг из серии «Библиотека рабочей молодежи» (1925) – 5000 экз., книга А. Пронина в 1940 г. вышла тиражом 10 000 экз. В основном эти издания были ориентированы на руководителей организаций различного уровня (комсомольских ячеек, заводских коллективов и т. д.) и представляли собой свод информации для политзанятий по революционному движению в странах капитала.

Книги об Индии продолжали выходить и в годы Второй мировой войны, причем тиражи увеличивались (книга С. Мельмана «Индия» (1943) вышла тиражом 20 000 экз.), а в структуре появился раздел об участии Индии в Войне [9, с. 114–118]. В этот период книги начали выходить под эгидой научно-исследовательских институтов (например, Института мирового хозяйства и мировой политики, как книга С. Мельмана, или Академии наук СССР, как книга А. Дьякова – последняя книга о «самой крупной колонии, которая когда-либо существовала» [10, с. 3]). Отметим, наконец, что все перечисленные издания не имели иллюстративного материала (даже обложка не содержала какой-либо картинки, лишь в некоторых книгах была «вклейка» – карта Индии), что затрудняло формирование визуальных представлений об этой стране.

Это не означает, что образы Индии не были представлены в пространстве культуры. Отдельные произведения прикладного искусства 1920–1930-х гг. были посвящены этой стране. Например, в 1921 г. было создано блюдо «Индия» (роспись В. П. Тиморева), на котором советский солдат с реющим революционным знаменем шагает над городами и горами Индии навстречу воинам-стражникам и индийским йогам. В 1920–1930-е гг. на Дмитровском фарфоровом заводе в Вербилках выпускали статуэтку «Индус» из серии «Народы России», которая выходила на заводе Гарднера с 1870-х гг. (статуэтка была сделана по старым моделям царской России, но уже с новыми клеймами). Однако подобные произведения не имели значительного тиража и не могли сформировать массового представления о природе, городах и населении Индии.

Все меняется после 1947 г. После провозглашения независимости и установления дипломатических отношений между Индией и СССР, в период 1950–1960-х гг. предпринимаются значительные усилия по созданию позитивного образа Индии и утверждению идеи горячей дружбы между народами.

Важнейшей составляющей формирования этого образа были телевизионные репортажи: под восторженное скандирование «Хинди-руси бхай-бхай!» («Иниидийцы и русские – братья!») Джавахарлала Неру встречали в Москве (лето 1955 г.), а Никиту Хрущева – в Дели (осень 1955 г.). Рассказы об этих визитах транслировались по Центральному телевидению (с 1 января 1955 г. телевидение СССР вещало ежедневно) и формировали первые представления о новой дружественной стране.

Не меньшее значение имели публикации. Помимо того, что в книги об Индии отныне включали фотографический материал (например, фото «Индийский школьник», «Переноска груза на голове – обычное явление в Индии» «На улицах Бомбея», «Уборка риса» и т. д.), фотографии публиковались в наборах открыток и в массовых периодических изданиях, которые издавались значительными тиражами. На протяжении 1950–1960-х гг. практически в каждом номере журнала «Огонек» можно обнаружить заметки о взаимных визитах политических деятелей СССР и Индии, культурных событиях, искусстве. Большая статья «Индийцы и русские – братья» и фотографии пребывания Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Индии в ноябре 1955 г. были представлены в «Огоньке» сразу (Огонек: еженед. обществ.-полит. и лит.-худож. журн. 1955. № 48 (1485), 27 нояб. С. 3), а на красочных разворотах «Огонька» за февраль 1956 г. представлены Н. А. Булганин, Д. Неру и Н. С. Хрущев в лагере детской организации скаутов в Дели, восторженное приветствие советской делегации в городе Сринагара в Кашмире, посещение культурных объектов в Бирме (Огонек. 1956. № 8 (1497), 19 февр. Цвет. вклейки).

Постоянной стала рубрика «Сокровища Индии», в которой публикуются заметки о традиционных ремеслах. На красочных разворотах появляется рубрика «Искусство великого народа», в которой можно увидеть в цвете сами произведения, например, «Танцующий Шива» (сандаловое дерево, Майсур) или декоративное блюдо с изображением Кришны – бога весны и его невесты Радхи из Хайдарабада (Огонек. 1956. № 2 (1491), 8 янв. Цвет. вклейки).

Важное место занимают публикации, посвященные современному изобразительному искусству. Помимо постоянной рубрики «Художники Индии», в «Огоньке» печатаются очерки советских художников, посетивших Индию, и публикуются репродукции их работ. Например, в апрельском номере 1953 г. вышла заметка художника В. П. Ефанова «Глазами очевидца», а на разворотах представлена серия его работ «Народные типы Индии» (девушка-кули, индиец-чиновник, старый индиец в красной чалме, индиец-рабочий, сидящий мусульманин и т. д.), созданных во время посещения Индии в конце 1951 г. (Огонек. 1953. № 14 (1347), 5 апр. С. 14, цвет. вклейки).

В 1955 г. вышла книга А. М. Герасимова «Путевые этюды по Индии», созданная во время путешествия по Индии в начале 1954 г. Однако ранее, в июне 1954 г. «Огонек» публикует путевые заметки художника и некоторые из работ: портреты индийцев (Д. Неру, шофера, пилигримма, художника, девочки, танцовщиц), виды городов (Бомбея, Бенареса) и деревень (Огонек. 1954. № 22 (1410). 20 июня. С. 16–17, цвет. вклейки).

На страницах рубрики «Индийские записки» можно обнаружить отчеты о путешествиях в Индию – опять с красочными «вклейками». Например, в августовском номере 1955 г. приведены десять фотографий Агры и Джейпура, на обложке журнала помещена фотография Тадж-Махал (Огонек. 1955. № 34 (1471). 21 авг. Обл., цвет. вклейки).

Не меньшее значение для формирования образа Индии имели публикации нот и текстов песен, посвященных советско-индийской дружбе. Например, в «Огоньке» за 1956 г. (№ 2 (1491), 8 янв. С. 26) можно найти текст «Песни Братства» (слова А. Суркова, музыка М. Табачникова) с такими строками:

Миру мир! К высокой цели
Нас зовут Москва и Дели.
И летит из края в край:
– Хинди, руси – бхай, бхай!

Тут же приводятся ноты для музыкального сопровождения. Исполненная в школе или детском саду песня моментально становилась частью повседневной культуры, а лозунг «Хинди, руси – бхай, бхай» становился частью массового представления о дружбе народов СССР и Индии.

Еще одной важнейшей составляющей в процессе формирования образа Индии у советских граждан было кино. Так, например, снятый в 1951 г. фильм «Бродяга» был показан в СССР в 1954 г. После премьеры фильм четыре раза выпускался в советский кинопрокат:

в 1959, 1965, 1977 и 1985 гг., став третьим зарубежным фильмом по количеству посещений: фильм посмотрели более 63 млн зрителей. На долгие годы Радж Капур становится самым узнаваемым актером индийского кино. На страницах журнала «Советский экран» постоянно появляются публикации о звездах индийского кино. Наргиз и Радж Капур посещают Советский Союз, очереди за билетами на фестивали индийских фильмов были огромными.

В Советском Союзе, в свою очередь, снимали документальные фильмы об Индии и важнейших представителях индийской культуры. Так, например, в 1961 г. в год празднования 100-летия со дня рождения Рабиндраната Тагора, был снят документальный фильм, выпущена специальная юбилейная марка. В 1955–1957 гг., накануне юбилея, вышло восьмитомное собрание сочинений Рабиндраната Тагора. Интерес к фигуре Р. Тагора был вызван не только значимостью фигуры лауреата Нобелевской премии, но и тем, что в 1930 г. Рабиндранат Тагор посетил Советский Союз.

Также для формирования комплекса представлений об индийской культуре большое значение имели периодические издания, посвященные непосредственно Индии, с которыми мог познакомиться советский человек. Их тираж и влияние на массовое представление об Индии было не столько значительно, но они, тем не менее, занимали важное место в системе информации об индийской культуре. В 1961 г. Институт народов Азии Академии наук СССР издал реферативный журнал «Индия», однако важнейшим периодическим изданием стал ежеквартальный журнал «Индия» – иллюстрированное издание посольства Индии в Советском Союзе. В 1964 г. вышел только один номер журнала, но впоследствии каждый год выходило четыре номера (вплоть до 1993 г., когда на смену журналу «Индия» пришел журнал «Индия. Перспективы»). Журнал «Индия» был изданием, целиком посвященным истории и культуре Индии. Помимо стратегически важных публикаций о взаимных визитах лидеров стран, биографий политических деятелей Индии, в журнале были статьи о природе и культуре Индии, о традиционном искусстве, кинематографе, произведения современных индийских писателей и поэтов. Важно отметить, что журнал издавался с достаточно большим количеством цветных иллюстраций. В рубрике «Нам пишут» читатели отмечали: «О своевременности создания журнала свидетельствует тот факт, что первые два его номера были сразу же раскуплены. Интерес советских людей к истории, древней культуре и современной жизни индийского народа огромен. Журнал оформлен с большим вкусом, в нем много красочных фотографий, материал подобран интересно и живо и имеет большое познавательное значение» (1965. № 2. С. 38).

Отдельные рубрики знакомили советского читателя с практиками йоги и индийского танца. Рубрика «Упражнения по системе йогов» с фотографиями асан, их названиями и пояснениями велась в журнале на протяжении нескольких лет. Многие советские граждане именно на страницах этого журнала узнали о системе индийских йогов. Похожие периодические рубрики были посвящены индийскому танцу и индийской кухне. На страницах журнала можно было найти рецепты мяса с соленым картофелем, лепешек чапати, омлета карри и других блюд. Подобное включение элементов повседневной индийской жизни в пространство советской повседневности имело исключительно важное значение для формирования комплекса представлений о стране с иным культурным укладом.

Особый интерес представляли конкурсы, которые объявлялись на страницах журнала для широкого круга советских читателей и отдельных групп (например, школьников или женщин). Так, в 1967 г. общество советско-индийских культурных связей и индо-советское культурное общество объявило на страницах журнала конкурс для советских женщин. Среди объявленных премий значились мраморная модель Тадж-Махала (первая премия), статуэтка из слоновой кости (вторая премия), шелковое сари (третья премия), гранатовое ожерелье (четвертая премия), набор кукол в национальных индийских костюмах (пятая премия) и пять поощрительных премий (индийские шелковые платки). Чтобы побороться за призы, участницы должны были ответить на двадцать шесть вопросов по индийской истории и культуре (например, таких: назовите имена двух индийских женщин – лауреатов Международной Ленинской премии мира, перечислите индийских актрис, посетивших Советский Союз).

Если телевидение и периодическая печать играли основную роль в формировании образа Индии у рядового советского человека 1950–1960-х гг., то вспомогательную роль играли индийские товары массового потребления, которые поступали в СССР. Установление стратегического партнерства предполагало развитие товарооборота, и, действительно, Индия стала самым крупным некоммунистическим торговым партнером СССР: если

в 1953 г. товарооборот между обеими странами составлял 1,6 млн долларов, то в 1958 г. он достиг почти 100 млн долларов. Индийский импорт из СССР к этому году составил 2,5 % всего импорта Индии и 4,2 % всего ее экспорта, а к 1965 г. эти цифры выросли до 6 % и 11,5 % соответственно [1, с. 621]. Товары индийского производства стали важной частью пространства повседневности жителей Советского Союза. Во-первых, это знаменитый индийский чай. «Чай со слоном» (в котором доля, собственно, индийского чая не превышала 1/3) стал одним из самых заметных символов эпохи, а пачка, на которой был изображен стилизованный слон и погонщик (дизайн пачки был разработан в 1967 г., в продажу чай поступил в начале 1970-х гг.) – одним из самых узнаваемых советских брендов. В более ранний период (1950–1960-е гг.) советский покупатель мог приобрести товары индийской легкой промышленности. Достаточно популярными были дамские сумочки, производившиеся в Индии: черные с небольшими металлическими украшениями или оформленные вышивками золотыми нитями, они стали частью праздничного костюма для похода в гости или театр.

Наконец, важной составляющей процесса формирования образа Индии были произведения декоративного промышленного искусства, которые становились частью советского интерьера. Речь, прежде всего, идет о фарфоре. Сами фарфоровые произведения, благодаря значительным тиражам и сложению системы образов, понятных массовому зрителю (вожди, спортсмены, дети, сказочные персонажи и т. д.), стали обязательными элементами советского жилища. Неудивительно, что образы Индии нашли отражение в фарфоровой пластике, а статуэтки индийцев украсили советские дома. Среди самых известных произведений стоит назвать работы скульптора Ольги Сергеевны Артамоновой (1926–2006), выполненные на Дмитровском фарфоровом заводе в Вербилках в 1950-е гг. Это статуэтка-миниатюра «Индиец с барабаном» (фарфор, высота 7 см) и статуэтка «Индианка» (фарфор, высота 15,5 см).

В 1955 г. на фарфорово-фаянсовой фабрике в Риге Хачатур Мартиросович Искандарян (1923–2015) создает статуэтку «Джавахарлал Неру» (фарфор, высота 26 см), а в 1957 г. в серии «Танцоры» – статуэтку «Индийский танец» (фарфор, высота 22,5 см). На этом же заводе в 1955 г. О. А. Артамонова выполнила не вышедшую в тираж статуэтку «Индианка». В 1957 г. на фарфорово-фаянсовой фабрике «Красный фарфорист» в Чудово скульптором Татьяной Дмитриевой Самойловой была выполнена статуэтка «Индира Ганди и пионеры» (фарфор, 37 см), на Киевском экспериментальном керамико-художественном заводе скульптором Оксаной Леонтьевной Жникруп (1931–1993) были выполнены статуэтки «Индианка с жерновами» (фарфор, высота 13 см) и «Индийский танец» (фарфор, высота 19 см). Статуэтка «Индира Ганди с пионерами» представляет особой интерес – это одно из немногих изображений политических лидеров в сюжетных сценах. Поводом для создания этого произведения послужил, по-видимому, визит Джавахарлала Неру и его дочери Индиры Ганди в СССР в июне 1955 г. За время продолжительного визита, продолжавшегося несколько недель, премьер-министр Индии и его дочь посетили более двадцати советских городов. Т. Самойлова запечатлела момент встречи Индиры Ганди с пионерами: будущий лидер Индии – в традиционном индийском сари, девочка-пионерка держит в руках цветы, а мальчик повязывает Индире Ганди на шею красный пионерский галстук.

Стоит отметить, что советский фарфор очень быстро отзывался на актуальные темы, и появление целой серии образов индийцев в фарфоре – важный показатель общего интереса к культуре Индии в 1950–1960-е гг.

Таким образом, в период с 1947 по 1971 г. в советской повседневной культуре было сформировано представление об Индии, ее культуре, традициях и обычаях. Параллельно с развитием политических контактов шел процесс восприятия Индии на уровне обыденного сознания (облика городов, частного пространства, особенностей кухни, костюма, организации повседневной жизни). Похожие процессы шли в восприятии стран-партнеров и стран социалистического лагеря. Так, после китайской революции и провозглашения Китайской Народной Республики теми же путями (публикации в периодической печати, издание специального периодического издания, появление товаров промышленного производства) шло знакомство с китайской культурой и жизнью Китая. Отметим, что исследований включения образов китайской культуры в советскую повседневность, нет, а, учитывая интерес современной культурологии к феномену повседневности, подобные работы могут стать важной частью историко-культурологических исследований и существенно обогатить представление о механизмах формирования образов другой культуры в обыденном сознании.

Список литературы

1. Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. История Индии, XX в. Москва: Ин-т востоковедения РАН, 2010. 920 с.

2. Братчиков С. В. Советско-индийские научные и культурные отношения в 1971–1991 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Москва, 1995. 21 с.

3. Сапанжа О. С. Культура в пространстве повседневности: представление об Индии у советского человека 1950–1960-х гг. // India and Russia: cross-cultural synergies intern. conf. / Univ. of Delhi, Dep. of Slavonic and Finno-Ugrian studies. Delhi: Univ. of Delhi, 2018. P. 78–79.

4. Штейнберг Е. Индия / под ред. Т. Паскаля. Москва: Новая Москва, 1925. 108 с.

5. Пронин А. Индия. Москва: Соцэкгиз, 1940. 132 с.

6. Бартенев О. Индия. Москва: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1928. 31 с.

7. Кочарьянц Г. Индия. Москва: Молодая гвардия, 1930. 62 с.

8. Али М. Индия. Москва: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1930. 32 с.

9. Мельман С. Индия. Москва: Госполитиздат, 1943. 121 с.

10. Дьяков А. Индия / под общ. ред. А. Губера; Акад. наук СССР, Тихоокеан. ин-т. Москва: Воен. изд-во М-ва вооружен. сил СССР, 1946. 41 с.

References

1. Yurlov F. N., Yurlova E. S. History of India, 19th century. Moscow: Inst. of Oriental Studies of Russ. Acad. of Sciences, 2010. 920 (in Russ.).

2. Bratchikov S. V. Soviet-Indian scientific and cultural relations in 1971–1991: abstr. of dis. on competition of sci. degree PhD in history. Moscow, 1995. 21 (in Russ.).

3. Sapanzha O. S. Culture in space of everyday life: idea of India in Soviet Union in 1950–1960's. *India and Russia: cross-cultural synergies intern. conf.* / Univ. of Delhi, Dep. of Slavonic and Finno-Ugrian studies. Delhi: Univ. of Delhi, 2018. 78–79 (in Russ.).

4. Shteinberg E.; Paskal' T. (ed.) India. Moscow: Novaya Moskva, 1925. 108 (in Russ.).

5. Pronin A. India. Moscow: State publ. house of socio-economic lit., 1940. 132 (in Russ.).

6. Bartenev O. India. Moscow: Publ. house of Central Com. of USSR Intern. Organization of Assistance to Fighters of Revolution, 1928. 31 (in Russ.).

7. Kochar'yants G. India. Moscow: Molodaya gvardiya, 1930. 62 (in Russ.).

8. Ali M. India. Moscow: Publ. house of Central Com. of USSR Intern. Organization of Assistance to Fighters of Revolution, 1930. 32 (in Russ.).

9. Mel'man S. India. Moscow: State publ. house of political lit., 1943. 121 (in Russ.).

10. D'yakov A.; Guber A. (ed.) India / USSR Acad. of Sciences, Pacific Inst. Moscow: Military publ. house of USSR Ministry of Armed Forces, 1946. 41 (in Russ.).

УДК 316. 733:32(477.75)

В. А. Радзиевский

Украинская культура и «русская мозаика»

Анализируются современные реалии в культурном пространстве Украины, учитывая текущую культурную политику, аксиологические приоритеты и попытки исказить культурный код вследствие украинизации, попыток пересмотреть историю, сменить многие идеалы, ценности, образы и смыслы, приоритеты, навязывая непривычные оценки прошлого (событий, героев и т. д.) и модели для будущего. Эти вопросы стали актуальными в связи с изменением ментальной парадигмы, сопровождающейся общественными трансформациями и социокультурными изменениями в условиях постсоветской Украины. В работе рассматриваются этические позиции, объективность, моральность и честность в контексте изложения истории и культурологии. В нынешних культурологических рефлексиях в культурно-историческом дискурсе Украины исследованы проблемы культуры Украины второй половины второго десятилетия XXI в. на фоне напряженной обстановки в стране. Также сделаны экскурсы в прошлое, отмечены тенденции и спрогнозировано будущее.

Ключевые слова: культура, культурное пространство Украины, культурный код, когнитивный диссонанс, украинизация, культурная политика, субкультуры

Vitalii A. Radzievskii

Ukrainian culture and «Russian mosaic»

The article analyzes contemporary realities in the cultural space of Ukraine, taking into account the current cultural policy, axiological priorities and attempts to distort the cultural code due to Ukrainization, attempts to revise history, to change many ideals, values, images and meanings, priorities, imposing unusual assessments of the past (events, heroes and etc.) and models for the future. These issues became relevant in connection with the change in the mental paradigm, accompanied by social transformations and socio-cultural changes in the conditions of the post-Soviet Ukraine. The ethical positions, objectivity, morality and honesty in the context of the exposition of history and cultural studies are raises. In the current culturological reflections in the cultural and historical discourse of Ukraine, the problems of Ukrainian culture of the second half of the second decade of the 21st century are considered against the background of the tense situation in the country. Also, excursions to the past are made, tendencies are noted and the future is predicted.

Keywords: culture, cultural space of Ukraine, cultural code, cognitive dissonance, ukrainization, cultural policy, subcultures

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-28-34

До конца 2018 г. Министерство образования и науки Украины предлагает реформировать правописание [1]. Согласно недавнему исследованию Центра Разумкова, украинский язык называют родным порядка 70 % жителей страны, а 55 % используют его в бытовом и семейном общении. «Никогда ранее за всю историю независимой Украины эта цифра не достигала даже 50 %» [1]. Эксперты отмечают, что в последнее время количество украиноязычных детей резко выросло: с 2014 г. «процент детей, которые понимают украинский язык, вырос до 100 %, т. е. если раньше многие дети до 5-го класса могли не понимать какие-то слова, то сегодня понимают абсолютно все и все. Если же говорить о детях пяти-шести лет, то сегодня абсолютное большинство говорит на украинском» [1].

Цель стара: «формирование украинской политической нации» (глава МИД П. Климкин) [2]. На презентации книги «Украина – не Россия» в 2003 г. Л. Кучма сказал: «У нас на повестке дня стоит задача: создать украинца» [3]. Для удаления от Москвы поднимают и вопрос «латинизации». В 2018 г. известно не менее 19 проектов «латинки» для украинского языка. Латинская транслитерация была утверждена Кабмином официально еще в 2010 г. Аргумент – кириллица используется лишь в 11 странах. На сайте петиций президента Украины было немало ходатайств. Так, А. Чернявский использовал транскрипцию Кабмина для обеспечения массового перехода населения на украинский язык , укрепления курса евроинтеграции и использования латинской азбуки во всех учебных заведениях.

Есть мнение, что в учебных заведениях происходит «поборизация»: по словам родителей – «мы платим даже за воду для детей, туалетную бумагу и курсы для учителей» [4, с. 1], а учителя констатируют: «работа школы без родительской помощи пока невозможна» [4, с. 4].

Цель статьи – исследование влияния негативных тенденций в отдельных культурфилософских дискурсах при трансформации культурного кода Украины и поиск решений для преодоления деструктивов.

Среди ученых, изучающих историю и культуру Украины, выделяются объективные исследователи (П. Толочко, Г. Ивакин, А. Моця, А. Толочко, В. Король, В. Орленко, Н. Щербак, Н. Сенченко и др.), чьи позиции мы и будем учитывать.

Этноконфессиональный вопрос встал в июле 2018 г. к празднованию 1030-летия Крещения Руси. Президент П. Порошенко утверждал: «Автокефалия не является заботой только украинских православных. Это вопрос нашей украинской независимости. Это – один из столпов украинского государства, украинской нации, украинской национальной безопасности и, в конце концов, всей мировой геополитики» [5].

Враги единства исторической Руси из Киевского патриархата (далее – КП) при поддержке отдельных представителей власти и некоторых их сателлитов устроили альтернативу Крестному ходу Украинской православной церкви Московского патриархата (далее – УПЦ МП). Состав шествия был пестрым: «под эгидой Киевского патриархата… прошли униаты, представители других конфессий, не связанных с Православием, да и вовсе атеисты» [6]. Как указывали очевидцы, «в шествии КП были слышны политические лозунги и возгласы „Смерть врагам“» [6]. УПЦ МП охватывает 40 %, а КП – менее 25 % верующих Украины. В составе УПЦ МП насчитывают 12,5 тысяч приходов, более 200 монастырей, 11 тысяч священников, более 5 тысяч монахов и монахинь. Все остальные православные конфессии Украины вместе – «около 6 тысяч приходов, немногим более 200 монахов и монахинь и т. д.» [6].

Мониторинг летом 2018 г. наиболее популярных украинских СМИ свидетельствует, что украинская культура все больше дерусифицируется, а тема евроинтеграции и приспособления к новым веяниям («российская агрессия», сексуальные меньшинства как норма и развитие соответствующих идеологем, дискурсов и паттернов) продолжает педалироваться. Анализ украинской прессы свидетельствует, что разрыв устоявшихся столетиями связей и потеря понимания усиливаются.

Когда человеку годами внушают злобу, то и реакция не заставит себя ждать. Создается своего рода зазеркалье, аномальные «культурные» пространства, социокультурные «болезни». Люди, проникнутые поклонением идеалам и отдельным личностям, – к примеру, Мазепы, Бандеры и Петлюры, – на все смотрят сквозь свои понятийно-ценностные «очки», видя порой в ином «русском» зло из-за самого факта его существования. Ощущается когнитивный диссонанс, из-за предвзятости, предубежденности формируется феномен «внутренней глухоты, слепоты и глупости».

Неудивительно, что уже летом 2018 г. многие украинцы уверены, что на результаты парламентских и президентских выборах на Украине в 2019 г. хотят влиять «боты», хакеры и провокаторы из РФ, в том числе через вбросы извне, проблемы реестров, влияние СМИ «врага» [7, с. 1, 4], т. е. некоторые знают «действия и мысли Путина 2019 г.». П. Порошенко уверен: «нет сомнений по поводу подготовки Кремлем масштабных вмешательств в избирательные процессы» [7, с. 4].

Министр инфраструктуры В. Омелян заявил о закрытии железнодорожного сообщения с РФ. В качестве мотивов выступают две причины: по сравнению с 2013 г. пассажиропоток уменьшился в пять раз (с 4 млн человек до 800 тыс.), и тенденция к его сокращению сохраняется и «исчезает риск захвата Россией в качестве заложников членов экипажей международных поездов или собственно подвижного состава – вагонов и локомотивов» [8]. Примеров «захвата Россией вагонов и локомотивов» СМИ не приводят, зато 16 августа 2018 г. Омелян сообщил, что подписал «исторический документ» о сообщении с РФ. Феномены типа «омелянизма» и «кучмизма» знаковы. Вспомним слова из «Песенки лисы Алисы и кота Базилио»: «ему с три короба наврешь и делай с ним, что хошь», в том числе и в контексте тезиса «ментальную „морду“ формируют спецслужбы» [9].

Все чаще говорят на Украине о перспективах «космической культуры». С 1997 г. хвалят Л. Каденюка, летавшего в космос на корабле США. Летом 2018 г. мы опросили 50 молодых людей, поинтересовавшись, кто был первым космонавтом-украинцем. 43 из 50 назвали: Каденюк. На уточняющий вопрос – «уверены ли?»: 39 сказали «да», 4 – усомнились. Когда 50 респондентам сообщили, что первый украинец был в космосе в 1962 г. – большинство не поняли («была советская оккупация»). В СССР многие космонавты были украинцами или имели отношение к Украине: П. Попович из Киевской области (летал в космос в 1962 г.), Г. Береговой из Полтавской области, Г. Шонин и В. Ляхов – из Луганской, Л. Кизим и А. Волков – из Донецкой, Л. Попов – из Кировоградской, А. Левченко – из Харьковской, А. Арцебарский – из Днепропетровской, В. Васютин – из Харькова и др. Очевидны предубежденность, когнитивные пробе-

лы и разрывы, ценностные «коллизии» и иные проблемы у части молодежи.

В августе 2018 г. «блеснул» экс-президент В. Ющенко: «Мне, ребята, уже до задницы та политика! Сейчас другая задача: сделаю музей» [10], где будет показано «откуда у моей нации истоки». Горшки «украинского» Триполья и кости мамонтов-«украинцев»? Археология упоминается и в далеких от археологии СМИ [11].

Кого-то веселят афоризмы великого боксера и знаменитого мэра В. Кличко: «Севастополь – это есть Херсонес, которому уже тысяча лет…», «Я должен признаться… Уже долгое время, много-много лет, я являюсь убежденным лесбиянином», «Гордо встану грудью за спиной Украины», «Я не вижу запаха», «У меня есть два заместителя, четыре из которых уже месяц лежат в Кабинете министров, которых назначить невозможно, не знаю почему», «Поздравляю всех с Новым годом, желаю, чтобы вы не знали горя, удачи, любви, счастья и особенно здоровья» и т. д. [12].

Говорят о «зоне комфорта», в том числе в контексте тем культуры (Е. Ямпольская и др.), но стоит выделить и иные зоны: нормы и патологии, терпимости и аномалии. Слова «русский», «русские» в их многочисленных производных вызывают у агрессивных русофобов отрицательную реакцию. Радикалы узрели большое количество русских фамилий и решили, что целесообразно их заменять. На сайте П. Порошенко появилась петиция с инициативами «в целях дальнейшей декоммунизации нашего государства… переделать русские фамилии и имена на украинский лад», и примеры есть в СНГ [13]. И. Фарион давно предложила не только «список «неправильных» русских имен» (например, Маша, Петя, Миша, Алена, Сережа заменить на «Марічка», «Петрик», «Михайлик», «Оленка», «Сергійко»). Она учила детей «правильным» именам с начала 2010 г. (в детсаду № 67 Львова в феврале 2010 г. и т. д.). От отчеств есть вариант отказаться («лишнее»), а родителей пронумеровать (№ 1 и № 2).

Логично, что кто-то хочет подкорректировать «неугодную» культуру и историю, заменяя реальные факты и события вымышленными. При осуществлении «украинолатинизации» некоторые новаторы скоро потребуют переписать Петрова и Сидорова [13] в «неокосмические» – Петрозоряздун и Сидорвсесветун? Что бы сказали на это деды и прадеды (освобождавшие в 1944–1945 гг. Европу) «просвещенным» потомкам? Прямо по Т. Шевченко: «Славных прадедов великих правнуки поганые»!

Любая реформа требует от кого-то определенных уступок, потерь и жертв, но утраты бывают невосполнимыми (в том числе человеческие). Если кто-то не готов пожертвовать содержимым кошелька в ходе информационной войны, то он, вероятнее всего, не захочет воевать в случае «горячей» войны.

В армии появилась новая форма приветствия: вместо «Здравия желаю» – «Слава Украине!». Некоторые жаждут военной диктатуры с ее тоталитаризацией культуры в «правильном» национальном ключе. «Мы не имеем в виду кого-то конкретно, ни из командиров ООС, ни из… генералов и адмиралов… После корсиканца было немало генералов и полковников, которые умели захватывать власть (особенно в Азии, Африке и Латинской Америке)» [14, с. 4]. Берут пример со стран третьего мира?

Мудрый генерал И. Смешко дает рецепт «национальной идеи Украины в трех ее измерениях: духовном, социально-экономическом и государствообразующем» [15, с. 15]. Не перестает бороться известная И. Фарион, утверждающая, что «в центре Европы рано или поздно встанет мощная украиноцентрическая Держава» [16]. Генерал во главе Украины и победоносный поход на Москву – звучит амбициозно и бредово. Худой мир лучше доброй войны. Любая бойня – это беда. Хорошо бы подстрекателей войн отправить воевать. Зло давит ангажированного человека, эгоцентризм и нациоцентризм опасны, сознательная и несознательная злоба и ненависть на подсознательном уровне овладевают нацистствующими. Возникают проблемы не бытовой, а массовой ксенофобии. Страсть, прикрытая гипертрофированной «любовью», способствует искажению чувств, трансформации эмоций. Любовь к себе и своему. Восприятие как враждебного чужого мнения, взгляда, одежды.

Наибольшую известность украинская «вышиванка» получила после революций 2004 и 2014 гг. 24 августа 2018 г. в Киеве в День Независимости было большое количество одетых в вышиванки людей. Из 20 опрошенных нами «вышиванщиков», 8 последовали политизированной моде впервые, чем подтвердили тезис об успехах новой украинизации.

Стремясь к тотальной «перековке» реципиентов, отдельные «идеологи» доходят и до «эксплуатации сексуальности»: якобы это «секретное оружие Запада способно поражать целые полки» [17]. К примеру, «сержант ВВС США Мишель Менхард воевала в Кувейте, а потом решила поучаствовать и в информационной войне, и снялась для мужского журнала… Чешские модели всегда готовы стать под ружье. Актриса и модель Вероника Земанова отрабатывает двойную психическую атаку. Во весь рост и без обмундирования» [17]. Она участвовала и в съемках фильмов («Боевые девчонки»

и др.). В испанской армии П. Пачеко снялась в эротическом журнале и «главный вопрос… если Украина все-таки вступит в НАТО, на чьей стороне будут секс-бомбы из группы „ВИА Гра“?» [17]. Звучит смешно, но для кого-то в информационной (и в их культурологической) войне все средства хороши. При этом «комплектация бригад ВСУ на фронте составляет менее 50 %» [18, с. 1]. Неэффективны концерты, рисунки, заклинания «в бессмертии», «культурный» заслон и реклама нового вооружения [19, с. 12–14]. Не помогает «культурная война»? Зато юные учебные формирования «Мазепинцы», «Бандеровцы», «Петлюровцы» и прочие тренируются и перенимают важные навыки: разбирают АК, учатся маскировке, порядку задержания людей и использованию оружия, физической силы и спецсредств [20, с. 7].

Многих на Украине беспокоит эмиграция сограждан: «за первое полугодие 2018 г. РФ дала свое гражданство 39 тыс. 582 украинцам… В общем, на это время 160 938 украинцев имеют право на проживание в России, 182 197 человек – разрешение на временное проживание» [21]. В СМИ вспомнили 80-летие убийства лидера ОУН Коновальца [22], в честь которого переименовано немало мест (даже улицу на которой расположен главный корпус Киевского национального университета культуры и искусств). Идеологическую работу осуществляют и через кино: фильмы и передачи о казаках, колдунах, «мазепинцах», «киборгах» и др. К примеру, фильм «Черный казак», где «половецкие татары превратились на людоловов, а москаль Володя (Саша Лирник) крадет у своих» [23, с. 14]; все заработанные деньги создатели этого кино планируют передать на поддержку бойцов АТО. Торговля духовными и материальными ценностями, ревизия прошлого и преклонение пред сомнительными новациями сочетаются где-то с самопродажей в разных формах, в том числе в «неорабство на органы».

Неудивительно, что «Украина входит в десятку стран, лидирующих по количеству доноров для нелегальной пересадки органов… Легкие 150 тыс. евро, костный мозг – 20 тыс. долл. за грамм… Цена здорового человеческого тела составляет порядка 45 млн евро, но только в том случае, если бы человек мог продать каждую его часть, т. е. уйти на органы целиком… Донорам „черные трансплантологи“ платили от 13 до 15 тысяч долларов, а сами при этом получали от 80 тысяч до 100 тысяч долларов от покупателя органа» [24, с. 8]. Где-то в магазинах субпродукты и субфабрикаты, в головах – субзнания и субидеи, а в сердцах – субкультуры и субценности?

Мозаика может рассматриваться как образ русской культуры – полиэтничный, многогранный, многомерный, насыщенный разнообразием (с украинской и иными компонентами). Украинская (малороссийская, южнорусская и т. д.) культура много веков была частью (в разной степени) русской культурной мозаики (кратко – «русская мозаика»). Образно «русская мозаика» – это культурный феномен и модель многоцветия, полияркости и многогласия Руси-России (и в исторической ретроспективе – с по XXI в.). Вспоминаются мозаичный ансамбль Софии Киевской, «русская полинациональность» и «национальный интернационализм» РФ.

Есть немало популярных и знаковых выражений с прилагательными «русское», «русские» и им подобные: дух (не только у А. Пушкина), душа, сила, доброта и удаль (борец родом из Полтавской губернии Иван Поддубный говорил: «Когда говорят – „русский человек“, я сразу же представляю себе богатыря, наделенного не только исполинской силой, но вполне добродушного, расположенного к людям, трудолюбивого и трезвого» (цит. по: [25, с. 9])), открытость, чистосердечность, искренность, характер, красавицы, богатыри, традиции, веселье, путь и направление (вектор), пространство (территория) – культурное, географическое, политическое и иное и т. д. Кратко рассмотрим концепты, входящие в русскую мозаику и исторически имеющие отношение к Украине: «русский мир» (упоминаем как социокультурное явление), «русское триединство» (большой русский народ, единый народ Руси), «русское небо» и «русская любовь».

Выражение «русский мир» известно с XI в. Его упоминает «Слово на обновление Десятинной церкви», прославляя общехристианского святого Климента Римского (чья мироточивая глава и в 2018 г. находится в Дальних пещерах Киево-Печерской лавры, а чья земная жизнь была и в Риме, и на территории исторической Руси).

Украинский писатель П. Кулиш писал о «первобытном русском мире». Русская идея Содружества (братских) народов по примеру Содружество наций Великобритании логична, закономерна и прекрасна, но лучше брать шире, сводя все не к политике, а к культуре, не к странам, а к личностям. Президент В. Путин определил: «Русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за ее пределами». Это мир сторонников большой России (исторически и географически шире – и Руси-России, и Руси-Украины, и Руси-Белоруссии), а не просто сегодня «мир русских». Мир «духовных русских» – это где «русский как духовное понятие» (Е. Ямпольская и др.), где важны идеалы,

герои и ценности Великой Руси. Вспомним фразу Н. Данилевского: «Духовность есть важнейшая государственная ценность, мобилизующая нравственность и патриотизм нации». Триединый русский народ – это великороссы, малороссы и белорусы . Идея преимущественно малороссийского духовенства XVII и начала XVIII в. (И. Гизель , Ф. Прокопович и др.), исходящая из единства великого Древнерусского государства и его общей народности. Православные казаки, духовенство и братчики в XVI и в начале XVII в. надеялись на единоверную Москву. Известные историки Украины (В. Король, В. Орленко, С. Синяков и др.) отмечали, что идея объединения (присоединения) с Москвой малороссийская. К трем родным «русскостям» целесообразно добавить четвертый элемент – «инорусскость». «Инорусскость» возможна как проект будущего на фундаменте прошлого. Многие люди из разных частей мира могут через «инорусскую русскость» войти в просторы исторической Руси и стать дочерями и сынами единого Отечества. И чтобы имплементировать своих к своим – путь один: через богатую русскую культуру, через традиционные духовные скрепы.

Политинформации об угнетающих украинскую духовность, культуру, государственность [26, с. 8–9] заставляют вспомнить приглашенного в СССР и ставшего академиком М. Грушевского. Украинский нарком образования Н. Скрипник, – как и другой самоубийца, талантливый Н. Хвылевой с лозунгом «Прочь от Москвы», – был украинизатором. Влиятельный Н. Скрипник приглашал множество единомышленников из Западной Украины и затем утверждал: «В нашем Советском Союзе теперь разве что какие-то историко-литературные ихтиозавры могут отрицать самостоятельность украинской литературы и культуры в ее историческом прошлом, в ее настоящем и в ее грядущем развитии». В УССР были языковое, ментальное и прочее «мягкое давление», осуществлялся тайный гуманитарный поход антагонистов исторической Руси. В СССР категория «русские» приобрела преимущественно узкоэтнический смысл.

Конкретно-исторические ситуации и культурно-исторические реалии давили и на И. Сталина. Он слышал, что «украинская республика и украинская нация – выдумка немцев», и все же в 1921 г. настаивал, что «украинская нация существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы» [27]. С тех пор едва ли не сто лет украинизируют почти непрерывно. Не только Закон о языках в УРСР, принятый в 1989 г., в статье 2 государственным языком устанавливал украинский язык.

Депутат ГД РФ С. Савченко заметила, что «Россия граничит с небом». Признание того, что в бытии России по-особому сочетается небесное и земное характерно для ряда философов (Н. Бердяев, С. Булгаков, А. Лосев, Н. Лосский, П. Флоренский и др.). Святой Филарет Московский (Дроздов) говорил, что «худой гражданин царства земного и для Небесного Царства не годен». Уточняя и конкретизируя максиму С. Савченко, заметим, что в религиозной традиции духовная Россия является частью Неба. Концепты «Русское небо» и «Русская любовь», почти как и «Третий Рим», являются знаковыми в контексте православной духовности славянства. «Русская любовь» – это взаимовыручка, жертвенность, забота, милосердие, помощь, поддержка, самоотдача, сочувствие, сострадание и многие другие, безусловно, благородные качества.

Для защиты, сохранения и приумножения «русскости» (начиная от древней «рускости») нужна интеллектуальная, моральная и духовная общерусская (более, чем просто русская и шире, чем восточнославянская) оборона («рус(с)ооборона»). Она может рассматриваться исключительно как оригинальный проект по самосохранению и развитию общерусской культурной составляющей по всему миру. Целесообразно создать программы «Русский компас» и «Россия – наше Отечество» (на базе территории исторической Руси) для постоянного привлечения доброжелательных мигрантов на основе использования соответствующей литературы, аудио- и видеопродукции.

Выводы. «Национальные» культурные новации могут осуществляться путем девальвации традиционных культурных ценностей, способствуя расщеплению, раздвоению и расслоению сознания носителей, становясь не средством спасения, а источниками проблем, когнитивным диссонансом. Отказ от своих традиций в угоду пришлым, смоделированным и привнесенным извне, опасен.

Дерусификация становится для многих (может быть, даже для большинства) граждан Украины «деродинизацией». Апологеты «интервенций» и «неоинтервенций» (духовной, культурной и прочих), стремясь трансформировать культурный код русскоязычных украинцев, могут получить необратимые ментальные последствия (к примеру, не только агрессивных нацоцентристов и гипернационалистов).

На Украине есть много сложных проблем. Так «массовый приток нелегальных мигрантов

критический, вскоре он будет угрожать национальной безопасности» (первый замминистра МВД С. Яровой) [28]. От засилья нового, иноконтинентального люда наверняка не поможет украинизация (вспомним: в некоторых городах Франции выходцы из Южной Африки и Магриба составляют до 70 % населения).

Гибридные войны наносят тяжелые и глубокие раны «осколками» некачественных данных, «жареных» новостей, лжеаргументации. Травмы от «культурных» снарядов и «информсражений» (боев на полях культурных пространств) небезопасны. Чем дольше идут любые войны, тем тяжелее залечивать их раны. Если бы древним русичам прочли то, что иногда пишут сегодня некоторые их потомки, то наши предки бы решили, что праправнуков «бес попутал», «попали в рабство» или «стали янычарами и вурдалаками»; будто наследники, их социум и культура по-особенному заболели.

Традиционно для многих на Украине была важна языковая идентификация («язык – это народ»), восходящая к древнерусской летописной традиции. Идентичность восточных славян как единого народа («языка») заложена (наряду с важнейшей православной идентификацией) Нестором Летописцем. Согласно ей, в 1991 г. «языковых русских» на Украине было большинство. Поэтому и необходима была очередная украинизация. Подобно польской, австро-венгерской, немецкой и советской (активно – с 1923 г., подспудно – ранее). Дерусификация (с перерывами) выступала средством для разделения и углубления раскола на исторической Руси. Развал и самоотрицание, игнорирование исторических и объективных процессов ведут к забытью и затем к самоликвидации (если не сразу к физической, то к духовной).

Есть смысл для сближения и консолидации братских народов торжественно отмечать общие восточнославянские праздники: дни равноапостольной княгини Ольги, Владимира Великого, Ярослава Мудрого, лучше и больше – дни Ильи Муромца, Нестора Летописца, Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого, Александра Невского и т. д. Необходим общий знаменатель восточных славян (и не только их) на фундаменте культурно-исторического единства, традиционных духовных скреп и иных связей, подлинной любви, братолюбия и миролюбия, отзывчивости и взаимного понимания.

Подзабытое слово «соборность» как духовная общность, как коллективность многих совместно живущих людей интересна и в контексте научной рефлексии: например идеи Соборности (братских и не только) стран и народов.

А пока слышим, что «действия Украины должны быть жесткими» (В. Омелян) [29], и больно читать, что Украина «вошла в пятерку» самых вымирающих стран планеты, «в рейтинге миролюбия… на 152 месте из 163» (12-е место с конца списка), а счастливее Украины оказались «Нигер, Уганда, Чад, Эфиопия, Камбоджа, Ирак…» [30].

Важны всечеловеческая любовь, искренняя доброжелательность, сердечная милость, евразийская консолидация, славянская соборность; необходима гуманизация душ с сохранением человеческого в человеке, а не фашизация сердец.

Очень хочется верить в великую Украину и в ее славное и счастливое грядущее.

Список литературы

1. Дранник А. Украинцам готовят новые правила языка // Вести. 2018. 23 авг.

2. Иванова Е. Апостроф отменяется: когда украинский переведут на латиницу // Вести. 2018. 28 марта.

3. Л. Кучме 80 лет // Сегодня. 2018. 9 авг. С. 3.

4. Серов И. Поборы: брать, но не просить // Сегодня. 2018. 17–19 авг. С. 1–4.

5. Автокефалия церкви является вопросом национальной безопасности // Еспресо . URL: https: // korrespondent. net (дата обращения: 26. 11. 2018).

6. Кряжев А. В Украине есть поместная церковь // Аргументы и факты в Украине. 2018. 2–8 авг. С. 8.

7. Пирогова М. Угроза выборам: чем РФ может нам навредить // Сегодня. 2018. 10–12 авг. С. 1, 4.

8. Андронник В. Отмена поездов в Россию // События недели: итоги и факты. 2018. 14–20 авг. С. 3.

9. Карпюк Г. Про сучасне «неоварварство» // День. 2018. 17 авг. С. 4.

10. Газубей А. Люди и муравей, которые нас удивили // Комсомол. правда в Украине. 2018. 16–23 авг. С. 2.

11. Данильчук П. Завзятий і одержимий // Пенсійний кур'єр. 2018. 10 авг. С. 11.

12. Смешные цитаты Кличко. URL: anekdotovmir. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

13. Миленин А. В Таджикистане официально запретили русские фамилии, имена и отчества // Известия. 2016. 29 апр. URL: https: // iz. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

14. Грабовський С., Лосев І. В очікуванні на Генерала // День. 2018. 15 авг. С. 4–5.

15. Смешко І. Невивчені уроки Гетьманату та національна ідея України в сучасних умовах // День. 2018. 10–11 авг. С. 14–15.

16. Фаріон І. Дискримінація українців в «антидискримінаційній експертизі» підручників від Міносвіти і науки // Слово Просвіти. 2018. 5–11 авг. С. 3.

17. НАТО берет на вооружение секс-бомб // Комсомол. правда в Украине. 2008. 22–28 февр. С. 13.

18. Бутусов О. Чому вони звільняються? // Дзеркало тижня. 2018. 23–30 июня. С. 1.

19. Ивашин Д. Щит и меч Украины // Совершенно секретно. 2018. Июнь. С. 12–14.

20. Ковальська О. «Джура» навчає охороняти рубежі // Голос України. 2018. 16 авг. С. 7.

21. Коваленко І. Вони стали росіянами // Експерс. 2018. 9–16 авг. С. 2.

22. Бирчак В. Убийство лидера ОУН Коновальца // Бульвар Гордона. 2018. 19 авг. С. 16.

23. Катаєва М. «Чорний казак»: характерники та чарівниці // Вечірній Київ. 2018. 16 авг. С. 14.

24. Марченко Е. Продать почку // События недели: итоги и факты. 2018. 14–20 авг. С. 8.

25. Лавров В. В. Истоки богатырства. Шапошников Ю. В. Секреты атлетизма. Москва: Молодая гвардия, 1989. 286 с.

26. Муравьев М. «Про неї не може бути і мови» // Україна молода. 2018. 15 авг. С. 8–9.

27. Сталин И. В. Заключительное слово по докладу об очередных задачах партии и национальном вопросе // Десятый съезд Российской коммунистической партии: стеногр. отчет. Москва, 1921. URL: https: // grachev62. narod. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

28. Проблема нелегальної міграції посилюється // Урядовий кур'єр. 2018. 16 авг. С. 2.

29. Цитата дня // Урядовий кур'єр. 2018. 18 авг. С. 1.

30. Мичковская Н. Украина в международных рейтингах: Гондурас – уже не про нас // Комсомол. правда в Украине. 2018. 23–30 авг. С. 5.

References

1. Drannik A. Ukrainians are preparing new language rules. *Vesti*. 2018. Aug. 23 (in Russ.).

2. Ivanova E. Apostrophe is cancelled: when Ukrainian translated to Latin. *Vesti*. 2018. Mar. 28 (in Russ.).

3. Leonid Kuchma turned 80 years old. *Segodnya*. 2018. Aug. 9. 3 (in Russ.).

4. Serov I. Extortion: to take, but not to ask. *Segodnya*. 2018. Aug. 17–19. 1–4 (in Russ.).

5. Autocephaly of church is matter of national security. *Espreso*. URL: https: // korrespondent. net (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

6. Kryazhev A. There is local church in Ukraine. *Argumenty i fakty v Ukraine*. 2018. Aug. 2–8. 8 (in Russ.).

7. Pirogova M. Threat to elections: how Russia can harm us. *Segodnya*. 2018. Aug. 10–12. 1, 4 (in Russ.).

8. Andronnik V. Cancellation of trains to Russia. *Events of week: results and facts*. 2018. Aug. 14–20. 3 (in Russ.).

9. Карпюк Г. Про сучасне «неоварварство». *День*. 2018. 17 авг. 4.

10. Gazubei A. People and an ant that we were surprised. *Komsomol'skaya pravda v Ukraine*. 2018. Aug. 16–23. 2 (in Russ.).

11. Данильчук П. Завзятий і одержимий. *Пенсійний кур'єр*. 2018. 10 авг. 11.

12. Klichko' funny quotes. URL: anekdotovmir. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

13. Milenin A. Russian surnames, names and patronymics were officially banned in Tajikistan. *Izvestiya*. 2016. Apr. 29. URL: https: // iz. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

14. Грабовський С., Лосев І. В очікуванні на Генерала. *День*. 2018. 15 авг. 4–5.

15. Смешко І. Невивчені уроки Гетьманату та національна ідея України в сучасних умовах. *День*. 2018. 10–11 авг. 14–15.

16. Фаріон І. Дискримінація українців в «антидискримінаційній експертизі» підручників від Міносвіти і науки. *Слово Просвіти*. 2018. 5–11 авг. 3.

17. NATO has adopted sex bombs. *Komsomol'skaya pravda v Ukraine*. 2008. Febr. 22–28. 13 (in Russ.).

18. Бутусов О. Чому вони звільняються? *Дзеркало тижня*. 2018. 23–30 июня. 1.

19. Ivashin D. Sword and shield of Ukraine. *Sovershenno sekretno*. 2018. June. 12–14 (in Russ.).

20. Ковальська О. «Джура» навчає охороняти рубежі. *Голос України*. 2018. 16 авг. 7.

21. Коваленко І. Вони стали росіянами. *Експерс*. 2018. 9–16 авг. 2.

22. Birchak V. Murder of Organization of Ukrainian Nationalists leader Konovalets. *Bul'var Gordon*. 2018. Aug. 19. 16 (in Russ.).

23. Катаєва М. «Чорний казак»: характерники та чарівниці. *Вечірній Київ*. 2018. 16 авг. 14.

24. Marchenko E. To sell kidney. *Events of week: results and facts*. 2018. Aug. 14–20. 8 (in Russ.).

25. Lavrov V. V. Origins of wealth. Shaposhnikov Yu. V. Secrets of athleticism. Moscow: Molodaya gvardiya, 1989. 286 (in Russ.).

26. Муравьев М. «Про неї не може бути і мови». *Україна молода*. 2018. 15 авг. 8–9.

27. Stalin I. V. Final word on report of party and national question. *Tenth Congress of Russian Communist Party*: shorthand report. Moscow, 1921. URL: https: // grachev62. narod. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

28. Проблема нелегальної міграції посилюється. *Урядовий кур'єр*. 2018. 16 авг. 2.

29. Цитата дня. *Урядовий кур'єр*. 2018. 18 авг. 1.

30. Michkovskaya N. Ukraine in international rankings: Honduras – not about us. *Komsomol'skaya pravda v Ukraine*. 2018. Aug. 23–30. 5 (in Russ.).

УДК 930.1

Л. А. Суетов

Философия истории: некоторые исторические понятия и законы

В статье известного петербургского историка, доцента Санкт-Петербургского государственного института культуры Л. А. Суетова исследуется философия истории. С оригинальных позиций предпринята попытка доказать и выявить законы истории. Он выявляет семь основных положений, которые анализирует с научно объективных критериев. Взгляды Л. А. Суетова на философию истории абсолютно оригинальные и творческие. Рассматривается понятийный аппарат исторической науки и основные положения предшественников – известных философов и историков. Автор показывает различие между философией истории и методикой истории. Показаны, выведены и проанализированы такие категории и устойчивые научные словосочетания, как «ирония истории», «история ничему не учит», «роль отдельной личности в истории», «закон усталости от власти», «причинно-следственные связи», «историческое время» и другие. Предпринята попытка показать влияние личности человека на исторический процесс и закономерности исторического развития. Убедительно доказана связь философии истории с теорией истории культуры. В тексте отмечаются многие положения историософии, историологии и истории культуры. Публикация и послесловие П. Н. Базанова.

Ключевые слова: Л. А. Суетов, законы истории, философия истории, историософия, история культуры, методика истории, методология истории, понятийный аппарат исторической науки, история культуры

L. A. Suetov

Philosophy of history: some historical concepts and laws

In an article by the well-known historian, an associate professor of the Saint Petersburg State Institute of Culture L. A. Suetov explores the philosophy of history. From the original position an attempt was made to prove and reveal the laws of history. He identifies seven key points that are analyzed with scientifically objective criteria. L. A. Suetov's views on the bustle of the philosophy of history is absolutely original and creative. The conceptual apparatus of historical science and the main provisions of predecessors – famous philosophers and historians are considered. The author shows the difference between the philosophy of history and the methodology of history. Such categories and stable scientific phrases as «the irony of history», «history does not teach anything», «the role of an individual in history», «the law of power fatigue», «cause-and-effect relationships», «historical time» are shown, derived and analyzed. An attempt was made to show the influence of a person's personality on the historical process and patterns of historical development. The connection between the philosophy of history and the theory of the history of culture has been convincingly proved. The text marks many of the concepts of historiosophy, historiology and cultural history. Scientific publication and afterword by Petr N. Bazanov.

Keywords: L. A. Suetov, laws of history, philosophy of history, historiosophy, history of culture, methodology and methodology of history, concept of history, cultural history
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-35-37

История – наука о прошлом. Она не терпит сослагательного наклонения. Любая наука имеет свои понятия и законы. Иначе – это не наука, а в лучшем случае – нечто наукообразное, не более. Законы представляет собой константу, которая не меняется. История не сводится к перечислению каких-то фактов прошлого, попыткой объяснить их какими-то абстрактными причинами и понятиями. В центре исторического процесса всегда находятся конкретные люди, политические деятели. Народные массы идут либо за ними, либо действуют под влиянием их, либо выступают против них. История, как и другие науки, содержит конкретные понятия и законы. Вот некоторые из них.

1) Маркс и Энгельс, вслед за Гегелем, любили повторять «История – не что иное, как деятельность преследующего цели человека». И это так. Ведь в центре истории – люди. Психологию личности, духовную сущность человека определяют мотивы его поведения, с помощью которых он добивается осуществления своих целей. К числу важнейших мотивов поведения человека относится врожденный инстинкт самосохранения. Но он присущ как людям, так и животным. Поэтому остановимся лишь на тех мотивах, которые определяют только поведение людей. Оказывается, что их не так уж и много. Они постоянны во времени, представляют собой константу, из которой выводятся законы истории.

Чтобы понять формирующие поведение людей мотивы, следует обратиться к учению Святых Отцов о семи грехах смертных (гордыня, сребролюбие, гнев, зависть, блуд, чревоугодие, уныние) и семи честных добродетелей (смирение, нелюбостяжание, кротость, доброжелательство, целомудрие, воздержание, упование). Разумеется, степень греховности и степень добродетельности у каждого человека различны. Вот почему не может быть абсолютно идентичных друг другу людей. Каждый человек неповторим. Единомыслие не свойственно природе человека. У каждого существуют свои интересы, симпатии, антипатии, доброжелатели и недоброжелатели. Но все мотивы поведения людей укладываются в рамки учения Святых Отцов. Анализ этого учения показывает, что поведение подавляющего большинства политических деятелей прошлого и нынешнего времени определяют в той или иной степени гордость, зависть, сребролюбие, гнев.

2) Один из важнейших исторических законов – открытый Гегелем закон иронии истории. Он звучит так: любые благие намерения людей при их реализации превращаются в свою противоположность. Причем чем благостнее намерение, конечный результат получится еще более противоположным. Почему так происходит? Дело в том, что всегда находящиеся на политическом Олимпе или рвущиеся к власти политики стараются никогда не выставлять на показ свои истинные пороки, маскируя их несуществующими у них добродетелями. У власти, как правило, находятся люди честолюбивые, беспринципные, лживые, которые обещают народу все что угодно, лишь бы удовлетворить свое тщеславие, запустить руку в государственную казну, получить доступ к природным ресурсам. Один из самых беспринципных в мире политиков Ш. М. Талейран цинично сказал: «Если бы народ узнал, какие ничтожества ими управляют, он пришел бы в ужас». И это так.

Часто политические деятели любят копировать своих великих предшественников. Для них это действо нередко превращается в фарс, напоминает комедию, может закончиться весьма трагично. В российской истории – это Петр III, подражавший во всем Фридриху Великому, во Франции – Наполеон III, пытавшийся подражать Наполеону I.

Иронию истории наглядно демонстрируют и революции. Революционеры полагают, что они, придя к власти, осчастливят народ. Однако, осуществив революцию, сталкиваются с прямо противоположными результатами. Наглядный пример тому – 1917 г. в России, строительство коммунистического общества в стране и мире, революционные реформы М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина. То же мы видим и на Западе. Развитие западных демократий сегодня, особенно в США, все больше напоминает комедию, эстрадное шоу, но, возможно, с трагическим финалом в будущем.

Рассуждая об иронии истории, Гегель говорил и так: «История повторяется дважды: сначала как трагедия, затем как фарс, комедия». Но это скорее относится к всемирно-историческим процессам, расцвету и упадку цивилизаций, империй.

3) История ничему не учит – таков другой непреложный закон истории. Она не может ничему научить, поскольку у власти находятся политические деятели, поведение которых определяется теми же мотивами, что и их предшественников. Поэтому они повторяют те же их ошибки. В человеческой психологии и отношениях власти и общества со временем практически не изменилось ничего.

4) Роль отдельной личности в истории огромна. Именно отдельные личности могут замедлить или ускорить исторический процесс, повернут его в другую сторону (Наполеон, Ленин, Гитлер и другие). Со стороны действия этих политиков порой выглядят как случайность, нарушившая закономерный ход исторического процесса. Но это не так. Для этой «случайности» должна быть создана соответствующая почва, сформированная определенными причинами. А эти причины создают народные массы и иные отдельные личности, не только живущие ныне, но и жившие в прошлом.

5) Еще один закон истории – закон усталости от власти. Он относится прежде всего к тем политикам, которые занимают вершину политической власти длительное время, а также касается и народных масс, которыми управляют подобные правители. Этот закон не ограничен временем. Он может постепенно нарастать на протяжении десятилетий. Вместе с тем его проявление не носит абсолютный характер. Иногда бывает все наоборот. Заметим также, что закон усталости может нарастать не только в период пребывания во власти конкретного правителя, но и в годы правления его преемников, близких соратников или родственников, которые слепо проводят ту же политику, которую проводил и их предшественник.

Рассматриваемый нами закон истории свидетельствует о том, что, чем дольше у власти находится правитель, тем больше он де-

лает ошибок. Это проявляется, в частности, в подборе кадров, выдвижении на государственные посты прежде всего преданных правителю лиц и соратников. Те, в свою очередь, назначают по той же схеме своих соратников и знакомых им лиц и т. д. Таким образом, выстраиваете некая ступенчатая иерархия государственной власти сверху донизу, причем подавляющее большинство выдвиженцев одержимо сребролюбием. И чем ниже находятся чиновники в ступенчатой иерархии, тем больше вероятности того, что главное для них – погоня за золотым тельцом. Такие люди охотно поддерживают связи с криминальными структурам, сращиваются с ними.

А между тем убежденный в своей непогрешимости правитель с упоением слушает похвалы в свой адрес от поставленных им же самим льстецов и все больше утверждается в своей исключительности. Поэтому он совершает все новые и новые ошибки. Обещания, которые он когда-то давал публично народу, им не выполняются. Его реальные действия становятся прямо противоположными его благим намерениям. Надо помнить также, что у каждого политического деятеля есть противники. И чем выше он поднимается по служебной лестнице, тем их становится все больше и больше. Они усердно разоблачают неосуществленные замыслы своего противника, но, придя тем или иным путем к власти, действуют точно так же, как он.

Однако и народным массам присуща усталость от несменяемого лидера или лидеров страны, их ошибок и нерешенных дел. Доверие к власти со временем резко падает, хотя внешне все может выглядеть наоборот. Народ охватывает апатия. Подстрекаемые противниками режима внутри страны и извне, люди могут пойти и на силовые действия, чтобы сместить правителя.

6) Чтобы понять исторический процесс, нужно разобраться в причинно-следственных связях. Любое событие истории является следствием не одной, а целого комплекса причин. В свою очередь, случившееся порождает новые причины, которые со временем реализуются в новом историческом событии. В историческом процессе, таким образом, четко прослеживаются причинно-следственные связи. Причем эти связи целиком и полностью зависят от конкретных людей, которые распространяют свои взгляды в массах. Мотивы их поведения, как отмечалось, не меняются, но маскируются благими намерениями.

7) Одно из важнейших понятий философии истории – историческое время. Оно не совпадает с физическим, у него своя шкала отсчет. Единицей измерения исторического времени служит частота, интенсивность событий в той или иной стране, в мире. Историческое время может протекать медленно (годы «застоя» в СССР), а может и интенсивно (1917 г. в России, Гражданская война 1917–1922 гг.). Разумеется, тому периоду, в котором оно протекает интенсивно, историки посвящают значительно больше исследований, чем тому, где оно течет медленно.

Таковы некоторые понятия истории, исторические законы и логика исторического процесса.

УДК 378-057.175:930

П. Н. Базанов

Послесловие: Леонид Александрович Суетов и его «законы истории»

Petr N. Bazanov

Afterword: Leonid Aleksandrovich Suetov and his «laws of history»

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-38-39

Профессиональный историк Леонид Александрович Суетов (1946–2018), выпускник исторического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, начал свою научную карьеру в Ленинградском государственном историческом архиве (ЛГИА) (ныне Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга» (ЦГИА СПб)). Еще в школьные годы его увлечением стала история нашего отечества, и он стал посещать знаменитый исторический кружок при Дворце пионеров в Ленинграде. В 1977 г. Суетов защитил диссертацию на степень кандидата исторических наук по теме «Комсомол Ленинграда – верный помощник партии в идейно-политической работе с молодежью в период героической обороны города, июнь 1941 – январь 1944 гг.». Несмотря на совершенно советское название, эта диссертация, написанная в рамках «истории КПСС», была написана на большом архивном материале. Исследование на большом фактическом материале раскрывало неизвестные страницы блокады. К блокадной тематике Суетов обращался в течение всей жизни. В 1995 г. он опубликовал работу «Идеологический контроль за духовной жизнью Ленинграда в годы войны». Даже последним научным исследованием Леонида Александровича была статья «1812 год в пропагандистской работе среди ленинградцев в дни Великой Отечественной войны», напечатанная в «Вестнике Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств» в 2012 г.

После защиты кандидатской диссертации около четверти века Суетов работал доцентом кафедры истории нашего вуза. Целые поколения студентов могут похвастаться тем, что слушали его лекции. Он был одним из разработчиков методических разработок для подготовки студентов к семинарским занятиям «Отечественная история XX в.» и программы курса «Новейшая история Отечества» (совместно с доктором историческим наук, профессором П. А. Подболотовым). Долгие годы Леонид Александрович работал в приемной комиссии института и принимал вступительные экзамены по истории. Шесть переизданий выдержало с 1994 г. его учебное пособие для поступающих в вуз «Отечественная история».

Среди гуманитарных увлечений Л. А. Суетова выделим пушкинистику. Совместно с известным петербургским философом и культурологом Вилли Александровичем Петрицким он написал популярную и часто цитируемую статью «К истории одного прозвища (Ф. И. Толстой-„Американец“)» (Рус. лит. 1987. № 2. С. 99–103).

Последним научным увлечением Л. А. Суетова было исследование Белого движения. В нашем институте он разработал одноименный спецкурс, пользовавшийся популярностью у студентов различных факультетов. В трех частях в 2000–2008 гг. вышло оригинальное научное исследование, оформленное как учебное пособие «Белое дело». Первая часть была посвящена теме «Белое движение на Юге России» (2000. 196 с.), вторая – «Белое движение на Востоке России» (2005. 159 с.), третья – «Белое движение на Северо-Западе России» (2008. 127 с.). К сожалению, четвертую часть учебного пособия «Белое движение на Севере России» Л. А. Суетов не смог издать. Также не реализовались его планы написать монографию, посвященную антибольшевистскому движению в годы Гражданской войны в России в 1917–1922 гг. и защитить докторскую диссертацию. Леонид Александрович не скрывал своей общественной позиции на историю братоубийственной Гражданской войны. Он считал Белое движение последним шансом спасти Россию от красной диктатуры, массовых репрессии и печально известных коммунистических экспериментов в экономической и социальной сфере. Будучи истинно верующим православным человеком, он оставался объективным и принципиальным ученым, имел твердую гражданскую позицию. Все работы Суетова свидетельствовали о его широкой научной эрудиции и энциклопедизме.

Л. А. Суетов неоднократно выступал оппонентом на защите кандидатских диссертации. Регулярно его приглашали в Санкт-Петербургский государственный университет и Санкт-Петербургский институт истории РАН. Выделим только две работы, о которых он неоднократно вспоминал: Владимир Борисович Лобанов «Добровольческая армия на Северном Кавказе (ноябрь 1917 – май 1919)» (Санкт-Петербург, 2003) и Надежда Юрьевна Бринюк «Военно-политическая деятельность Владимира Оскаровича Каппеля (1883–1920 гг.)» (Санкт-Петербург, 2013).

Последние годы Л. А. Суетов стал серьезно размышлять о том, существуют ли законы истории, ибо он считал историю наукой, а раз наука – значит должны быть свои законы. По собственному признанию, эти мысли появились у него в процессе редактирования книг доктора исторических наук, профессора Владимира Дмитриевича Ермакова «Анархистское движение в России: история и современность» (Санкт-Петербург, 1997. 201 с.) и при написании статьи «К вопросу о культуре парламентской борьбы в России в начале XX в.» для сборника одноименной конференции «Историзм в культуре» (Санкт-Петербург, 1998. С. 64–67). В планах Суетова была намечена большая работа, посвященная философии и законам истории в соавторстве с П. Н. Базановым, но внезапная кончина историка помешала реализации такого проекта. Поэтому потенциальный соавтор, во многом солидаризирующийся с позицией историка Н. И. Ульянова в полемике между двумя философскими направлениями XIX–XX вв. – номотетическим (отысканием законов истории) и идиографическим (поиском индивидуальных фактов и их описанием) подходам, не счел в праве исправлять текст статьи Л. А. Суетова, а решил ее опубликовать без изменений.

УДК 32:94(470)"1904/1917"

А. В. Шевцов

Вызовы правительственной политической культуре пореформенной России

Рассмотрены социальные вызовы, стоящие перед руководством Российской империи в пореформенный период и способы их решения в контексте политической культуры. Представлен обзор узловых моментов и проблемных точек движения к революционным потрясениям 1905–1907 и 1917 гг. Речь идет о столкновении внешних вызовов в виде требований к трансформации общественной системы в виде «модернизации» и «европеизации» с устоявшимися принципами имперской управленческой культуры, опирающейся на традиционные ценности и установки. В процессе реформ Александра II была предпринята попытка решить целый ряд социально-политических проблем. Однако их результат привел к резкому усилению нелегальной политической оппозиции в лице либеральной и революционной субкультур. Активизация внешней политики как средство диалога с общественностью только усиливала недовольство правительственным курсом. Стабилизация эпохи царствования Александра III открывала путь к ускоренному развитию транспорта и промышленности, зато политика «контрреформ» обостряла социальные противоречия. Внешнеполитические ошибки правительства Николая II в сочетании с нерешенностью внутренних социальных и политических проблем привели сначала к «генеральной репетиции» 1905 г., а затем к Февральской революции 1917 г.

Ключевые слова: политическая культура, социально-политическая проблема, реформы Александра II, Русско-японская война, Революция 1905–1907 гг., Февральская революция 1917 г.

Aleksei V. Shevtsov

Challenges to government's political culture of post-reform Russia

The social challenges facing the leadership of the Russian Empire in the post-reform period and ways to solve them in the context of political culture are considered. An overview of the key aspects and difficult points of movement to the revolutionary upheavals of 1905–1907 and 1917 presents. We are talking about the clash of external challenges in the form of requirements for the transformation of the social system in the form of «modernization» and «Europeanization» with the established principles of the Imperial management culture, based on traditional values and attitudes. In the process of reforms of Alexander II, an attempt was made to solve a number of socio-political problems. However, their result led to a sharp increase in illegal political opposition in the face of liberal and revolutionary subcultures. The activation of foreign policy as a means of dialogue with the public only increased dissatisfaction with the government's course. Stabilization of the reign of Alexander III opened the way to the accelerated development of transport and industry, but the policy of «counter-reform» exacerbated social contradictions. The foreign policy mistakes of the government of Nicholas II, combined with the unresolved internal social and political problems, led first to the «dress rehearsal» of 1905, and then to the February revolution, 1917

Keywords: political culture, social and political problem, reforms of Alexander II, Russian-Japanese war, Revolution of 1905–1907, February revolution of 1917
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-40-44

Столетний юбилей государственной катастрофы 1917 г. позволяет вернуться к вечному вопросу о соотношении «случайности–закономерности» произошедших событий. Попробуем рассмотреть данную проблему в аспекте влияния управленческой культуры политического руководства на принятие решений. Вначале имеет смысл обратиться к многочисленным вызовам, стоящим перед режимом Российской империи, а затем перейти к способам их решения в свете культурных «ограничителей», «стабилизаторов» и «ускорителей». Разумеется, в первую очередь речь идет о самом широком обобщении известного любому грамотному специалисту материала, и во вторую – об относительно новом взгляде на уже хорошо исследованный историками, политологами, социологами и философами предмет.

Не будем подробно разбирать понятия «модернизация» и «европеизация», за которыми тянется довольно «мутный» философический шлейф. Технико-организационный аспект «осовременивания» вполне очевиден («слабых бьют, с сильными договариваются»). Ну а представления о неких единых европейских культурных, политических, социальных и экономических

стандартах с трудом соотносятся с историческими реалиями (по компаративному принципу «так, да не так»). Однако представления о вечно отсталой России превратились в родовое проклятие отечественной идеологии («шеф, все пропало», и/или «наша отсталость – наше преимущество»).

Узлы противоречий и болевые точки множились как грибы. Императорский абсолютизм и засилье титулованной аристократии стали восприниматься большинством образованной публики как архаизмы, не позволяющие воплотить искомый меритократический принцип. Освобожденное «несчастными супругами» служилое дворянство постепенно превращалось не в джентльменов-джентри, а в дисфункцию. Давление «снизу», со стороны разночинцев и прочих непривилегированных все время усиливалось, вынуждая периодически «ремонтировать» социальные лифты. Модные веяния национализма охватывали все более широкие круги, как «московитов», так и «инородцев», требуя учета социально-культурных интересов мещанских (читай по-новому, буржуазных) низов. Разумеется, библиография указанных проблем воистину необъятна. Поэтому ограничимся упоминанием, так сказать, «ультра-концептуальных» работ [1; 2; 3; 4].

И, наконец, «Великие реформы царя-освободителя». Реформаторы умудрились загнать большинство крестьян в невыносимую выкупную кабалу, одновременно вызвав недовольство значительной части новоиспеченных частных собственников. Земская и городская реформы породили конфликты: 1) между властными органами и созданными теми же органами, «на свою голову», структурами либеральной оппозиции; 2) между дворянской общественностью и недовольными их деятельностью городскими и сельскими низами. Воспринимаемая крестьянами как тяжелое бремя «рекрутчина» была заменена гораздо более жесткой воинской повинностью с длительными сроками службы. Реформа печати, с анекдотическими «разрешительно-запретительными» фильтрами, отлично поспособствовала росту авторитета любого критического слова («раз запрещают, значит – правда»). Реформа образования привела к превращению студенчества в радикальную оппозиционную силу, так и не решив проблему обеспечения народного хозяйства необходимыми кадрами [5, с. 351–394; 6, с. 272–343; 7, с. 258–260; 8, с. 3–15, 535; 9, с. 3–300; 10, с. 8–226; 11, с. 3–262].

Про процесс индустриализации говорить нечего. Буксиры в лице государственных инициатив, германских и франко-бельгийских инвесторов тянули промышленность наподобие «лебедя, рака и щуки» [11, с. 101–129; 12, с. 3–422; 13, с. 2–5, 18–39, 611–619].

В нашу эпоху показного пацифизма не любят вспоминать древнюю аксиому, гласящую, что военные успехи являются индикатором общественного здоровья. Крымскую войну проиграли дипломаты, недооценившие британскую опасность. Формально выигранная очередная Турецкая война, благодаря отказу от обручевского прыжка вдоль побережья, закончилась берлинским конфузом [14, с. 187–226, 313; 15, с. 5–219; 16, с. 397–411].

Конец первого десятилетия нового царствования ознаменовался долгим провоцированием Японии, что привело к колониальной войне, «вчистую» проигранной великой европейской державой. И это при относительно благоприятной внешнеполитической обстановке, когда явную недоброжелательность проявляла только владычица морей. Российские армии и флот показали свою слабость, все дефекты управления вылезли наружу, а тыл выдержал всего лишь год, до Кровавого воскресенья [17, с. 3–665; 18, с. 212–216; 19, с. 3–9, 478–490]. Страна испытала все прелести политической и социально-экономической дезорганизации. Двойная смена политического режима, появление резко оппозиционной нижней палаты парламента, всеобщая забастовка, невиданный ранее размах эсеровского террора, череда разного рода восстаний, карательные военные экспедиции. Из затяжного кризиса удалось с трудом выйти только к 1909 г.

Столыпинская политика внешнеполитических уступок спасла от, казалось бы, неминуемой войны 1908 г. Зато выбор в пользу Антанты окончательно развеял немецкие иллюзии по поводу возможного возвращения России к союзу трех императоров, или хотя бы к благожелательному нейтралитету. Получилась классическая патовая ситуация. Соглашения с западными державами требовали участия в совместной войне, а такое участие с неизбежностью направляло страну к повторению событий 1905–1907 гг., только с гораздо более тяжелыми последствиями.

Мало того, использование системы полицейских провокаций привело главу правительства к трагической кончине. Появилась сомнительная возможность вернуться к активной внешней политике. Раз провалились на восточном направлении, вернемся к традиционному южному, так сказать, к «царьградскому». Поддержка коалиции победителей в балканских войнах помогла наказать как старую соперницу Турцию, так и «предательницу» Болгарию [20, с. 535–540].

Однако «пирров» успех довел до сараевского теракта, после которого встал вопрос о поддержке Сербии. Отказ от союзнических обязательств окончательно подрывал репутацию и, в перспективе оставлял Россию один на один с центральными державами. Да и действенность уступок весьма сомнительна. Чего стоит исторический анекдот о двух вариантах ноты об объявлении войны, врученных графом Фридрихом фон Пурталесом Сергею Сазонову.

Был ли шанс? Разумеется. Душу монархистов греет миф о спасении Парижа Императорской армией в 1914 г. Впрочем, сентенция о соломинке из пяти дивизий, сломавшей спину немецкого верблюда, весьма сомнительна. Мольтке-младший, укрепляя левый фланг наступающей группировки, с неизбежностью разрушал шлиффеновский план. Иное дело, несостоявшийся успех на Восточном фронте. Если русское командование, наподобие буриданова осла, разрывалось между дилеммой или Пруссия-Силезия, или Галиция-Венгрия, то у немцев выбора не было. Эрих Людендорф блестяще переиграл Юрия Данилова, остановив русский паровой каток [21, с. 3–28, 87–92, 409–411].

Далее начался «японский сценарий». Боеприпасы закончились, новых было взять неоткуда. Союзники, за исключением той же Японии, регулярно срывали поставки. Новые дальневосточное и кольское направления не могли компенсировать блокированных Балтики и Черноморья. Массовый призыв натолкнулся на отсутствие винтовок. Демобилизовать солдат было опасно, бросать в бой без огнестрельного оружия – глупо. Тыловые гарнизоны, особенно петроградский, постепенно превращались в скопления лиц, крайне недовольных существующей властью. Ко времени Горлицкого прорыва артиллерия оказалась практически без снарядов, и русская армия, разумеется, начала откатываться вглубь страны. Обновление офицерских кадров – особая проблема. В среде выживших кадровых командиров росли пессимистические настроения, а ускоренные курсы преимущественно поставляли тех же потенциальных оппозиционеров [22, с. 210–217; 23, с. 2–12, 518–520; 24, с. 339–341].

Единения власти с общественностью не получилось. Патриотического порыва русской интеллигенции хватило до первых крупных поражений. В правой по своему составу Четвертой думе, на выборы которой правительство потратило уйму денег, сформировался быстро разрастающийся оппозиционный Прогрессивный блок. Между кадетами Василием Маклаковым и Павлом Милюковым развернулась дискуссия о возможности «рассчитаться с шофером» (по аналогии с английской поговоркой: «коней на переправе не меняют»). Оппозиция требовала ответственного перед Думой министерства, т. е. перехода от дуалистической к парламентской монархии. Николай уступать не желал, взамен устраивая «министерскую чехарду» и думские каникулы.

Принявший на себя верховное командование император оказался прекрасной мишенью для критики. Кампания 1916 г. началась с неудачной Нарочской операции, продолжилась успехом Брусилова и провалом под Ковелем, а закончилась феерической румынской эпопеей. Этот год ознаменовался отказом целых частей идти в наступление.

Созданные для помощи армии и военной промышленности союзы и комитеты прекрасно «пилили бюджет», производя военное снаряжение по бешеным ценам. Предпринимательство за сто лет ничуть не изменилось. С патронно-снарядным голодом удалось справиться, несмотря на постоянные рабочие забастовки. Однако появились, как минимум, две новые напасти: 1) нехватка продовольствия, приведшая к явно запоздавшему постановлению министра земледелия «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной» от 2 декабря 1916 г.; 2) перегрузка железных дорог, где быстро убывающий подвижной состав не справлялся с постоянно растущим объемом перевозок.

В начале 1917 г. наступила развязка.

Казалось бы, держава, находящаяся в военном союзе со столь передовыми в техническом и социально-политическом отношении государствами как Британская империя и Республика Франция, не может проиграть. А тем более разделить судьбу трех империй (Австро-Венгерской, Германской и Османской), оказавшихся «не на той стороне».

Большинство объяснительных схем содержит идею «запаздывания». С позиций представителей «освободительного движения», в первую очередь либералов, правительство вечно запаздывало в области уступок «прогрессивной общественности». Парламент был создан только в 1906 г., причем уже в следующем году принятые императором на себя самоограничения были нарушены. О пропорциональности народного представительства и ответственности правительства перед Государственной думой левая оппозиция могла только мечтать. Находящиеся в центре «ценностного ядра» идеи божественного освящения и ответственности власти перед Богом вынуждали воспринимать каждую подобную уступку как отход от правильного устройства политической системы.

Своеобразный национализм правления Александра III и Николая II, выступающий как противовес идеям либеральной и социалистической модернизации, также натыкался на религиозную основу политической идеологии. Принятие первыми императорами протестантизма как, так сказать, «младшего партнера», не относилось ни к католикам, ни тем более к иудеям. Недаром польский и еврейский «вопросы» превратились в опасные мины, заложенные под здание российской государственности. Причем постоянные колебания в отношении ужесточения/ослабления национальной политики только усиливали решительность политических активистов.

Сословность также рассматривалось как важная часть ценностного ядра российской политической культуры. Об уравнении в правах всех подданных речь не шла. Недаром эта идея использовалась как крайне левыми (идея «равного гражданства»), так и крайне правыми (идея «черной сотни»). Причем отступления от принципов Петровского регулярного государства относительно привилегированных феодалов только усиливали оппозиционность аристократии и дворянства.

Столь выгодный для английской и французской буржуазии прошлых веков тезис о неприемлемости существования наследственных латифундий прекрасно прижился и на русской почве. Столкновение принципов «незыблемости частной собственности» и «земли божьей» породило массу вариантов земельной реформы. Причем правительство П. А. Столыпина усилило социальную напряженность, приступив к фактической ликвидации общинного землевладения.

И, наконец, внешняя политика. Статус великого государства требовал проведения активной и достаточно успешной внешней политики. Особенно в эпоху раздела мира между основными европейскими державами. Причем такая политика требовала мощной экономической базы, на которую опирались бы современные вооруженные силы. Развитой промышленности и развитой транспортной сети явно не хватало в военный период.

Неудача в Крымской войне поставила вопрос о взвешенной и осторожной дипломатической работе. Однако последующие события показали, что далеко не все уроки были учтены. Как и во внутренней политике, внешнеполитические авантюры сменялись периодами относительного «затишья», что одинаково негативно сказывалось на престиже государства в целом, и политического режима в частности. Не хотелось проводить параллели с современностью, но они вполне очевидны.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции; Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: Аст Хранитель, 2006. 445 с.

2. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. 5-е изд. Москва, 1971. Т. 3. С. 1–609.

3. Пайпс Р. Россия при старом режиме / пер. В. Козловского. Москва: Захаров, 2012. 478 с.

4. Струве П. Б. Размышления о русской революции. София: Рус.-болг. изд-во, 1921. XI, 322 с.

5. Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX в.: исслед., историография, источники. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. 396 с.

6. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. 3-е изд., доп. и перераб. Москва: Просвещение, 1968. 368 с.

7. Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II, 1855–1881: ист. очерки. Москва: Журн. «Рус. мысль», 1909. 263 с.

8. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург: Урал. гос. гуманитар. ун-т, 2005. 539 с.

9. Проблемы модернизации российского государства и великие реформы Александра II: соврем. взгляд: сб. ст. и материалов «круглых столов» кафедры теории и истории государства и права / сост. Н. В. Кулаженкова; под общ. ред. Е. Н. Селютиной. Орел: Изд-во Орлов. фил. РАНХиГС, 2015. 303 с.

10. Революция против свободы: дискуссия о реформах Александра II и судьбе государства: хрестоматия / сост. И. Е. Дискин. Москва: Европа, 2007. 228 с.

11. Лагутин И. Б. Государственный финансовый контроль в Российской империи в первой половине XIX в. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. 131 с.

12. Металлургическая промышленность России первой половины XIX в.: сб. док. и материалов / сост. Н. М. Арсентьев. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. 423 с.

13. Экономическая история России XIX–XX вв.: соврем. взгляд: сб. ст. / Науч. совет РАН по проблемам рос. и мировой экон. истории; отв. ред., авт. предисл. В. А. Виноградов. Москва: Росспэн, 2001. 622 с.

14. Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 314 с.

15. Русский орел на Балканах: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников: записки и воспоминания: сборник / Федер. арх. служба России, Рос. гос. воен.-ист. арх.; сост. Н. В. Ильина, Л. Я. Сает. Москва: Росспэн, 2001. 213 с.

16. Скрицкий Н. В. Балканский гамбит: неизвестная война 1877–1878 гг. Москва: Вече, 2006. 413 с.

17. Левицкий Н. А., Быков П. Д. Русско-японская война, 1904–1905. Москва: Изографус Эксмо; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2003. 667 с.

18. Мартин К. Русско-японская война, 1904–1905 / пер. с англ. Е. К. Солнцевой. Москва: Центрполиграф, 2003. 218 с.

19. Уткин А. И. Русско-японская война: в начале всех бед. Москва: Эксмо Алгоритм, 2005. 492 с.

20. Малые войны первой половины XX в.: Балканы. Москва: Аст; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2003. 542 с.

21. Переслегин С. Б. Первая мировая: война между реальностями. Москва: Эксмо, 2016. 412 с.

22. Базанов С. Н. Первая мировая: от «войны до победного конца» к «миру любой ценой». Москва: Акад. проект, 2017. 218 с.

23. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. Москва: Вече, 2006. 524 с.

24. Федосеев С. Л. «Пушечное мясо» Первой мировой: пехота в бою. Москва: Яуза Эксмо, 2009. 572 с.

References

1. Berdyaev N. A. Spiritual foundations of Russian revolution; Origins and meaning of Russian communism. Moscow: Ast Khranitel', 2006. 445 (in Russ.).

2. Lenin V. I. Development of capitalism in Russia. *Lenin V. I. Complete works*. 5th ed. Moscow, 1971. 3, 1–609 (in Russ.).

3. Paips R.; Kozlovskii V. (transl.) Russia under old regime. Moscow: Zakharov, 2012. 478 (in Russ.).

4. Struve P. B. Reflections on Russian revolution. Sofia: Russ.-Bulgarian publ. house, 1921. XI, 322 (in Russ.).

5. Power, society and reforms in Russia in 19th – early 20th century: research, historiography, sources. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009. 396 (in Russ.).

6. Zaionchkovskii P. A. Abolition of serfdom in Russia. 3rd ed., suppl. and rev. Moscow: Prosveshchenie, 1968. 368 (in Russ.).

7. Kornilov A. A. Social movement under Alexander II, 1855–1881: historical essays. Moscow: Magazine «Russkaya mysl'», 1909. 263 (in Russ.).

8. Nefedov S. A. Demographic structural analysis of socio-economic history of Russia. Ekaterinburg: Ural State Univ. of Humanities, 2005. 539 (in Russ.).

9. Kulazhenkova N. V. (comp.); E. N. Selyutina (ed.) Problems of modernization of Russia and Alexander II Great Reforms: modern view: coll. of art. and materials of Dep. of theory and history of state and law «round tables». Orel: Russ. Acad. of National Economy and Public Administration, Orel branch, 2015. 303 (in Russ.).

10. Diskin I. E. (comp.) Revolution against freedom: discussion on reforms of Alexander II and fate of Russia: anthology. Moscow: Evropa, 2007. 228 (in Russ.).

11. Lagutin I. B. State financial control in Russian Empire in first half of 19th century. Kursk: Kursk State Univ., 2006. 131 (in Russ.).

12. Arsent'ev N. M. (comp.) Metallurgical industry of Russia in first half of 19th century: collection of documents and materials. Saransk: Mordovian Book publ. house, 2006. 423 (in Russ.).

13. Vinogradov V. A. (ed., introd.) Economic history of Russia 19th–20th centuries: modern view: coll. of art. / Sci. Council of Russ. Acad. of Sciences on Problems of Russian and World Economic History. Moscow: Rosspen, 2001. 622 (in Russ.).

14. Airapetov O. R. Forgotten career of «Russian Mol'tke»: Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830–1904). Saint Petersburg: Aleteiya, 1998. 314 (in Russ.).

15. Il'ina N. V. (comp.), Saet L. Ya. (comp.) Russian eagle in Balkans: Russian-Turkish war in 1877–1878 through eyes of its participants: notes and memoirs: collection / Federal Arch. Service of Russia, Russian State Military-Historical Arch. Moscow: Rosspen, 2001. 213 (in Russ.).

16. Skritskii N. V. Balkan gambit: unknown war in 1877–1878. Moscow: Veche, 2006. 413 (in Russ.).

17. Levitskii N. A., Bykov P. D. Russian-Japanese war, 1904–1905. Moscow: Izografus Eksmo; Saint Petersburg: Terra Fantastica, 2003. 667 (in Russ.).

18. Martin K.; Solntseva E. K. (transl.) Russian-Japanese war, 1904–1905. Moscow: Tsentrpoligraf, 2003. 218 (in Russ.).

19. Utkin A. I. Russian-Japanese war: at beginning of all evils. Moscow: Eksmo Algoritm, 2005. 492 (in Russ.).

20. Small wars of first half of 20th century: Balkans. Moscow: Ast; Saint Petersburg: Terra Fantastica, 2003. 542 (in Russ.).

21. Pereslegin S. B. World War I: war between realities. Moscow: Eksmo, 2016. 412 (in Russ.).

22. Bazanov S. N. World War I: from «war to victory» to «peace at any cost». Moscow: Akad. proekt, 2017. 218 (in Russ.).

23. Golovin N. N. Russia in World War I. Moscow: Veche, 2006. 524 (in Russ.).

24. Fedoseev S. L. «Cannon fodder» of World War I: infantry in battle. Moscow: Yauza Eksmo, 2009. 572 (in Russ.).

УДК 94(470)"1894/1917":303.442.4

А. Ю. Русаков

О культуре интерпретации исторических событий

Статья посвящена актуальной проблематике современных интерпретаций исторических событий в отечественной и зарубежной исторической, культурологической литературе и публицистике. В статье рассмотрены вопросы, связанные с проблемами развития социальных отношений в России конца XIX – начала XX в. и их влиянием на реформы, а также на возможности развития политической культуры в России. Автор высказывает мнение о том, что политическая культура правящего класса царской России начала XX в., как и его состав, не отвечали требованиям времени. В то же время автор полемизирует с некоторыми интерпретациями конкретных событий и фактов отечественной истории, содержащимися в статье профессора А. В. Швецова «Вызовы правительственной политической культуре пореформенной России», полагая, что причины исторических событий гораздо более масштабны и во многом связаны с глобальными изменениями.

Ключевые слова: культура, политическая культура, исторические события, исторические факты, интерпретация, социальные отношения, внешняя политика

Arkadii Y. Rusakov

On culture of interpretation of historical events

The article is devoted to topical issues of modern interpretations of historical events in domestic and foreign historical, culturological literature and journalism. The article discusses issues related to the problems of the development of social relations in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th century and their influence on the reforms, as well as on the possibilities of developing political culture in Russia. The author expresses the opinion that the political culture of the ruling class of Tsarist Russia at the beginning of the 20th century, like its composition, did not meet the requirements of the time. At the same time, the author argues with some interpretations of specific events and facts of domestic history contained in the article by Professor A. V. Shvetsov «Challenges of the governmental political culture of post-reform Russia», believing that the causes of historical events are much more ambitious and in many respects are associated with global changes.

Keywords: culture, political culture, historical events, historical facts, interpretation, social relations, foreign policy

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-45-48

К столетнему юбилею русской революции 1917 г. вышло немало работ, посвященных анализу причин и следствий этих памятных событий. Большое количество публикаций на данную тему позволило не только более детально и разносторонне обсудить проблемы этого времени, но и исследовать исторические события, связанные с той эпохой. Появилось много любопытных интерпретаций исторических фактов. Интерпретаций интересных, но спорных. В частности, хочу привести в качестве примера статью, с текстом которой автор в силу своих должностных обязанностей ознакомился еще до публикации [1]. Это статья профессора А. В. Шевцова «Вызовы правительственной политической культуре пореформенной России».

Нельзя не согласиться с основными выводами автора этой публикации о том, что социальные отношения старого доиндустриального типа тормозили развитие политической культуры в России конца XIX – начала XX в. Действительно, «императорский абсолютизм и засилье титулованной аристократии» [1, л. 2] создавали огромное количество проблем и в экономической, и социально-политической сферах, не давая возможности для поступательного развития столь необходимых в стране реформ. Справедливым представляется и утверждение профессора А. В. Шевцова, что не только внутренние, но и «внешние вызовы» сыграли очень важную роль в революционных событиях начала XX в. в России.

Сомнения в данной статье вызывают интерпретации исторических событий этого периода, где главная вина за создание острых внешнеполитических конфликтов возлагается в основном на Россию. Можно лишь условно принять точку зрения автора о том, что «Крымскую войну проиграли дипломаты, недооценившие британскую опасность» [1, л. 3]. Министр иностранных дел Российской империи граф К. Нессельроде, бесспорно, оставил в истории отечества довольно мутный шлейф, но в данном случае он действовал по указанию Николая I, т. е. представителя

все того же «императорского абсолютизма», который слишком доверял идее Священного Союза и конкретно Австрии, предательское поведение которой привело к поражению России в Крымской кампании.

Необходимо отметить, что российский император не без оснований доверял австрийскому императору Францу-Иосифу, полагая, что неоценимая помощь российского императорского двора Австрии в 1849–1850-х гг. будет достойно оценена. Тогда Россия, верная своему союзническому долгу, ввела свои войска в Австрию, что позволило ей подавить венгерский мятеж. Через год именно российский император заставил отказаться Пруссию от аннексии Саксонии, Ганновера и Гессена, т. е. тех земель, на которые претендовала Австрия, что подтвердило и упрочило ее репутацию в Германском союзе.

Тем не менее в самый разгар Крымской войны Австрия предъявила своей союзнице России ультиматум, заставила вывести из Дунайских княжеств русские войска и оккупировала княжества, расположив там трехсоттысячную группировку. Прямых военных действий не было, но наличие на границах с Россией столь мощной вооруженной силы отвлекало огромные ресурсы нашей армии, не позволяя им оказать помощь защитникам Севастополя, осажденного франко-английскими оккупантами. В результате Севастополь пал, а Россия потерпела унизительное поражение в этой войне.

Справедливости ради следует признать, что Россия значительно отставала от ведущих европейских стран в процессе индустриализации, что не могло не сказаться на качестве оружия. Блестящие победы российского парусного флота над турецким в начале войны были сведены на нет появлением броненосцев Франции и Англии на Черном море. Отсталость России в промышленном развитии не позволяла строить корабли такого класса. И не только корабли, но и другие виды современного вооружения. Однако потеря преимущества на море не означала поражения в войне. В Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. победа была достигнута без особого участия флота. Кстати, и здесь не могу согласиться с профессором А. В. Шевцовым, который в своей статье утверждает, что эта война «благодаря отказу от обручевского прыжка вдоль побережья, закончилась берлинским конфузом» [1, л. 3]. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала очевидной победой России в военной сфере и на дипломатическом поприще.

Знаменитая фраза А. М. Горчакова, сменившего К. Нессельроде на посту министра иностранный дел Российской империи, очень точно передает все, что в течение последующих пятнадцати лет происходило потом в хозяйственной, дипломатической и военной сферах. Страна действительно «сосредоточилась».

В России все-таки начались и шли реформы, хотя и очень непросто. Они позволили создать социально-экономическую основу для дальнейшего промышленного развития. Именно в это время в стране появляется сеть железных дорог, которые связывают в единое целое европейскую часть государства. Возникает возможность быстрой переброски войск русской армии с севера на юг и с востока на запад. Это сыграло важную роль в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. До 1851 г. в России дороги строили либо в Европу (Санкт-Петербург–Псков–Варшава–Вена), либо между столицами (Санкт-Петербург–Москва).

Меняется внешнеполитический курс России. Австрия, потерявшая своего последнего союзника в лице России, оказывается в изоляции и терпит поражение в итальянской войне. Санкт-петербургский двор дает отмашку на объединение Германии. С подачи А. М. Горчакова, посланником от Пруссии в Санкт-Петербург едет Отто Бисмарк, который затем станет главным действующим лицом в процессе создания Германской империи и нанесет сокрушительные удары по обидчикам России в Крымской войне: Австрии (1866 г.) и Франции (1870–1871 гг.). Англии будет «сосредоточенно» досаждать сама Россия, продвигаясь все ближе и ближе к главной «жемчужине английской короны» через Среднюю Азию.

Что касается «обручевского прыжка вдоль побережья» [1, л. 3], то этот план очень сильно напоминает авантюры молниеносной войны, которые возможны на территориях «в шаговой доступности» Центральной Европы. Там можно, по Мольтке, просчитать шаги и секунды, чтобы реализовать его принцип «идти врозь – бить вместе», но не в России или Османской империи. Здесь этот принцип может быть реализован с большой долей вероятности, что и было сделано командованием русской армии. Итоги войны с Турцией 1877–1878 гг. окончательно подтвердили способность России адекватно отвечать на внешние вызовы.

Категорически не согласен с интерпретацией роли России в развязывании Русско-японской войны. Даже предварительный анализ возможностей России на очень дальнем от нее Востоке в начале XX в. говорит о ее неспособности «провоцировать» [1, л. 3] мощную и уже индустриально развитую Японию. Задача России – удержать то, что есть, а именно – незамерзающие порты на Тихом океане. Понимание этого было задолго до конфликта с Японией.

Сергей Сергеевич Ольденбург в своем фундаментальном исследовании по истории царствования императора Николая II [2], описывая сложную предвоенную ситуацию, писал о том, что в России к войне готовились, понимая, что Японской империи уже тесно на островах, но надеялись на мирное решение проблем. Да и кто мог позволить себе «провоцировать» Японию, если сам российский император непосредственно перед нападением японцев на Порт-Артур говорил о неготовности дать отпор Японии и необходимости нескольких лет подготовки.

Однако о провоцировании говорить можно и нужно, но не о российском и даже не столько о японском или английском, хотя в 1902 г. между Англией и Японией был заключен договор, предполагавший военную помощь. За спиной Японии уже маячила тень грядущего мирового гегемона – США, которые уже прибрали к рукам Форт-Росс с прилегающими территориями в Северной Калифорнии, Аляску, Гавайские острова и в будущем рассматривали Тихоокеанский регион как зону исключительно своих интересов.

В отличие от тогдашней «владычицы морей», соглашений у США с Японией не было, но американский президент Теодор Рузвельт весьма недвусмысленно предупреждал тех, кто мог выступить против Японии, что он «немедленно станет на ее (Японии. – *А. Р.)* сторону и пойдет так далеко, как это потребуется» [2, с. 233].

К этому времени у Соединенных Штатов уже был богатый опыт решения своих геополитических вопросов чужими руками. В свое время Наполеон своими действиями позволил США сделать всю Центральную и Южную Америку зоной исключительно своих интересов. Знаменитая доктрина Монро не могла бы быть реализована, а на флаге США и по сей день красовались бы не более трех десятков звезд, если бы Наполеон не вторгся в Испанию и Португалию. Пиренейские войны образовали вакуум власти в эти огромных колониальных империях. Социальные и экономические потрясения в метрополиях создали условия отделения Бразилии от Португалии и борьбу за независимость испанских колоний в Америке. В результате ряд территорий, принадлежавших испанской короне, стали штатами США (Техас, Калифорния, Нью-Мексико и др.), а остальные, благодаря красивому тезису пятого президента США Джеймса Монро о континентальной солидарности, стали легкой добычей для североамериканских корпораций. Вопрос о силе влиянии США на политику Наполеона остается открытым, но известно, что именно Джеймс Монро был послом США во Франции в годы феерического взлета военной и политической карьеры будущего императора Франции.

В случае конфликта России и Японии расчет англоговорящих великих держав полностью соответствовал заветам Н. Макиавелли. Совет о том, что в союзники надо брать не сильного, а слабого, того, с кем потом можно особо не церемониться, используют до сих пор. Можно вспомнить высказывание конгрессмена и будущего президента США Г. Трумена от 24 июня 1941 г., через два дня после нападения нацистской Германии на Советский Союз: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях» [3].

Япония для США послужила инструментом для вытеснения из тихоокеанского региона более опасного конкурента в лице России, чем Страна восходящего солнца. Солнце Японии померкнет потом, в августе 1945 г., когда погибнут десятки тысяч мирных жителей Хиросимы и Нагасаки, а за сорок лет до этого, в том же месяце 1905 г., в американском городе Портсмут под присмотром президента США Теодора Рузвельта будет подписан мирный договор, согласно которому российские войска оставят Порт-Артур, Корею и Маньчжурию. Через пять лет эти территории начнет оккупировать Япония без какого-либо «провоцирования», и результатом этого захвата будет уничтожение более 20 миллионов китайцев и корейцев. Это исторический факт.

Можно привести еще немало фактов. Их много и в новой, и в новейшей истории, но далеко не всегда эти факты учитываются при интерпретации исторических событий. Иногда это происходит случайно, а порой и намеренно.

Я соглашусь с сентенцией автора рассматриваемой статьи о том, что нужно знать свою историю и делать правильные выводы, но для этого необходимо дать объективную оценку событиям нашей отечественной истории. Сегодня это особенно сложно сделать вследствие целенаправленного внешнего информационного потока, искажающего и деформирующего историческую память.

Однако и в западных странах достаточно много объективных ответственных исследований российской истории. Сегодня их голос почти не слышен на фоне шквала обвинений России и русских чуть ли не в патологической агрессивности со стороны западных масс-медиа. Вот что писал американский историк и политолог, автор теории трансформационного лидерства Джеймс Макгрегор Бернс:

«Сталин знал, что русские солдаты будут плохо воевать в случае нападения на другую страну, но упорно защищать родину в случае нападения врага на их собственную территорию» [4, с. 96]. Он же писал по поводу обвинений нашей страны в подписании пакта Молотова-Риббентропа: «Как стратег Сталин искал способ сочетать идеологию и „реальную политику" в интересах большевизма и отечества. Его армии должны стоять в стороне от долгожданной смертельной схватки фашистов и буржуазных государств. Вместе с тем они призваны предотвратить враждебное окружение матушки-России и войну на два фронта. В 1930-х гг. он предпринимал через министра иностранных дел Максима Литвинова осторожные, спорадические попытки объединиться с западными государствами в борьбе за коллективную безопасность. Западные лидеры, разобщенные и нерешительные, боялись как фашизма, так и большевизма и слишком долго колебались… Мюнхенское соглашение стало не только капитуляцией перед Гитлером, но и катализатором страха и взаимных подозрений между Москвой и Западом. В течение года Сталин заменил Литвинова суровым Молотовым, подписал пакт о ненападении с Гитлером…» [4, с. 95–96].

Столь объективный и взвешенный подход к историческим событиям автора, которого по его убеждениям никак нельзя заподозрить в симпатиях к Сталину и большевизму, говорит о высоком уровне культуры исследователя. И таких примеров немало.

История страны – главное культурное наследие народа, тяжелое бремя которого нет необходимости облегчать или упрощать, тем более приукрашивать. Политическая культура правящего класса царской России начала XX в., как и его состав, конечно же, не отвечали требованиям времени. Однако причины того, что произошло в России в 1917 г. гораздо более масштабны и связаны не только с внутренними проблемами страны, но и с глобальными изменениями, которые происходили за ее пределами. Историческая правда требует всесторонних и ответственных исследований этих трагических событий.

Список литературы

1. Шевцов А. В. Вызовы правительственной политической культуре пореформенной России. 9 л. Рукоп. // Вестн. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. Арх. журн. URL: http: // vestnik. spbgik. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

2. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II / предисл. Ю. К. Мейера. Санкт-Петербург: Петрополь, 1991. 672 с.

3. Whitman A. Harry S. Truman: decisive president // The New York Times. 1941. June 24.

4. Бернс Дж. М. Франклин Рузвельт: человек и политик / пер. с англ. Л. А. Игоревского. Москва: Центрполиграф, 2004. 623 с.

References

1. Shevtsov A. V. Challenges to government's political culture of post-reform Russia. 9. Manuscript. *Vestn. of Saint Petersburg State Univ. of Culture*. Journal archive. URL: http: // vestnik. spbgik. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

2. Ol'denburg S. S.; Meier Yu. K. (introd.) Reign of Emperor Nicholas II. Saint Petersburg: Petropol', 1991. 672 (in Russ.).

3. Whitman A. Harry S. Truman: decisive president. *The New York Times*. 1941. June 24.

4. Burns J. M.; Igorevskii L. A. (transl.) Roosevelt. The souldier of freedom. Moscow: Tsentrpoligraf, 2004. 623 (in Russ.).

УДК 94(396)"-03/-02"

А. А. Попов

Культурные особенности административной организации Греко-Бактрии

Статья посвящена административной системе Греко-бактрийского царства. Географическое и геополитическое расположение Греко-бактрийской державы располагало к тому, чтобы в руках представителей центральной власти было не только гражданское, но и военное управление. В условиях постоянной обороны границ наместники провинций и их районов должны были организовать защиту вверенных им земель и населения. При этом значительные посты могли занимать представители местной элиты. Сатрапы, стратеги, меридархи, фрурархи были не только администраторами, но и военными. Они были не только эллинского, но и индо-иранского происхождения. В период мирного затишья они должны были поддерживать материальную базу подчиненных им войск, совершать маневры, вербовку на службу. В военный период наместники могли выполнять функции полевого командира. В Греко-бактрийском царстве оформилась типично эллинистическая административная система. Она вобрала в себя черты европейской (эллинской) и восточной (иранской) культур. Они органично сочетались друг с другом в социальной, политической, экономической, военной сферах.

Ключевые слова: эллинистический период, эллинистическая культура, эллинистическая армия, сатрапия, Греко-Бактрия, Бактрия, индо-греческие царства

Artem A. Popov

Cultural features of Greco-Bactrian administrative organization

The article is dedicated to the Greco-Bactrian kingdom administrative system. The geographic and geopolitical position of the Greco-Bactrian state disposed to the central staff representatives had not only civil but military control. Under permanent defensive conditions of the borders the governors had to organize a protection of lands and theirs civilians that they ruled by. At the same time the local aristocracy representatives had the opportunity to take up the important posts. Satrapes, strategists, meridarches, phrurarches were not only the administrators but the military men. They were both the Hellenic and the Indo-Iranian by birth. During the military operations absence they had to keep material resources of their forces, to train them, to recruit new ones. During the military operations the governors could be the field commanders. The typical Hellenistic administrative system was arranged in the Greco-Bactrian kingdom. This system included the cultural features of Europe (Greece) and the East (Iran) as well. These features blended together in social, political, economical and military spheres.

Keywords: Hellenistic period, Hellenistic culture, Hellenistic army, satrapy, Greco-Bactria, Bactria, Indo-Greek kingdoms
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-49-55

Культурные взаимодействия современности толкают ученых эпохи глобализации к исследованию сюжетов прошлого, которые могут служить примером. Одна из самых ключевых эпох в истории культурных контактов была эллинистическая, продлившаяся с вступления Александра III Великого на престол в Македонском царстве до рубежа эр, ознаменовавшимся началом истории христианства.

В древности Бактрия занимала самое сердце Евразии – долину реки Амударьи, средоточие культурных процессов Центральной Азии, культурного перекрестка Ирана, Индии, Китая и степной зоны Евразии. Сегодняшний день местных жителей Афганистана, южных частей Таджикистана и Узбекистана не является безоблачным. Многие проблемы стоят перед жителями этого региона и требуют решения.

Один из самых болезненных вопросов касается культурного взаимодействия. Он рождает не только межконфессиональные и межэтнические противоречия, но и политические, социальные конфликты, основанные на экономических проблемах. Разорение, которое принесено бесконечной гражданской войной, распадом государственных структур и политической напряженностью, толкает граждан центральноазиатских государств к миграции, поискам лучшей жизни в соседних странах.

Среди важнейших источников по данной теме следует вспомнить сведения античных авторов, прежде всего, Полибия, Страбона и Помпея Трога в переложении Юстина, нумизматические и археологические памятники.

При этом со времени выхода первой крупной специальной научной работы о Греко-Бактрии прошло двести восемьдесят лет. Автором ее был первый российский академик-гуманитарий Г. З. Байер. Его исследование, имеет полное название «История Бак-

трийского царства греков, в которой вместе с этим излагается древняя история греческих колоний в Индии» («Historia regni Graecorum Bactriani in qua simul Graecarum in India coloniarum vetus memoria explicatur»). Оно вышло в 1738 г. в Санкт-Петербурге в издательстве Академии наук.

Более двух столетий наука не обладала крупными археологическими находками. Лишь с 60-х гг. XX в. ученые смогли прикоснуться к античным сокровищам Афганистана и среднеазиатских республик бывшего СССР. Сегодня городище Ай-Ханум, храм в Тахти Сангине, цитадель Кампытепа, клад из Тилля-тепе и многие другие находки подтвердили сведения, содержащиеся у классиков античной литературы и отраженные в монетах царей Греко-Бактрии и индо-греческих государств.

Один из самых важных сюжетов при рассмотрении государственного устройства, и культуры в целом, затрагивает административную организацию. В Греко-бактрийском царстве деление на провинции и их более мелкие подразделения соединило в себе различные культурные традиции. В этой связи, касаясь процесса проникновения европейской и восточной тенденций в друг друга, важно рассмотреть типичную для эллинизма картину.

Один из значимых литературных пассажей о Греко-бактрийском царстве времени царя Евкратида I Великого принадлежит перу греческого ученого Страбона, чей труд до нас дошел целиком. В этом отрывке говорится об административном делении Бактрии: «Завладевшие этой областью греки разделили ее на сатрапии; из них сатрапию Аспиона и Туриву парфяне отняли у Евкратида. Они владели также Согдианой, расположенной выше Бактрианы по направлению к востоку, между рекой Оксом, отделяющей страну бактрийцев от Согдианы, и рекой Иаксартом. Иаксарт также образует границу с согдийцами и с кочевниками» (перевод Г. А. Стратановского) [1, с. 488].

Здесь мы встречаем четкое упоминание названий провинций Греко-бактрийского государства со статусом сатрапии. Указанный вид административного подразделения существовал со времени Ахеменидов. Персидские цари наделяли сатрапов, наместников этих областей, различными административными и военными полномочиями. В частности, сатрапы собирали налоги и войска. Нередко они лично возглавляли местные контингенты во время боевых действий. Среди бактрийских сатрапов, воевавших на стороне персидской армии, хорошо известен Бесс. Произошло это благодаря его предательству Дария III, последнего царя династии Ахеменидов, воевавшего с македонским царем Александром Великим. Бесс, убив своего хозяина, сам себя провозгласил царем и рассчитывал на снисхождение и милость со стороны македонского владыки. Потом, попав в руки Александра, он был подвергнут жестокой казни.

Получив в свои руки империю Дария III, Александр не стал разрушать бывшее в державе Ахеменидов административное деление.

Такую традицию продолжили многие его преемники. Среди таких диадохов были и Селевкиды, обладавшие «Верхними сатрапиями», т. е. ключевыми территориями Восточного Ирана, включавшего Бактрию и Согдиану. После 305 г. до н. э. они были самыми восточными землями, принадлежавшими Селевку I Никатору. Именно в этом году он заключил договор в индийским царем из династии Маурьев Чандрагуптой I и передал по нему свои индийские владения в обмен на династический брак и целую армию из пятисот слонов.

К середине III в. до н. э. потомки Селевка Никатора погрязли в братоубийственных войнах. На их престоле разразился династический кризис, шла гражданская война за обладание троном. Ситуация усугублялась непрекращающимися Сирийскими войнами с Птолемеями, владыками Египта. Проблемы Селевкидов в Восточной части Средиземноморья оказались фатальными для империи. Восточные провинции, иранские сатрапии, находились под постоянной угрозой вторжения кочевников с севера, о чем указывал впоследствии греко-бактрийский царь Евтидем I на переговорах с селевкидским царем Антиохом III. Обороноспособность этих земель снижалась из-за проблем на западе державы Селевкидов. При этом сложно предположить, чтобы монархи этой империи прекратили использовать экономический потенциал столь богатого региона.

Для сатрапий восточной части сложилась подлинно революционная обстановка. Процессы дезинтеграции крупных имперских государственных образований, имеющих разный культурный облик на региональном уровне, происходят во времена затянувшихся внутренних и внешних катаклизмов. Руководствуясь логикой «спасение утопающих – дело рук самих утопающих», элите иранских сатрапий пришлось осуществлять свое собственное спасение. Примерно в 256 г. до н. э. разразилось восстание, переросшее в борьбу за независимость.

В ходе свержения власти Селевкидов западная часть Ирана перешла в руки Аршака, предводителя скифского племени парнов. Таким образом, на многие столетия Аршакиды воцарились в Парфии и подтвердили опасения, касающиеся вторжения воинственных скифов в этот регион.

Бактрия и Согдиана стали вотчиной Диодота I, который был эллинского происхождения и являлся местным сатрапом. Таким образом, на территории восточных частей Ирана возникло государство под властью греков, которые могли на значительное время не только отстоять страну от врага, но и расширить свои владения за счет индийских провинций.

Греко-Бактрия – плод двух культурных традиций в политической сфере.

Первая является по происхождению иранской. Ведь когда-то существовала независимая Бактрия, которая попала в зависимость к своему западному соседу. При Александре Великом Бесс, сатрап Бактрии, осуществил попытку отделения от рухнувшей империи Ахеменидов. Сепаратизм был в крови местной элиты, которая долго сопротивлялась господству греко-македонских завоевателей. Восстание Спитамена – самый известный эпизод борьбы Александра с такими выступлениями. Македонский царь даже проводил политику выжженной земли. Его женитьба на Роксане, дочери местного крупного аристократа Оксиарта, способствовала нормализации обстановки.

Вторая является по происхождению эллинской. В культуре греков свобода считается огромной ценностью, которая может превосходить ценность физического существования, самой жизни. Примеры этому: казни Эзопа и Сократа. Восстания эллинских контингентов против власти македонских владык происходили в «Верхних сатрапиях» до появления Греко-бактрийского царства, но были подавлены. В обстоятельствах середины III в. до н. э. лозунг «Свобода или смерть» был неуместен. Рациональный подход должен был торжествовать. Следовало создавать новое государство. Оно рождалось на новых началах, в том числе используя культурный и политический опыт предыдущих времен, но реформируя под новые, во многом революционные, обстоятельства. Здесь правители Греко-Бактрии должны были вспомнить политику Александра Великого, применимую с учетом культурных особенностей региона. В противном случае родившееся государство было бы недолговечным.

Две политические традиции стали залогом успеха. Бактрийские эллины не были многочисленны и не превосходили своей численностью местное население. Иранские аристократы прекрасно понимали необходимость в военном альянсе с местным греко-македонским населением.

В противном случае им пришлось бы бороться в одиночку с внешней угрозой и со стороны соседних Аршакидов, и со стороны кочевых скифских племен, и, наконец, со стороны бывших сюзеренов Селевкидов. Их внутренним противником становились колонисты-эллины. При этом последние могли бы стать грозным, хорошо организованным и вооруженным союзником одного из внешних врагов.

К тому же не исключено, что колониальная политика греков и македонян подразумевала заключение браков с местными иранскими кланами и создание новых семей смешанного типа. Поэтому противостояние между различными этносами Бактрии могло вылиться в гражданскую войну.

Греко-Бактрия времени Борьбы за независимость (середина III в. до н. э.) стала государственным зданием, построенным на эллинском и иранском фундаменте. Она прошла путь от сатрапии Ахеменидов, Александра и Селевкидов к независимой державе, эволюционировавшей во II в. до н. э. в многонациональную империю, включавшую в себя не только Бактрию и Согдиану, но и часть Индии.

Эти страны после образования независимости вошли в новую фазу своей административной организации. Управление из столицы в Бактрах должно было осуществляться с помощью разветвленной бюрократической системы. Наличие колонистов в крепостях, эллинистических полисов, подобных Ай-Ханум (Александрии на Оксе), традиционных городских центров, основанных иранцами, и сельских общин, населенных местным населением, диктовало сочетание и употребление новых синтетических подходов.

Бактрийские сатрапии, упомянутые Страбоном, не были старыми провинциями, принадлежавшими прошлым империям. Эти административные единицы явно были меньше по размеру.

Сама же Бактрия при Ахеменидах могла включать в свой состав сопредельные страны. Например, на границе с Индией находилась Гандхара, которая в VI в. до н. э. входила в состав бактрийской сатрапии. Только в 508 г. до н. э. она была выделена в отдельную административную единицу [2, с. 113].

Это касается и Согдианы, которая могла быть в некоторое время в подчинении одного

сатрапа. Сложно говорить о ее делении в составе Греко-Бактрии, тем более в связи с рассмотренным пассажем Страбона, в котором Согдиана рассматривается как целое. Существует вероятность, что она являлась целостной провинцией со статусом сатрапии.

Мы знаем, что первую династию Диодотидов в Греко-Бактрии сверг Евтидем, грек из Магнесии в Малой Азии. На переговорах с Антиохом III он упомянул, что он сверг «изменников» и истребил их потомство [3, с. 175–176]. Возможно, что здесь речь идет о том, что Диодот II, заключивший антиселевкидский союз с парфянами изменил общеэллинскому делу борьбе с варварами-скифами. При этом гипотетически можно предположить, что Евтидем был крупным вельможей в Греко-бактрийском царстве. Может быть он был наместником крупной области, т. е. сатрапии. В этом случае наиболее вероятный вариант его наместничества – Согдиана. Именно эта область могла стать опорой для нового монарха. Она граничила с миром скифов и вела постоянные боевые действия с кочевниками, обладая закаленными в боях контингентами. Однако это является лишь реконструкцией и предположением.

Время образования сатрапий в Греко-Бактрии точно не известно. Это могло произойти уже при первом царе Диодоте I. Второй вероятный вариант – при Евтидеме I. Последний мог это осуществить, памятуя свой способ прихода к власти. В любом случае разукрупнение провинций служило усилению центральной власти в столице. При первых Евтидемидах начинается экспансия Греко-Бактрии в сопредельную Индию. На Индостане существовали различные государственные образования. По этой причине в приобретенных землях могли образовываться новые административные единицы по образу и подобию греко-бактрийских. Вряд ли это была всего лишь одна в административном отношении монолитная территория. Тем более известно, что Страбон указывает, что бактрийские эллины обладали даже побережьем Индийского океана [1, с. 488].

Ко времени Евкратида I Великого, который начал править еще в первой половине II в. до н. э., Бактрийское царство эллинов было разделено на многие сатрапии. Часть из них, как было показано Страбоном, стала добычей набирающего могущество Парфянского царства.

Сложно говорить о конкретных полномочиях сатрапа в управлении бактрийскими провинциями. Очевидно, что его резиденция располагалась в одном из центральных городов вверенной ему местности. В его юрисдикцию могли входить полисы, катойкии (военные поселения), отдельные крепостные сооружения, сельские общины. В зависимости от социального статуса жители этих мест были обязаны нести повинности военного и гражданского характера.

При этом следует учитывать, что власть руководителя сатрапии в Греко-Бактрии была значительно меньше, чем таковая имелась у сатрапов времени Ахеменидов и Александра Великого.

Недаром в период владычества персов некоторые правители областей имели царский статус, а сами Ахемениды называли себя «цари царей». После смерти Александра его преемники, по сути правители сатрапий, развернули борьбу друг с другом, в результате которой были образованы достаточно крупные державы уровня федераций. Вряд ли можно предположить такой же потенциал в руках сатрапа какой-либо греко-бактрийской сатрапии, какой был, например, у Селевка I Никатора, правителя Вавилонии.

При этом в эпиграфических текстах, литературе, нумизматике греко-бактрийских и индо-греческих царей не встречается титул «царь царей», при этом можно встретить следующие громкие эпитеты: «Бог», «Спаситель», «Великий», «Непобедимый» и другие. Это говорит о том, что наместники в государствах под управлением этих царей вряд ли имели царский статус, исключая соправителей из числа самых близких, например сыновей.

Нумизматический материал дает еще одну линию рассуждений. Во время восстания середины III в. до н. э. Диодот сначала чеканил монету с именем Антиоха, селевкидского царя и своего сюзерена. Будучи сатрапом провинции, он мог чеканить свой профиль в том числе на золотых и серебряных монетах [4, p. 147–149, pl. 1, ser. 1–4]. Потом он меняет имя Антиох на свое [4, p. 149–150, pl. 1, ser. 5–7], тем самым провозглашая свою не только финансовую, но и политическую автономность. Именно эта акция превращает его из сатрапа в царя.

После вступления на престол Евтидема I на монетах Греко-Бактрии и индо-греческих государств ни разу не встречается, наряду с именем и портретом правящего монарха, имя или портрет какого-либо наместника. Коммеморативные эмиссии часто путают с подобными чеканами, что является ошибочным. Все портреты и имена имеют царскую принадлежность, что видно или по дальнейшим

эмиссиям, или по имени, или по изображению диадемы, признака принадлежности к правящему дому. Это касается даже мелкой разменной монеты из бронзы или серебра.

Портрет, схожий с монетными изображениями Евтидема I, встречается на монетной эмиссии, на которой указано имя «Диодот», соседствующее с эпитетом «Спаситель» [4, p. 153, pl. 2, ser. 16G]. Скорее всего, Евтидем чеканил эти монеты, будучи или наместником провинции, или во время борьбы за власть.

Ограничение наместника сатрапии в финансовой сфере в Греко-бактрийской державе является явным. Скорее всего, льготы, которые могли получать эллинистические полисы, военные поселения, местные городские, сельские или иные общины, предоставлялись лишь с согласия царя или самим царем. Это должно было исключить попытки сепаратизма, который часто опирается на экономические ресурсы лидера центробежных сил.

Говоря о титулатуре наместника сатрапии следует провести культурные параллели с другими эллинистическими государствами. Многие их таких руководителей носили титул «стратег» (буквально «предводитель войска», «военачальник»). Это подчеркивало их значительный статус в войсках, которые они собирали и которыми они руководили. При этом данный эпитет мог подчеркивать связь с местными эллинами, которые были обязаны военной службой. В столь драматичное время, как период существования Греко-бактрийского царства, войны шли часто. В условиях военного времени статус командира обеспечивал наместнику провинции стабильность.

У нас нет прямых свидетельств наличия таких титулов в Греко-Бактрии и индо-греческих царствах. Монетные чеканы более позднего времени дают косвенные аргументы в пользу таких измышлений. На эмиссиях индо-скифов, которые многое заимствовали от предыдущих греко-бактрийских и индо-греческих монархий, встречаются такие титулы [5, p. 241–242].

Сатрапии в державе бактрийских греков могли иметь свое внутреннее деление. Когда эллины в I в. до н. э. утратили власть над Бактрией, их влияние сохранялось на Северо-Западе Индии. Там встречаются эпиграфические памятники, которые дают нам наименования отдельных областей провинции. Они называются мериды, что буквально означает «части». Их наместники называются меридархами, что буквально означает «предводители частей». Имена этих руководителей разного этнического происхождения. Один из них имеет имя типично греческого происхождения – «Феодор» («Теодор», «Федор») или «Феодот» («Теодот», «Федот»). Другой, был буддистом, человеком, возможно, индо-иранского происхождения, чье имя не сохранилось [5, p. 242].

Удержание крепостей или городов греко-македонские войска осуществляли с помощью специально существовавших гарнизонов. Арриан в «Анабасисе Александра» говорит о том, что существовали в Бактрии в период раннего эллинизма фрурархи, что буквально означает «предводитель гарнизона» [6, с. 115]. Этот античный автор отмечает, что Александр располагал гарнизоны на акрополях крупных бактрийских городов под командованием лиц из числа гетайров, так называемых «друзей», гвардии македонского царя [7, p. 32]. Можно с уверенностью сказать, что в Греко-бактрийском царстве должна была сохраниться такая должность, так как крупные города как экономические и административные центры имели цитадель. На примере Ай-Ханум (Александрии на Оксе) это хорошо можно проследить. В Согдиане, где всегда имелась угроза вторжения номадов евразийских степей, существовали крепости для отражения внезапного нападения.

Пост фурарха, на первый взгляд, должен был носить лишь военный характер. При этом, учитывая характер расположения гарнизонов в крупных городах и на отдаленных форпостах, эта должность имела важное политическое значение. Одна из задач фурарха – защита интересов государства в лице монархии. Например, это могло быть предотвращение разного рода сепаратизма со стороны провинций, их греко-македонской или иранской элиты, полисного и остального городского населения, склонного к активной политической жизни. Недаром Александр назначал на эти должности представителя гвардии, человека чья личная преданность была доказана в бою, во внутриполитических баталиях, в ходе борьбы за власть и во времена заговоров против царя. Скорее всего, традиция иметь при себе отряд привилегированных воинов наподобие гетайров великого македонского царя сохранилась и при дворе греко-бактрийских правителей. Из среды личной царской охраны могли выходить командиры крупных военных соединений, включая гарнизоны значимых цитаделей.

Одно из важнейших сообщений относительно Греко-Бактрии принадлежит Полибию, выдающемуся представителю греческой культуры. Он при описании войны Антиоха III и Евтидема I рассказывает подробности битвы

на р. Арий (Герируд), произошедшей в 208 г. до н. э. [3, с. 150–151]. Отряд, который выступил против селевкидского царя, состоял из «мириада» всадников. При этом это подразделение атаковало тремя «гиппархиями».

Мириад – это число равное десяти тысячам. Поэтому часто в литературе фигурирует именно эта цифра бактрийских кавалеристов в рассматриваемом сражении.

Возможно, здесь мы встречаемся с некоторым понятием, означающим буквально «множество». Однако, зная, с какой скрупулезностью подходил с выбору информации Полибий, можно говорить о приближенной к реальности цифре.

Второй аспект, который должен быть рассмотрен, касается практики применения отдельных конных корпусов такой численности. Например, нам хорошо знаком термин «тумен», отряд из десяти тысяч всадников в монгольском войске. Известно, что, командиром этого подразделения был туменщик. Конные воины поставлялись определенной территорией в качестве военной повинности местных жителей. Такие соединения могли выполнять отдельные задачи без участия самого правителя государства или главнокомандующего. Действительно, столь внушительные размеры этого конного войска могли нанести ощутимый урон противнику и максимально оперативно совершить маневр.

Исходя из этого, можно предположить, что в Греко-бактрийском царстве была практика сбора внушительных конных войск, которая осуществлялась при активном участии местного населения. Без сомнения, это происходило при деятельном участии иранской аристократии, которая вливалась в офицерский корпус этой части греко-бактрийского войска. Местная знать могла иметь и гражданскую власть в мирное время. При этом «мириад» мог быть названием конного подразделения, приближенного по численности к десяти тысячам. Он формировался из числа бактрийцев и других местных жителей во время боевых действий, что могло быть их воинской повинностью. Так как Полибий описывает их построение во время битвы на р. Арий, как атака «нестройной толпой», т. е. лавой, можно предположить, что их вооружение было легким. Это позволило селевкидским войскам в тяжелом вооружении выдержать натиск. Данное обстоятельство говорит о том, что конные бактрийцы в общей своей массе имели недорогое снаряжение и были не столь зажиточны, чтобы иметь тяжелые доспехи. Лишь часть из них была из высшей аристократии.

Другой вопрос касается понятия «гиппархия», употребленного Полибием. Возможно, его следует переводить дословно как «конный отряд».

С другой стороны, крупное конное подразделение в несколько тысяч не могло не иметь своего отдельного командира. Какой чин они носили, мы точно не знаем. В античном мире слово «гиппарх» часто означало, что его носитель является начальником конницы. При этом часто понятие «гиппарх» не имело прямого соответствия его дословному смыслу. Такое название должности или титула могло принадлежать заместителю командующего или другому лицу, связанному с управлением государством или войсками.

Предводителями гиппархий были и иранцы. При этом они могли быть так же, как и командиры отряда из «мириада» всадников, должностными лицами тех провинций, откуда происходило комплектование этих отрядов.

В IV в. до н. э. в империи Ахеменидов, в том числе во время греко-македонского вторжения под предводительством Александра Великого, персидские сатрапы осуществляли руководство контингентами тех областей, которые находились под их управлением. Некоторые сатрапы подчинялись главнокомандующему, который также имел сатрапию в своем ведении. Так, бактрийцами командовал их сатрап Бесс, например в битве при Гавгамелах.

В дальнейшем эта картина не изменилась. Подчинение Бактрии и Согдианы показало македонскому царю Александру всю значимость этого региона, его стратегическое расположение на границе с кочевниками. Не упраздняя пост сатрапа, он доверяет македонянину Аминте управление Бактрией и Согдианой, а также командование целой армией из десяти тысяч пехотинцев и трех с половиной тысяч всадников. Этого было достаточно для удержания стран Восточного Ирана в повиновении и для обеспечения безопасности в случае вторжения северных варваров [6, с. 115–116, 120–121]. Вряд ли это количество войск могло располагаться в одном месте. Они были расквартированы по крепостям и акрополям городов [7, p. 32].

Само географическое и геополитическое расположение Греко-бактрийской державы располагало к тому, чтобы в руках представителей центрального власти было не только гражданское, но и военное управление. В условиях постоянной обороны границ наместники провинций и их районов должны были организовать защиту вверенных им земель и населения. При этом значительные посты могли занимать пред-

ставители местной элиты. Сатрапы, стратеги, меридархи, фрурархи были не только администраторами, но и военными. Они были не только эллинского, но и индо-иранского происхождения. В период мирного затишья они должны были поддерживать материальную базу подчиненных им войск, совершать маневры, вербовку на службу, а в военный период могли выполнять функции полевого командира [7, p. 46].

Общий вывод можно сделать следующий: в Греко-бактрийском царстве оформилась типично эллинистическая административная система. Она вобрала в себя черты европейской (эллинской) и восточной (иранской) культур. Эти культурные традиции – родственные друг другу, так как относятся к одной изначальной общей культурной ветви индоевропейцев, поэтому они столь органично сочетались друг с другом в социальной, политической, экономической, военной сферах.

Список литературы

1. Страбон. География: в 17 кн. / пер., вступ. ст. и коммент. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко; ред. пер. О. О. Крюгер. 2-е изд. Москва: Ладомир, 1994. 944 с.

2. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. Москва: Наука, 1980. 416 с.

3. Полибий. Всеобщая история: в 3 т. / пер., вступ. ст. и коммент. Ф. Г. Мищенко; отв. ред. и вступ. ст. А. Я. Тыжова. 2-е изд. Санкт-Петербург: Наука: Ювента, 1995. Т. 2. 424 с.

4. Bopearachchi O. Monnais gréco-bactriennes et indo-grecques: catalogue raisonné. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991. 459 p.

5. Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1951. 600 p.

6. Арриан. Поход Александра / пер. М. Е. Сергеенко, вступ. ст. С. Ю. Трохачева. 2-е изд. Санкт-Петербург: Алетейя, 1993. 368 с.

7. Nikonorov V. P. The Armies of Bactria (700 BC – 450 AD): in 2 vol. Stockport: Montvert Publications, 1997. Vol. 1. 64 p.

References

1. Strabo; Stratanovskii G. A. (transl., introd., comment.); Utchenko S. L. (ed.); Kryuger O. O. (ed.-transl.) Geography: in 17 vol. 2nd ed. Moscow: Ladomir, 1994. 944 (in Russ.).

2. Dandamaev M. A., Lukonin V. G. Culture and economy of Ancient Iran. Moscow: Nauka, 1980. 416 (in Russ.).

3. Polybius; Mishchenko F. G. (transl., introd., comment.); Tyzhov A. Ya. (ed., introd.) Histories: in 3 vol. 2nd ed. Saint Petersburg: Nauka: Yuventa, 1995. 2, 424 (in Russ.).

4. Bopearachchi O. Monnais gréco-bactriennes et indo-grecques: catalogue raisonné. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991. 459.

5. Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1951. 600.

6. Arrian; Sergeenko M. E. (transl.); Trokhachev S. Yu. (introd.) Anabasis of Alexander. 2nd ed. Saint Petersburg: Aleteiya, 1993. 368 (in Russ.).

7. Nikonorov V. P. The Armies of Bactria (700 BC – 450 AD): in 2 vol. Stockport: Montvert Publications, 1997. 1, 64.

УДК 316.74:159.922.736.3

С. Н. Иконникова

«Защитный пояс» культуры и стратегии отношения к детству

Проблематика статьи определяется трансформациями культуры детства на фоне качественных изменений современной социокультурной реальности в России. Дается общая характеристика культуры детства как составной части культурогенеза. Рассматриваются основные формы отношения к детству, характерные для различных этапов истории. Раскрывается суть «инфантофобии», «инфантицида» и «инфантофилии». Затрагивается вопрос влияния средств массовой информации на культуру детства, а также на современные стратегии отношения к ней. Анализируются некоторые ментальные структуры культуры детства, включая феномен «детского права». Обозначается проблема нехватки контроля в культуре детства в рамках «открытого общества». Ставится вопрос о формировании «защитного пояса» в отношении культуры детства, нуждающейся в обязательной опеке со стороны государства, «экологии», цензуре и защите.

Ключевые слова: культура детства, экология детства, открытое общество, ювенология, инфантофобия, инфантицид, инфантофилия

Svetlana N. Ikonnikova

«Protective belt» of culture and strategy of attitude to childhood

The problem of the article is determined by the transformations of childhood culture against the background of qualitative changes in the modern socio-cultural reality in Russia. The general characteristic of childhood culture as a component of culturogenesis is given. The basic forms of the relation to childhood, characteristic for different stages of history are considered. The essence of the «infantophilia», «infanticide» and «infantophobia» is revealed. The issue of the influence of mass media on the culture of childhood, as well as on modern strategies of attitude to it is touched upon. Some mental structures of childhood culture are analyzed, including the phenomenon of «children's law». The problem of lack of control in the culture of childhood within the «open society» is indicated. The question is raised about the formation of a «protective belt» in relation to the culture of childhood, in need of compulsory care by the state, «ecology», censorship and protection.

Keywords: culture of childhood, ecology of childhood, open society, juvenology, infantophilia, infanticide, infantophobia

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-56-59

Мир детства исследуется комплексом наук. К нему привлечено внимание психологов и педагогов, педиатров и этнографов, экономистов, социологов, юристов, историков и писателей, философов и культурологов. Недавно возникло новое научное направление – «ювенология», связанное с разработкой стратегии комплексного и междисциплинарного исследования детства и юности как этапов жизненного цикла человека.

Специалисты, исследующие эти периоды, объединились в Национальную академию ювенологии, проводят научные конференции, выпускают сборники трудов. Пока нельзя с уверенностью утверждать, что получены принципиально новые результаты, но научное сообщество отражает настоятельную потребность в объединении ученых и практиков для создания целостной картины развития личности в течение чрезвычайно важного периода жизни, оказывающего влияние на последующие этапы зрелости и старости.

Современная модернизация общества требует нового подхода в исследовании личности, преодоления инерции теоретических догм и стереотипов. Многие концепции, столь популярные в прошлом, утратили свое значение и былую эффективность. Для определения стратегии исследования нужна новая парадигма. Она включает смену привычных моделей исследования, методов и принципов научного анализа приоритетных ценностей, присущих данному периоду жизни в изменившейся социальной и культурной ситуации. Формирование новой парадигмы происходит в новых условиях, когда возникают проблемы, неразрешимые в рамках старой парадигмы. Переход от одной системы к другой совершается «не вдруг» и требует значительных усилий, поисков, проверки достоверности и правильности подхода. Этот переходный период отличается «маргинальностью», сосуществованием старого и нового, лишь постепенным вытеснением прежних подходов в изучении

особенностей детства и других возрастных этапов.

В это время существенно меняются приоритеты и ценности развития личности, методы и средства воспитания, возникают новые научные направления, социальные и образовательные институты и центры. Этот период, как правило, влечет за собой смену авторитетов и лидеров научных направлений, мировоззрения и мировосприятия. Появляются новые имена, концепции, стратегии реформ. Смена парадигм – всегда нечто большее, чем простое чередование теорий. За этим виден контур новой реальности, в которой постепенно возникает ценностно-смысловое ядро, стержневая линия идеологии отношения общества и всех социальных институтов к детству и другим возрастным этапам. Вместе с тем происходящее обновление не означает полного отказа от научных достижений предыдущих исторических эпох. Оно позволяет более полно аккумулировать опыт поколений, избежать односторонности и тенденциозности в подходах и оценках перспектив развития детства. Новая парадигма значительно расширяет рамки исследования, дает возможность проследить «сквозной» ряд перемен в подходах к детству, проявляющихся в различных социальных и культурных условиях, даже в экстремальных.

Мир детства – это начало человеческого бытия. В нем заложены возможности и перспективы дальнейшей реализации личности. Детство является необходимым этапом продолжения человеческого рода. Оно создает реальную связь между поколениями, осуществляя трансляцию культурного наследия, освоение предшествующего опыта, его осмысление и «фильтрацию».

Особенно важно подчеркнуть идею самоценности детства, его внутренней насыщенности переживаниями, эмоциональными отношениями, невидимыми взрослому миру и не всегда осознаваемыми самим человеком. Они действуют на подсознательном уровне, но оказывают влияние на всю последующую жизнь.

Отношение к детству менялось на разных этапах истории и в разных культурах.

Периоды «инфантофобии», страха перед рождением и будущим ребенка многократно повторялись в истории. Они отразились в фольклоре, сказках, легендах, мифах. Образы злой мачехи и трудолюбивой Золушки; наивность Красной Шапочки, которую намеренно отправляют одну через лес; доверчивость козлят, брошенных на произвол судьбы, – эти и многие другие сюжеты свидетельствуют о сложности, а иногда и несовместимости восприятия мира детей и мира взрослых.

Детские страхи темноты, наказания, одиночества, утраты и потребности в тепле, заботе, добром слове и ласковом прикосновении запоминаются с раннего детства на всю жизнь. Этому способствует психологический механизм «импринтинга», бессознательного отпечатка в памяти событий и отношений.

Эмоциональная привязанность к старшим, ранимость и страдания от оскорблений, упреков, побоев тоже не проходят мимо сознания, как это кажется взрослым.

«Инфантицид» был исторически первой формой отношения к детству. Ограничение рождаемости, высокая смертность, предпочтение того или другого пола младенцев, низкий уровень гигиены, использование различных средств для прерывания беременности, ранняя трудовая занятость и ответственность – все это сокращало детство, не давая реализоваться и раскрыться его возможностям. Впоследствии к этому добавилось отношение к ребенку как к «исчадию Ада», изначально накопившему вселенское Зло, которое надо укротить, выбить с помощью дисциплины и наказаний «дух своеволия и непокорности». Эти представления о сущности детства отразились в системах воспитания и организации детской жизни.

Подобное отношение характерно не только для далекого прошлого.

Различные формы поощрения сокращения рождаемости в Китае и других странах; сознательная ориентация на бездетный брак или малодетную семью; различные формы «безопасного секса», варварское убийство младенцев – все это является свидетельством распространенности «инфантофобии» и в современном обществе.

«Инфантофилия» – любовь и обожание детства, стремление создать максимум условий для реализации способностей, дарований, талантов, сделать детство счастливым безопасным «земным Раем». Это является другой формой отношения к детству, которая была в истории культуры разных народов и типична для современности. Она выражалось формулой «Дети – цветы жизни», «ничто в мире не стоит детской слезинки», призывом жить «во имя будущих поколений».

Эта тема так же нашла отражение в фольклоре, мифопоэтических образах, религиозных и светских нравственных ценностях, педагогических и философских теориях, про-

изведениях искусства и литературы. Достаточно вспомнить Ж.-Ж. Руссо, Я. А. Коменского, Песталоцци, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Я. Корчака, В. А. Сухомлинского.

Христианство поддерживало любовь к детству, воплощая это чувство в поклонении Богоматери с младенцем Иисусом Христом, поощрении рождаемости и запрещении абортов. Ностальгия по таинственному миру «блаженного существования» в окружении заботливых взрослых отражена в воспоминаниях писателя В. Д. Набокова, художника А. Н. Бенуа, поэта Б. Окуджавы.

Завершение детства часто воспринимается как «изгнание из Рая», разрыв с прежней жизнью и погружение в новое, неизведанное Бытие.

Восприятие будущего в определенной степени связано с гармонией детства или преобладанием в нем тревожных состояний и переживаний. Иногда считается, что гармоничное детство снижает адаптивные возможности человека, уменьшает силы сопротивления деструктивным явлениям взрослой жизни. Сторонники этого подхода стремятся «насытить» мир детства жестокостью, соперничеством, прагматизмом, цинизмом и отсутствием веры в искренность дружбы, бескорыстность любви и человеческих отношений. Но в действительности такой подход имеет обратный результат, поддерживая в человеке агрессивность, зависть, недоверие, цинизм.

В этом плане особое усердие проявляют некоторые телевизионные и сетевые ресурсы, наиболее распространенные средства массового и практически бесконтрольного влияния на личность. Приемы насилия, убийств, драк, оскорблений, манеры поведения и жаргон усваиваются и используются в отношениях между детьми.

Правосознание детства – мало изученная сфера сознания и поведения. Это сложный и динамичный мир, имеющий свои правила и нормы, законы достоинства и чести, способы поощрения и наказания, опирающиеся на обычное право и «уличную» традицию. В нем причудливо соединены милосердие и жестокость, утилитарность и романтика, подражание лидерам и внушаемость, стремление к независимости и отсутствие опоры.

Существует ряд концепций, рассматривающих «детское право» как наиболее древний и архаичный слой культуры; как «зеркало» взрослой жизни; как источник деформации психики и многочисленных комплексов неполноценности; как образец справедливости и гуманности.

Правосознание детства может быть названо «археологией культуры», ибо в нем отражаются социальные и психологические стереотипы отношений. Оно включает определение границ дозволенного поведения; правила отношения к младшим и старшим детям; близким и дальним взрослым, регулирует отношение к правам и обязанностям. В нем особое значение имеют эмоциональные переживания расплаты за проступок, боязнь наказания, запреты на слова и действия.

Детское право предписывает хранить тайну при самых трудных обстоятельствах, осуждает донос, припечатывая клеймо «ябеды». Для наказания используются жесты и позы, бойкот и дразнилки, ругань и оскорбления, которые могут довести до самоубийства.

В фильме Р. Быкова «Чучело» эта ситуация детской жестокости представлена очень убедительно.

В постсоветской культуре детства в условиях становящихся рыночных отношений широкое распространение получили отношения купли-продажи, двойная мораль, «дедовщина», месть, сексуальные притязания и насилие, грубость и распущенность, безразличие к страданиям, неуважение к старшим. Особую тревогу вызывала детская безнадзорность, возникновение детских сообществ и банд, занятых воровством, перепродажей, нищенством, хулиганством. Детство в такой ситуации утратило безмятежность, гармонию с окружающим миром, обрело контуры непредсказуемости будущего.

Гарантом безопасности детства, направленным на предупреждение распространения в культурном пространстве России вседозволенности и жестокости, насилия и неуважения достоинства личности выступил «защитный пояс» культуры, представленный различными «фильтрами» и мерами цензуры, акцентом на человеколюбие и традиционные ценности, целенаправленную политику в сфере «экологии детства».

Сейчас стало очевидно, что эскалация интеллектуальной и нравственной дистрофии привела к серьезным утратам в духовном облике молодого поколения. Ворвавшиеся в постсоветское культурное пространство перемены и новшества оказали существенное влияние на психологическое состояние и самочувствие человека. Люди стали жить на «повышенных скоростях», мир вокруг стал стремительно и необратимо меняться – идеи и вещи, места проживания и работы. Жизнь в «открытом обществе» увеличила число человеческих контактов, сделала их более по-

верхностными, сформировала устойчивое чувство одиночества, разрыва прежних соседских, родственных и дружеских связей. Это привело к ощущению хрупкости мира, неуверенности в будущем, вызвало психологическую перегрузку и усталость, стрессы и депрессии.

Конечно, «открытое общество» имеет много достоинств, предоставляя человеку возможность самореализации, свободы слова, выбора образа жизни в соответствии со своими намерениями и стремлениями. Но оно отвергает прежнюю «патерналистскую» модель ожидания заботы общества о детстве, предоставляя родителям и подрастающему поколению решать эти проблемы самостоятельно. Однако в таких реалиях многие проявляют инерцию сознания, ожидания перемен от смены власти, неумение воспользоваться новыми возможностями. Для молодого поколения эти проблемы стоят особенно остро.

В результате на современном этапе истории России возникает необходимость разработки стратегии сохранения и защиты детства, способной адаптировать ребенка к новой социокультурной ситуации. Детство нуждается в чувстве защищенности, стабильности и доброжелательности окружающего мира. Ему необходимы жизненные ориентиры, которые одобряются и поддерживаются, получают признание и уважение. Важно создавать своеобразные экологические ниши и «островки стабильности», выполняющие роль амортизатора, содействующие восстановлению душевных сил. Отсутствие чувства идентификации на фоне множества мировоззренческих оснований, сценариев поведения и неограниченных свобод порождает заброшенность, бесприютность, вызывает негативное отношение к взрослым, занятым своими проблемами.

В современных условиях необходимо возрождать почти полностью разрушенную в недавнем прошлом систему занятости детей и подростков в клубах, кружках самодеятельности, центрах организации досуга и творчества, любительских объединений, школ искусств, летних лагерей. Это не означает возврата к советскому прошлому, но как показал исторический опыт, детство нуждается в обязательной опеке со стороны государства, «экологии» и защите.

Такая система детского воспитания призвана выполнять не только функцию развития личности, поддержки талантов и способностей, но и выполнять роль «буфера», снимая стресс, усталость и беспокойство, создавая в обществе очаги энергетического притяжения, заботы и доброжелательного участия в судьбе каждого человека. Эта система основывается на гуманистических принципах, увеличивая интеллектуальный и духовный ресурс России, стимулируя развитие самостоятельности и творчества.

УДК 316.7:316.346.2

В. П. Большаков

Особенности гендерных культурных практик

Рассматриваются современные представления об особенностях гендерных культурных практик. Эти особенности обнаруживаются как реализуемые в разных формах проявлений феминного и маскулинного, мужского и женского поведения, начиная с хозяйственных практик и практик освоения пространств. Рассмотрены различия в мере и характере оформления внешности мужчинами и женщинами. Показано, что гендерные культурные различия ярко проявляются в связи с различиями в социальных ролях и этнонациональных условиях жизни. Отмечены современные проблемы гомосексуальных практик, а также противоречиво реализуемых культурных практик эмансипации.

Ключевые слова: культурные практики, гендер, ценностные смыслы, мужское поведение, женское поведение, сексуальные отношения, брак, проституция, эмансипация

Valerii P. Bol'shakov

Especlally gender-based cultural practices

The article deals with modern ideas about the peculiarities of gender cultural practices. These features are found as implemented in different forms of manifestations of feminist and masculine, male and female behavior, starting with economic practices and practices of space development. Examined the differences in the extent and nature of the design appearance of men and women. It is shown that gender cultural differences are found in connection with differences in social roles and ethno-social conditions of life. Modern problems of homosexual practices and contradictory cultural practices of emancipation are noted.

Keywords: cultural practices, gender, value meanings, male behavior, female behavior, sexual relations, marriage, prostitution, emancipation
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-60-64

Специфические проявления феминности и маскулинности в разных культурах вызывали интерес у исследователей достаточно давно. Но до сих пор особенности гендерных культурных практик актуальны для научного рассмотрения при осмыслении проблем эмансипации, проявлений сексизма и ряда других, остающихся весьма острыми.

В культурологии гендер – это понятие, которым обозначается своеобразие мужского и женского в культуре, реализуемое в разных формах проявлений мужественности и женственности, мужского и женского поведения.

Соответственно: гендерные культурные практики – это те, в которых реализуется указанное своеобразие. Причем, оно может быть реализовано не только само по себе, а в любых видах культурных практик, особо реализуемых мужчинами и женщинами.

Так, хозяйственные культурные практики с самого начала становления человеческих сообществ обретают ярко выраженную гендерную окраску. В первобытных племенах женщины по преимуществу собирательницы, а мужчины – охотники. И далее некоторые виды деятельности закрепляются более за женщинами, некоторые – за мужчинами. Скажем, мастерство каменотесов или кузнецов чисто мужское, а с иголкой для шитья, а до поры даже с шитьем на швейных машинах, лучше управляются женщины.

В культуре повседневности практики ведения домашнего хозяйства, хозяйственные хлопоты: стирка, готовка пищи, уборка жилых помещений, уход за маленькими детьми тысячелетиями остаются характерными именно для женщин.

При освоении пространств, их окультуривании, выделяются зоны по преимуществу женские и мужские: порой очень выразительно. Так, в домах древних греков существовали мужское пространство – андрон, и женское – гинекий. Не столь выразительно, но и в России, например, в сельских помещениях до XIX в. пространство около печи считалось женским, и мужчины туда без особой нужды не заходили. В домах состоятельных мусульман при развитии многоженства устраивалась закрытая для посторонних мужчин часть дома, так называемый гарем, в которой жили, проводя практически все время, жены хозяина.

В современных домах разделение пространства на мужское и женское сохраняется хотя бы частично. Так, в Советском Союзе

очевидно мужским пространством считался рабочий кабинет (если таковой был), а в еще большей мере – гараж, где мужчины отдыхали от семейной жизни. И, повторимся, в XX и XXI вв., несмотря на упрощение процесса приготовления еды в домашних условиях, значительная часть женщин воспринимает кухню как «свое» пространство.

И городское пространство делится (притом, что это сейчас не абсолютно) на по преимуществу мужские и женские заведения: салоны красоты, фитнесы, с одной стороны, пивные и бары – с другой.

Деление пространств купания, омовения на мужские и женские (по месту или по времени) довольно давнее, а вот выделение специальных отдельных туалетных помещений сравнительно позднее цивилизационное достижение. Даже в цивилизованных странах Запада общественные туалеты долгое время существовали только для мужчин. В Амстердаме до сих пор достаточное количество мужских (в том числе мужских по конструкции) туалетов на улицах. А подобные удобства для женщин не считаются обязательными.

Отношение к мере и характеру демонстрации обнаженности мужского и женского тел и к оформлению мужской и женской внешности изменялось в разных исторических условиях. В первобытных племенах своей внешностью занимались в основном мужчины-воины. Для них характерны были боевая и ритуальная раскраска, ритуальные одежды, шрамирование, татуировки. Они же стремились украсить себя даже в обыденной обстановке, используя ожерелья из зубов и когтей хищников, перья птиц, шнурки из волос их же женщин, цветы и многое другое. Во всех древних цивилизациях, впрочем, постепенно женщины из высших сословий стали особо одеваться, пользоваться разнообразными украшениями, кремами, макияжем, делать все более сложные прически, маникюр и педикюр.

Отношение к обнаружению особенностей мужской и женской телесности менялось вплоть до того, что в Европе был разработан так называемый каркасный тип женского платья, при котором естественные женские формы полностью скрывались, но которые создавали «искусственную женственность». На Востоке в исламских странах женские формы и даже лица женщин должны были вообще скрываться специальной одеждой.

В Европе Нового времени вполне естественным для светских дам стало декольтирование, притом что остальные части тела не полагалось демонстрировать в присутствии мужчин. Даже ручки скрывались перчатками. XX век в постиндустриальных обществах постепенно освободил проявления женской телесной привлекательности от действия разнообразных табу. В то же время, унисекс начал частично стирать искусственные гендерные отличия мужского и женского обликов.

Вообще телесная женственность порой формировалась специальными практиками, которые с оговорками можно считать культурными. Так в традиционном Китае в аристократической среде был распространен обычай бинтования ног у девочек [1]. Маленькие ножки и, кстати, маленькие ручки с длиннющими ногтями составляли предметы особого восхищения мужчин. Они воспринимались как особо красивые и свидетельствовали о благородном происхождении и времяпрепровождении их обладательницы. Ножки девочек специально уродовали, доводя до нужного размера, так что женщина, ножки которой стали маленькими, почти не могла ходить без посторонней помощи.

В средневековой Японии девочек учили культурно спать: только на спинке, ручки вдоль тела, для чего длительное время на ночь ручки привязывали к телу, а ножки связывали.

Собственно гендерные культурные практики обнаруживались, конечно, в связи с различиями в социальных ролях, которые выполнялись обоими полами. Причем, доминировавшая веками патриархальность человеческих сообществ выявляла прежде всего своеобразие женских культурных практик. В речи, приписываемой афинскому оратору Демосфену, говорилось: у нас есть куртизанки для развлечения, любовницы, чтобы о нас заботиться, и жены, чтобы рождать законных детей. Как бы то ни было, деторождение – чисто женская практика, и практика в человеческих сообществах – практика культурная. Она ведь включает в себя не только собственно рождение детей, но включение развития новорожденных в культуру повседневности определенного социума. Недаром в самых разных этносах женщина-мать пользовалась особым почтением. Недаром в древнем Риме состоятельные семьи к заботам матерей о детях добавляли заботу кормилиц-гречанок, которые, по их мнению, кормили детишек не только молоком, но и культурой.

Что касается любовниц, то чувства половой любви, своеобразно проявляемые в Древней Греции (где совершенно естественной была лесбийская любовь, а также любовь зрелых мужей к юношам) не были определенно

связаны с материнством. И практики любовных отношений, начиная с любовного ухаживания, в Европе, например, развились только в позднем средневековье. Культурную оформленность отношениий любви ввели в обиход европейского рыцарства поэты – трубадуры. Культ Прекрасной Дамы, развившийся в Европе, предполагал и особую гендерную практику, реализуемую мужчинами, – практику рыцарского отношения к женщине (правда, только своего круга, дамы, а не простолюдинки). То же самое проявилось в явлении куртуазности в отношениях между полами. Когда (в европейском Ренессансе) ценностями жизни стали не платонические чувства, а страсти, усилилась откровенность физического влечения одного пола к другому, проявляемая в тщательно разработанном этикете. Позже это стало практикой так называемой эстетики будуара XVIII в., который иногда называют не только галантным веком, но веком женщины. В отношениях полов в это время доминирует культ наслаждения. Был выработан сложный ритуал любовных игр с использованием разного рода вещей (веера, маски), а также ритуала утреннего туалета дамы, когда она флиртовала и одновременно занималась делами: отдавала распоряжения, выслушивала предложения модисток, торговцев и принимала визитеров в постели или даже в ванне. Разумеется, это касалось только дам высшего света. Джентльмены и леди XIX в. в своих отношениях ослабили чувственность куртуазности XVIII в., но выработали и проявляли своеобразную эстетику и этику в общении друг с другом.

Практики особых отношений между представителями разных гендерных групп выразительно демонстрируют также гетеризм в Древней Греции (гетеры, скорее подруги, чем любовницы) и такое чисто японское явление как гейши [2]. Гейшами, например, первоначально были мужчины. Самураи почитали развлекательное общение с женщинами в чем-то нечистым и недостойным доблестных и ученых мужей. Поэтому они предпочитали представителей своего же пола, столь же образованных и могущих поддержать интеллектуальную беседу за чашечкой саке. И только со временем появились гейши-женщины, которые вытеснили гейш-мужчин. Гейши-женщины выступали хозяйками вечеров, развлекая своих гостей-мужчин, ведя нить беседы, играя на разных музыкальных инструментах, услаждая слух пением. Ни для гетер, ни тем более для гейш оказание услуг сексуального характера не было обязательным и распространенным.

Культурные практики удовлетворения сексуальных потребностей реализовывались и в брачных, и во внебрачных формах. Мера культурности этих практик была различной в разных этнонациональных условиях. В Европе, например, очень долгое время сексуальные отношения в браке, да и вне брака, слабо окультуривались. В то же время в Индии с древнейших времен этому уделяли специальное внимание. Там был создан трактат о чувственной эмоциональной стороне отношений мужчин и женщин Камасутра, дающий специальные практические рекомендации по регулированию, гармонизации этих отношений.

В глубокой древности возникли и культурные практики проституции, переросшие в так называемую секс-индустрию. В древних сообществах проституция, которую иногда именуют храмовой, во многом носила религиозный культовый характер. Хотя под проституцией понимается оказание сексуальных услуг за деньги, половая активность с лицами, не являющимися мужьями и женами, в обмен на деньги или другие ценности.

Некоторые исследователи считают, что переход от беспорядочных половых связей к моногамному браку способствовал появлению проституции, ставшей своеобразной заменой свободы половых отношений [3]. Причем, поначалу проституция была связана с так называемым «гостеприимным гетеризмом» – означавшем право гостя на жену или дочь хозяина или право чужеземца на женщину в храме или священной роще. Последнее, правда, уже предполагало плату женщинам отдававшимся иноземным гостям. В Индии храмовые проститутки назывались баядерами. Особенность древней проституции была еще и в том, что ею зачастую занимались танцовщицы, музыкантши.

Однако проституция постепенно везде теряла культовый характер и становилась разновидностью сексуальной индустрии. При этом занятия проституцией порицались и христианской церковью и осуждались средневековой, да и более поздней моралью. Пародаксально, тем не менее что «в эпоху Ренессанса прямо откровенно заявляли, что проститутки и дом терпимости – необходимая защита брака и семьи» [4, с. 379]. Речь, разумеется шла только о женской проституции.

Организация и легализация проституции в самых разных странах оправдывалась необходимостью для мужчин получать сексуальное удовлетворение и за пределами брачно-семейных отношений. Особенно в портовых городах. А также преодолеть дезертирство

солдат. Легализация проституции в современных государствах не одинакова. Но во всяком случае, поскольку это явление представляется неискоренимым, а к тому же в XX в. сложилось представление о проститутках как о переносчиках опасных болезней, проституцию ставят под социальный (в том числе медицинский) контроль. А кое-где, как скажем в Японии, и вовсе запретили.

С давних времен существует и мужская проституция, социально не организуемые практики, менее распространенные, зато предполагающие не кратковременные отношения. Мужчин в этих случаях называют альфонсами или жигало.

С проституцией в наше время непосредственно связан секс-туризм – поездки с целью осуществления коммерческих сексуальных отношений туриста с жителями определенной местности. Частью секс-индустрии является стриптиз – эротический танец с частичным или полным обнажением. Существуют специальные стрип-бары и ночные клубы. Где-то проведение стриптизных развлечений разрешено, хотя обычно с лицензированием, где-то запрещено и существует «подпольно».

В XX в. развилась отрасль мировой экономики, производство и продажа товаров сексуального характера, вплоть до порнографического. Порнографические изображения создавались и раньше. И пользовались спросом. В Европе с XVI в. «срамными картинками» торговали на ярмарках. В середине XIX в. продажу и пересылку непристойных материалов начали запрещать. Но ни в одном из законов не было точно обозначено, что именно обозначает «непристойный». И в наше время грань между эротикой и тем, что именуют порнографией, довольно зыбка. Хотя создание и распространение порнографической продукции (особенно с использованием фото, кино и видео) стало предметом различного рода запретов. Тем не менее порноиндустрия развивается и приносит колоссальные прибыли. Во всех цивилизованных странах продолжается борьба хотя бы за полный запрет использования детей в производстве порнографической продукции.

Вообще по мере развития цивилизаций все более осознается значение гендерных аспектов культуры детства и взросления. Девочки и мальчики почти с момента рождения выявляют особенности каждые своего пола. Мальчики играют в ножички, в войну, девочки – в куклы, в дочки-матери. Практически во всех древних и не очень древних сообществах мальчики готовятся к ролям воинов, добытчиков, наследников мастерства и дела отцов. Девочки – к ролям материнства, домоводства, «вывески» мужей, украшения бытовой и общественной повседневности.

Характерны в этом смысле воспитательные моменты, начиная с древних инициаций, становления подростков, юношей взрослыми воинами и до раздельного обучения и воспитания мальчиков и девочек, время от времени организуемого в разных сообществах. Разнообразные кадетские корпуса и институты благородных девиц, или просто мужские и женские школы, существовали не так давно в советской России.

Гендерное измерение культуры не исчерпывается оппозицией мужское/женское. Гомосексуальные практики, сексуальные меньшинства геи и лесбиянки существуют опять-таки с глубокой древности. В тоталитарных обществах гомосексульность не только осуждается, но зачастую подлежит уголовному преследованию. Либерально-демократическая система ценностей отвергает гомофобию как разновидность человеконенавистничества. Впрочем, легализация однополых сексуальных отношений, однополых браков все еще представляет собой проблему, решение которой в разных странах вызывает социальные конфликты.

Проблемы гендерных аспектов жизни и культуры остро проявляют себя в культурных практиках так называемой эмансипации – процесса борьбы женщин за равенство с мужчинами во всех сторонах жизнедеятельности. Положение женщин в европейских и американских, а позже и в азиатских странах, на протяжении XX в. (точнее, с конца XIX в.) менялось в сторону все большего равенства с мужчинами в социальных правах и жизненных возможностях, возможностях самореализации. Уже во время и после Первой мировой войны женщинам пришлось заменять и дополнять мужчин в самых разных видах деятельности, притом, что заботы о доме и детях оставались на их плечах. Женская эмансипация пошла семимильными шагами. Большинство женщин даже странах так называемого третьего мира не стремилось к роли домохозяек. Женщины стали более решительными, деловыми и, несколько менее женственными. А мужчины при этом становились менее мужественными (разумеется, в среднем).

Результаты эмансипации в плане отношений мужчин и женщин в разных странах различны, хотя уже нигде не сохранилось явных следов культа Прекрасной Дамы. В книге «Эти странные французы» (написанной француз-

скими авторами и изданной в 1999 г. в Москве) отмечалось, что у француженок по-прежнему такой вид, словно мужчины непременно должны распахивать перед ними двери, подносить им чемоданы и уступать место в транспорте. И они с удовольствием воспринимают комплименты, от которых пришли бы в ярость английские и тем более американские женщины. В Америке современной, отпуская комплимент или пытаясь помочь женщине, можно попасть под уголовное преследование. Ведь таким образом мужчина якобы оскорбляет женщину, проявляя либо сексуальное домогательство, либо давая понять женщине, что она слабое, неравное мужчине существо. А это не так. И женщине незачем пользоваться макияжем и носить какую-то специальную одежду для представления собственной красоты и значительности.

В этом плане процесс эмансипации пошел в тупиковом направлении. Кроме того, этот процесс содействовал тому, что в европейских странах почти исчезли большие семьи, семьи с большим количеством детей, совместным проживанием старших и младших поколений.

В современном мире женщины (еще не достигшие полного равенства) не так зависимы от мужчин. Женщина даже с детьми вполне может прожить без мужа. Мужчины также освободились от зависимости в условиях общепита, технизации быта, наличия разнообразных сервисных услуг. Они также могут обходиться без жен, во всяком случае без законных супруг.

Таким образом, гендерные аспекты культурных практик, гендерные культурные практики развиваются противоречиво. Стремления к свободе личности и к гармонии – в сложных жизненных обстоятельствах далеко не всегда удается нормально сочетать. Тем более, что и «нормальность» не однозначна в разных житейских условиях.

Список литературы

1. Дворкин А. Гиноцид, или Китайское бинтование ног // Антология гендерной теории. Минск: Пропилеи, 2000. С. 7–29.

2. Синицын А. Ю. Особенности культуры повседневности традиционной Японии // История культуры повседневности / под ред. В. П. Большакова, С. Н. Иконниковой. Москва: Проспект, 2016. С. 130–152.

3. Блох И. История проституции. Москва: Аст Пресс; Санкт-Петербург: Рид, 1994. 543 с.

4. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов, эпоха Ренессанса. Москва: Республика, 1993. 510 с.

References

1. Dworkin A. Gynocide: Chinese footbinding. *Anthology of gender theory*. Minsk: Propilei, 2000. 7–29 (in Russ.).

2. Sinitsyn A. Yu. Features of everyday culture of traditional Japan. *Bol'shakov V. P. (ed.); Ikonnikova S. N. (ed.) History of everyday culture*. Moscow: Prospekt, 2016. 130–152 (in Russ.).

3. Blokh I. History of prostitution. Moscow: Ast Press; Санкт-Петербург: Rid, 1994. 543 (in Russ.).

4. Fuchs E. Illustrated history of manners, Renaissance. Moscow: Respublika, 1993. 510 (in Russ.).

УДК [316.77:004]:2-4

А. В. Конева

Трансформация религиозных практик в информационную эпоху

Исследована проблема влияния цифровых технологий современности на трансформации идентификационных и культурных практик. Современная информационная культура во многом определена развитием цифровых технологий, изменение коммуникационного пространства определяет и изменяет многие привычные практики человеческой повседневности. В данном исследовании ставится вопрос, как изменяется религиозное сознание в целом и религиозные практики в связи с распространением Интернета. Анализируются различные научные подходы к проблеме и конкретные религиозные практики. Сделан вывод о том, что дигитальное пространство ставит перед религией не просто вызовы технико-технологического, но и метафизического порядка, заставляя переосмысливать изначальные авторитеты и ценности и, вслед за этим, находить иные способы практик, которые позволили бы религии продолжать быть в Сети, что затрагивает не только идентификационные практики, но и ценностные доминанты культуры.

Ключевые слова: религиозное сознание, религиозные практики, культурные практики, цифровая культура, идентификация, идентичность, миссионерская деятельность, сакральное

Anna V. Koneva

Transformation of religious practices in contemporary digital epoch

The problem of the influence of modern digital technologies on the transformation of identification and cultural practices is investigated. Modern information culture is largely determined by the development of digital technologies, changing the communication space determines and modifies many of usual practices of human everyday life. This study poses the question of changing of religious consciousness in general and religious practices under influence of the spread of the Internet. Different scientific approaches to the problem and specific religious practices are analyzed. It is concluded that digital space confronts religion not just with technical and technological challenges, but also with metaphysical order, forcing them to rethink their original authorities and values and, after this, to find other ways of practice that would allow religion to continue to be on the Net, affects not only identification practices, but also cultural value dominants.

Keywords: religious consciousness, religious practices, cultural practices, digital culture, identification, identity, missionary activity, sacred

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-65-72

Процессы развития техник и технологий существенным образом влияют на социальную жизнь и культуру. Говоря о современных процессах в религиозной жизни общества и функционировании религиозных институтов, мы неизбежно попадаем в совершенно новый «ландшафт» культурных религиозных практик современности – это цифровой ландшафт, сформированный современной информационной культурой. В этом новом ландшафте складываются и развиваются новые виды практик, параллельно развиваются и теоретические рефлексии о том, как взаимодействует цифровая сеть с традиционными религиозными институтами, как она влияет на религиозное сознание и в каком направлении развиваются процессы трансформации религиозных институтов и практик. В данной статье мы рассмотрим основные теоретические подходы, раскрывающие процессы трансформации культуры, и связанные с этим проблемы, затрагивающие религиозное сознание, а также уделим внимание исследованию конкретных религиозных практик в цифровом пространстве.

О влиянии новых технологий на сферу религиозных коммуникаций начали спорить уже в 1990-х гг. Однако технологическая сфера меняется столь стремительно, что даже те гипотезы и исследования, которые были актуальны в начале нового века, сегодня очевидно устарели. Первоначально Интернет виделся исследователям неким новым «божеством», которое угрожает традиционным ценностям и способно ниспровергнуть авторитет церкви. М. Кастельс в 1996 г. писал, что Интернет представляет собой серьезный вызов всем институтам, опирающимся и репрезентирующим традиционные ценности, в том числе и религии [1]. Кастельс исследовал структуры общения и противопоставлял коммуникацию Интернета, основанную на модели all-to-all с иерархической религиозной структурой коммуникации, действующей по модели one-to-all [2].

Действительно, религиозное общение изначально формировалось как вертикальная иерархическая структура в контексте общения человека с Богом, на этой вертикали церковь занимала позицию посредника в индивидуальном или же коллективном общении: при общении снизу-вверх посредником выступала фигура исповедника, при общении сверху-вниз – проповедника. На этой религиозной вертикали коммуникации выстраивалась идея власти и авторитета церкви, и в начале эры Интернет представлялось, что само изменение пространства коммуникации способно эту власть лишить значительной части ее силы. Таким образом, первоначально взаимоотношения религии и новых сетевых технологий исследовались, скорее, в рамках общепарадигмального подхода, и фокус исследований был направлен больше на развитие новых коммуникационных стратегий, чем на саму религию в этом контексте. «До появления современных технических средств сетевого общения удаленная коммуникация по принципу многих со многими была крайне затруднена и практически невозможна. Технологии „Web 2. 0“ позволили организовывать в режиме реального времени массовые обсуждения с множеством независимых участников, территориально отдаленных друг от друга. Они осуществляются на специализированных интернет-ресурсах (форумы, интернет-конференции, вебинары, скайп-сессии и т. п.), на площадке практически любой социальной сети, а также в блогах» [3, с. 86]. Современная коммуникация в Сети трансформирует вертикаль в горизонталь общения, это изменение коммуникации является очевидным изменением и первой точкой фокуса исследований.

С этим связаны исследования трансформации авторитета и образов власти, чрезвычайно значимых для религиозного сознания и институтов. В современности, пожалуй, уже не осталось религиозных организаций, которые не осваивают сетевые коммуникации, а многие религиозные направления начали весьма и весьма активную деятельность по освоению онлайнового пространства. Исследователи интернет-коммуникаций религиозных деноминаций отмечают, что наибольшую активность в использовании интернет-технологий проявляют традиционалистские и даже фундаменталистские организации, такие как индуистские националисты, христианские фундаменталисты и исламские радикальные организации [4]. Все эти организации используют сетевые коммуникации для поддержания и продвижения своего авторитета, Интернет для них – своего рода PR-площадка, где вербуются новые сторонники и активно пропагандируется идеология.

Исследование Х. Кэмпбелл о статусах религиозных авторитетов и их трансформации под влиянием сетевой коммуникации выделяет четыре «слоя» религиозного авторитета и прослеживает изменение каждого из них. Кэмпбелл изучает, как изменяются под влиянием новых коммуникаций религиозная иерархия, структуры, тексты и идеология [5]. Проведенные ею социологические исследования показали, что в протестантском мире коммуникации в сети Интернет больше поддерживают традиционные авторитеты текстов, иерархов, организаций. Как показывает Кэмпбелл, критические замечания в основном касаются современных ролей пастора или проповедника, и, в некоторых случаях, теологических доктрин, которые связаны с определенными институтами. В целом же пользователи Сети, а Кэмпбелл исследовала тексты христианских блоггеров, одобрительно отзываются и поддерживают авторитеты текстов, групп, доктрин [6, p. 262–268].

Напротив, в католической церкви Интернет скорее оказывается средством для перераспределения властных полномочий, что доказывает исследование П. Аполито, который изучал примеры религиозных откровений [7, p. 17–18]. Аполито выяснил, что мистические откровения обычных людей становятся предметом обсуждения и оказывают огромное влияние на публику, при этом церковь оказывается как бы выключенной из этого процесса, не имея возможности никак цензурировать и контролировать рассказы верующих о являющихся им чудесах. Огромное количество людей, как пишет Аполито, пишет о своих мистических переживаниях, фотографирует чудеса на камеру и размещает эти материалы в Сети. Таким образом нивелируется разрыв между мистическим опытом и повседневным переживанием, и мы вновь сталкиваемся с изменением статуса сакрального, на этот раз не в пространственно-временном, но в метафизическом и эмоциональном смысле.

Первичный опыт любой религии – не вера в Бога или богов, но переживание сакрального [8]. Манифестация сакрального вызывает разные чувства, от ужаса до восторга, и заставляет человека пережить разомкнутость мира [9, с. 14]. Ужас как экзистенциальный опыт есть одновременно и осознавание смерти, временности человеческого бытия. Опыт переживания жуткого, о важности которого упоминал еще З. Фрейд [10], сопутствует самому формированию представлений о сакральном, неслучайно первоначальная культурная маркировка топохрона была связана именно с формированием табу. «Опыт сакрального может переживаться в двух модусах – пассивном и активном. В обоих случаях человек имеет дело с таинственной, чуждой его обычным занятиям силой (не обязательно исходящей от божества), но в первом случае он лишь претерпевает ее воздействие, а во втором – пытается целеустремленно управлять ею, провоцировать ее возникновение, избегать ее вредных эффектов», – пишет С. Н. Зенкин, добавляя, что

«в первом случае это опыт мистики, во втором – магии» [11, с. 197].

Религиозное сознание имеет дело с феноменологией (П. Рикер) или иерофанией (М. Элиаде), т. е. с про-явленностью сакрального. Как обстоит дело с проявленностью в эпоху цифровой парадигмы?

Анализируя наиболее интересные и эвристически плодотворные теории сакрального, С. Н. Зенкин акцентирует концепт присутствия, который открывается в терминах «разомкнутости мира», «явленного Бытия», «эпифании» (М. Хайдеггер [12] и Х. Гумберхт [13]), он обращается к концепциям Р. Кайуа [14] и М. Годелье [15], указывая на соединенность, сплавленность сакрального с секретным и данным (подаренным). Любопытно, что на протяжении некоторого времени многие исследователи вели речь о «расколдовывании сакрального»: об этом писали Э. Левинас, Р. Бультман и Д. Бонхеффер, П. Рикер. Последний же утверждал, что расколдовывать окончательно сакральное не стоит, поскольку слово должно опираться на священное [16, p. 75]. Рикер называет слово «говорящим словом», которое «определяет нас в большей степени, чем мы его произносим» [16, p. 76], именно тут он видит значение и ценность сакрального, в о-предел-ении произносящего.

В эпоху «цифры» слово становится всеобщим, право на слово достается любому, кто жаждет высказывания. Специфика сетевого взаимодействия, особенно сетевого взаимодействия в формате web2.0 и, тем более, семантической сети web3.0, в том, что слово может быть у любого, а не только у Бога. Слово, в таком случае, уж точно более не есть Бог. О секретности, равно как и о переживании «жуткого», о чем пишут в отношении сакрального многие авторы, включая З. Фрейда и С. Жижека, в пространстве Сети тоже речи не идет. Сакральное в сети Интернет оказывается действительно «расколдованным», в нем более нет секретов или недоступности, потому что Интернет есть открытое пространство, в нем также утрачено и жуткое, и возвышенное, поскольку облаченное в слова и выставленное на всеобщее обозрение чувство утрачивает высоту, силу и энергию переживания, снижаясь до рационально объясненного высказанного. Статус явленного сакрального, таким образом, переводится в умеренный статус сакрального высказанного или объясненного, нарративные практики в Сети снижают и трансформируют изначальную дихотомию, включая новые «средние элементы».

Таким образом, становится понятно, что дигитальное пространство ставит перед религией не просто вызовы технико-технологического, но и метафизического порядка, заставляя переосмысливать изначальные авторитеты и ценности и, вслед за этим, находить иные способы практик, которые позволили бы религии продолжать быть в Сети.

Исследования религии и ее стратегий и тактик в сети Интернет можно разделить на три этапа, следуя типологии М. Хойсгора и М. Варбурга [17]. Хойсгор и Варбург в работе «Религия и киберпространство» называют эти три этапа «тремя волнами», и утверждают, что первая волна может быть названа футуристической, исследователи были захвачены открывающимися коммуникативными перспективами и полагали, что религия, как остальные социальные и культурные институты, сможет и будет «делать все, что угодно» в новых кибервозможностях. Исследователи второй волны фокусируют свое внимание на трансформации религиозных представлений в пространстве Сети на том, каким образом возникают новые формы, как они развиваются, какие возможности предоставляют и как религиозные институты эти возможности используют. Именно здесь возникают вновь те метафизические проблемы, о которых шла речь выше. Третью волну, как утверждают исследователи, мы можем наблюдать сегодня – это всесторонее изучение того, как фукнционирует религиозное киберпространство. Религиозное киберпространство начинает пониматься как специфическое поле социокультурных коммуникаций, оно формируется пользователями Сети, и постепенно превращается в новую социальную реальность. Именно изучение этой новой социальной реальности составляет сегодня основной пафос исследований.

Современные исследования различают два вектора существования религии в сети Интернет: «религия онлайн» и «онлайн-религия». Такое разделение обосновывает К. Хелланд: «В настоящее время очевидно различие между религиозными вебсайтами, где люди могут действовать с неограниченной свободой и высоким уровнем интерактивности (online religion) и большинством религиозных вебсайтов, которые предоставляют лишь религиозную информацию, а не интерактивность (religion online)» [18]. Таким образом, Хелланд фиксирует разницу в формах презентации религиозной активности, институтов и собственно религиозного сознания в сети Интернет. Хелланд уделяет внимание большому количеству анализа существующих сайтов в киберпространстве и приходит к выводу, что официальные сайты мировых религий, частных религиозных общин и институтов зачастую являются лишь аватарами реально существующих оффлайновых практик. Однако официальные религиозные учреждения также изменяют свое существование и действование в сети Интернет, явно демонстрируя развитие в сторону большей интерактивности. Но Хелланд настаивает, что различие между онлайн-религией и религией онлайн по-прежнему значительно и является эвристически плодотворным для методологических подходов.

В отличие от официальных религиозных сайтов, которые предоставляют тщательно выверенную, цензурированную и отфильтрованную информацию, сайты, которые мы можем отнести к «религии онлайн» в прямом смысле слова позволяют проживать религиозную практику и жизнь онлайн, осуществлять живую религиозную коммуникацию. К таким сайтам Хелланд относит, например, блоги, некоторые сайты религиозных общин, которые осуществляют онлайн-трансляции и дают своим пользователям возможность интерактивного действия и высказывания. Это разделение поддерживает также Г. Янг: «Если религия онлайн и онлайн-религия рассматриваются как две полярные теоретические точки, то фокусировку на предоставлении информации или на религиозном участии, так же как и онлайн-активность противопоставленную ссылкам на оффлайн-институты, можно понимать как два вектора, которые простираются между ними» [19, p. 101]. В современности наблюдается рост интереса к изучению религии онлайн, и это вполне соответствует выделенной Хойсгором и Варбургом «третьей волне».

Изначально Хелланд противопоставлял официальную религию, которая использует Интрнет в тех или иных целях, для информирования верующих или для привлечения новых групп верующих, для продвижения имиджа религии или религиозной общины, неофициальным религиозным группам, которые он относил к онлайн-религии. Однако эта точка зрения сегодня кажется весьма уязвимой, потому что с развитием сетевых коммуникаций и возрастающей ролью сетевых сообществ, официальные религиозные организации также стали использовать интерактивный формат. Тот же Янг отмечает, что даже на самых простых и незатейливых сайтах, например, на сайте церкви Конгрегации, уже есть возможность заказать молитву онлайн, равно как и есть возможность онлайн-присутствия на молитве [19].

В 2010 г. Х. Кэмпбелл подвела итог анализу этой дихотомии, выделив четыре актуальные формы существования религии в интернет-пространстве:

– онлайн информационная среда;

– онлайн ритуалы и богослужения;

– онлайн миссионерская деятельность и привлечение волонтеров и жертвователей;

– религиозное онлайн-сообщество [20, p. 6].

Информационная среда, самая первая форма новых религиозных практик, включает в себя и сбор, и распространение информации религиозного характера. Практика информационного освоения Интернета стала наиболее легкой для религиозных организаций, прежде всего потому что она не противоречит основной религиозной идее доступности для всех и каждого. Заметим, что это еще не современная идея толерантности, но традиционная для религиозного сознания идея равности всех и каждого перед богом и его откровением или проявлением, в зависимости от типа религии. На одном из религиозных православных информационных порталов мы читаем: «Интернет, как и Христианство, направлен ко всему человечеству – без различения границ, языков и народов. И потому использование сети для Православной проповеди отвечает вселенским задачам нашей веры… Церковь тоже не связана жестко ни с какой идеологией, ни с каким государственным устройством, ни с каким общественным строем. Она везде – и при социализме, и при глобализме, и при маоизме – Одна и Та же. И эта свобода делает интернет очень удобным для проповеди Христианства» [21]. Интернет тут выступает неким «соблазном» вселенской проповеди, для православного сознания – новым видом соборности, в котором без цензуры и контроля государства (якобы) возможно распространение истинного вероучения и трансляции традиционных христианских ценностей.

Информационная деятельность религиозных организаций в сети Интернет, собственно, продолжает внесетевые информационные стратегии. Проводятся конференции и собрания, информация по итогам которых выкладывается в Сети. Ведутся дискуссии, публикуются интервью, записываются видео-проповеди и видео-лекции, которые дублируются как на собственных сайтах организаций, так и на youtube и других видео-хостингах.

В информационной среде очевидна конкуренция религиозных общин, так тот же православный сайт, анализируя плюсы и минусы интернет-представленности церкви, среди плюсов отмечает достаточно высокий образовательный и интеллектуальный уровень пользователей Сети и видит в этом конкурентное преимущество Православной церкви: интеллектуальное лидерство «дает определенный перевес в пропаганде Православных ценностей в интернете. Мусульманские и протестантские сайты пока не заняли такого же веса в общей русскоязычной религиозной интернет-массе, как наши» [21].

Информационные порталы и сайты существуют у всех крупных религиозных организаций, их основная задача скорее просветительская, они расширяют кругозор, направляют в изучении священных текстов, на сайтах всегда есть тексты и комментарии к ним, книги по догматам, а также ссылки на другие ресурсы близкой по звучанию тематики. Почти все сайты дополнены форумами, но эти форумы в большинстве случаев носят формальный характер и жестко модерируются. Огромно количество интернет-библиотек по религиозной тематике, есть сайты с духовной и медитативной музыкой и т. д.

Есть также множество интернет-проектов аналитического содержания, как «Мир религий» (http: // religio. ru), «Религия и СМИ» (http: // religare. ru), независимый проект «Церковная журналистика» (http: // church. vsu. ru), Портал Credo. Ru (http: // portal-credo. ru) и другие, чьей задачаей становятся распространение новостей и анализ религиозной ситуации.

Информационная составляющая может стать и причиной вхождения в моду того или иного вероучения. Так, благодаря интернет-активности, стал весьма популярен буддизм в современной культуре. Буддийские идеи и символы проникли в пространство масс-медиа, фильмов и популярной литературы, зачастую лишившись значительной доли своего изначального, весьма сложного и философски нагруженного содержания. В зарубежных исследованиях сформировалось целое научное направление, изучающее виртуальный буддизм, появились новые термины «киберсангха» (cybersangha) [22] или «блогисаттва» (blogisattva), которые отражают растущее виртуальное присутствие буддизма в Глобальной сети. Ч. Пребиш выделил три типа буддийских интернет-сообществ, ориентированных на религиозную практику. Это, во-первых, веб-страницы, созданные буддийскими группами для удобства коммуникации, во-вторых, «виртуальные храмы», созданные традиционными сангхами для дополнения своих организаций, и, наконец, онлайн-сообщества, не имеющие представительства оффлайн. Сегодня эти три типа сближаются и дополняют друг друга, как отмечают исследователи [3, с. 89].

Онлайн-ритуалы и богослужения, виртуальные паломничества, совместные молитвы и духовные практики в Сети – это вариант интерактивной коммуникации. «Важным результатом проникновения религии в Интернет является то, что Глобальная сеть превращается в место осуществления мистических практик, проведения религиозных ритуалов, участия в священных церемониях. А примеров тому предостаточно. Так, в Индии мусульманская религиозная школа „Даруль-Улюм“ признала возможность дистанционного заключения брака в виртуальном пространстве. В США несколько церквей посредством сервиса мгновенных сообщений создали условия молитвы вдвоем с пастором, причастия (причастники вкушают собственные хлеб и вино), исповедования, проведения «онлайн-крещения» [23, с. 181]. Буддийские сангхи тоже являются тому примером, равно как и огромное количество учений, записанных на видео и размещенных в открытом доступе. «На сайте Буддийской традиционной сангхи России пользователь может заказать молебен, указав из предложенного списка цель или цели проведения молебна: за здравие, выздоровление и долголетие, для обретения материальных благ, успеха в делах, для обретения счастья и спокойствия, для успешной учебы, сдачи экзамена, для отвращения бед и несчастий, для дальней дороги, для поправления особо сложной жизненной ситуации. Затем указать сумму пожертвования и произвести онлайн-платеж» [3, с. 87].

Использование Интернета ведет к трансформации привычных форм религиозной активности, возрастает массовость, увеличивается «градус» коммерциализации религии. Как отмечают исследователи, последствиями этого становятся и увеличение информационного потока, и возможность возникновения конфликтов (так, фотография сожженного Корана, выложенная в Сеть индийским подростком, вызвала массовые погромы), и возникновение потребительского отношения к сакральному. С другой стороны, введение ритуала в онлайн-пространство возвращает нас к «явленному сакральному», иерофании – сетевая коммуникация позволяет прикоснуться к священному здесь и сейчас, делает чудесное доступным. И хотя коммуникация увеличивает дистанцию, но зато позволяет любому человеку стать частью ритуала в любой момент. «По сути, формируется новое религиозное пространство, где ритуализированные формы активности опосредуются особого рода вещественными атрибутами. На место собора, кабинки для исповеди или купели приходят монитор, камера с микрофоном и различные программы, позволяющие конструировать виртуальные образы, обеспечивать интерактивную связь нескольких участников мистерии в режиме реального времени» [23, с. 183], заключает Е. О. Гаврилов, подчеркивая важность роли новых посредников между божественным и профанным – IT-специалистов, которые отвечают за программное обеспечение, работу камер, звук, доступность ссылок и т. д. Здесь может также иметь место феномен «переноса» – когда верующий наделяет религиозным значением сами интернет-ресурсы, а специфическим информационным фильтром становится некое проецирование – и разделение на «чистые» и «нечистые» информационные источники, на «своих» и «чужих». Обратная тенденция – наделение смыслом «греха» и «искушения» само интернет-пространство, так известны случаи запрета пользования некоторыми сервисами для служителей церкви или верующих.

Новое отношение к пространству Сети как к месту, где осуществляется миссионерская деятельность, возникло относительно недавно. П. Чеонг с соавторами [24] провели исследование контента религиозных сайтов с точки зрения миссионерской деятельности и стремления обосновать религиозную доктрину в глазах пользователей. Авторы выяснили, что мотивацией людей, ведущих миссионерскую онлайн-деятельность является, скорее, негативная мотивация, т. е. стремление

ответить на вызовы современной им культуры, в которой, по их представлениям, нивелируются и обесцениваются ценности христианской религии, вечные ценности Истины, Добра, Красоты. Верующие люди воспринимают современную им действительность как враждебную, не поддерживающую их внутренних исканий, духовной работы, взглядов и ценностей. Это касается как христианских, так и нехристианских верующих. Интернет, таким образом, занимает уникальную нишу – свободного выражения своих взглядов и принципов, места, где верующие люди могут открыто и без цензуры говорить о своих взглядах и критиковать современное им общество, высвечивая его бездуховность, греховность, равнодушие, всеядность и т. д. Но не только личные блоги транслируют миссионерскую деятельность. Исследователи отмечают, что появляются новые приложения религиозного характера, которые становятся проводниками идей: «большинство этих приложений и сервисов строится по аналогии с уже действующими в сети Интернет. Так, появляются „godcasting" (соединение термина podcasting – создание текстовых аудиозаписей и God – Бог), godtube. com и другие сервисы» [25], относительно недавно появилась «кошерная» поисковая система Koogle, в которой отсутствуют ссылки на нежелательный, с точки зрения иудаизма, контент [26], в 2012 г. анонсирована социальная сеть для мусульман Salamworld, соответствующая нормам шариата [27]. В христианском мире «при помощи сетевых технологий создается особая сфера христианизованного пространства, которая проникает во все аспекты жизни человека. Она охватывает все, начиная от особых новостей, группы общения, брачных сервисов, музыки, видеоигр, книг и заканчивая специальными христианскими продуктами, информация о которых распространяется через Интернет: христианские банки, страховые компании, продуктовые магазины, – и, заключает Е. О. Калмыкова, – это довольно неожиданный результат, поскольку принято считать, что границы в Интернете отсутствуют и любой человек может войти в контакт с любым другим человеком. Но фактически, социальные сети религиозной направленности создают изолированные пространства внутри сети Интернет, из которых люди не выходят в другие сферы» [25]. Это действительно удивительный результат, который подводит нас к следующему феномену религии онлайн – созданию религиозных онлайн-сообществ, которые, как показывают исследования, зачастую являются абсолютно замкнутыми.

В исследовании П. Чеонг, А. Халавай и К. Квон анализируются блоги христиан. Авторы исследования обращали внимание на разные аспекты контента, как текстовые, так и визуальные и аудиальные, и выяснили, что одной из основных мотиваций христианских блогеров является стремление поделиться своей духовной религиозной практикой [4, p. 110]. Значительный процент контента блогов посвящен ежедневным практикам и аспектам повседневной духовной жизни. Официальные сайты и блоги религиозных организаций также целенаправленно стремятся создать герметичное сообщество, в котором пользователи будут чувствовать свою принадлежность, признание и нужность, иметь возможность самовыражения в кругу людей, которые придерживаются тех же ценностей. Инструменты создания и сплочения религиозных онлайн-сообществ опираются на традиционные схемы поддержания авторитета. Так, анализируя большое количество христианских сайтов в Сингапуре, П. Чеонг подчеркивает, что большинство (почти 40 %) сайтов имеют онлайн-галереи фотографий, где представлены лидеры церкви, повседневные события церкви, праздники, причем не только религиозные, но и частные, такие как крестины, свадьбы, конфирмации [24, p. 295]. Также в исследовании отмечается, что в большом количестве случаев прихожанам предоставляются онлайн-записи служб, видео- и аудиопроповеди, в некоторых религиозных организациях имеется форум для общения прихожан. Подобный подход, во-первых, требует довольно много работы по созданию разнообразного и постоянно обновляющегося актуального контента, т. е. очевидно, что религиозные организации специально развивают сайт, ориентируясь на своих виртуальных прихожан. Во-вторых, такой подход, очевидно, дает возможность ощутить присутствие и со-единение с церковью. Подобная работа церкви позволяет сплотить воображаемое религиозное сообщество, дать людям ощущание реального присутствия в пространстве церкви либо позволить церкви проникнуть к ним в дома.

Это удивительный феномен, поскольку такой подход делает сайт религиозной общины предельно светским. Целью сайта не является ни информирование, ни проповедь, ни миссионерская деятельность, но только поддержание общины «живой», несмотря на ее виртуальность. Онлайн-религия в Интернете получает возможность создать вокруг себя целый мир, пронизанный и детерминированный тщательно отфильтрованными ценнстями и нормами. «В результате человек попадает в пространство, где нет ничего не христианского: от курсов аэробики до службы знакомств, все отмечено религиозным содержанием. В случае религии, как и в случае других социальных групп, можно наблюдать дублирование уже существующих в реальности социальных структур. Точно так же, как в социальных сетях, например, Вконтакте или Facebook, человек окружает себя теми, с кем знаком в реальной жизни, в религиозных сетях

воссоздаются уже существующие связи и структуры» [25].

Таким образом, выясняется, что между оффлайн- и онлайн-стратегиями больше общего, чем различного и что религиозные сообщества в Сети строятся по образу и подобию хорошо известных и функциональных реальных сообществ. «В случае онлайн-религии люди живут религиозной жизнью в сети Интернет и посредством нее. Для тех, кто принимает участие в онлайновой религиозной деятельности, нет никакого разделения между их жизнью и переживаниями оффлайн и тем, как они живут и что переживают онлайн. Их религиозная деятельность и мировоззрение распространяется и оффлайн, и онлайн. Для тех, кто практикует онлайн-религию, Интернет не представляется „иным" местом, но воспринимается частью повседневной жизни, на которую распространяются религиозные смыслы и деятельность», – заключает К. Хелланд [18].

Подводя итоги, мы можем констатировать, что цифровая реальность существования религии сегодня является фактом культуры, сформировавшим уже определенное разнообразие новых религиозных практик. Более того, дигитальная реальность оказала существенное влияние не только на формы существования религии и способы практик, но на сущность религиозного сознания, трансформировав существование и понимание сакрального, упразднив дихотомию сакрального/профанного, сместив акценты в представлении о божественном и социальном. Новая парадигма культуры, информационная парадигма, поставила перед религиозными институтами и перед верующими ряд вызовов, как коммуникативных, так и метафизических, что привело к существенной трансформации религиозных практик.

Список литературы

1. Castells M. The rise of the network society. 2nd ed., with a new pref. Chichester; Malden: Wiley-Blackwell, 2010. 597 p. (The information age: economy, society, and culture; vol. 1).

2. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.

3. Актамов И. Г., Бадмыцыренов Т. Б., Доржиева И. Ц. Буддизм в Интернете: методология изучения виртуальных религиозных сообществ // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Педагогика, филология, философия. 2015. № 6. С. 86–91.

4. Cheong P., Halavais A., Kwon K. Chronicles of Me: understanding blogging as a religious practice // J. of media and religion. 2009. № 7. P. 101–131.

5. Campbell H. A. Who's got the power? The question of religious authority and the Internet // J. of computer-mediated communication. 2007. Vol. 12, № 3. P. 1043–1062.

6. Campbell H. A. Religious authority and the blogosphere // J. of computer-mediated communication. 2010. Vol. 15, № 2. P. 251–276.

7. Apolito P. The Internet and the Madonna: religious visionary experience on the Web. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2005. 212 p.

8. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Апполонова, Т. Котельниковой. Москва: Дело, 2018. 732 с.

9. Отто Р. Священное: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. с нем. А. М. Руткевича. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 269 с.

10. Фрейд З. Жуткое / пер. с нем. Р. Ф. Додельцева // Фрейд З. Художник и фантазирование. Москва: Республика, 1995. С. 265–281.

11. Зенкин С. Н. Явленное сакральное (numen) // Социол. обозрение. 2011. Т. 10, № 1/2. С. 197–221.

12. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Москва: Ad marginem, 1997. 451 с.

13. Гумбрехт Х.-У. Производство присутствия: чего не может передать значение / пер. с англ. С. Н. Зенкина. Москва: Новое лит. обозрение, 2006. 179 с.

14. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / пер. с фр. Н. Бунтман. Москва: ОГИ, 2003. 293 с.

15. Годелье М. Загадка дара / пер. с фр. А. Б. Щербаковой. Москва: Вост. лит., 2007. 293 с.

16. Ricoeur P. Manifestation et proclamation // Castelli E. (Hg.). Le Sacre: études et recherches: actes du colloque international sur la thématique de la démythisation. Paris: Aubier: Montaigne, 1974. P. 57–76.

17. Religion and cyberspace / ed. by M. T. Højsgaard, M. Warburg. London; New York: Routledge, 2005. X, 207 p.

18. Helland Ch. Online religion as lived religion: methodological issues in the study of religious participation on the Internet // Online Heidelberg j. of religions on the Internet. 2005. Vol. 01.1 Special issue on theory and methodology / ed. by O. Krüger. URL: http: // heiup. uni-heidelberg. de (дата обращения: 26. 11. 2018).

19. Young G. Reading and praying online: the continuity of religion online and online religion in Internet Christianity // Religion online: finding faith on the Internet / ed. by L. Dawson, D. Cowan. New York: Routledge, 2004. P. 93–106.

20. Campbell H. Religion and the Internet // Issue of Communication Research Trends. 2006. Vol. 25, № 1. P. 4–6.

21. Жогалев А. Православие и Интернет // Благовест: портал православ. газ. 2005. 1 апр. URL: http: // благовестсамара. рф (дата обращения: 26. 11. 2018).

22. Prebish Ch. S. The Cybersangha: Buddhism on the Internet // Religion online: finding faith on the Internet / ed. by L. Dawson, D. Cowan. New York: Routledge, 2004. P. 135–151.

23. Гаврилов Е. О. Оцифрованное сакральное: особенности существования религии в интернет-пространстве: по материалам СМИ // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 28. С. 177–183.

24. The Internet highway and religious communities: mapping and contesting spaces in religion-online / P. Cheong,

P. Hope, P. H. Jessie, S. Huang, I. Casas // The Information Society. 2009. Vol. 25, № 5. P. 291–302.

25. Калмыкова Е. О. Христианство в пространстве сети Интернет: место, время, иерархия, авторитет // Религия и коммуникативные практики: материалы круглого стола Ломоносов–2010: междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. URL: http: // religious. life (дата обращения: 26. 11. 2018).

26. В Интернете появился кошерный поисковик // Религия и СМИ. URL: http: // religare. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

27. В Интернете появится социальная сеть для мусульман // Религия и СМИ. URL: http: // religare. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

References

1. Castells M. The rise of the network society. 2nd ed., with a new pref. Chichester; Malden: Wiley-Blackwell, 2010. 597. Ser. The information age: economy, society, and culture; 1.

2. Castells M.; Matveev A. (transl.) Galaxy Internet: reflections on Internet, business and society. Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2004. 328 (in Russ.).

3. Aktamov I. G., Badmytsyrenov T. B., Dorzhieva I. Ts. Buddhism on the Internet: methodology of studying virtual religious communities. *Vestn. of Buryat State Univ. Pedagogy, Philology, philosophy*. 2015. 6, 86–91 (in Russ.).

4. Cheong P., Halavais A., Kwon K. Chronicles of Me: understanding blogging as a religious practice. *J. of media and religion*. 2009. 7, 101–131.

5. Campbell H. A. Who's got the power? the question of religious authority and the Internet. *J. of computer-mediated communication*. 2007. 12 (3), 1043–1062.

6. Campbell H. A. Religious authority and the blogosphere. *J. of computer-mediated communication*. 2010. 15 (2), 251–276.

7. Apolito P. The Internet and the Madonna: religious visionary experience on the Web. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2005. 212.

8. Durkheim Ė.; Appolonov A. (transl.); Kotel'nikova T. (transl.) Les formes élémentaires de la vie religieuse: totemic system in Australia. Moscow: Delo, 2018. 732 (in Russ.).

9. Otto R.; Rutkevich A. M. (transl.) Das Heilige. Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2008. 269 (in Russ.).

10. Freud S.; Dodel'tsev R. F. (transl.) Unheimlichkeit. *Freud S. Artist and fantasy*. Moscow: Respublika, 1995. 265–281 (in Russ.).

11. Zenkin S. N. Phenomenon of sacred (numen). *Sociological review*. 2011. 10 (1/2), 197–221 (in Russ.).

12. Heidegger M. von.; Бибихин В. В. (transl.) Sein und Zeit. Moscow: Ad marginem, 1997. 451 (in Russ.).

13. Gumbrecht H. U.; Zenkin S. N. (transl.) Production of presence: what meaning cannot convey. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2006. 179 (in Russ.).

14. Caillois R.; Buntman N. (transl.) Le mythe et l'homme; L'homme et le sacré. Moscow: Joint Humanitarian publ. house, 2003. 293 (in Russ.).

15. Godelier M.; Shcherbakova A. B. (transl.) L'énigme du don. Moscow: Vostochnaya literatura, 2007. 293 (in Russ.).

16. Ricoeur P. Manifestation et proclamation. *Castelli E. (Hg.). Le Sacre*: études et recherches: actes du colloque international sur la thématique de la démythisation. Paris: Aubier: Montaigne, 1974. 57–76.

17. Højsgaard M. T. (ed.); M. Warburg (ed.) Religion and cyberspace. London; New York: Routledge, 2005. X, 207.

18. Helland Ch. Online religion as lived religion: methodological issues in the study of religious participation on the Internet. *Online Heidelberg J. of religions on the Internet*. 2005. 1 (1): Krüger O. (ed.) Special issue on theory and methodology. URL: http: // heiup. uni-heidelberg. de (accessed: Nov. 26. 2018).

19. Young G. Reading and praying online: the continuity of religion online and online religion in Internet Christianity. *Dawson L. (ed.); Cowan D. (ed.) Religion online: finding faith on the Internet*. New York: Routledge, 2004. 93–106.

20. Campbell H. Religion and the Internet. Is*sue of Communication Research Trends*. 2006. 25 (1). 4–6.

21. Zhogalev A. Orthodoxy and Internet. *Blagovest*: portal Pravoslav. gas. 2005. Apr. 1. URL: http: // blagovestsamara. rf (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

22. Prebish Ch. S. The Cybersangha: Buddhism on the Internet. *Dawson L. (ed.); Cowan D. (ed.) Religion online: finding faith on the Internet*. New York: Routledge, 2004. 135–151.

23. Gavrilov E. O. Digitized sacred: features of existence of religion in Internet space: according to media. *Vestn. of Kemerovo State Univ. of Culture and Arts*. 2014. 28, 177–183 (in Russ.).

24. Cheong P., Hope P., Jessie P. H., Huang S., Casas I. The Internet highway and religious communities: mapping and contesting spaces in religion-online. *The Information Society*. 2009. 25 (5). 291–302.

25. Kalmykova E. O. Christianity in space of Internet: place, time, hierarchy, authority. *Religion and communication practices*: materials of round table Lomonosov–2010: intern. sci. conf. of students, postgraduates and young scientists. URL: http: // religious. life (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

26. Internet appeared kosher search engine. *Religion and the media*. URL: http: // religare. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

27. Internet will be a social network for Muslims. *Religion and the media*. URL: http: // religare. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

УДК [712.6:008](091)

А. С. Мухин

Семиотика машины в дворцово-парковых комплексах

Анализ машины автор осуществляет сквозь призму влияния, которое оказала наука XVII в. на развитие культуры, садово-паркового искусства. Научная революция XVI–XVII вв., технический прогресс Нового времени не только изменили технико-технологическую суть приемов различного рода художеств и ремесел, но и заложили основы для новой символической системы. В этой системе машина обретает черты аллегории, метафоры и эмблемы механистичного космоса. Вселенная понимается как машина, «механизирован» в том числе и социум. Дворцово-парковые ансамбли в условиях формирования новых научных представлений о мире превращаются не только в его модель, но в своей формальной структуре отражают концепцию субстанциального пространства и времени. Рациональность этой структуры предполагает рефлексию движения, энергии и силы, визуализировать которые может машина. Среди богатого инструментария XVII в. выделялись оптические приборы и гидравлические машины. Оптика наблюдательного прибора послужила рационализации парковых пространств, их правильной геометрии. Гидравлика обусловила подвижность первоэлемента (воды), его перемещение в локациях ландшафтной архитектуры. Такие средства, как машина Марли, подающая воду Версальским фонтанам, символизировали демиургическую природу и власть просвещенного абсолютистского монарха. Автор делает вывод, что машины в контексте гидросистем крупных европейских парков были не только (и не столько) утилитарно функционирующим вспомогательным механизмом, сколько семиотической фигурой, содержащей высший аксиологический смысл.

Ключевые слова: ландшафтная архитектура, сады и парки, Версаль, машина, научная революция, символическая картина мира, наука, техника, культура

Andrei S. Mukhin

Semiotics of machine in palace and park complexes

The author analyzes the machine through the prism of the influence that the science of the 17th century had on the development of culture, landscape art. The scientific revolution of the 16th–17th centuries, the technological progress of the New Time not only changed the technical and technological essence of the techniques of various arts and crafts, but also laid the foundations for a new symbolic system. In this system, the machine acquires the features of allegory, metaphor and emblem of the mechanistic cosmos. The universe is understood as a machine; society is also «mechanized». Palace and Park ensembles in the conditions of formation of new scientific ideas about the world turn not only into a model of the world, but also reflect the concept of substantial space and time in the formal structure of gardens and parks. The rationality of this structure implies a reflection of movement, energy and power, which the machine can visualize. Among the rich instrumentation of the XVII century, stood out for optical devices and hydraulic machines. The optics of the observation device served the rationalization of Park spaces, their correct geometry. Hydraulics caused the mobility of the primary element (water), its movement in the spaces of landscape architecture. Such means, as the machine of Marly, supplying water to the Versailles fountains, symbolized the demiurgical nature and power of the enlightened absolutist monarch. The author concludes that machines in the context of hydraulic systems of large European parks were not only (and not so much) a utilitarian functioning auxiliary mechanism, but a semiotic figure containing the highest axiological meaning.

Keywords: landscape architecture, gardens and parks, Versailles, machine, scientific revolution, symbolic picture of the world, science, technology, culture
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-73-81

Архитектура, в том числе и ландшафтная, является вместилищем семиотического содержания, а ее памятники – символами и знаками, сложно переплетающимися с различными феноменами культуры, науки и техники. Древний и средневековый символизм, обусловленный архетипами, опирался на иррациональные мотивы сверхъестественных сил и мифопоэтический нарратив. Новое время усилило необычную реальность – мир машин, развитие которых было связано с научно-технической парадигмой XVII в. Машина оказалась вплетена в семиотическую текстуру эпохи, превратившись в фигуру иносказания. Рассмотрим особенность бытования этой фигуры в контексте садово-паркового искусства. Прежде коротко охарактеризуем то,

что можно подразумевать под машиной применительно к XVII в., взглянув на это через призму эволюции науки того времени.

Устройства, способные работать без прямого вмешательства человека или многократно усиливать коэффициент полезного действия, освобождая участника производственного процесса от ручного труда, были известны с древности. Такие механизмы увеличивали возможности тела, тех его членов, которые задействованы в работе. Там, где не справлялись руки, на помощь приходила водяная мельница, а перемещение в пространстве вместо ног помогало осуществлять колесо. Машина продолжает органическую природу людей во внешнюю среду [1, с. 9], зондирует ее отдаленные кластеры для освоения ресурсов, энергии и пространства-времени.

Античный мир знал множество механизмов, в основе действия которых лежал крутящий момент. В большинстве из них главным элементом было колесо или рычаг, закрепленный на шарнире, таким образом обнаруживая феномен движения. Арсенал всевозможных агрегатов был унаследован в средние века, и после некоторой стагнации к концу средневековья машины превращаются в неотъемлемую часть, прежде всего европейской истории. В эпоху научной революции (XVI–XVII вв.) происходит качественный скачок – машины становятся обязательным явлением, получая теоретическое обоснование. Революционные условия научно-технической эпистемы Нового времени оказали влияние на культуру XVII в.: от архитектуры и живописи до театра, костюма, прикладного искусства и различных форм повседневной культуры.

Зарождающаяся новоевропейская наука не только ставила вопрос о новых механизмах, но и стремилась придать им детерминированную результативность. Машина должна действовать в согласии с заданными параметрами и ожидаемым эффектом. Таким образом, результат действия машины становился своего рода новым типом предсказания. В отличие от предвидений оккультно-магического свойства или рецептурных чаяний алхимиков, детерминированный результат действий машины, просчитанный заранее, был обязательным в своем исполнении. Оказалось возможным предопределить будущее, точно рассчитав действия механизма в настоящем. Машина встраивалась во временную континуальность. Ее «жизнь» обретала симметрию в любом направлении времени (как его понимал Г. Рейхенбах [2, с. 77]): по результатам действия механизмов можно было судить о работе машины в прошлом, а, исходя из ее характеристик и условий функционирования, можно было предсказать (находясь в прошлом) результат ее работы в будущем. Степень предсказаний становилась конгруэнтной техническим параметрам и качеству машины. Чем выше были эти свойства, тем точнее прогнозировался результат. Искусно исполненный механизм или инструмент словно гарантировал детерминированность эффектов будущего. Примером такой «машины времени» той эпохи служат часы, получившие в конце 1650-х гг. благодаря Х. Гюйгенсу маятник, сокративший погрешность хода. Такие часы «прекрасно работали в гостиных Людовика XIV» [3, с. 148]. Часовой механизм представлял собой уже в XVI – XVII вв. сложное устройство, особенно карманные часы. Колеса в них раскручивались под действием спиральной пружины, отмеряя ход времени дискретными, но малозаметными глазу скачками стрелки (сначала только часовой). Диаметр колес, количество зубцов на них, учитывая редукцию вращения, мастерами тщательно рассчитывались и оберегались в секрете. Результат вращения был предопределен – насколько возможно точное измерение временных интервалов. Теми же часами являлись заводные механические игрушки – автоматы, поскольку их движения были строго заданы этими интервалами. Действие такой машины экстраполировалось на хронометрическую сетку плана имманенции – через определенное количество времени производилось определенное количество движений. Автоматы и часы нередко были сопряжены в одном предмете [4, p. 160].

Машинерия Нового времени, в отличие от средневекового и даже античного периодов, не была изолированной отраслью. Она сразу же стала предметом исследования новоевропейской науки и одновременно ее инструментом и продуктом. В основу научного метода лег опыт, эксперимент, для осуществления которого требовался новый, далекий от метафизики инструментарий – земной, материальный, надежный, вышедший из кузницы или мастерской. Ученые самостоятельно изготавливали все необходимое, а по мастерству соответствовали «профессиональным» требованиям работников ручного ремесла. Юношей Ньютон мастерил механизмы, а его комната напоминала лавку мастерового с обилием инструментов [5, с. 16]. Впоследствии эти навыки позволили ему изготавливать нужные приборы, в частности 6-дюймовый телескоп-рефлектор, подаренный в 1671 г. английскому королю Карлу II [5, с. 63]. Этому же монарху была преподнесена «Микрография», написанная Р. Гуком с его собственными великолепными рисунками [6, с. 48–50]. А. Левенгук и Х. Гюйгенс добились вершин в деле полировки

линз. Гюйгенс разработал машину для шлифовки оптического стекла, в то время как Б. Спиноза отдавал предпочтение ручной работе, считая, что может изготовить еще более качественные линзы [3, с. 43]. Непревзойденным мастером был А. Нартов, не брезговал заниматься токарным делом Петр I.

Меняется отношение к ручному труду: он лежит в основе появления машин и управления ими. Кто управляет машинами – уподобляется демиургу: он становится сильнее и быстрее и видит все. Декартова модель мира как машины предполагает наличие ее создателя и оператора, роль какового исполняет некий бог. Человек, построивший машину и управляющий ею, уподобляется этому богу. Уподобление обусловлено тем, что и мировая машина, и машина из мастерской работают по универсальным законам. Если человек способен их открыть, то чем он хуже бога, который их придумал. Проявление мессианства подобного рода было свойственно и ученым («божественный Ньютон» [5, с. 180]) и монархам («Король-Солнце»), тем, кто встраивал свой персонализм в универсум, во вселенскую машину. Людовик XIV – в центре политического мира, что словно находило согласие с гелиоцентризмом и объясняло королевское покровительство астрономии: уже к 1667 г. в Париже насчитывалось 23 обсерватории [7, с. 410]. Ньютон – пророк, пришедший в мир только для того, чтобы «открывать и толковать плоды трудов Бога» [5, с. 77]. Символически машина становится не только помощником человека, его слугой (или, наоборот, хозяином), но и знаком присутствия божественного в человеческих делах. Если в средние века таким знаком, согласно Дионисию Ареопагиту, был физический свет (тень божественной эманации), то теперь – физические силы, обуславливающие действие машины. Гравитация понимается как всемирный закон буквально, поскольку наблюдается в малом мире, например, в работе водяного колеса, вызывая трение оси, и в макромасштабе, увлекая Луну вокруг Земли, или воздействуя Луной на камни в мочевом пузыре, о чем рассуждали П.-П. Рубенс и Н.-К. Ф. де Пейреск [8, с. 272].

Машина работает как планетная система – наиболее очевидным движением (особенно важным для символизма) является круговое, такое же (с поправкой на эллиптичность орбит) как и орбитальное движение небесных тел. В машине присутствует крутящий момент, «овеществленный» в колесах, рычагах, маховиках, эксцентриках и винтах. Особенностью «машинного» понимания космоса стало открытие того, что движение объектов во вселенной обусловлено пропорцией, которая имеет математическое выражение, найденное Ньютоном: сила, действующая на тела, прямо пропорциональна массам тел и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. Зная параметры величин, можно математически рассчитать траекторию любого тела, его местоположение в конкретный момент времени даже в отдаленном будущем. Это стало коренным переломом в истории науки (на донаучном и раннем научном этапе). Мир получал математическое обоснование [7, с. 428], математика становится обязательным языком науки, математические «предсказания» свершаются с высокой точностью, машины, построенные по математическим расчетам, не только совершенны, но и обретают статус модели макрокосма. Сила математического метода столь велика, что Ньютон изучает с его помощью библейский текст [5, с. 75–76] и прогнозирует политические события грядущего [5, с. 76]. Время понимается как симметричный и детерминированный процесс: математикой можно взламывать коды прошлого и предсказывать будущее. Математический метод действенно работал в масштабе всей Природы и в границах прикладных проблем. Небесная и земная механика дополняли друг друга и в деятельности самих ученых. Ньютон успешно справлялся с обязанностями управляющего на монетном дворе. Г. Галилей заложил основы расчета консольной балки в архитектуре [9, с. 488], идеальную (цепную) арку рассчитал Р. Гук. Астрономические наблюдения К. Рена и Дж. Флемстида в Гринвичской обсерватории в первую очередь служили морской навигации.

Интересной стороной естествознания XVII в. были исследования в области газов и в гидравлике: удалось осуществить важные открытия, а опыты часто проводились публично. Достаточно вспомнить эксперимент 1654 г. с магдебургскими полушариями О. фон Герике или первую, неоднозначную, реакцию Карла II на опыты Р. Бойля по взвешиванию воздуха. Успехи в гидравлике привели к значительному усовершенствованию насосов: XVII в. – это не только век телескопа и микроскопа, но и столетие водооткачивающей машины, а воздушный насос в это время превратился в символ изучения Природы [10, с. 105]. Несмотря на то, что такие устройства были известны в Античности, в Новое время они из курьезов превратились в мощный инструмент. Попутно изучается возможность с помощью паровой конденсации нагнетать давление в цилиндре паровой машины (Г.-В. Лейбниц и Д. Папен) или использовать для этого, как предлагали Х. Гюйгенс и Д. Папен, пороховые газы.

Машины не были общедоступны, являясь либо частью производственного процесса, либо предметом роскоши в качестве часов, автоматов и многих других предметов. Механизмы в сознании (особенно имущих классов) превращаются в символ социального могущества, интеллектуального, административного или финансового превосходства. Достаточно сказать, что в 1660-х гг. вакуумный насос был настолько редким оборудованием, что существовали всего четыре экземпляра, которыми пользовались известные ученые мира [6, с. 30]. Поскольку механизмы требовали приложения усилий (некоторые из них нуждались в операторе), постепенно встает вопрос о статусе ручного труда – допустим ли он в отношении знатной персоны? То, что в Античности считалось малопривлекательным для свободного человека [11, с. 54–62], а в средние века являлось уделом простонародья, в Новое время превращается в маркер социального престижа. Наблюдается процесс аксиологического дрейфа: низшее становится высшим, а рутинное – интересным, аттрактивным. Это хорошо видно на примере изменений в охоте, в забаве аристократических кругов XVII в. Активными участницами являлись дамы, вооруженные специально изготовленными для этого «машинами», арбалетами (бесшумными, всегда готовыми к выстрелу, не имевшими отдачи и потому удобными для женщин) [12, с. 65–66, 78–79]. Художественное оформление придавало арбалету специфический статус. В Европе он был оружием низших классов, но украшенный и превращенный в дорогую вещицу обретал «ауру» предмета роскоши, свидетельствовал о высоком положении владельца. Это же касается и других инструментов и машин. Появляется новая типология потешных вещей, целью которых является развлечение, а не выживание в физической или социальной реальности. Ради удовольствия можно было стать моряком, управляя изобретенной для этих целей в Голландии яхтой (XVII в.) или токарем, работающим у станка. И яхта, и станок, обретали черты богато украшенных произведений художественного ремесла, свидетельствуя об уровне изощренного досуга своих хозяев. Машина не только не умоляла положение высокородного владельца на ступенях общественной иерархии, но упрочняла его. Машина (или любой специальный инструмент) как порождение разума «усиливала» разумность своего владельца, «вводя» его в круг посвященных, что характерно для зарождающейся эпохи Просвещения. Именно поэтому телескоп, микроскоп или потешный ботик оказываются уместным подношением монарху. Он участвует в алхимических опытах (Карл II) или точит детали на станке (Петр I), а благородным дамам не претит ремесло гравера (Маркиза де Помпадур – но уже в XVIII в.). Деятельность в кругу машин и инструментов – деятельность демиурга, преобразовывающего реальность. Одним из символов таких преобразований в XVII – XVIII вв. являются сады и парки в формате крупных комплексов ландшафтной архитектуры.

Версальский дворцово-парковый ансамбль задумывался как величественная резиденция могущественнейшего правителя Европы. О семиотике художественной программы этого комплекса сказано уже много [13]. Однако постараемся проявить те аспекты, которые демонстрируют «машинный» характер этого парка. Регулярная планировка была свойственна не только французской схеме; правильные формы имели еще в XVI в. итальянские сады (до них – средневековые монастырские сады и огороды), а в следующем веке – голландские сады. Вместе с тем именно во Франции масштаб ландшафтных комплексов достиг значительных размеров, что было связано со становлением новой визуальной культуры. На первый взгляд, прямые аллеи и партеры, ортогонально сокращающиеся в глубину пространства, находят объяснение в теории перспективы, разработанной в эпоху Возрождения совокупно с постановкой проблемы геометрической точки в изобразительном искусстве [14, с. 9]. Перспективный эффект (на картине или в жизни) отличался одним свойством: плохой видимостью дальних пространственных зон. Художник, придавая реалистичную иллюзорность воображаемому трехмерному пространству на картинной плоскости, как бы исключал возможность рассмотреть детально прекрасные дали. Они либо терялись в воздушной перспективе, либо были столь мелочны по проработке, что глаз невольно переключался на передние планы, не в силах различить подробности планов дальних. Живописная иллюзия соответствовала жизненному опыту – наибольшее внимание концентрировалось на ближних участках пространства, более комфортных в оптическом отношении.

В первом десятилетии XVII в. в Голландии была изобретена еще одна «машина» – подзорная труба, превращенная Галилеем в 1609 г. в телескоп. Новый прибор словно элиминировал границы визуального. Несмотря на несовершенство ранних зрительных труб, предметный мир стал доступен для созерцания на значительных расстояниях: Галилей открывает четыре крупнейших спутника Юпитера, а Пейреск – туманность Ориона. Взгляд наблюдателя словно переносился на новое место, с помощью чудесной машины становился вездесущим. Учитывая

появление микроскопа, наряду со временем симметрию, или гомогенность получало и пространство. В нем можно было разглядывать как удаленные, но большие объекты, так и лежащие под самым носом, но очень маленькие, недоступные невооруженному взгляду, или привычные предметы, но, в прямом смысле слова, под другим углом зрения. Рубенс в письме к Пейреску отзывается о микроскопе К. Я. Дреббела, который, вероятно, привлек его как инструмент для рассматривания небольших предметов коллекционирования [8, с. 232].

Макро- и микромиры расширялись за пределы опыта, лишенного инструментов. Парк превращался в модель большого пространства, раскрывающего просторы для человека, знакомого с оптическими приборами. Сильно удаленные перспективы, луга и водные каналы становились плацдармом для оптического покорения мира. Они не могли потеряться в воздушной глубине, их, словно на охоте, можно было «схватить» и «приручить», несмотря на значительное удаление. Подобно тому, как арбалет или фузея сокращали расстояние до дичи, подзорная труба сокращала расстояние до объекта наблюдения. Медитативное созерцание в саду лепестков, побегов и трав дополнилось наблюдением сильно удаленного: медленных или быстрых перспектив, увенчанных на горизонте аркадой (как в Во-Ле-Виконт) или берега Большого канала Фонтенбло, теряющегося в кромке леса. В конце XVII – начале XVIII в. получают распространение телескопы системы Дж. Грегори, дававшие светосильное и неперевернутое изображение, что было удобно для разглядывания парковых угодий. Поскольку, по законам геометрической оптики, луч света в однородной среде распространяется по прямой, пространство для наблюдений должно было иметь открытые просторы. Линейное распространение света как бы экстраполировалось на среду, сформированную линейными же регулярными мотивами боскетов, геометрически правильных партеров и вытянутых каналов. В регулярном парке ничто не мешало перемещаться свету, и ничто не мешало созерцать отражающие этот свет объекты. Для зрителя, зачарованного эффектами перспективы, в парках были готовы магистральные направления для наблюдения удаленных пространств. Перспектива и perspicillum (как называл Галилей свой телескоп [15, с. 599]) экзистенциально соединились.

Пространство, в котором луч света проходит по прямой линии, должно обладать гомогенными геометрическими характеристиками, равноправием всех своих точек. Действительно, ведь в них совокупно находят соответствие все точки луча света как некоего отрезка, состоящего из бесконечного множества точек. Идея равноправия всех точек (способствующих зрительным эффектам) стала формироваться в эпоху Возрождения в связи с развитием теории перспективы. Интерес к пространству повседневного опыта и к пространству произведения искусства эволюционировал параллельно с открытиями в научной сфере. Перспектива и астрономия обнаружили общие истоки, о чем, впрочем, писал еще Леонардо [16, с. 296]. Труд Н. Коперника «О вращениях небесных сфер» изобилует описанием сложных геометрических построений, необходимых для представления об орбитальном движении планет. Их траектории проходили через мириады точек, которые могли быть отмечены как местоположение космического тела в конкретный момент времени. Концепция движения в пространстве и фиксирование местоположения объекта посредством геометрического чертежа из двух перпендикулярных осей принадлежала еще Н. Орему. В XVII в. она была доведена до совершенства Р. Декартом в его аналитической геометрии. Мировое пространство стало системой координат, где оси вычертили его бесконечную кубатуру релевантную самой себе в каждой из своих точек. Субстанциальное абсолютное пространство [17, с. 142] ньютоновой механики уподобилось гигантскому ящику, где каждый предмет может найти себе место. Теперь это пространство мыслилось как абстрактная пустота, как некое потенциальное есть, обладающее безусловным онтологическим статусом, в отличие от средневековой пространственной модели как совокупности locus (местоположений тела) и spatium (промежутков между телами) [18, с. 101].

Выражением абсолютного пространства в живописи становятся перспективные построения, где ортогоналии уходят к точке на горизонте. В архитектуре – ровные линии вычерченного фасада с ясно читающей кубатурой («рельсовая» перспектива карниза Восточного фасада Лувра). В садах и парках – аллеи, лужайки, партеры и каналы. Парк уподобляется ящику с ровными стенками и прямыми углами, аккуратно разлинованный в плане отрезками на правильные участки. Даже небольшой частный сад, но с регулярной планировкой, своей геометрической ясностью словно обретает новый масштаб. Находясь в саду дома Рубенса, сложно отделаться от мысли, что его масштаб, несмотря на небольшой размер, стремится к вселенскому модусу, а пущую торжественность ему придает триумфальная арка, возведенная между внутренним двором дома и садом художника. Однако не стоит пока преувеличивать безграничность

вселенной в сознании ученых XVII в.: астрономия того времени была планетной, ограниченной возможностями увеличения телескопом углового размера планет, но не звезд – они по тогдашним научным представлениям располагались на расстоянии мене пяти минут прохождения света [7, с. 436–437]. Уподобление кессону было буквальным, план всего сада мог быть вписан в прямоугольник. Голландские сады, часто окруженные корпусами богаделен (хофье), имели вид кирпичной коробки, интерьера под открытым небом, как хофье Ф. Хальса в Хаарлеме с армиллярной сферой в самом центре двора. Отчасти прямоугольный план сохранил и Летний сад в Петербурге. Венский Бельведер вытянулся своими аллеями и партерами вдоль двух параллельных прямых. План Верхнего сада Петергофа имеет вид правильного прямоугольника. Строгая геометрия Версаля задана осями, формирующими регулярные линейные отношения между его отдельными участками. В таком пространстве необходимо найти место каждому предмету, и свод королевских правил, детально разработанный придворный этикет Людовика XIV, определяет траектории многочисленных придворных, их место пребывания и другие координатные соответствия.

В новой картине мира субстанциальностью, наряду с пространством, обладало и время. Время машины циклично. Колесо или поршень совершают движения, замкнутые не только в пределах самих машин, но и в границах временных интервалов, внутри которых осуществляется возвращение к точке отсчета. Время как цикл воспринималось античными мыслителями в качестве космической проекции в мир людей, их частных или государственных дел. История двигалась по кругу, подобно колесу Фортуны, возвышая одних, опрокидывая других. Христианское понимание исторического времени укладывалось в линейную модель, где от Творения через Искупление к Страшному суду события выстраивались в неразрывную цепь. Научная революция XVI–XVII вв. возвращает цикличность, постулируя ее проявление в астрономическом перемещении светил, возвращающихся в свои «исходные» позиции, например в течение годичного движения. Обращение Земли вокруг Солнца, наклон земной оси к эклиптике, вращение оси, открытое Галилеем, объяснили смену времени суток и времен года и вызвали новый интерес к ним. Времена года в машинной вселенной стали тактами ее круговых циклов – движение по кругам (эллипсам) стало всеобщим и всемирным. Оно наблюдалось в машинах и в трудовых операциях. Вращались бабки токарных станков, пружины и колеса часов, мельниц, насосов, оси и визирные стрелки наблюдательных приборов. Для полировки линз требовалось множество циклических движений, в которых Спиноза или Левенгук находили свои медитативные настроения, заменившие им чтение молитв. В живописи и скульптуре движение проявляется в барочной экзальтации формальных приемов, в музыке – в повторе рондо, в архитектуре – в купольной центровке объемно-пространственных решений. Сюжеты картин воспроизводят механистичные циклы: Рубенс, не стесняясь натурализма, воспроизводит круговорот воды в природе («Вакх», Эрмитаж), в течение жизни сохраняя интерес к машине, которую в письмах он называет перпетуум-мобиле [8, с. 150].

В садах и парках вечный двигатель природы проявлялся в смене годовых сезонов, в реакции растений на изменяющиеся погодные условия. Аллегорически такты годового цикла воспроизводились в скульптуре, например «Зима» и «Лето» в Версале, а до этого замкнувшие библейскую цепь событий в цикличность времен года у Н. Пуссена в его знаменитой серии из Лувра. Интерес к рукотворной природе у Пуссена проявляется в поиске Аркадии, в разрабатываемой теме природы, выраженной в двух вариантах композиции «Аркадские пастухи» (Париж, Лувр и Четсворт, собрание герцога Девонширского). В «Царстве Флоры» (Дрезден, картинная галерея) Пуссен воспевает мотив цикличного времени – символический образ смерти людей и растений, увядающей и возрождающейся природы на фоне парка и его объектов (фонтан, берсо, герма). Цикличность в садах и парках – это и цикличность маршрутов. В 1690-х гг. Людовик XIV составляет путеводитель по Версалю [19, с. 118], прокладывая траекторию, словно повторяя годовой видимый ход Солнца. Смена циклов проявлялась в том же круговороте воды, перемещение которой стало возможно благодаря машинам: она запасалась в резервуарах, подавалась в фонтаны, возвращалась насосами обратно в цистерны, поднималась гигантскими колесами машины Марли. Цикл воды и хоровод колес механизмов конгруэнтно экстраполировались одно на другое. Рациональное время машины обуславливало рационализацию пространства, которое совпадало с ризоматическим планом имманенции, определяя в дворцово-парковом ландшафте регулярный характер его планировки. Время, движение и пространство замыкались во вселенском вместилище, обнаруживая себя затем в аксиомах о единстве времени, места и действия у теоретиков классицизма.

В рациональной механизированной Вселенной, моделью которой отчасти был парк,

все превращалось в часть машины, и даже человек являлся необходимой деталью в ее теле. Позднее, в XVIII в. Ж. Делиль в своей поэме [20, с. 49–50] советует строителям парка «вовлечь» в его пространства мельницы и дорогу, чтобы крестьяне трудовыми действиями дополняли «кинематику» парка, превращаясь в его естественные атрибуты. Природные процессы были очередным актом (или даже тактом) в движении машины. Поскольку суть машины – движение (а энергия, потребляемая или выделяемая машиной, есть общая количественная мера всякого рода движения), постольку сады и парки должны были демонстрировать концепт вселенского движения вещей в космической образности таковых. Движение могло быть продемонстрировано через «механику» придворного быта: люди и животные, театральные постановки и фейерверки, потешные морские баталии на каналах и выход самого монарха. Жизнь Людовика XIV была публичной и аллегорически соответствовала движению Солнца на небосводе: солярная символика Версаля подтверждалась перекрестками аллей и мифологическими персонажами. Наряду со стихией огня, символизм машинного устройства мира демонстрировала и стихия воды.

Вода была обязательным условием семиотических кодов ландшафтной архитектуры, поскольку сад уподобляется Эдему – источнику четырех рек, что находит отражение в крестообразной форме версальского Большого канала [13, с. 71]. Лесные ручьи этимологически возводили к себе историю загородных резиденций, как это было в Фонтенбло или в Шенбрунне, где в 1612 г. был найден ключ, названный императором Матвеем Габсбургом «прекрасным» [21, с. 5]. В переписке Пуссен называет сады Тюильри на Сене, в которых ему Людовиком XIII подарен дом, «настоящим раем», где «раскрываются виды со всех сторон» [22, с. 19]. Новый Эдем обретается не по воле небес, а в условиях картезианского машинного космоса усердием человеческих рук и разума. Укрощение болот, буйства прибрежных морских вод, речных потоков являлись аргументом в пользу человеческой силы и абсолютистской власти монарха. Заметим, что в годы строительства Версаля, во Франции был реализован еще один проект – канал дю Меди, связывающий Средиземное море и Атлантику. Король действительно «насиловал природу» [13, с. 69].

Строительство садов и парков осуществлялось вблизи большой воды. Даже прикладные по задачам, утилитарно ограниченные озелененные участки военных госпиталей в Челси и в Гринвиче, спроектированные вместе со зданиями богаделен К. Реном, располагаются на берегу Темзы. Военно-морской госпиталь в Гринвиче словно оккупировал загородные просторы королевского имения, небольшого дворца, построенного И. Джонсом. К. Рен, хорошо знакомый с проектами для Лувра и Версаля Дж.-Л. Бернини [23, с. 210], словно пытается воспроизвести в малом варианте большой замысел своих заморских коллег. Сад, парк и река (канал или море) встраиваются в модель Парадиза, в большей степени именно в семиотическую модель, нежели в архитектурную композицию объекта ландшафтной архитектуры.

Вода была необходима для подпитки растительных форм, однако этот процесс обычно скрыт от глаз посетителя. Вместе с тем ему открыты те водные объекты, которые восхищают больше всего – пруды, каналы, партеры и фонтаны. Эти элементы ландшафтного парка становятся обязательными для крупной дворцово-парковой композиции. Вода, перемещаясь в разных направлениях, обнаруживает самую суть движения («все меняется, все течет» и «нельзя войти в одну реку дважды»), различных его видов – и как символ изменчивости мира, и как физическое явление. Укрощение воды потребовало значительных сил и средств, а главное – разработки основ гидродинамики. Принцип сообщающихся сосудов позволил подавать воду из верхних прудов (резервуаров) в фонтаны, расположенные ниже по рельефу местности. Гравитация обеспечивала движение сверху вниз, а разница давления и сечения отверстия труб способствовала управлению струями воды, бьющими на нужную высоту. Э. Мариотт проектирует гидросистему Версаля [9, с. 489], руководствуясь самыми современными на тот момент достижениями науки.

Сравнивая гидросистемы Версаля и Петергофа, отечественные специалисты обращают внимание на изящное решение, примененное в русском парадизе, – устройство гидротехнической системы на Ижорской возвышенности, что позволяло подавать воду бóльшую часть года, отказавшись от дорогих машин, которых бы потребовали первоначальные планы создания «русского Версаля» в Стрельне [24]. В этом видят превосходство петровского парка над парком французского короля. Стоит, все же, заметить, что такой технический прием в XVII–XVIII вв. был общим местом. Водой из Верхнего Бельведера питаются фонтаны Нижнего Бельведера в Вене. На окраинах австрийской столицы в Шенбрунне вода подается в каскады и фонтаны из открытого резервуара на холме рядом с аркадой – Глориеттой. В Версале тоже есть «верхние пруды» – Швейцарский бассейн. Однако воды катастрофи-

чески не хватало. Масштаб применения водных аттракций в версальском парке таков, что естественными накоплениями речных вод обойтись невозможно. На помощь пришли механизмы. Они стали не только вспомогательным арсеналом, скрытым за кулисами основного действа, но и заняли почетное место в символической системе Версаля. Для снабжения водой двух сотен фонтанов парка была построена насосная станция, дававшая возможность хотя бы поочередно включать фонтаны перед появлением короля. В пяти километрах от дворцово-паркового комплекса соорудили машину Марли – гигантскую систему колес, поднимавших воду из Сены. Проработавшая боле ста тридцати лет, она может считаться символом механистической вселенной, где круговорот воды в природе обеспечивают инструменты, созданные человеком. Такой круговорот стал подлинной «кровеносной» циркуляцией воды в Версале, словно иллюстрируя открытие в 1628 г. У. Гарвеем кругов кровообращения. Гарвей сам проводил механические аналогии, сравнивая сердце и кузнечные мехи [25, с. 177]. Упавшая вниз, под воздействием природной силы (гравитации), вода возвращалась наверх силой разума, насосами, которые перекачивали ее из фонтанных чаш в огромные резервуары, сводчатые каменные цистерны, использующиеся до сих пор [26, p. 35]. Машина из утилитарно необходимой вещи превращается в символ величия и социального доминирования. Ее наличие является не слабым местом Версаля, а демонстрацией силы, богатства и просвещенности, прежде всего того, кто стоит за ее работой, т. е. правителя эпохи абсолютизма. Этот же образ – фигура монарха, символически зашифрованного в феноменологическом лабиринте дворцов и парков, будет воспроизведен во многих других европейских (и русских) загородных резиденциях. Однако именно в Версале идея миропорядка как машины, управляемой могущественным правителем-демиургом, получит свое наиболее законченное воплощение.

Подведем итог. Влияние машины на сферы культуры не ограничивается только применением приборов и механизмов в тех искусствах, которые напрямую зависимы от степени освоения природы, ее физических материалов. Машина становится образом, встраивается в ткань семиотического содержания художественных произведений. Механицизм способствует становлению научной систематики [25, с. 177], переносу упорядочивающих комбинаций и на гуманитарные сферы (Лейбниц) [27, с. 55]. Аллегорическое бытование машины обусловлено тем, что создателями и носителями «машинной» культуры были зачастую люди (хорошо знакомые друг с другом), которые одновременно участвовали в государственном строительстве, в художественной практике, открывали законы природы, изобретали новые механизмы. Многие из них являлись политиками, творческими деятелями и учеными, в исканиях которых искусство, наука и техника были неразрывно связаны между собой. Символом величия государства и общества, цивилизации и культуры становится машина, в образах которой могут быть представлены с этих пор и человек, и вселенная.

Список литературы

1. Горохов В. Г., Розин В. М. Введение в философию техники. Москва: Инфра-М, 1998. 224 с.
2. Рейхенбах Г. Направление времени / пер. с англ. Ю. Б. Молчанова, Ю. В. Сачкова. Москва: Нил, 1962. 396 с.
3. Наука: величайшие теории. Вып. 38. В погоне за лучом: Гюйгенс. Волновая теория света. Москва: Де Агостини, 2015. 168 с.
4. Masterpieces of the Kunstkammer Vienna / ed. by S. Haag. Vienna: Kunsthistorisches museum, 2013. 240 p. (Ser. Kunsthistorisches museum; vol. 12).
5. Акройд П. Ньютон: биография / пер. с англ. А. Капанадзе. Москва: Альпина Паблишер, 2017. 208 с.
6. Наука: величайшие теории. Вып. 40. В поисках формы: Гук. Закон Гука. Москва: Де Агостини, 2014. 167 с.
7. Шоню П. Цивилизация классической Европы / пер. с фр. В. Бабинцева. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 608 с.
8. Петер Пауль Рубенс: письма, документы, суждения современников / пер. А. А. Ахматовой, Н. В. Брагинской, К. С. Егоровой. Москва: Искусство, 1977. 480 с.
9. Забалуева Т. Р. История архитектуры и строительной техники. Москва: Эксмо, 2007. 736 с.
10. Наука: величайшие теории. Вып. 45. Под давлением: Бойль. Закон Бойля. Москва: Де Агостини, 2015. 176 с.
11. Фаррингтон Б. Голова и рука в Древней Греции: четыре очерка социальных связей мышления / пер. с англ. К. А. Трохачевой. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. 172 с.
12. Шокарев Ю. В. Луки и арбалеты. Москва: Аст: Астрель, 2003. 173 с.
13. Хохлова С. Архитектурные категории французской культуры XVII в.: на примере дворцово-паркового ансамбля Версаля // Очерки истории теории архитектуры Нового и Новейшего времени / под ред. И. А. Азизян. Санкт-Петербург: Коло, 2009. С. 61–115.
14. Раушенбах Б. В. Системы перспективы в изобразительном искусстве: общая теория перспективы. Москва: Наука, 1986. 254 с.
15. Вавилов С. И. Галилей в истории оптики // Успехи физических наук. 1964. Т. 64, № 8. С. 583–615.
16. Леонардо да Винчи. Избранные произведения / пер. В. П. Зубова, А. А. Губера, В. К. Шилейко, А. М. Эфроса. Минск: Харвест; Москва: Аст, 2000. 704 с.

17. Молчанов Ю. Б. Понятие одновременности и концепция времени в специальной теории относительности // Эйнштейн и философские проблемы физики XX в. Москва: Наука, 1979. С. 138–163.

18. Кузнецов Б. Г. Идеи и образы Возрождения. Москва: Наука, 1979. 280 с.

19. Версаль / авт.-сост. Е. А. Конькова. Москва: Вече, 2002. 224 с.

20. Делиль Ж. Сады. Ленинград: Наука, 1988. 230 с.

21. Иби Э. Дворец Шенбрунн / пер. с нем. И. Берман. Vien: Schönbrunn, 2014. 72 с.

22. Письма Пуссена / пер. с фр. Д. Г. Аркиной. Москва; Ленинград: Искусство, 1939. 204 с.

23. Кидсон П., Мюррей П., Томпсон П. История английской архитектуры / пер. англ. Л. А. Игоревского. Москва: Центрполиграф, 2003. 382 с.

24. Ефимов В. Почему не состоялся «русский Версаль» в Стрельне // АРДИС: архитектура, реставрация, дизайн и строительство. 2010. № 3 (46). URL: http: // d-c. spb. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

25. Любарский Г. Ю. Происхождение иерархии: история таксономического ранга. Москва: КМК, 2018. 659 с.

26. Versailles / texte de J.-M. Perouse de Montclos. Paris: Editions Place des Victoires, 2001. 320 p.

27. Куклинова И. А. Бытование термина «музей» в европейской культуре XVIII в. // Обсерватория культуры. 2015. № 5. С. 52–57.

References

1. Gorokhov V. G., Rozin V. M. Introduction to philosophy of machinery. Moscow: Infra-M, 1998. 224 (in Russ.).

2. Reikhenbakh G.; Molchanov Yu. B. (transl.); Sachkov Yu. V. (transl.) Direction of time. Moscow: Nil, 1962. 396 (in Russ.).

3. Science: greatest theories. Is. 38. Chasing ray: Huygens. Wave theory of light. Moscow: De Agostini, 2015. 168 (in Russ.).

4. Haag S. (ed.) Masterpieces of the Kunstkammer Vienna. Vienna: Kunsthistorisches museum, 2013. 240. (Ser. Kunsthistorisches museum; 12).

5. Ackroyd P.; Kapanadze A. (transl.) Isaac Newton. Brief lives. Moscow: Alpina Publisher, 2017. 208 (in Russ.).

6. Science: greatest theories. Is. 40. Looking for configuration: Hooke. Principle of Hooke. Moscow: De Agostini, 2014. 167 (in Russ.).

7. Chaunu P.; Babintsev V. (transl.) La civilisation de L'Europe classique. Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2005. 608 (in Russ.).

8. Akhmatova A. A. (transl.), Braginskaya N. V. (transl.), Egorova K. S. (transl.) Pieter Paul Rubens: letters, documents, judgments of contemporaries. Moscow: Iskusstvo, 1977. 480 (in Russ.).

9. Zabalueva T. R. History of architecture and construction machinery. Moscow: Eksmo, 2007. 736 (in Russ.).

10. Science: greatest theories. Is. 45. Under pressure: Boyle. Principle of Boyle. Moscow: De Agostini, 2015. 176 (in Russ.).

11. Farrington B.; Trokhacheva K. A. (transl.) Head and hand in Ancient Greece: four studies in social relations of thought. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Univ., 2009. 172 (in Russ.).

12. Shokarev Yu. V. Bows and crossbows. Moscow: Ast: Astrel', 2003. 173 (in Russ.).

13. Khokhlova S. Architectural categories of French culture of 17th century: on example of Versailles Palace and Park Ensemble. *Azizyan I. A. (ed.) Essays on history of theory of architecture of Modern and Contemporary times*. Saint Petersburg: Kolo, 2009. 61–115 (in Russ.).

14. Raushenbakh B. V. Systems of perspectives in visual arts: general perspective theory. Moscow: Nauka, 1986. 254 (in Russ.).

15. Vavilov S. I. Galilei in history of optics. *Physics-Uspekhi*. 1964. 64 (8), 583–615 (in Russ.).

16. Leonardo da Vinci; Zubov V. P. (transl.); Guber A. A. (transl.); Shileiko V. K. (transl.); Efros A. M. (transl.) Selected works. Minsk: Kharvest; Moscow: Ast, 2000. 704 (in Russ.).

17. Molchanov Yu. B. Concept of simultaneity and concept of time in special theory of relativity. *Einstein and philosophical problems of physics in 20th century*. Moscow: Nauka, 1979. 138–163 (in Russ.).

18. Kuznetsov B. G. Renaissance ideas and images. Moscow: Nauka, 1979. 280 (in Russ.).

19. Kon'kova E. A. (comp.). Versailles. Moscow: Veche, 2002. 224 (in Russ.).

20. Delille J. Les Jardins. Leningrad: Nauka, 1988. 230 (in Russ.).

21. Ibi E.; Berman I. (transl.) Schönbrunn Palace. Vien: Schönbrunn, 2014. 72 (in Russ.).

22. Arkina D. G. (transl.) Lettres de Poussin. Moscow; Leningrad: Iskusstvo, 1939. 204 (in Russ.).

23. Kidson P., Murray P., Thompson P.; Igorevskii L. A. (transl.) History of English architecture. Moscow: Tsentrpoligraf, 2003. 382 (in Russ.).

24. Efimov V. Why «Russian Versailles» in Strelna was not held. *ARDIS: architecture, restoration, design and construction*. 2010. 3 (46) . URL: http: // d-c. spb. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

25. Lyubarskii G. Y. Origin of hierarchy: history of rank in taxonomy. Moscow: KMK, 2018. 659 (in Russ.).

26. Perouse de Montclos J.-M. Versailles. Paris: Editions Place des Victoires, 2001. 320.

27. Kuklinova I. A. Existence of term «museum» in European culture in 18th century. *Observatoriya kul'tury*. 2015. 5, 52–57 (in Russ.).

УДК 7.036(4):111.8

Е. Г. Соколов

Альтернативы трансцендентного опыта в европейской художественной культуре

Представлен поиск альтернатив – внесакральной трансцендентности – в творческой практике и жизненных стратегиях представителей европейского романтизма, декаданса и артистической богемы XIX – первой половины XX в. Были проанализированы основные знаково-символические тексты Т. де Квинси, Ш. Бодлера и О. Хаксли, в которых концептуально и идеологически произошла легитимация практик применения психотропных средств. Указаны грани этической, экзистенциальной, художественно-эстетической оценки этих практик в среде европейской богемы рубежа XIX–XX в. Наиболее подробно исследована попытка рационально-эмпирического осмысления воздействия психотропных веществ, не сводимого к медицинским и психологическим аспектам, в эссе О. Хаксли «Двери восприятия». Показано, каким образом эксперимент Хаксли ставит под сомнение истинность и тотальность доминирующего сегодня концепта реальности и способов ее постижения. Отмечается значительное влияние «Дверей восприятия» на мировую культуру второй половины XX в.

Ключевые слова: художественные практики, декаданс, артистизм, литературная богема, современная культура, концепт реальности, антропологические модусы

Evgenii G. Sokolov

Alternatives to transcendental experience in art culture of Europe

The alternatives to the off-sacred transcendency in the creative practice and life forming strategies immanent to the representives of European romanticism, decadance and art bohemia in the 19th century and first half of the 20th century are shown. The major symbolic texts by T. de Quincey, Charles Baudelaire and Aldous Huxley were analyzed which ideologically legitimized the concept of the use of the psychotropic drugs. The author also defines the borders of ethical, existential, artistic and aesthetical evaluation of these practices among European bohemia on the transition from the 19th to the 20th century. The attempt of Aldous Huxley to rationally and empirically comprehend with the effect, produced by psychotropic drugs, beyond medicinal and psychological aspects, as described in his book «The Doors of Perception», was most scrupulously examined. The article demonstrates how the Huxley's experiment is questioning the verity and totality of the currently dominating concept of reality and the methods of its perception. The author also pointed out the great impact of «The Doors of Perception» on the global culture of the second half of the 20th century.

Keywords: art practices, decadence, artistry, literary bohemia, modern culture, concept of reality, anthropological modes
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-82-91

Роза как роза как роза
Гертруда Стайн [1]

В 1714 г. была опубликована сатирическая поэма английского философа, писателя и экономиста Б. де Мандевиля «Басня о пчелах, или Частные пороки – общественные выгоды». И хотя решением суда графства Мидлсек в 1723 г. она была признана вредной и не рекомендовалась к чтению, тем не менее на популярность памфлета среди самых широких слоев английского, и не только, общества это не повлияло: книга на протяжении XVIII в. многократно переиздавалась и была переведена практически на все европейские языки. Не будем останавливаться на основных теоретических положениях и идеологических установках апологии раннего капитализма: об этом достаточно сказано по разным поводам и в разных обстоятельствах. Да и сами по себе достаточно наивные, вполне соответствующие месту, времени и жанру (басня-аллегория-сатира с неизменным риторическим наставлением), «теоретические» мысли автора, устарели уже к началу следующего века и перестали вызывать интерес. Пафосное утверждение, что людские пороки являются движущей силой развития и совершенствования человека и человеческого общества, а потому весьма полезны и выгодны с точки зрения общественного устроения, могут вызвать лишь снисходительную улыбку. Однако нам этот текст будет интересен в другом отношении: как пусть аллегорическое и свободно излагаемое, но все же исчерпывающее перечисление значимых – как частных, так и общественных, – пороков, как они представлялись в общественном сознании в XVIII в. Это: социальное неравенство (одни в поле лица трудились, но из нищеты не вылезали, другие же, напротив, ничего не делали, но жили припеваючи), «плуты, хапуги, сутенеры, гадалки, шарлатаны, воры» определяли челове-

ческую сущность и общую атмосферу сообщества; погрязшее во взятках судопроизводство, врачи наживались на больных, ничуть не заботясь об их выздоровлении; мошенничество и обман; зависть и тщеславие; духовные водители (жрецы) забыли о Боге и Душе, но были одержимы Мамоной, власть не заботилась о народе, но только его грабила; прелюбодеяние, обжорство, праздность. Короче, «пороком улей был снедаем, / но в целом он являлся раем… такой здесь был граждански строй… Дружила нравственность с пороком… Здесь жадность, будучи истоком всех зол, губительным пороком, себя связала с мотовством – сим благороднейшим грехом» [2, с. 55]. Но нигде нет даже намека на наркомана или наркотики. Эти позиции в самосознании культуры и английской, и европейской на ту эпоху отсутствовали.

Разумеется, правомерно сказать, что автор не задавался целью провести доскональный обзор общества того времени, да и жанр изложения совсем не требовал научной скрупулезности и досконального всестороннего знания предмета. Однако как раз сам избранный для изложения жанр и говорит сам за себя: в художественном артефакте фиксируются лишь действительно значимые факты-установки, те, что циркулируют в общественном сознании, и именно в том качестве, в каком они в нем, общественном сознании, присутствуют. Впрочем, можно обратиться и к вполне научно-историческим, основанным на источнике эпохи свидетельствам для подтверждения сказанного.

В своих классических работах «История безумия» и «Надзирать и наказывать», «Рождение клиники» М. Фуко, почти наш современник, прекрасно владеющий и историческими фактами, и навыком научного обоснования своих выводов, дает нам, наряду с магистральными темами и сюжетами (как сформировался современный концепт анормальности в первой работе, и как складывалась современная пенитенциарная система), исчерпывающую панораму европейского общественного культурного пространства XVIII в. В разряд аномальных (либо с точки зрения психо-соматики, либо с точки зрения нормативного, правильного и законного функционирования всего сообщества), т. е. не соответствующих представлениям эпохи о должном, естественном, истинном и справедливом, попадают очень многие персонажи и явления, некоторые из которых, хотя в последующем и были реабилитированы, но тем не менее все равно продолжают «незримо присутствовать» и влиять на формирование отношения к той или иной группе социально-антропологической девиации как на индивидуальном, так и на общественном уровнях. Это извечные и неизменные убийцы, воры, лжецы (лжесвидетели) и обманщики, развратники и растлители-насильники (прелюбодеи), мздоимцы, пьяницы и обжоры и характерные лишь для эпохи – либертены, растратчики, тунеядцы, сутенеры и проститутки, казнокрады, карточные шулера, спекулянты, а также имеющие те или иные физические или психические отклонения. Разумеется, здесь мы не найдем ни наркомана, ни наркоторговца-дилера. Оба эти персонажа отсутствуют как в пространстве психосоматической патологии, так в реестре асоциальных явлений. Никакой фиксации в художественных практиках XVIII в. это не получило.

Наркотики в европейскую культуру и европейского самосознание вошли в эпоху Романтизма, позднего Романтизма, когда основные идеологемы и концептуальные предустановки уже были артикулированы, философски утверждены и многократно реализованы в конкретных произведениях искусства. В Великобритании в 1821 г. в «The London Magazine» впервые была опубликована «Исповедь англичанина, употребляющего опиум», вначале анонимно, в последующем, при переиздании отдельной книгой, на обложке появилось имя автора – Т. де Квинси. Хотя «Исповедь» и вызвала положительные отклики – автора хвалили за изящество стиля, подчеркивали красоту фраз, неизменно отмечали выразительность описания снов и галлюцинаций – тем не менее популярности и известности среди широкой публики автор не снискал в тот момент.

Гораздо большее впечатление на современников произвела другая, не менее известная работа де Квинси «Убийство как одно из изящных искусств» (1827 г. – первая часть, 1839 г. – вторая, 1856 г. – постскриптум) благодаря своей откровенно эпатажной тематике. «Исповедь» же осталась для современников практически незаметной и в полной мере была оценена и востребована начиная с середины XIX в., когда иные, неромантические, концептуально-идеологические установки стали доминировать в культурной и художественной жизни Европы. С того времени вплоть до наших дней книга Т. де Квинси может считаться знаковой, определяющей и формирующей «аксиологическое ядро» большинства, если не всех, возможных медитаций по этому поводу, а также очертившей горизонты манипуляционных и интерпретационных стратегий как в сфере чистого спекулятивного умозрения, так и в области непосредственного, широкого и публичного, «потребления».

Этот текст, по сути дела, провел «операционно-смысловую разметку» наркологического пространства культуры, посредством которого и через которое и по сей день данное явление (факт, феномен, структура, род данности) входит в реестр значимых артефактов и присутствует наряду с другими. Поэтому стоит вспомнить некоторые утверждения английского писателя и мыслителя. Прежде всего,

сам «предмет» – опиум. Вещь – неэкзотическая, незаморская, но достаточно хорошо известная в европейской медицинской практике и до начала XIX в. Однако ранее этот препарат не выходил за пределы врачевательного, исключительного утилитарно-инструментального, пространства. Здесь же, в «Исповеди» опиум вторгается в сферу художественную, выступая главным «персонажем», провоцирующим и направляющим все повествование. Вся интрига завязывается вокруг него. «Характер» и аксиологическая модальность (спектр положительного – достоинства и отрицательного – изъянов) главного персонажа – опиума – определяется в первую очередь статусом и дискурсивным статусом самого текста (безапелляционная и безоговорочная позитивность искусства как такового, утвержденная предыдущими эпохами, даже – согласно романтической идеологии – приоритетная и исключительная среди других культурных практик), ну а во вторую – выразительностью/притягательностью представления (художественными достоинствами). Как уже говорилось выше, современники на эту сторону сразу же и обратили внимания. Так вот, опиум – несомненно «положительный герой» с обеих точек зрения: его «открывает»/презентирует (т. е. он обретается в культуре) Художник-Творец-Гений, который «по понятию» сопричастен Высшему Благу, ну а само явление – эффектно обставлено патетическими-сопроводительными возгласами в той же мере, как и нарративно-дидактической (очень отрывочной и схематичной) последовательностью.

Довольно безрадостная жизнь среднего, при этом весьма образованного и не лишенного поэтического чутья, англичанина в начале XIX в., включающая весь набор опознавательных «зарубок повседневности»/детерминативов реальности (как они маркируются в образной риторике художественного пространства эпохи) – Оксфорд, скитания, Лондон, Британский музей, смерть отца, опекуны, ростовщики, лорды, «мачеха с каменным сердцем», промозглая погода, нищета, лондонские трущобы, рента, наследство, телесные недуги, врач, и, наконец, «зимний вечер». И… обретение: «Радости опиума». Гимн и поэма: «о Боже! – какой переворот! Какой взлет души из самых глубин! Какой апокалипсис моего внутреннего мира! Избавление от боли казалось мне теперь пустяком; этот отрицательный эффект был поглощен грандиозностью открывшегося передо мною положительного эффекта – бездною божественного наслаждения. То была панацея, от всех человеческих невзгод, то был внезапно обретенный мною секрет счастья» [3, с. 98]. Затем опровержение оппонентов, противников опиума: «Прежде всего несколько слов относительно воздействия опиума на организм; по поводу всех сообщений об опиуме, которые исходят как от путешественников в Турцию… так и от профессоров медицины, пишущих ex cathedra, – могу решительно ответить им одним критическим суждением: ложь, ложь и еще раз ложь!» [3, с. 99]. Сравнение с алкоголем: «…чистый опиум не способен подействовать на организм так, как действует алкоголь… Главное же различие заключается в том, что вино расстраивает умственные способности, тогда как опиум (если принимать его правильно), напротив, вносит в них изысканный порядок, законосообразность и гармонию. Вино лишает человека самообладания, опиум его сильно укрепляет. Вино повреждает и замутняет рассудок…; опиум, напротив, сообщает ясность и равновесие всем человеческим способностям… что же касается нравственных чувств и характера в целом, то здесь опиум проявляет себя как средство, дарующее особое жизненное тепло… человек пьяный… впадает (и сам чувствует это) в состояние, при котором побеждают чисто человеческие, а порой – слишком часто – животные черты его натуры; тогда как опиофаг… чувствует, что божественное начало в его душе преобладает» [3, с. 101]. Преимущества наркотика перед алкоголем – более, чем очевидны. Справедливости ради Т. де Квинси упоминает и о «горестях опиума». Но они гораздо менее убедительны и сводятся по сути дела к тому, что «его (наркомана опиофага. – *Е. С.*) представление о возможном бесконечно далеко от действительной способности не только исполнять задуманное, но даже предпринимать к тому попытки» [3, с. 114].

Заканчивается же книга описанием тех сладостных видений и непередаваемо-восхитительных изменения, которые случаются в состоянии опиумного транса. Деформируется восприятие пространства и времени, чувства обостряются, события настоящего мешаются с воспоминаниями и впечатлениями прошлого, реальность причудливо сочетается с фантомами и призраками, во много раз возрастает интенсивность переживаемого. Иными словами: привычная система координат, по которым ориентируется повседневная жизнь, ломается, уступая места иным разметкам. Среди же знаменательных и, как явствует из текста, наиболее часто повторяющихся «наполнений», упоминаются следующие. Это, в первую очередь, события детства, когда наивность, чистота и непосредственность восприятия еще утрачены и не вытеснены несчастьями и горестями, а мир предстает перед тобой добрым, теплым и нежным, таким, каким он был до изгнания из Рая. Следующая группа видений – образы, пришедшие из произведений искусства («Римские древности» Пиранези в частности) и описаний Великих исторических событий (Тит Ливий и его «История Рима от основания города», и героический возглас Consul Romanus). И третья – заморские страны (Китай, Индия, Древний Египет).

Символика каждой из групп более чем очевидна: детство – чистота «первого утра мира»; искусство и История – плен красоты и патетика героизма; заморские страны – притягательность экзотики, завораживающая и одновременно пугающая.

Общая цель, которую преследовал автор, проговаривается Т. де Квинси в самом конце, в одном из послесловий: «Книга эта имела целью показать, хотя бы отчасти, скрытые возможности, свойственные человеческим сновидением» [3, с. 144]. Но кроме заявленного, попутно проговорилось и еще несколько моментов, на которые стоит указать. Прежде всего, это вхождение и освоение горизонтов внесакральной, т. е. никак не связанной с религиозностью, трансцендентности. В принципе, это – не новость для романтической идеологии: открытие данного измерения, доказательство его реальности, поиск свидетельств его вторжения в повседневность, а также его досягаемость – все это так или иначе концептуально фундировало многочисленные рассуждения о сущности искусства, художественной реальности, Гении-Творце, эстетическом отношении к миру и пр., чрезвычайно популярные в ту эпоху. Художественная трансцендентность, безусловно, вытесняла внехудожественную (сакральную) и обретала статус антропоморфной константы. Однако важнейшим моментом этакого концепта трансцендентности выступала ее эзотеричность: она не могла просто так обнаружиться и вдруг появиться на «филистерской ярмарке», но добывалась титаническими усилиями Гения, «избранника», либо, как вариант, благодаря внешним экстраординарным обстоятельствам просачивалась через брешь, образованную «громом и молниями». Иначе говоря, она, это трансцендентность, не могла появиться по первому же желанию и услужить-развлечь прихоть всякого. Встреча с ней требовала усилий, и немалых. В случае же с опиумом все обстояло совсем по-другому: любой и в любой же момент мог ею насладиться, не прилагая к тому никакого труда и не обладая никакими выдающимися способностями. Причем эффект – всегда гарантирован. Думается, что именно по этой причине текст Т. де Квинси не стал культовым в 20-х гг. XIX в. и оказался необычайно востребованным в середине, когда концепт Гения-Творца-Избранника уже порядком поизносился.

Первое появление наркотиков в европейской культуре, как было продемонстрировано, было обставлено при помощи весьма привлекательных (для той эпохи) аргументов, способных не только привлечь внимание, но и заворожить, загипнотизировать, заинтересовать и, в итоге, испробовать. Впрочем, экономически-политический контекст также имел место, хотя он и был не столь однозначно положительный: знаменитые опиумные войны 1840–1842 и 1856–1860 гг. между Китаем и Великобританией, катастрофическое распространение наркомании в середине века среди низов английского общества, предпочитавших алкоголю более дешевые и несомненно более эффективные опиумные таблетки. Последнее вызвало бурные дебаты относительно целесообразности введения запрета на распространение и употребление опиума, проходившие в различных коридорах и кабинетах английского Парламента вплоть до начала Первой мировой войны, но так и не разрешивших главный вопрос: так с великим злом или с великим благом столкнулось цивилизованное человечество. Между тем ответ уже был дан художниками, которые в гораздо большей степени определяли атмосферу и предпочтения европейского культурного сознания в середине XIX – начале XX в., нежели лорды и министры.

Следующая знаменательная точка в формировании привлекательного «имиджа» наркотиков – Франция, декаданс-модерн-символизм. То, что Франция с середины позапрошлого и до начала прошлого века являлась авангардом художественной эволюции как таковой, а все последующие «измы» так или иначе восходят к тем кардинальным концептуальным сдвигам, которые и были артикулированы, и с успехом реализованы на практике, – общеизвестно. До сегодняшнего дня в сознании просвещенного обывателя Париж остается центром Искусства, хотя это уже давно не так.

В начале 1840-х гг. в Париже по инициативе психиатра Ж. Ж. Моро де Тура был открыт литературно-художественный салон «Клуб гашишистов» (Le Club des Hashischins). Проходившие там до 1849 г. регулярные встречи обставлялись таким образом, чтобы создать у широкой парижской публики, падкой на сенсации, впечатление, что это – некое «эзотерическое сообщество», доступ в которое мог получить лишь избранник, каковым в первую очередь почитался художник. Члены клуба собирались в роскошной, изысканно обставленной гостиной отеля Лозен на острове Сен-Луи в самом центре Парижа. Пришедшие переодевались в арабские или индийские одежды, пили крепкий кофе, вели беседы о «великом искусстве» и «великих посвященных», желающие могли принимать так называемый «дамеск» (смесь гашиша с опиумом), проводились опыты по воздействию наркотика на психику и поведение. Среди посетителей – для того времени уже живые классики О. де Бальзак, В. Гюго, А. Дюма-ст., в произведениях которых были описаны личные впечатления. Но настоящую славу салону-клубу принесли литераторы следующего поколения: завсегдатаями были Т. Готье, издавший в 1847 г. новеллу «Клуб гашишистов» и Ш. Бодлер, время от времени приходили П. Верлен и А. Рембо.

Т. Готье, хотя и признанный классик французской литературы, достоинства которого и вклад

невозможно оспорить, но все же – верный последователь «романтического канона» со всем уже достаточно устоявшимся набором средств выражения и построения (форма, жанр, стиль, герои, мотивы, движущие силы, система аргументации и пр.). Да и новелла «Клуб гашишистов» – не самое ценное из его наследия. Нерваль с его многомотивной, многообразной и многовариантной интонацией «отречения от земной реальности», его эротизм, причудливо-страшноватая фантастика, культ искусства для искусства «галантной богемы», мистическое искание образа совершенной женщины, миссионерские посещения стран Востока и Германии, несомненно во многом очертили горизонты художественных догматик эпохи декаданса-символизма и вполне могут быть, если задаться целью, интерпретированы и идентифицированы как фиксации тех впечатлений, что испытал автор в состоянии наркотического опьянения, чему сохранилось немало свидетельств. Однако художественное произведение – это художественное произведение, и сколь бы ни был велик искус вывести его из «фактов личной жизни» художника и объяснить «реальными обстоятельствами» – будет все же не слишком корректным. Кроме того, по формально-конститутивным и стилистическим Нерваль все же в большей степени относится к (очень) позднему, в котором образные экстрем-маркеры и привилегированные мотивы присутстсвуют в очень большой концентрации, романтизму. Ш. Бодлер, напротив, хоть и современник вышеназванных, но художник и идеолог совсем другого мироощущения в той же мере, как и отношения к творческому акту.

Ш. Бодлер – фигура культовая во всех смыслах. И для современников, в полной мере отдающих себе отчет, на что посягнул и какую революцию в области «поэтического языка» (т. е. и поэтического, художественного как такового, и его выражающего, фиксирующего и презентирующего, что, впрочем, неотделимо друг от друга) он совершил, и для последующих поколений художников. И это касается не только литературы (литературного языка, собственно поэзии), но экзистенциальных установок в не меньшей степени, нежели пределов человеческой данности. Наследие его очень невелико и прекрасно со всех сторон изучено. Остановлюсь на одном аспекте, непосредственно касающийся темы нашей статьи, который может считаться не вполне «политкорректным» с точки зрения культурной конъюнктуры нашего времени. А именно: наркотики и наркомания. То, что Ш. Бодлер употреблял наркотики, хотя и не злоупотреблял, – общеизвестный факт. И практически во всех исследованиях, посвященных «Цветам зла», это не обходят вниманием, справедливо указывая на то, что многие образно-стилистические характеристики «Цветов» вполне объясняются, хотя и не исчерпываются им только, личным наркоманским опытом поэта. Однако напрямую он затрагивает эту проблематику в своих трех довольно пространных статьях-эссе, изданных отдельной книгой в 1860 г. под названием «Искусственный рай», где он и описывает собственные впечатления-ощущения, пережитые во время приема наркотиков, и исследует данный феномен, т. е. наркотик, с этической, экзистенциальной, художественно-эстетической, социальной, практически-прагматической и даже отчасти с онтологической сторон.

Одна из статей книги «Искусственный Рай» – «Опиоман» – является свободным пересказом, прерываемым собственными, иногда пространными, комментариями и рассуждениями по поводу изложенного, «Исповеди» Т. де Квинси. Ранее французская публика имела возможность познакомиться с текстом англичанина лишь в версии А. де Мюссе 1828 г. «Пожиратель опиума» (Un rêve, L'Anglais mangeur d'opium), который не просто перевел роман, но, как ему казалось, его «улучшил», изменив ряд сюжетных линий. Две другие – посвящены психоделическим и галюцинаторным свойствам каннабиноидов, природных веществ, на основе которых производится гашиш и марихуана.

В эссе «Вино и гашиш, как средства для расширения человеческой личности» Ш. Бодлер пишет о том, какой эффект вызывает вино/гашиш. Пальму первенства, в отличие от Т. де Квинса, который в своей книге также проводил сравнительный анализ обоих «препаратов» и отдавал безусловное предпочтение наркотику, французский поэт отдает вину, ибо «ничто не может сравниться с радостью человека, который пьет. Разве только радость самого вина, когда его пьют… Вино делает добрым, общительным; гашиш влечет к уединению. Вино, так сказать, трудолюбиво; гашиш, по существу, лентяй… вино предназначено для народа, который работает и достоин его пить. Гашиш же принадлежит к разряду одиноких наслаждений; он создан для презренных бездельников. Вино полезно, плодотворно. Гашиш бесполезен и опасен» [4, с. 170]. Принципиальными недостатками гашиша для Ш. Бодлера, также как и для романтиков, были два момента: потеря суверенности человеческой воли («Бальзак, несомненно, думал, что нет для человека большего стыда, более жгучего страдания, чем отречение от своей воли… идея непроизвольного мышления возмущала его» [4, с. 54], так же как и самого автора), т. е. отречение и утрата собственного эго-Творца; и – обыденность и демократизм («Велика тайна счастья, о которой в течение стольких веков спорили философы, теперь несомненно найдена! Да, счастье можно теперь купить за один пенни и унести с собой в кармане жилета. Экстаз можно закупорить в бутылку, душевный мир – переслать по почте!») [4, с. 54].

Однако в третьей статье – «Поэма гашиша» – наркотик предстает совсем в ином, лучезарном, облике. Прежде всего потому, что он, так же как и все «преступные эксцессы», является пусть и извращенным, но симптомом влечения к Бесконечному. «Среди веществ, способных создать то, что я называю Искусственным Идеалом…. Наиболее действенным являются гашиш и опиум» [4, с. 11]. При этом гашиш, в зависимости от «темперамента и нервной организации субъекта», приводит к разным эффектам: «иногда… к безумной и неудержимой веселости, иногда – к ощущению радости и полноты жизни, иногда к тревожному сну, прерываемому сновидениями» [4, с. 14]. Весь период опьянения по сути дела является индивидуальной непрерывной грезой. При этом «пребывая в бездействии, человек искусственным путем вводит сверхъестественное в свою жизнь и свое мышление» [4, с. 17]. Изменяется пространство и время, границы человеческой самости исчезают и он буквально растворяется в Бесконечности Мира: он, человек, становится Всем, каждым предметом, пребывает во Всем, ну а Все – в нем. Иначе говоря – сливается со Вселенной, утрачивает себя самого, уже не скользит «в направлении естественных склонностей». Без всякого преувеличения можно сказать, что в такие моменты он, человек, становится Богом. Немало страниц уделено «нравственному воздействию гашиша». Непоколебимая уверенность, что ты стал Богом, безусловна, греховна, а потому и неэтична. Тем не менее, как и в случае с Творцом-Художником, мы в такие моменты вторгаемся в пространство, свободное от каких-либо моральных обязательств и неподсудное этическим канонам, ибо вступаем туда, где безраздельно властвует Идея красоты, опьяненная «удивительной способностью понимать бессмертный мировой ритм» [4, с. 45]. При этом исполняются «все времена и сроки», а «желаемое приобретает характер осуществившегося» [4, с. 46], всякий человек становится жрецом Прекрасного, а могущество нравственный Красоты становится тотальным, вбирая в себя, нейтрализуя и оправдывая всякую греховность. Горечь, страдания, муки и боль преображаются в наслаждение: «Угрызения, составляющие своеобразную приправу к удовольствию, вскоре совершенно поглощаются блаженным созерцанием угрызений» [4, с. 48], а «полнота переживаний внушает безграничную гордость… Теперь ты имеешь право смотреть на себя, как на высшего из людей… Ты – царь!» [4, с. 39]. И, в итоге: «Я – Бог!» И отвечая на ироничное замечание скептиков, обывательски пожимающих плечами на откровения нарокоманов-гашишистов (так же как и современных Бодлеру немецких мистиков) – «Я бог, но только плохо пообедавший», утверждает: «Возможно, что я плохо пообедал, но я – Бог!» [4, с. 52].

И еще на два момента следует обратить внимание. Подобные переживания полноты бытия, вселенского умиротворения и божественной экзальтации – удел не всех, ибо гашиш в посредственном и примитивном человеке пробуждает лишь такое же, большинство – «стадо человекообразных корчит гримасы наслаждений, испускает рев под влиянием ядовитого зелья» [4, с. 58], но – Избранников: «Мы, поэты и философы… мы создали для себя сад Истинной Красоты… Мы сотворили то единственное чудо, которое ниспослано нам сами Богом!» [4, с. 58] И де Квинси, и Бодлер, и все, размышляющие над наркотиками в последующем, отмечали, оценивая, правда, это по-разному, что «гашиш… делает личность бесполезной для общества, а общество – лишним для нее» [4, с. 55].

Сказанного вполне достаточно, чтобы понять, как «Искусственный Рай» способствовал утверждению, как сегодня выразились бы, «созданию позитивного образа наркотиков и наркоманов» в европейской культуре. Это и место откуда прозвучал голос «певца» (Европа, Франция, Париж второй половины XIX в.), и время оглашение (декаданс-символизм-модерн), и фигура произносящего/способ выражения – дисциплинарный «дискурс» (поэт, художник, Творец, владеющий Высшей Истиной, поэма) и, наконец, суть и смысл сказанного (идеологемы-тезисы).

Вообще, о том, что наркотики были значимы в художественной жизни конца XIX – начала XX в., отечественной в том числе, и неразрывно связаны с различными практиками искусства, специально говорить не стоит: это прекрасно известно любому, хотя, ввиду «деликатности» и «политнекорректности», специального и отдельного разговора на эту тему не заводится. А если и о сем «прискорбном прецеденте», когда утаить его абсолютно невозможно, но – то вскользь и с извинительными оговорками. Но то, мимо чего пройти абсолютно невозможно, – это абсент: культовый напиток парижской богемы той эпохи. По крайней мере две картины – «Любительница абсента» П. Пикассо и «Абсент» Э. Дега – известные, уверен, каждому «образованному человеку» и неизменно популярные, – вполне могут служить иконически-символическим маркером эпохи.

Абсент, потребление абсента, присутствует в романах и пьесах (А. де Мюссе, братьев Гонкур, В. Де Лиль-Адана, А. Жарри, Ж. К. Гюисмана, С. Моэма, О. Уальда), о нем слагают целые «поэмы» (Г. Кан, Ж. Пеладэн, Р. Кено, Ж. Бодлер, П. Верлен, А. Рембо). Ему даже дали ласковое прозвище – «Зеленоглазая муза». Абсент – неизменный аксессуар повседневной жизни. И не только артистов, писателей, художников и «к ним примкнувших», но и – низов («Абсент… и „пошел в массы“, но к концу века богема тоже продолжала его пить, ее

не останавливала народная конкуренция» [5, с. 87]). Кроме очевидных изменений в человеке, его действиях и поступках, его восприятии действительности, способах и форм самовыражения, которые происходили после приема напитка, абсент – и это важнее всего – это закрепившаяся и постоянно воспроизводившаяся при каждом приеме, ритуализированная модель поведения/устоявшаяся форма структурации повседневности, равно как и ментально-психологический, социально рекламируемый в контексте эпохи сценарий, однозначно апеллирующая уже не к элитарному аристократизму-избранничеству, который невозможно ни осудить, ни оспорить, тем более ниспровергнуть, ибо утвержден высшими инстанциями (Историей, Богом, Порядком), но по сути дела, к вполне демократичному и общедоступному, хотя и имеющему некий привкус особости и неординарности («не как все»), артистизму. К богеме ведь принадлежали, как показал А. Мюрже («Сцены из жизни богемы», 1847), определивший данное сословие в его основных обликах и ликах не только, даже не столько, гении-художники, но и обыкновенные, безграмотные и невежественные (но такие миленькие и верные) прачки, белошвейки, горничные, продавщицы, гардеробщицы, цветочницы и пр. Таким образом, абсент – это стиль эпохи, магия и обаяние которой не утратились и спустя столетие.

Победоносное восхождение наркотиков к вершинам славы и величия было прервано Первой мировой войной, когда в повестку дня сознания европейской культуры ворвались иные темы и сюжеты. Разумеется, сами наркотические препараты и их употребление никуда не делись, они так же как и раньше присутствовали, но интерес к ним был прикладной и в большей степени касался их использования в медицинской и психологической практиках. Исследовательский интерес к ним проявляли специалисты-естественники. Художники, писатели, идеологи и ученые-гуманитарии, если и вспоминали, то по «старой памяти» о том, что либо целенаправленно изживалось-изгонялось (СССР, симптомы деградации и упадничества лишенные всякого обаяния и привлекательности), либо заслонялось более насущным – выживанием в лихолетные времена смут, войн и разрухи, когда думать о чем-либо, кроме как о спасении своей жизни, не было ни желания, ни возможности (Европа). Ни наркотики, ни наркомания, как сегодня выражаются, не были проблемой для Европы и мира на протяжении почти что полувека, о них почти что не вспоминали (разве что в узкоспециальных кругах), а потому никакого аксиологического, концептуального «прибавления» не произошло. Отношение к ним (если оно вообще как-то артикулировалось) в первую очередь основывалось на общем отношении к эпохе модерн. Поэтому дальнейшая культурная проработка тематики началась с того места, где под влиянием исторических обстоятельств возникла пауза. И, что важнее всего, с той же интонацией, которая, напомню, была предельно благожелательной, ободряющей и внимательной, а потому и для новых культурно-исторических обстоятельств позитивной a priori.

В 1954 г. были впервые изданы под одной обложкой два эссе О. Хаксли, в которую вошли «Двери восприятия», давшее название книге и написанное двумя годами ранее, и «Рай и Ад». Книга произвела настоящий фурор как среди специалистов, так и среди самых разных слоев европейского и североамериканского общества. Значение этого опуса для культуры второй половины XX в. едва ли можно переоценить, а следы его непосредственного влияния и прямого воздействия просматриваются в художественной (в том числе и в масскультовой), идеологической и социальной практиках не в меньшей степени, чем в научно-публицистической, религиозно-философской и научно-психологической. К тому моменту Олдос Хаксли уже был всемирно известным писателем, обладателем чуть ли ни всех премий и знаков величия, на которые в принципе мог претендовать подданный Его Величества Объединенного Содружества, еще при жизни введенный в чертоги бессмертных. Массовый читатель по всему миру до сего дня его знает как автора романа-антиутопии «О, дивный новый мир» (1932), злободневного и сегодня, ну а в среде специалистов-филологов его неизменно вспоминают благодаря роману «Контрапункт» (1928), по праву занимающему одно из самых почетных мест в галерее великих (и удачных) литературно-художественных экспериментов минувшего века, оказавших несомненное влияние на дальнейшее развитие жанра романа как такового.

Главный «персонаж» книги О. Хаксли «Двери восприятия» – мескалин, препарат-психоделик, впервые полученный из кактуса пейот в 1897 г. немецким химиком А. Хеффтером и спустя 20 лет синтезированный химическим путем Э. Пазом. Американские индейцы прекрасно были осведомлены о том, как действует на человека это растение и какие эффекты вызывает. Употребление кактуса пейот не было табуировано, но строго ограничено ритуально-сакральными процедурами и являлось неизменным атрибутом практик инициации и коммуникации с трансцендентностью, выполняя функцию соответствующей «настройки» человека. Но для европейца, даже и знакомого с наркотиками, имевшими хождение в первые два десятилетия минувшего века, мескалин был в новинку, а переживания и ощущения, которые испытывал человек после приема препарата, были совсем иные, нежели в случае с опиумом, гашишом или абсентом. Сегодня производство, распространение

и употребление мескалина и любой его разновидности находится под запретом.

Английский писатель скорее всего познакомился с наркотиком в 1928 г. в Берлине, который «в то время был центром мирового наркоперебора в Европе. И Гитлер, и Геринг употребляли кокаин, а в функции СС официально входило распределение и строгая дозировка наркотиков для высших инициаций» [6, с. 409]. Проводником его был А. Кроули, весьма одиозная фигура в политической, идеологической и религиозной жизни довоенной Европы. «В конце тридцатых Хаксли неожиданно увлекли психотропные вещества… томимый и гонимый Желанием Хаксли напросился к Кроули пробовать мескалин. Алистер иногда принимал его, безо всяких претензий, используя эксперимент в числе прочих упражнений своей гедонистской духовной практики. Хаксли, с другой стороны, жаждал подлинного мистического откровения, которое, по его глубокому убеждению, могло единственно прийти от „существа разумного", столь же основательно, как и он сам, погребенного в интеллекте» [6, с. 409]. Пережитое, несомненно, произвело на писателя самое благоприятное впечатление: до конца своей жизни мескалин входит в число употребляемых им с той или иной регулярностью. Но это была не просто прихоть, род времяпрепровождения аристократа и эстетствующего гурмана. Мескалин его настолько заинтересовал, что в 1953 г. он соглашается на участие в эксперименте, проводимом Хамфри Осмондом, английско-канадским психиатром, изучавшим возможность применения этого вещества (впоследствии и ЛСД) в психотерапии, целью которого было исследование влияния мескалина на человеческое сознание. Именно после этих сеансов и были написаны эссе, вошедшие в «Двери восприятия». Позже, вплоть до самой смерти, О. Хаксли принял участие более чем в десяти аналогичных экспериментах. Описание экспериментов, комментарии к ним, рассуждения и предположения теоретического характера, возникающие и по ходу сеансов и после, а также попытка осмыслить и рационально объяснить, не прибегая к художественно-мистической метафорике и символике, случившееся и испытанное, – сквозные темы в его многочисленных выступлениях, беседах и письмах последнего десятилетия жизни, едва ли ни более важная и значимая составляющая его наследия, нежели собственно литературно-художественная.

С первых страниц и до последней О. Хаксли акцентирует свою позицию: он – не мистик, не визионер, не пророк, без всяких психических отклонений, не художник, опьяненный и увлеченный собственным творческим полетом воображения, но рационально мыслящий человек, вполне разделяющий современные ему эпистемологические каноны и отнюдь на них не посягающий. Соответственно, изложенное им – не плод фантазии и не «откровение свыше» (как привиделось, пригрезилось, представилось), но строго объективная научная фиксации экспериментов (вопросы Х. Осмонда и его собственные ответы – расшифровка магнитофонных записей, проводимых во время сеанса, с четкой временной маркировкой), рассуждения-комментарии строго логичны, последовательны и «прозрачны», а система аргументации в полной мере соответствует критериям научно-гуманитарного дискурса. Поэтому оценить «Двери восприятия» либо как художественную фальсификацию (своеобразной «шуткой гения»), либо как пророческое откровение (и тем самым упрекнуть автора в лукавстве) невозможно. Все случившееся и пережитое оценивается и рассматривается с позиции реальности, рационально-эмпирической реальности, безраздельно доминирующей в пределах новоевропейского культурного стандарта.

Начинается эссе, как и любое, притязающее на статус научности повествование, со свидетельств предшественников, т. е. кто, когда и что именно высказал по данному поводу – историографии вопроса. Далее следует описание эксперимента. Предваряет его небольшое замечание: «Иной мир, в который меня впустил мескалин, не является миром видений: он не существовал вне меня, в том, что я мог видеть с открытыми глазами. Великая перемена произошла в области объективных фактов» [7, с. 10]. Далее описываются те изменения в окружающем – простом, обыденном, повседневном и привычном – мире, которые происходят по мере того, как препарат начинает действовать. По сути дела с ними, предметами, ничего не происходило: они не превратились в чудовищ, и из них не стала выскакивать какая-нибудь рогатая нечисть. Все оставалось на своих местах и… одновременно преобразилось до непривычной неузнаваемости. Вот стоял на столе букет с цветами – ирисы, гвоздики, розы. Обыкновенный букет. Но теперь цветы стали сиять внутренним светом, трепещущие «под давлением собственной значимости»: «никогда не воспринимал того, что – столь напряженно обозначаемое розой, ирисом или гвоздикой – не больше и не меньше, как суть мимолетность, которая однако является вечной жизнью» [7, с. 11]. Это была привычная та же роза, но лишь как та роза. Радикальным образом изменилась система координат, по которым выстраиваются маршруты нашей жизни, равно как и отношение к миру, в основании которого лежит система аксиологических разделений. Вещь (роза) уже не могла быть оценена с позиции «нравится – не нравится», это не имело никакого значения, но – лишь с точки зрения интенсивности своего бытийствования. «Пространство по-прежнему существовало, но оно потеряло свою господствующую роль. Разум

в первую очередь интересовался не масштабом и положением, но бытием и смыслом» [7, с. 14]. Еще большее безразличие вызывало время: оно в своей привычной размерности (прошлое–настоящее–будущее) также исчезло. «В действительности я переживал неопределенную длительность или, наоборот, непрерывное настоящее» [7, с. 14]. Предметы и вещи окружающего мира, начали составлять совершенно иные бытийственные группы и локальные ансамбли, вступать друг с другом и с воспринимающим их человеком в другие взаимоотношения, которые невозможно объяснить, обозначить или просто описать посредством знакомых нам каузальных последовательностей. Даже такая, казалось бы, фундаментальная бинария, зафиксированная в логическом законе исключенного третьего (я–не-я), благодаря которому и, как мы думаем, становится всякое «бытие сущего» (т. е. бытийствование), непременно связанное с технологией обособления и обретения самости (прочерчивание границ), здесь уже не имеет силы и не является необходимым условием бытийствования как такового: «человек – это „я“, и, по крайней мере, в одном отношении, я не был „Не-я“, одновременно воспринимавшим и являвшимся „Не-я“ окружающих меня вещей. Для этого новорожденного „Не-я“ поведение, облик, самая мысль о „я“ моментально перестали существовать – и мысль о других „я“… являлась… не относящейся к сути» [7, с. 25]. Иначе говоря, представший перед О. Хаксли мир был совсем иной. Но при этом – тот же самый, не фантазийный, не выдуманный, не привидевшийся. По отношению к нему – «дивному новому миру» – наш – лишь сегмент, часть, фрагмент, где действуют лишь локальные правила организации, не обладающие никаким фундаментальным статусом или универсальной непреложностью.

Увиденное, прочувствованное и осознанное писателем во время сеансов не было каким-либо открытием или беспрецедентным откровением, на чем он многократно настаивает. Свидетельств «вхождения» в такие «миры нереальности» и пребывания в них было в истории человечества великое множество. Прежде всего – этому непосредственно посвящено второе эссе, «Рай и ад» – визионерский опыт религиозных мистиков различных вероисповеданий, как принятый в ортодоксальный корпус той или доктрины, так и исключенный из него как еретический. Собственно говоря, любая религия так или иначе, в тех или иных символических и образных декорациях и фиксирует, и утверждает подлинность, и догматизирует, и презентирует такие вот «другие миры», констатирует факт их существования. Конкретная же «картинка» – положительно-блаженная или отрицательно-ужасающая, по мнению О. Хаксли, зависит от того, в каком психо-соматическом состоянии находился адепт во время опыта: физическое или ментальное неблагополучие бросало человека (или группу людей) в ад, и, напротив, умиротворенность – в Рай. Не меньшее количество следов вторжения ино-реальностей, моментов когда двери привычного восприятия приоткрывались, можно найти и в искусстве, в поэзии, музыке и, в особенности, в живописи. Довольно много места в обоих эссе занимают примеры-ссылки из хорошо знакомых нам произведений: Ван Гог, Эль Греко, Вермеер, Сера, Джезуальдо, А. Берг, Брак, Грист, Жерико, Вордсворт, Сезанн и др. У всех этих авторов мы имеем тело с «Таковостью» или, если точнее, с «эрзацем Таковости», «символами», а не с тем, что они означивают. При этом само искусство – для начинающих, ибо «я сильно подозреваю, что большинство великих знатоков Таковости уделяли искусству очень мало внимания – одни вовсе отказывались иметь с ним что-либо общее, другие удовлетворялись тем, что взгляд критика посчитал бы второсортным» [7, с. 20].

В реальности же, нашей реальности, концепт (понятие) поглощает вещь, лишает ее Подлинности (Таковости), а наррация – деформирует и нарушает аутентичность и естественность связи между ними. Поэтому, в частности, при созерцании произведений искусства, если мы хотим отыскать в нем следы иных миров, принципиально не то, что рассказывается в нем (сюжет вообще никакого значения не имеет), о чем говорит картина-симфония-стихотворение, какую историю иллюстрирует, но что показывается. И абсолютно не имеет значения, похожи яблоко, птичка, стул или роза на их аналоги из нашей, вмененной, концептуализированной и нарративно артикулированной, реальности, или нет.

В качестве предварительного и самого общего объяснения того, почему и как происходит процесс перехода Подлинности в нашу-неподлинность, О. Хаксли предлагает такой, вполне логический и реалистический сценарий. Ссылаясь на Бергсона, он утверждает, что «функция мозга, нервная система и органы чувств главным образом очистительная, но не производительная… состоит в защите нас от переполнения и потрясений» [7, с. 15]. Мозг производит выборку из многообразных впечатлений мира и оставляет лишь те, что имеют практическое значение, т. е. обеспечивают биологическое выживание и продолжение рода.

Своеобразным инструментом, посредством которого происходит фильтрация впечатлений реальности, выступает редукционный клапан. Важнейшими же современными механизмами его является язык, концепт и наррация. Наше время – одно из самых неблаговидных и неблагопристойных с точки зрения постижения Мира и Таковости, их познания и приобщения к ним. Оно практически ставит заслон

любым вторжениям – либо выдавливает в резервации, а случающиеся оттуда выбросы нейтрализует соответствующими вербальными и процедурными операциями – из той, непривычной нам реальности. «Все наше образование, будь то литературное или естественнонаучное, либеральное или специальное, преимущественно вербально, и поэтому ему не удается достичь должного результата. Вместо превращения детей в полностью развитых взрослых оно выпускает студентов естественнонаучных факультетов, которым совершенно не известна естественная Природа» [7, с. 55]. Общий же вывод состоит в том, что благодаря мескалину и подобным ему препаратам человек имеет возможность открыть «двери восприятия». При этом – и автор многократно это подчеркивает в обоих эссе – «Для большинства людей мескалин почти совершенно безвреден. В отличии от алкоголя он не доводит принимающего его до несдержанных поступков, которые имеют своим итогом ссоры и скандалы, насилие и преступления, автомобильные катастрофы. Человек, находящийся под воздействием мескалина, тихо занимается своим делом» [7, с. 48].

Не стану подробно останавливаться на высказанных О. Хаксли мыслях и предположениях, поскольку они многократно и многовариантно, с разных и культурных, и дисциплинарных, и теоретических, и умозрительных, и психологических позиций, и действенных, уже прокомментированы. Остановлюсь лишь на некоторых, весьма примечательных моментах и обстоятельствах. В первую очередь, это – позиция автора, о чем уже было сказано выше: не мистик, не художник-артист, не сумасшедший, не под влиянием аффекта. Далее, жанр повествования: не художественный вымысел, не воззвание-призыв, не «репортаж с места события» (по горячим следам), но, хоть и в попстиле, но наука (популяризаторская, просвещающая широкие массы). И, наконец, о чем говорится. Собственно, ставится под серьезное сомнение истинность/тотальность доминирующего сегодня, фундирующиего всю социокультурную активность, концепт реальности и легитимные способы ее постижения. Она, как утверждается писателем, не есть пространственно-временной, адекватно фиксируемый рационально-эмпирическими метками, континуум, но – что-то совсем Другое, гораздо более изощренное и усложненное, при этом ненепознаваемое. Более того, антропологический модус соприкосновения и включения в это Другое предполагает самые разные практики. Иначе говоря: изменяется и концепт человека. И что самое примечательное: это – существование в том числе и в Другом – не связано с какими-нибудь «особыми талантами», или с каким-либо определенным родом деятельности (художник, служитель культа, вождь) или экстра-напряжением, но – предельно «демократично»: буквально каждый уже есть и там, а исходящие оттуда импульсы, направляющие жизнь любого, перманентны.

Влияние книги «Двери восприятия» на общую культурную атмосферу Европы и европо-ориентированного мира последних 50–60 лет было колоссальным. Последствия для новоеропейской эпистемы – весьма неутешительны, хотя, разумеется, не только О. Хаксли спровоцировал ее масштабное ниспровержение: кризис давно назревал, а симптомы были отчетливо видны еще в конце XIX в. Среди побочных, как представляется, эффектов – бум наркомании по всему цивилизованному миру, разразившийся в середине 1960-х гг., когда идеи писателя «вошли в массы» и стали «руководством к действию». Именно в этом время и началась официальная и всемирная борьба с наркотиками и наркоманией. То, каким образом, в результате каких событий и фактов, непосредственно была артикулирована, а затем стала политически рекламироваться и целенаправленно внедряться в социальную практику антинаркотическая догматика-риторика нуждается в специальном разговоре.

Список литературы

1. Цитаты Гертруды Стайн. URL: http: // citaty. su (дата обращения: 26. 11. 2018).

2. Мандевиль Б. Басня о пчелах. Москва: Мысль, 1974. 375 с.

3. Квинси Т. де. Исповедь англичанина, употребляющего опиум. Москва: Ad Marginem, 1994. 160 с.

4. Бодлер Ш. Искусственный Рай. Санкт-Петербург: Петербург–XXI в., 1994. 320 с.

5. Бейкер Ф. Абсент. Москва: Новое лит. обозрение, 2002. 284 с.

6. Макнеф Р. С. Сибарит меж теней // Митин журнал. 1999. № 57. С. 409–420.

7. Хаксли О. Двери восприятия. Санкт-Петербург: Петербург–XXI в., 1994. 320 с.

References

1. Gertrude Stein's quotes. URL: http: // citaty. su (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

2. Mandeville B. The Fable of the Bees. Moscow: Mysl', 1974. 375 (in Russ.)

3. de Quincy T. Confession of an Englishman who use opium. Moscow: Ad Marginem, 1994. 160 (in Russ.)

4. Baudelaire C. Artificial Paradise; Saint Petersburg: Petersburg–21st century, 1994. 320 (in Russ.)

5. Baker F. Absinthe. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2002. 284 (in Russ.)

6. Macnef R. S. Sybarite among the shadows. *Mitin zhurnal*. 1999. 57, 409–420 (in Russ.)

7. Huxley O. Doors of perception. Saint Petersburg: Petersburg–21st century, 1994. 320 (in Russ.)

УДК 75(470+520)(092)

С. Т. Махлина

Россия–Япония в судьбе художницы В. Д. Бубновой

Многие считают, что от судьбы не уйдешь. Другие, наоборот, думают о том, что человек – кузнец своей судьбы. Правы и те, и другие. Это наглядно отразилось в судьбе В. Д. Бубновой. Варвара Дмитриевна Бубнова родилась и училась в Петербурге. Здесь она сформировалась как художник. Но судьба забросила ее в Японию, где она провела 36 лет, внеся весомый вклад в художественную культуру Японии. Здесь она работала с поэтами-переводчиками любимого ее А. С. Пушкина. Опять же, по велению судьбы, она вернулась на Родину. И здесь, уже будучи немолодой, продолжала творческую работу. Когда ей исполнилось 95 лет, в Ленинградском отделении Союза художников была организована ее персональная выставка. Судьба Варвары Дмитриевны Бубновой сложилась так, что она и в Японии, и в России сумела оставить яркий след в искусстве и культуре.

Ключевые слова: Варвара Дмитриевна Бубнова, Россия, Япония, переводы, преподавание русского языка, живопись

Svetlana T. Makhlina

Russia–Japan in fate of artist V. D. Bubnova

Many people believe that the fate did not go away. Others, on the contrary, think that a person is a blacksmith of his own destiny. Both are right. This situation is clearly reflected in the fate of V. D. Bubnova. Varvara Dmitrievna Bubnova was born and studied in Saint Petersburg. Here she was formed as an artist. But destiny brought her to Japan where she spent 36 years. She has made a significant contribution to the artistic culture of Japan. With poets and translators of the poems of Pushkin she worked. She returned home at the behest of fate. At home, already elderly, she continued her creative work. When she was 95 years old, her solo exhibition at the Leningrad branch of the Union of Artists was organized. The fate of Varvara Dmitrievna Bubnova left a vivid mark in the art and culture of Japan and Russia.

Keywords: Varvara Dmitrievna Bubnova, Russia, Japan, translations, Russian language teaching, painting
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-92-97

Многие считают, что от судьбы не уйдешь. Другие, наоборот, думают о том, что человек – кузнец своей судьбы. Правы и те, и другие. Это наглядно отразилось в судьбе Варвары Дмитриевны Бубновой.

Она родилась в Петербурге в 1886 г. в одном из поэтичнейших районов города – Коломне, воспетой еще А. С. Пушкиным. Здесь предпочитали жить поэты, художники, зодчие. Недалеко от дома, где родилась Варвара Дмитриевна, находился Мариинский театр, был расположен и существует до сих пор Никольский Морской собор с потрясающей красоты и потому знаменитой стройной колокольней Саввы Ивановича Чевакинского. Семья, в которой родилась Варвара Дмитриевна, была интеллигентной и тяготела к художественной культуре. Любопытно, что с детства Вареньки семья выезжала на лето в имение деда в Берново. Дед Вареньки, отец ее матери, Николай Иванович Вульф, будучи четырнадцатилетним мальчиком, запомнил Александра Сергеевича Пушкина. Как мы все хорошо знаем, Пушкин приезжал сюда к Осиповым-Вульфам. Характерно, что мальчик запомнил поэта в его излюбленной позе – лежа на диване. Это было наиболее удобное положение для создания художественных произведений (как известно, Пушкин обычно любил писать лежа). В доме деда Варенька нашла бювар бабушки, который во многом описывал особенности пушкинской эпохи. Здесь она нашла две книжки «Современника» 1836 г. Так с детских лет возник в душе Вареньки культ А. С. Пушкина, который она пронесла через всю жизнь. Впоследствии она приезжала, уже став взрослой, в Берново и читала уже новых поэтов – Блока, Белого, Бальмонта, Сологуба. Но Пушкин продолжал оставаться самым любимым и самым востребованным поэтом, что в дальнейшем отразилось на ее судьбе.

Кроме того, в семье очень любили музыку – мать хорошо играла на фортепиано, а две сестры Варвары Дмитриевны стали профессиональными музыкантами: старшая Маша была пианисткой, младшая Анна – скрипачкой. Учились они в консерватории у выдающихся профессоров. Кстати, сама консерватория находилась неподалеку от дома Бубновых.

Однако маленькая Варенька отнюдь не обладала выдающимися музыкальными данными. Поэтому в 12 лет ее отдали в рисовальную школу при Обществе поощрения художников. Поначалу рисование отнюдь не стало главной любовью девочки. Лишь окончив гимназию, она поняла, что ее основным призванием в жизни

является изобразительное искусство. В 1907 г. она сумела попасть в Академию художеств, выдержав огромный конкурс – из 250 поступавших было принято всего лишь 16 человек! Это было счастьем для молодой девушки.

Именно здесь произошла судьбоносная встреча с Матвеем (Вальдемаром Яновичем Матвейсом, псевдоним – Владимир Марков). Встреча с ним во многом определила дальнейшую жизнь и творчество будущей художницы. Он ввел ее в дом Щукина, дав возможность познакомиться с творчеством французских импрессионистов, он познакомил ее с ведущими представителями русской поэзии и изобразительного искусства. Он помог ей, по ее словам, освободиться «от привычного толкования видения мира, которое мы в силу привычки можем принимать за единственно правильное» (цит. по: [1, с. 14]).

Матвей организовал в 1909 г. «Союз молодежи». Такие известные художники, как М. Ф. Ларионов, Н. С. Гончарова, К. С. Малевич, М. В. Матюшин, П. Н. Филонов, В. Е. Татлин принимали участие в выставках этого объединения. Первая выставка этого объединения проходила в 1910 г., в которой принимала участие и В. Д. Бубнова. К сожалению, работа Бубновой, экспонировавшаяся на этой выставке, не сохранилась.

После этого она участвовала в выставках «Бубнового валета», «Ослиного хвоста». Подписывалась она именем Д. Варварова, а Матвей подписывался псевдонимом В. Марков. В члены «Союза молодежи» она была принята вместе с В. Татлиным. Одно это свидетельствует о высоком профессиональном уровне Варвары Дмитриевны. В этот период ее окружали наиболее яркие представители российского авангарда, повлиявшего на развитие мирового изобразительного искусства. В дальнейшем эта связь с самыми передовыми веяниями художественной культуры воздействовала через нее и на японскую художественную жизнь.

Матвей задумал выпускать журнал. В 1912 г. был издан первый журнал с материалами об искусстве Дальнего Востока – Китая и Японии. В этом журнале Варвара Бубнова опубликовал статью о персидском искусстве. Здесь же были даны иллюстрации китайской скульптуры VI в., индийской миниатюры XVIII в., переводы из китайской поэзии. Сам Матвей опубликовал статью «Принципы нового искусства» под псевдонимом В. Марков.

Следующий номер журнала был посвящен футуризму. Так как Варвара Дмитриевна знала европейские языки, что впоследствии благоприятно отразилось на ее судьбе, для этого номера она перевела с французского языка «Манифест футуристической живописи». Этот журнал дал повод устроить диспут между футуристами и кубофутуристами, в котором участвовали многие видные деятели искусства того времени: Д. Бурлюк, В. Маяковский, М. Добужинский, Я. Ционглинский, А. Бенуа.

Круг интересов Матвея был чрезвычайно широк. Так, по его инициативе, она предприняла поездку в 1911 г. в Италию – с ним и своими соученицами по Академии сестрами Ухановыми. Переезжая из города в город, они заносили рисунки в маленькие блокнотики, которые носили с собой. Под влиянием Матвея у нее по возвращении проявился интерес к русской иконе. И снова Матвей увлекает ее на новое постижение тайн искусства. Его заинтересовала африканская скульптура. И для того, чтобы ближе с ней познакомиться, они предпринимают поездки в Бельгию, Голландию, Англию. В этих музеях были интересовавшие их экспонаты африканской скульптуры. Особенно понравилась Матвею скульптура Бенина (те, кто видел ее, могут вполне понять и оценить высокий вкус друга Бубновой). Благодаря полученным знаниям, Матвей сумел написать книгу об африканском искусстве. Впоследствии Бубнова постарается ее опубликовать.

Как мы видим, интересы Матвея были чрезвычайно разносторонни. Он собирал материалы по изобразительному искусству Китая и Японии. Его интересы во многом предопределили направление творчества Бубновой, которая всегда интересовалась самыми новейшими течениями в искусстве своего времени.

Очень жаль, а для судьбы Бубновой это была тяжелая утрата – Матвей скоропостижно скончался в мае 1914 г. Она писала о нем: «Его жизнь была проста, душа – гуманна и ясна и вся направлена на искание прекрасной формы. Он любил и искал ее как мечтатель, а как художник ремесла добивался ее потом и кровью» (цит. по: [1, с. 45]). Таким образом, Бубнова оказалась вдовой, даже не став женой Матвея, но на всю жизнь сохранила ему верность и почитание.

Несмотря на потери, жизнь продолжалась. В 1914 г. Варвара окончила Высшее художественное училище при Академии художеств и была удостоена звания художника. После получения диплома она постаралась устроиться в граверную мастерскую Василия Васильевича Матэ. Для нее это был повод понять и узнать особенности работы в граверной мастерской. Особенно ее интересовала работа в области гравюры на дереве – в этом видно влияние Матвея на постоянные поиски новых горизонтов в творчестве. В это время в Академии художеств открылась фресковая мастерская. И она заин-

тересовалась и этим направлением в изобразительном искусстве. Увлеклась она и созданием цветных изразцов. Как видим, судьба готовила Варвару Дмитриевну к разным способам осмысления выразительных средств искусства.

Но жизнь семьи была довольно сложна. Ее отец скончался незадолго до смерти Матвея. Мать страдала от этого и заболела. Старшая сестра разошлась с мужем. А младшая после окончания консерватории преподавала в музыкальной школе, выступала на концертах и стала изучать японский язык на курсах, где познакомилась со своим будущим мужем Оно Сюньяти и вскоре уехала с ним в Японию. Поэтому для поддержания жизни семьи Варвара вынуждена была найти работу. Она стала преподавать рисование в школе.

Но главным для Варвары стала популяризация идей Матвея. Она дотошно подбирала его оставшиеся тетради, стараясь подготовить к публикации его труды. К тому же, по настоянию Матвея, она вместе с ним поступила еще в 1913 г. Археологический институт. Теперь, имея большую нагрузку, она все же продолжала занятия, и в 1915 г. окончила его.

Девушка, не жалея себя, работала и старалась как можно более многообразно погрузиться в тайны изобразительного искусства. В школьные каникулы она отправилась в поездки по русским городам – побывала в Ярославле, Владимире, Юрьеве-Подольском, Ростове Великом. Потом остановилась в Москве. Судьба была к ней благосклонна. Она познакомилась с профессором Вячеславом Николаевичем Щепкиным, хранителем Исторического музея. Для нее это было важное знакомство, так как она старалась изучить древние рукописи. Несмотря на то, что Щепкин приглашал ее работать в Историческом музее, она вернулась в школу в Петербург. Только теперь Петербург стал Петроградом. А из Москвы получала постоянные приглашения.

Время приносило все новые, отнюдь не радужные, события. Наступила Февральская революция 1917 г. Поначалу интеллигенция встретила ее с энтузиазмом. Но жизнь становилась все сложнее и сложнее. И когда из Москвы пришел вызов из Исторического музея, она уехала туда. Здесь она должна была составлять каталог «лицевых рукописей». Это была сложная работа, но сложность окупалась тем, что в этих рукописях было много миниатюр, что было интересно для Бубновой. Живя в доме у Щепкиных, она написала портреты младшей дочери Щепкина – Лизы, а потом портреты Татьяны Дмитриевны Гончаровой – двоюродной сестры Бубновой, Ольги Ивановны Поповой – видного филолога. Работы эти были отнюдь не дилетантские и выставлялись на московских выставках. Не забыла она и уроки гравюры, которую осваивала под руководством В. В. Матэ, продолжая заниматься ею под руководством его ученика – Вадима Дмитриевича Фалилеева. Портрет Бубновой его работы и ее офорт теперь хранятся в ГМИИ им. А. С. Пушкина. В это время она вращалась среди самых ярких и интересных представителей художественной интеллигенции – слушала выступления А. Белого, В. Маяковского, В. Хлебникова.

Именно к этому времени ей удалось наконец подготовить к печати книгу Матвея. Можно себе представить, какой интерес она вызывала в среде художников, если обложку к ней согласился исполнить Натан Альтман. Книга вышла в 1919 г. в Петрограде. Конечно, Бубнова была счастлива, но счастье это омрачила смерть Вячеслава Николаевича Щепкина. Все же в 1920 г. открылся ИНХУК (Институт художественной культуры), что очень напоминало искания Матвея. Многие из его представителей становятся ее друзьями – Александр Михайлович Родченко, его жена Варвара Федоровна Степанова, Любовь Сергеевна Попова. Варвара Дмитриевна была не пассивным слушателем, а активным творческим деятелем. Так, в ИНХУКе она прочитала 18 августа 1920 г. доклад «О „тяжести“ в африканской скульптуре» по материалам Матвея. Насколько это было серьезно, можно судить по тому, что на нем присутствовали А. Родченко, В. Степанова, Л. Попова, Р. Фальк и многие другие. Кроме того, она сделала доклад о русском лубке, что было близко именно представителям авангардного искусства, с которыми она общалась.

В творческом плане, казалось бы, все было хорошо. Но жизнь была неустроенной и тяжелой, а в это время пришло письмо от сестры из Японии. У нее родился сын, и она просила Варвару приехать е ней вместе с матерью, выслав при этом деньги на дорогу. И храбрая Варвара вместе с матерью 13 февраля 1922 г. отправилась в далекую Японию. Варваре в это время было 26 лет. Но мы видели, что она уже очень многое знала и понимала в современном искусстве.

Конечно, в новых условиях у любого человека оказалась бы страшная болезнь, ностальгия, – ведь потерять тот цвет интеллигенции, который ее окружал, совсем непростая перемена. Но Бубнова и здесь сумела победить судьбу, остававшись в Японии долгое время – целых 36 лет. И хотя судьба к ней была отнюдь неблагосклонна, она сумела выстоять и в этот период и добиться ощутимых успехов. Легко себе представить, что когда человек приезжает в другую

страну, он становится безъязыким. Чтобы как-то суметь существовать в новой среде, обязательно надо выучить язык. И с этой сложной задачей – ведь знание европейских языков не спасает в изучении японского языка – Бубнова тоже сумела справиться.

Сыграли важную роль и следующие обстоятельства. Во-первых, Бубнова хорошо была знакома с разными направлениями современного авангардного искусства, которых было много, очень часто взаимоисключающих друг друга [2]. В тот период, когда Бубнова приехала в Японию, в ее изобразительном искусстве сложилась сходная ситуация, которая была характерна и для России. Кроме того, будучи адептом Академии художеств, где реалистическое искусство до сих пор является самой сильной стороной в учебной работе, она ощутила это и в Японии, где реалистические интенции получили развитие начиная с XIX в.

Когда мы видим произведения художников из далеких регионов, они кажутся нам очень условными. Но когда воочию знакомишься с жизнью этого ареала, оказывается, что они очень и очень реалистичны. Так было и в Японии для Варвары Дмитриевны. Вот интересное свидетельство Д. Аркина: «Японская гравюра и живопись теряют свою условность, когда сравниваешь ее листы с подлинным японским пейзажем» (цит. по: [1, с. 131]).

Понятно, что активная творческая струя в жизни Бубновой не могла оставить ее в стороне от художественных процессов в Японии. Она вместе с матерью поселилась в семье сестры, где японские родственники оказались весьма радушными людьми. Муж сестры, Оно Сюньяти, будучи известным человеком, ввел ее в круг японской интеллигенции, и, что особенно важно, познакомил с японскими русистами. Как человек, тяготеющий к новым знаниям, Бубнова поступила в Токийское художественно-промышленное училище. Конечно же, это стало возможно благодаря помощи Оно. Она познакомилась с традиционной японской живописью «ямато-э», с древними скульптурами «ханива», с пейзажами тушевой живописи – суйбоку-га. При этом она продолжала работу над осмыслением русского искусства и опубликовала статью «О направлениях в современной русской живописи» в журнале «Мысль» («Сисо») уже в октябре 1922 г. В это время она познакомилась с молодыми художниками Японии, напоминавшими ей молодежь Москвы и Петербурга того времени.

Всю жизнь Варвара Дмитриевна привыкла трудиться. И здесь уже с сентября 1924 г. она стала преподавать русский язык в университете Васэда. В училище, в котором она продолжала заниматься, она встретила Владимира Александровича Головщикова, который был младше ее на 11 лет. Несмотря на разницу в возрасте, они зарегистрировали брак в 1927 г.

Преподавание русского языка Бубновой было весьма эффективным для японских русистов. Она помогала им освоить тайны русского поэтического языка, который очень хорошо знала и особенно любила Пушкина. (Вспомним детские годы, проведенные в Берново.) Ее знания оказывались бесценными для японских филологов, и они с благодарностью о ней отзывались многие годы спустя. Русистов в первую очередь привлекали произведения Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, и знания Бубновой были весьма полезны. Бубнова поощряла переводы А. С. Пушкина, творчество которого она очень хорошо изучила, а переводить Пушкина было очень и очень сложно: помощь Бубновой была в этом плане весьма эффективной. Она сумела сделать так, что японские переводы этого поэта и писателя смогли передать все оттенки и тонкости его языка. К слову сказать, и переводы японских стихов на русский тоже достаточно сложны, и опять помощь Бубновой была полезной и весьма важной. Большое внимание она уделяла и детской литературе, которая в России была весьма высокого уровня. Ее помощь оказывалась и в этом плане очень серьезной. Так переводы на русский язык японских текстов – литературы и поэзии – смогли осуществиться только при действенной помощи Варвары Дмитриевны Бубновой.

Заботы о хлебе насущном, преподавание русского языка не могли заглушить тягу к изобразительному искусству. Она выставлялась на японских выставках со своими живописными работами, писала статьи о русском искусстве для японских изданий. В 1925 г. было создано Японско-русское литературно-художественное общество, активным членом которого она стала. Именно усилиями этого общества в 1927 г. в Японии была открыта выставка советских художников, куратором которой был Николай Николаевич Пунин, который содействовал изданию книги Матвея. Когда он уезжал, она передала А. Ахматовой, которую в молодости слушала вместе с Матвеем, японский шелковый шарф, тот, в котором позднее был написан портрет Ахматовой Н. Альтманом. Советские художники привезли 400 работ – в том числе и произведения палехского промысла, детские книги. Экспонирование и развеску картин Пунин поручил Бубновой. Выставка получила оглушительный успех.

Бубнова не оставляла работу художника. Когда в 1932 г. в Японии была открыта выставка

графиков, она представила свои работы в технике литографии. Ее работы оказались столь заметными для японской общественности, что уже в следующем году она удостоилась персональной выставки (1933).

Помогая японским русистам в переводах русских поэтов, она участвовала и в иллюстрировании их изданий. Так в 1934 г. вышел в переводе Никаяма Седзабуро «Гробовщик» А. С. Пушкина. Иллюстрации сделала Варвара Дмитриевна. Сделала она иллюстрации и к книгам на японском языке «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Шинель» Гоголя. К 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина в Японии были изданы книги этого автора, любовь к которому во многом была связана с пропагандисткой работой Бубновой. Эти книги иллюстрировала в основном Варвара Дмитриевна.

При этом Бубнова завоевала признание как яркий представитель искусства каллиграфии, и многие японские художники считали ее своим учителем. Попутно она изучала традиционное японское искусство и достигла и в этом направлении выдающихся успехов. Например, на выставке «Кокуга-кай» в 1936 г., на которой экспонировались произведения в японской стилистике, ее работы были признаны лучшими. А вскоре она была принята в члены общества художников «Кокуга-кай». О себе она писала: «Знакомясь с искусством разных народов, проникая в его образный слой, мы обогащаем свой художественный опыт. В своей работе – в портретах, пейзажах, в сценах народной жизни – я сохранила принципы русской школы, но изучение японского искусства меня многому научило, расширив изобразительные возможности графического языка» (цит. по: [1, с. 165]).

Казалось бы, в судьбе Бубновой все наладилось, но передышка была недолгой. Началась Вторая мировая война. И понятно, что человеку из России трудно было жить в стране, воюющей с ней: японцам могло принести неприятности даже общение с Бубновой.

С работой были сложности: закрылось русское отделение в университете Васэда, сократились часы в Институте иностранных языков. К тому же именно в это время умер сын Ани, и ее японский муж ушел от нее. Пришлось младшей сестре, из-за которой Варвара Дмитриевна приехала в Японию, переселиться в семью Бубновой. Аня стала давать уроки музыки. Так Бубнову стали окружать музыканты. И она стала их рисовать, так как без работы жить не могла. Она писала картины, иллюстрации – все то, что ее окружало. Японию бомбили американцы, многие дома были разрушены. Разрушен был и дом Бубновой, погибли многие ее работы. Главное – погиб литографский санок. Беда, как известно, не приходит одна. В 1940 г. умерла мать Бубновой, а в 1946 г. – ее муж Владимир Александрович Головщиков.

Сестры стали искать помещения для мастерской Варвары Дмитриевны и класс для занятий Анны. Неожиданно им помог муж Ани: он разрешил поселиться им с его новой семьей. Бубнова постаралась приобрести печатный станок, и снова закипела работа.

Как ни странно, интерес к культуре России отнюдь не прекратился: в 1946 г. стало выходить полное собрание произведений Л. Толстого в 23 томах, сказки А. С. Пушкина, а также произведения советских авторов – Федина, Леонова, Фадеева, Шолохова, произведения детской литературы. Многие из этих книг иллюстрировались Бубновой. В 1949 г. было организовано Общество японо-советской дружбы. В Токио была открыта книжная лавка, в которой продавались русские книги. Снова оказались востребованы знания Бубновой – она стала преподавать на курсах русского языка. В Токийском университете Васэда возобновились ее курсы. Так, пережив ужасы войны, Варвара Дмитриевна снова входила в нормальную жизнь – работала, приобретала книги, помогала японским переводчикам-русистам. Когда в 1949 г. в Японии отмечали 150-летие со дня рождении А. С. Пушкина, переводчики не могли обойтись без профессиональных, глубоких и серьезных советов Бубновой. Она и сама написала статью «Гениальный национальный поэт Пушкин». Статья эта была напечатана в ведущем японском журнале. Кроме того, она прочитала доклад на вечере в Русском клубе «Пушкин в борьбе со старым миром». Когда ей исполнилось 70 лет (по традиции преподавателей в этом возрасте в Японии провожают на пенсию), студенты просили оставить ее на работе.

Наступил момент, когда накопленные впечатления должны были отлиться в мемуарах, которые она назвала «Мой „Вишневый сад“». В них она писала: «Не знаю, на всякой ли чужбине возможно найти полезный и интересный труд и душевное равновесие. Мне думается – не на всякой, и я благодарна Японии за то, что она дала мне возможность найти эти блага» (цит. по: [1, с. 188]).

Постоянно проявляя себя как художник, она создавала многообразные работы, которые показывались на выставках. Теперь она стала жить в деревне в японской глубинке, изображая быт и жизнь крестьян. Постоянно выставляясь на выставках, к 50-летию ее творческой деятельности в Японии была организована Шестая персональная выставка с 60 ее работами. Об этой

выставке написали почти все японские газеты и художественные журналы. Успех! Но, как всегда, он бывает недолгим и может быть омрачен другими событиями. В это время умер муж старшей сестры Маши, которая из-за болезни мужа переехала в Сухуми, и она попросила Варвару Дмитриевну приехать к ней. 12 июля 1958 г. в университете Васэда был устроен прощальный вечер. В 72 года Варвара Дмитриевна вернулась на Родину. Следует напомнить, что и ее сестра Анна также сделала блестящую карьеру. За заслуги перед Японией в музыкальной педагогике она была удостоена престижного ордена Священного сокровища четвертой степени в 1959 г. Но, как и сестра, приехала домой.

Варвара Дмитриевна не прекратила творческую деятельность. В 1959 г. она была принята Союз художников Грузии, а для этого надо было показывать свои работы. В 1960 г. в Тбилиси была организована ее персональная выставка, в 1961 г. состоялась ее выставка в Москве, некоторые работы из которой были показаны в разных городах Советского Союза. Деятельная натура Бубновой проявлялась в том, что она ездила со своими работами и после каждой выставки оставляла работы в тех городах, где проходила выставка. Когда ей исполнилось 80 лет, она была удостоена звания заслуженного художника Грузии.

В 1979 г. умерла ее сестра Анна, и Варвара Дмитриевна переехала в Ленинград. Здесь, в городе, в котором она родилась, в Ленинградском отделении Союза художников ей устроили персональную выставку к ее 95-летию.

Память о Варваре Дмитриевне Бубновой хранят как у нас в стране, так и в Японии. Многие японские художники и переводчики навещали ее в Ленинграде. В 1982 г. в Токио было принято решение о награждении ее орденом Драгоценной Короны четвертой степени за заслуги в области расширения изучения русского языка и повышении уровня знания русской литературы в Японии. Однако присутствовать на церемонии вручения, которая проходила 9 июля 1982 г. в японском консульстве в Ленинграде, она не могла по болезни. Через год, в 1983 г., ее не стало. Она умерла в возрасте 97 лет.

Но судьба ее поучительна, ярко и прекрасно связав две страны – Россию и Японию.

Список литературы

1. Кожевникова И. П. Варвара Бубнова – русский художник в Японии. Москва: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1984. 224 с.

2. Золотой век художественных объединений в России и СССР / сост. Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкина. Санкт-Петербург: Изд-во Чернышева, 1992. 400 с.

References

1. Kozhevnikova I. P. Russian artist in Japan Varvara Bubnova. Moscow: Nauka, Oriental lit. main edition, 1984. 224 (in Russ.).

2. Severyukhin D. Ya. (comp.); Leikina O. L. (comp.) Golden age of art associations in Russia and Soviet Union. Saint Petersburg: Chernyshev publ. house, 1992. 400 (in Russ.).

УДК 7.01:7.036

А. Н. Балаш

Реляционная эстетика в контексте современных культурных практик

Проанализированы основные позиции реляционной эстетики как влиятельного теоретического концепта, представившего аналитику художественных институций и художественных практик рубежа XX–XXI в. Показана специфика понятийного аппарата: особенности трактовки классических терминов «искусство», «художник», «модерн (модернизм)», а также проективных понятий «художественная апроприация», «постпродукция», которые демонстрируют ключевые аспекты рассматриваемой теории. Обозначен статус художественной репрезентации, отмечено расширение ее границ и смысловых полей в теории и современной творческой практике. Особое внимание уделено интерпретации художественной формы как отношения, ситуации, альтернативного опыта, складывающегося благодаря взаимодействию художника и зрителя в институциональном художественном пространстве (галерея, выставочный зал, биеннале). Показано соотношение реляционной эстетики, реляционного искусства и парципаторных художественных практик, обозначена тенденция смешения творчества и креативности. Сделан вывод об инструментальной эффективности реляционной эстетики для построения вариативных авторских сценариев развития современной художественной культуры.

Ключевые слова: реляционная эстетика, реляционное искусство, художественные практики, культурные практики, парципаторное искусство, художник, зритель

Aleksandra N. Balash

Relational aesthetics in context of modern art practices

The author of this article is analyzing the main features of relational aesthetics as an influential theoretical concept, which was representing the analytics of the art institutions and art practices in the latter part of 20th century and early 21st century. The specifics of the conceptual apparatus is shown: the characteristics of interpretation of classical terms «art», «artist», «modern (modernism)», as well as the projective notions «artistic appropriation», «postproduction», which demonstrate key aspects of the theory under consideration. The status of art representation is indicated, the extension of its borders and semantic fields in theory and modern art practice are noted. The author has paid special attention to the interpretation of the art form understood as the relationship, the situation, the specific experience, based on the interaction of the artist and the viewer in the institutional art environment (gallery, exhibition hall, biennale). The relationship between relational aesthetics, relational art and participatory art practices is shown, a tendency towards blending art and creativity is indicated. The relational aesthetics is proven to be an efficient instrument for the building of variational original scenarios for the development of modern art culture.

Keywords: relational aesthetics, relational art, art practices, cultural practices, participatory art, artist, viewer
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-98-101

Реляционная эстетика (esthétique rélationnelle, эстетика взаимодействия) – влиятельное направление в осмыслении тенденций развития современного искусства. Ее формирование совпало с новым «рубежом веков», стало одним из знаковых явлений, в которых просматриваются попытки подытожить художественный опыт XX в. и наметить возможное будущее актуальных творческих практик. Несмотря на то, что реляционная эстетика возникла в институциональной среде художественного кураторства, критики, выставочных биеннале и имеет в своем основании более прагматический, чем теоретико-методологический опыт, ее идеи вызвали заинтересованное внимание ведущих академических специалистов. Концепт реляционной эстетики, созданный куратором и критиком Николя Буррио (Nicolas Bourriaud) на базе его текстов о выставочных проектах и художниках 1990-х гг., стал объектом философского анализа в работах Жака Рансьера, художественной критики и истории современного искусства в выступлениях и исследованиях Клер Бишоп.

Следует отметить, что внимание, с которым была принята публикация текста «Реляционной эстетики» (1998), означает не столько признание, сколько анализ и углубленную критику как концептуальных аспектов теории, так и успешно продолжающейся кураторской практики Н. Буррио, закрепившей его статус как одного из ведущих специалистов современной арт-сцены. В то же время бесспорным достижением реляционной эстетики признается то, что она «сделала дискурсивные и диалогические проекты более доступными для музеев и галерей» [1, с. 10], способствовала возникновению «альтернативного художественного опыта и альтернативных форм социальности, невозможных в обыденной жизни, вне художественной выставки» [2, с. 260].

Для понимания идей реляционной эстетики первостепенное значение имеет предлагаемая

Н. Буррио интерпетация базовых аспектов художественной культуры, в том числе многочисленные указания на непосредственную преемственность художественных практик конца XX – начала XXI в. проекту модерна, представление о том, что «идеалы модернизма не исчезли, они подверглись адаптации» [3, с. 207]. В первую очередь такая «адаптация» происходит с самим понятием «искусство»: Буррио отмечает его специфическое расслоение, предлагая два возможных и взаимодополняющих истолкования. Первое трактует искусство как «общее понятие, характеризующее объекты, которые представляет рассказ, именуемый „историей искусства“» [3, с. 206]. Таково актуальное определение области «классики», «традиции», «наследия», образующей в контексте «современного эстетического опыта» [3, с. 207] остраненный «семантический осколок» [3, с. 206], в восприятии которого доминируют аспекты репрезентации и нарратива. Второе определение относится к современным практикам. Здесь искусство понимается как «деятельность, создающая с помощью знаков, форм, жестов или объектов отношения к миру» [3, с. 206]. Отношения – ключевое понятие реляционной эстетики, подразумевающее множественность возможных индивидуальных взаимодействий, разнообразие которых определяет событие искусства. Представление рассказа и создание отношений – две влиятельные позиции, которые обозначают место искусства в современном обществе и оказывают существенное влияние на деятельность институций культурного наследия.

Также концептуально значимым для реляционной эстетики является предлагаемое Буррио определение современного художника как «оператора знаков» с целью создания «их самостоятельно значимых репродукций», которое фиксирует его социокультурный статус как «предпринимателя/политика/режиссера» [3, с. 210]. В такой позиции нет критической или пренебрежительной оценки: в одном из своих интервью Буррио говорил о том, что для него художники, связанные с деятельностью издававшегося им журнала «Documents sur l'art», «просто интересные люди, с которыми есть что обсудить» [4]; в другой публикации он подробно аргументировал тезис о том, что «качество работы художника зависит от богатства его связей с миром» [5]. В определении художника как режиссера и политика присутствует конструктивно значимый анализ. Такое определение интегрировано в междисциплинарный дискусс об обществе спектакля и его дальнейших трансформациях, в поиски новых стратегий развития культурных индустрий, в конструирование сферы эстетического как формы политической активности. Однако его уточнение и разъяснение ввозвращает Буррио к проблемам художественного мира, к вопросу о репрезентации, казалось бы, отвергнутому многими критиками и теоретиками современного искусства: «Лучшим общим знаменателем для всех художников является то, что каждый из них что-то показывает. Акт показа с помощью изображения или указания (обозначения) является достаточным критерием определения художника» [3, с. 210]. Подробно анализируя творчество Феликса Гонсалес-Торреса (1957–1996), Филиппа Паррено, Лиама Гиллика, Риркрита Тиравания, Доминики Гонсалес-Ферстер, Пьера Юига, Н. Буррио не только приходит к обоснованному убеждению, что «границы репрезентации расширились, включив в себя новые средства выражения», но также признает, что «сам арсенал репрезентации» превратился в «самостоятельную область» [6] художественной практики. Раскрытие этой проблематики на материале изобразительных искусств в той модификации, которую они переживают в начале XXI в., и определяет задачи реляционной эстетики.

Стремясь понять сущность художественного процесса на рубеже XX–XXI в., Буррио неизменно возвращается к вопросу о его отличии и преемственности искусству модернизма. Признавая существующую между ними взаимосвязь, он в то же время усматривает принципиальное различие целеполагания: «Модернизм не умер, но умерла его идеалистическая и телеологическая версия. <…> Искусство считало своим долгом подготавливать или возмещать гярдущий мир; сегодня оно моделирует возможные миры» [3, с. 14]. Рассматриваемые с этих позиций современные художественные практики «поставили себе целью уже не создание воображаемых или утопических реальностей, а выработку способов существования или моделей действия внутри реальности наличной, на различных ее уровнях, избираемых художниками» [3, с. 14]. Эти задачи определяют переход современного искусства из «автономного и приватного символического пространства» в «сферу человеческих взаимоотношений с ее социальным контекстом» [3, с. 15]. Такое «перерасчленение материального и символического пространства» [7, с. 65] и вызвало интерес к концепции Буррио со стороны Ж. Рансьера. В своем анализе Рансьер подчеркивает институциональность, прикладной характер реляционной эстетики, называя ее «утверждением искусства, обретшего скромность» [7, с. 63]. По мнению философа, реляционное искусство занято «перестановкой объектов и образов, составляющих уже данный общий мир» и имеет своей целью «создание ситуаций, способных изменить наши взгляды и наши подходы по отношению к этому коллективному окружению» [7, с. 63].

Примечательно, что в указанную философом «область коллективного окружения» реляционная эстетика вводит также искусство как совокупность

всех ранее созданных произведений, которые включаются в «перестановку образов» средствами творческой апроприации. В своей критике реляционного искусства К. Бишоп полемически утверждала, что «по работам искусства взаимодействия чаще всего трудно узнать их автора» [8, с. 151] в связи с распространенностью практик апроприации в творчестве художников этого направления: «это искусство стремится использовать уже существующие культурные формы, в том числе другие произведения искусства, создавая их ремикс подобно диджеям или программистам» [8, с. 151]. Пытаясь выявить и осмыслить новейшие формы апроприации в современном искусстве, Н. Буррио анализирует эту проблематику в отдельной работе «Постпродукция. Культура как сценарий: искусство перепрограммирует современный мир» (2003). Здесь он предлагает новый термин – «постпродукция», позаимствовав его из кинопроизводства и тем самым обозначив вектор трансформации практик присвоения в системе современных культурных индустрий: «такие понятия, как оригинальность (первенство в чем-либо) и творчество (создание чего-либо из ничего), понемногу уходят из нового культурного пейзажа», в котором их место занимает креативность как «отбор культурных объектов и их внедрение в различные культурные контексты» [3, с. 118]. Акцентируя инструментальный аспект этой практики, Буррио определяет ее как сценарную. Под постпродукцией Буррио предлагает понимать не только апроприацию художественных форм и практик, но и ре-экспонирование выставочных проектов, которое обрело популярность в последнее время: «каждая выставка таит в себе сценарий другой выставки, каждое произведение может быть включено в различные программы и само следовать различным сценариям» [3, с. 125]. Следует также отметить, что при работе над своими собственными текстами Н. Буррио активно использует метод апроприации и сценарной трансформаци по отношению к постструктуралистской философии (в «Реляционной эстетике») и к философии постмодерна (в «Постпродукции»). Его свободное обращение с текстами Ф. Гваттари, Ж. Делеза и Ж.-Ф. Лиотара может показаться эклектичным, если упустить из виду особый сценарий, созданный для их интерпретации. То же замечание можно отнести и к методике анализа проектов художников реляционного искусства, и особенно Ф. Гонсалеса-Торреса, в творчестве которого сценарный метод позволяет выявить и раскрыть проблематику, созвучную основным тенденциям и наиболее значимым маргиналиям культуры конца XX – начала XXI в.

Несмотря на то, что конструирование интерсубъективных отношений предполагает процессуальность, внимание к длительности происходящего художественного события, наиболее значимым аспектом произведения искусства реляционная эстетика полагает его форму, которую определяет как «устойчивую встречу» [3, с. 21], и в то же время как «связующий элемент» [3, с. 23], который «обретает плотность (и реальное существование), <…> когда <…> запускает взаимодействие между людьми» [3, с. 24]. Для обоснования процессов формообразования и идеи реляционной формы Н. Буррио обращается к аналитике овеществляющего взгляда в философии Ж.-П. Сартра, перенося при этом акцент с феноменологии процессов восприятия на технологию и инструментальные практики. Этот шаг позволяет зафиксировать новое понимание материальности искусства в ситуации его неизбежной дематериализации в эпоху экранной культуры.

Выражая свое понимание художественной формы, возникающей в «сверхузком зазоре» [3, с. 18] (в данном случае очевидна аллюзия на серхтонкое как особое чувство формы и выразительности у М. Дюшана), «стягивающей вокруг себя пространство отношений» [3, с. 17], Н. Буррио непосредственно обращается к адаптации и апроприации культурных практик и интеллектуальных концептов XX в. Среди них – выставка куратора Харальда Зеемана «Когда отношения становятся формой» (1969), своеобразную вербальную ре-экспозицию которой представляет текст «Реляционной эстетики». Менее очевидные, но более глубокие и значимые для нашего времени параллели указывают на концепцию «открытого произведения», созданную Умберто Эко (1962). «Открытое произведение» – модель такого способа формообразования, результатом которого «является не раскрытие природы вещей, а прояснение культурной ситуации в том действии, в котором обозначаются связи» [9, с. 16]. Поэтому «открытое произведение» «при каждом новом его восприятии не оказывается равным самому себе» [9, с. 51]. Опыт аналитики «открытого произведения» ведет к переосмыслению авторства, его смысла и статуса в современной культуре: «Автор предлагает истолкователю закончить произведение: он не знает наверняка, как именно оно может быть завершено, но знает, что, завершившись, оно всегда будет его произведением, а не каким-либо иным, и что в конце интерпретационного диалога конкретизируется форма, которая будет его формой, даже если ее выстроит кто-то другой» [9, с. 59]. Такое отношение позволяет преодолеть постструктуралистские представления о деконструкции авторства и автора, перенесенные художественной критикой и теорией на практики современного искусства. Вопрос о стратегиях такого преодоления представляется одним из ключевых для современной художественной культуры.

Близость «открытого произведения» У. Эко и концепта реляционной формы была подмечена и проанализирована К. Бишоп в ее полемике с Н. Буррио, который также ответил на это сопоставление. Буррио предложил свое, достаточно схематичное, понимание идеи «открытого произведения» в тексте «Постпродукции». Отрицая прямую взаимосвязь, он мотивировал отличие своей позиции особым вниманием У. Эко к проблематике авторства в ущерб аналитике позиции зрителя. Парадоксально, но то же критическое замечание К. Бишоп вполне справедливо обращает к текстам Н. Буррио: «качество отношений в эстетике взаимодействия не исследуется и не подвергается сомнению» [8, с. 156].

В дискуссии обозначились две важные позиции – художника как носителя творческих практик, и зрителя в контексте развития креативности и «культуры зрительства» (spektatorhip) [1]. Анализ этих позиций был предпринят самой К. Бишоп в монографическом исследовании парциапаторных художественных практик, которые рассматриваются ею и другими специалистами как следующий этап в истории современного искусства. По мнению исследовательницы, углубляя идею сотрудничества и зрительского участия в художественных проектах, парциапаторное искусство столкнулось с серьезными противоречиями, связанными с «проблематичным смешением искусства и креативности» [1, с. 31], что усложняет выявление его художественных аспектов. И, напротив, то особое внимание, которое реляционная эстетика уделяет художникам и их произведениям, «создающим отношения к миру» [3, с. 205], объективным образом направлено на поддержание и сохранение статуса творческой деятельности в современной культуре.

В связи с чем распространившееся в последнее время суждение об окончательном вытеснении реляционной эстетики в область истории современного искусства и эстетической мысли представляется преждевременным. Эклектичность, погруженность в институциональную проблематику – именно те качества и свойства реляционной эстетики, которые ее критики определили как специфичные и противоречивые, – позволяют использовать разработанный Н. Буррио теоретический концепт для обозначения и осмысления ряда сложных и актуальных позиций: значимости авторского проекта, сохранения статуса профессиональных художественных практик, стремления избежать унификации создаваемых произведений, необходимости формирования гибких сценариев для возникновения новых творческих отношений в пространстве современной культуры.

Список литературы

1. Бишоп К. Искусственный ад: партиципаторное искусство и политика зрительства. Москва: V-A-C press, 2018. 528 с.

2. Леднев В. Николя Буррио. Реляционная эстетика/Постпродукция: [рецензия] // Искусствознание. 2016. № 4. С. 258–263. URL: http: // artstudies. sias. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

3. Буррио Н. Реляционная эстетика/Постпродукция. Москва: Ад маргинем пресс, 2016. 216 с.

4. Буррио Н. Большой проект должен порождать дискуссию // Худож. журн. 2003. № 53. URL: http: // xz. gif. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

5. Буррио Н. Глобализация и апроприация // Худож. журн. 2004. № 56. URL: http: // moscowartmagazine. com (дата обращения: 26. 11. 2018).

6. Буррио Н. Современное искусство и репрезентация // Худож. журн. 2004. № 55. URL: http: // moscowartmagazine. com (дата обращения: 26. 11. 2018).

7. Рансьер Ж. Неудовлетворенность эстетикой // Рансьер Ж. Разделяя чувственное. Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 47–154.

8. Бишоп К. Антагонизм и эстетика взаимодействия // Невозможное сообщество. Москва: Моск. музей соврем. искусства, 2015. Кн. 3: Антология. С. 148–170.

9. Эко У. Открытое произведение. Санкт-Петербург: Акад. проект, 2004. 384 с. URL: http: // yanko. lib. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

References

1. Bishop C. Artificial hells: participatory art and politics of spektatorhip. Moscow: V-A-C press, 2018. 528 (in Russ.)

2. Lednev V. Nicolas Bourriaud. Relational aesthetics/Postproduction: [book review]. *Iskusstvoznanie*. 2016. 4, 258–263. URL: http: // xz. gif. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

3. Bourriaud N. Relational aesthetics/Postproduction. Moscow: Ad marginem press, 2016. 216 (in Russ.)

4. Bourriaud N. Big project should generate discussion. *Khudozhestvennyi zhurnal*. 2003. 53. URL: http: // xz. gif. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

5. Bourriaud N. Globalization and appropriation. *Khudozhestvennyi zhurnal*. 2004. 56. URL: http: // moscowartmagazine. com (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

6. Bourriaud N. Modern art and representation. *Khudozhestvennyi zhurnal*. 2004. 55. URL: http: // moscowartmagazine. com (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

7. Ranciere J. Dissatisfaction with aesthetics. *Ranciere J. Distribution of sensible*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Europ. Univ., 2007. 47–154 (in Russ.).

8. Bishop C. Antagonism and relational aesthetics. *Impossibly community*. Moscow: Moscow Museum of Modern Art, 2015. 148–170 (in Russ.).

9. Eco U. Open work. Saint Petersburg: Akad. proekt, 2004. 384. URL: http: // yanko. lib. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

УДК 316.752.4:7.036(4)

А. Н. Огарков

Кризис европейской культуры в произведениях киберпанка

В течение XX в. кризис европейской культуры углубляется. Симптомы кризиса указаны в книге Освальда Шпенглера «Закат Европы». Техника и прогресс рассматриваются в ней как деструктивные и смертельные для культуры. Культура начинает активно сопротивляться этим процессам, убивающим ее ценности. В результате из среды интеллектуалов и программистов формируется группа писателей, создающих сюжеты о жизни в условиях корпоративного капитализма. В 80-е гг. XX в. это направление футуристической литературы получило название киберпанк. В отличие от научной фантастики и футуристической литературы, киберпанк представлял собой художественную рецепцию жизни в условиях активного влияния высоких технологий на базовые условия свободы и целостности человека. Одновременно эти сюжеты поддерживались программными заявлениями о кризисе жизни, якобы усовершенствованной современным капитализмом, ориентированным только на потребителя. В это же время создаются визуальные аналоги киберпанк-дискурса, лучший из них «Бегущий по лезвию». В этом фильме синтезируются два сформировавшихся жанра – Нуар и Черный фильм. В результате возникает уникальная визуальная стилистика апокалипсиса.

Ключевые слова: кризис культуры, киберпанк, техногенез, корпорации, власть, апокалипсис

Aleksandr N. Ogarkov

Crisis of European culture in works of cyberpunk

During the 20th age the crisis of the European culture deepens. The symptoms of crisis are indicated in the book of Oswald Spengler «Der Untergang des Abendlandes». A technique and progress is examined in it as destructive and mortal for a culture. A culture begins actively to resist these processes, to killings its values. As a result from the environment of intellectual persons and programmers the group of writers, creating subjects about life in the conditions of corporate capitalism is formed. In the eightieth years of the twentieth age it direction of futurism literature was got by the name of cyberpunk. A difference from science fiction and futurism literature, cyberpunk was an artistic reception of life in the conditions of active influence of high-tech on the base terms of freedom and integrity of man. At the same time these subjects were supported programmatic statements about the crisis of life. The visual analogues of cyberpunk discurs are at this time created, the best from them «Blade Runner». Two genres unite in this film – Noir and Black film. As a result there is unique visual style of apocalypse.

Keywords: crisis of culture, cyberpunk, techno genesis, corporations, power, apocalypse
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-102-106

Кризис цивилизации, неизбежно следующий за кризисом культуры, является одной из ключевых проблем теории культуры. Цель данной работы – наметить общую картину кризиса европейской цивилизации с помощью наличных художественных средств, разработанных в пределах инновационной стилистики футуристического направления научной фантастики 80-х гг. XX в., позже получившей наименование «киберпанк». Мы постараемстя очертить общие исторические границы кризиса, опираясь на знаменитую работу Освальда Шпенглера «Закат Европы», в которой описывается симптоматика кризиса, названного «фаустовским духом». Субординация признаков кризиса определена в манифесте киберпанка «Киберпанк в 90-е» (Брюс Стерлинг) [1]. Нами будут перечислены и реконструированы художественные особенности базовых произведений киберпанка, в которых намечены и развиты апокалиптические прогнозы развития технологической цивилизации.

Киберпанк, представ в 80-х гг. XX в. всего лишь маргинальным ответвлением футуристической литературы, за сорок лет приобрел статус системообразующей стилистики Sci-Fi и кинематографических сюжетов на ее платформе. И это совершенно неслучайно, поскольку киберпанк представляет собой анархическую секту, содержательно враждебную техногенезу, будучи при этом его продуктом. «Киберпанк радикально нарушил логику прежней научной фантастики, обеспечив себе лидирующие позиции в контексте „постфутурологической фантастики". Эта логика, условно укладывающаяся в концепт Станислава Лема „заклятье предвидением", некогда обрекла фантастическую литературу прогнозировать Будущее» [2, с. 16].

Визуализация киберпанк-дискурса началась на рубеже 1980–1990-х гг., когда сюжеты этого «маргинального ответвления» футуристической беллетристики стали буквально реальностью

по двум причинам: из-за экспансии «коварной новинки», дублирующей и симулирующей человекомерность «машины различий» (роман Стерлинга и Гибсона об изобретении компьютера так и называется), а также отчетливого апокалиптического предчувствия конца цивилизации. Случился ретрореверс киберпанковской «атопии» к идеям Освальда Шпенглера, откуда будущее стало совершенно отчетливо читаться.

Жанр киберпанка предполагает наличие апокалиптической доминанты, имеющей возвышенно-декоративный визуальный аналог в кинематографических сюжетах: мрачные перспективы денатурализованного мира, лишенного естественного света, в котором high-tech-устройства пронизывают ничтожный быт, власть распределена между желанием, пользой и прибылью – все это толкает «производительные силы» вырваться за свои пределы. Все радикальные инновации трансформируются корпоративными шизомашинами, не только фабрикующими модели эрзац-существования и абсурдные образцы потребительства, но и препятствующими движению эмпатии.

«Киберпанковские фильмы всегда критически осмысляют ближайшее будущее с его властью высоких технологий и корпоративного капитализма „японского типа“; их место действия – Земля или близлежащие к ней колонии; они заряжены апокалиптическими настроениями, взывают к человеческому благоразумию и, очевидно, ориентируются на романы Филиппа К. Дика и „черный фильм“» [3]. В романе Филипа Дика «Убик» потенциал памяти умерших подвергается инвазии, обналичивается и продается как для использования корпорациями, так и для насильственного продления жизни умерших, к мозгу которых подключены сканирующие устройства. В одном из сюжетов дверь квартиры блокирует хозяина, настаивая на том, что он слишком беден для достойной жизни «во внешнем контуре», и тот вынужден звонить знакомым, чтобы они пополнили счет дверного устройства. Тотализация жизни становится невыносимой, образцы потребления и поведения предстают перед оригинальным умом в качестве насильственных условий его толерантности. Можно ли проследить генеалогию подобного положения вещей?

В 1918 г. закончилась Первая мировая война, в которой погибли 12 млн человек. Ей предшествовал экспоненциальный расцвет технологий и «сближение народов», позволяющее с законной гордостью в анализе исторического процесса употреблять термин «человечество». В том же году выходит в свет гениальный антипрогрессистский текст Освальда Шпенглера – «Закат Европы», в предисловии к которому написано, что варварская и абсурдная война оказала решающее воздействие на его автора [4, с. 127]. Метафора, вынесенная в заглавие текста, весьма точно фиксирует его базовую идею: в Европе «прогресс» технологий и основных инструментальных структур жизни не только не способствовал ее обновлению, но, напротив, привел к сбою ее традиционных регулятивов, циклизмов и целостного характера, после чего началась ускоряющаяся мутация человекомерности – иррациональной способности, наращивая скорость знаковых обменов и интенсивность жизни, при этом сохранять аутентичность путем нечитаемого для регистрирующих устройств, но внутренне последовательного поведения, иногда именуемого становлением.

Сюжеты книги отсылают к необратимому событию, которое стало реальностью спустя всего лишь семьдесят лет – к закату античного магического чувства, к великому скепсису посреди свершившейся грезы, к скепсису, в который только еще начинал погружаться Запад. К скепсису, в котором мутация эмпатии «от обратного» вновь обретает человекомерность.

Абсурдность ситуации всеобщей паразитарности, гедонизма, апатии и тошноты внутри культуры символических форм предсказали и описали все постсовременные мастера слова – от Ортеги-и-Гассета до Стругацких и Паланика. Однако бессмыслица распада частей, не имеющих целого, порождает еще и причудливую выразительную жизнь, наполненную поэзией и интенсивностью. Ницшеанская стилистика киберпанка использует энергию распада и столкновения фрагментов смертельно специализированного культурного тела для новой интенсивности. Привнесение скрытого мотива скрепляет любую случайную выборку вещей в актуальное единство, одновременно прерывая остаточное отравляющее воздействие символики мертвой цивилизации.

Препятствование согласованному в технике и деньгах единству вещей – это значение, имеющее двойную природу: логического предиката и абсолютно оригинальной вещи. В этом случае происходит соединение функциональности вещи и ее обновленного значения, отсылающего и к положению вещей в распадающемся мире значений, и к месту ее владельца посреди вещей. Значение вещи теперь апроприировано обстоятельствами. Поведение внутреннего целеполагания, выполненное в пространстве, перенасыщенном отвалившимися от различных устройств деталями и есть реальность.

То, что никогда не встречалось, не копировалось, и тем не менее присутствует, образует

интенсивность с новыми свойствами, нуждающуюся в распознавании и переименовании.

Для отсечения от дурной и гибельной культурной формы необходимо перепрофилировать вещь двойным образом: найти ей генеалогию и Господина. Киберпанк и есть апокалиптический номинализм, активное неустанное переименование вещей с целью выявления их актуального места и перепрофилирования в деятельности новых постурбанистических сообществ, вытесненных на помойку вместе с реальностью.

Современность такова, что разграничение воображаемого, символического и реального по делителям Прекрасного и Возвышенного здесь уже невозможно: культурная форма потеряла исток, значит, целеполагающая деятельность – это обнаружение вещи в составе реальности, постоянно меняющей свой символический горизонт. «Последствия различия между имитацией и симуляцией более существенны, чем может показаться. В противоположность имитации, которая поддерживает веру в существование пред-сущей „органической" реальности, симуляция обратным ходом „денатурализует" саму реальность, обнаруживая механизм, ответственный за ее порождение. Иначе говоря, „онтологическая ставка" симуляции заключается в том, что нет существенного различия между природой и ее искусственной репродукцией – есть более первостепенный уровень Реального, по отношению к которому и симулированная „экранная" реальность, и „реальная" реальность являются порожденными следствиями, чисто исчисленным Реальным» [5]. Все частичное здесь активно тяготеет к своему иному – жизни, подведенной к пределу и опирающейся на пустоту, и обращенные в свою пользу мутагены. В ставшем широко известным киберпанк-сюжете Уильяма Гибсона «Джонни Мнемоник» основными стилеобразующими концептами являются амнезия и хюбрис: всеобщее беспамятство и дерзкий прорыв одиночки по лабиринту к спасительному Месту. Ноосфера перенасыщена оболочками, сущностями, программами, репликантами, каждая защищается и нападает, прибегая к завоеванной или купленной помощи технологических и информационных корпораций. Город бесконечен, подвешен между густонаселенным Океаном и Космосом. Каждое движение регистрируется и парализуется. Победить здесь – означает реализовать романтическую форму присутствия, в которой твое действие было бы абсолютно оригинальным. А это отстраняющий жест протагониста, действующего с помощью синтезированных из прошлого практик, организованных еще раз – для своей тайной цели.

Если рассматривать отличия текста «Джонни Мнемоника» от одноименного фильма, то они являются содержательными. В этом случае кинематограф оказался не на высоте своих возможностей трансформировать дискурс. В тексте ясно указано направление движения главного героя – к обнулению всех паразитарных инстанций, пытающихся использовать его память не по назначению, и одновременно движение вверх, к самым опасным существам Города, использующим свою силу для обретения свободы. Джонни искусно использует силы, не имеющие скрытой цели, пользуясь стратегией интерпассивности, и добивается главного – становится владельцем собственной памяти, что позволяет ему вступить в союз с существами «второй природы».

Киберпанк – это продуманная стилистика скрытых от регистрирующих машин и предъявляемых в нужную минуту кодовых значений, в которые обернуты силы, строго замкнутые на генеалогию автохтонного разума. Киберпанк является практикой, формально родственной, но в своем существе враждебной эмблематической стилистике поп-арта, питающейся неврозами и искусственными рецепциями, рассчитанными на либидинозную реакцию. Киберпанк решительно восстанавливает в правах различные скорости течения времени, вечность, восторг перед чудом жизни и неизбежностью ее пресечения – все, благодаря чему возникло разнообразие чувств, гармония и великая печаль людей перед тайной вечности.

Обратимся к самому удачному визуальному эквиваленту базовых идей киберпанка, который все названное содержит – фильму «Бегущий по лезвию» Ридли Скотта 1982 г., тем более, что к заимствованию его содержания прибегают время от времени ведущие специалисты по современному искусству.

Борис Гройс в статье «Искусство в эпоху биополитики», затрагивая проблему документации в современном искусстве, неожиданно упоминает фильм «Бегущий по лезвию». Интенция киберпанка: знания имеют ценность, если они закрепляются на архаических ручных практиках или опираются на тесты, замеряющие ускользающую и нуждающуюся в постоянном переименовании ценность жизни. Согласно этой точке зрения, человек – это устройство, перенастраивающее дискретные единицы мира метонимически, в соответствии со сложностью формирующейся целостности, которой он сам является как воплощенный пример синтеза отприродного и синтезированного.

Пробег по всей цепочке живого, пресечение простого целеполагания и распоряжение соотношением смерти и жизни – эпистологиче-

ская задача, которую репликанты с ограниченным знанием вещей решить не в силах. В фильме такой тест проводится дважды: репликант–1 не может ответить на вопрос о воображаемой черепахе, находящейся в беспомощном положении. Случай со вторым репликантом, драгоценным инвентарем корпорации, сложнее: девушка правильно и спокойно отвечает на вопросы о девиациях ребенка, убивающего паука в банке, но на комбинированный вопрос о вареной собаке, которую подают на ужин, ответить не в силах: ответ должен содержать суждение о ценности жизни. Прибор, которым пользуется герой Харрисона Форда, фиксирует волнение репликанта, но истолковать его правильно может только человек, ведь он задает вопросы не под описание, а под оценку, а кибер проскакивает проблемный пункт, затем возвращается с микроскопическим опозданием к тому месту, которое, как он догадался, важно для человека. Но прибор уже зарегистрировал сбои системного мышления. С точки же зрения Гройса, память репликантов, обогащенная документами об их происхождении, превращается в тотальную генеалогию, которую нельзя уже отличить от иллокутивного действия: «Поскольку посредством этой документации репликанты вписаны в жизнь, в историю, они имеют возможность продолжать эту жизнь – без разрывов и абсолютно персональным образом» [6, с. 133]. Согласно логике расщепления сознания, знание как архив активируется припоминанием, обладающим «дырчатым» строением. Это функция воображения, а не памяти. Таким образом, быть человеком значит постоянно менять профиль припоминания, сканируя зону беспокойства за правильность корреляции описания и его оценки, беспокойства творца за жизнь в созданном им мире. В этом пункте вмешательство кино настоятельно необходимо, так как апокалиптическое состояние нуждается в органе зрения.

«Бегущий по лезвию» с момента своего создания давно разобран на мизансцены и реплики, ведь то и другое в нем приведено в магическую связь. Лабиринт фильма имеет барочное строение, это реальность, как выражается А. Артюх, интерфейсов [3], т. е. игра знаков в отражающих поверхностях, часть из которых – отражение возвышенной катастрофы, часть выступает как двойная сущность, а часть представляет собой исполняемые, как в сложной игре, знаки. Ридли Скотту удалось создать атопию, т. е. перенаселенный безумный мир, подвешенный в киберпространстве, представляющий собой закрытую сборку диалогов и действий в жанре Нуар, пронизанный искусственным светом, который готова поглотить темнота.

Соотношение света и тьмы является более сложным, чем представляется современникам. Свет возникает и локализуется, совершенно не выстраивая при этом некой шкалы степеней освещенности этого мира. При этом свет всегда отсылает к некому сверхсобытию различимости, Lumen Naturalis, которое, конечно, не является событием действия какого-то источника света, а представляет собой «остановленную молнию». Вспомним, что полицейского, чьим служебным и внутренним долгом было отделять человеческое от машинного, зовут Декарт. Декарт же «исторический» хотел избавиться от влияния паразитарной освещенности и обнаружить светозарность: «Тьма ночи не есть тень, это среда, в которой только и может возникнуть свет, но не как отражение или ложный чувственный блеск вещей и плоти, но как чистый и естественный свет разума. Да, если бы не было разума, то потребность в истинном свете мира не возникла бы, ибо только разум позволяет различать и устанавливать меру всех вещей, разум видит, задавая меру, он и есть чистое проявление измерения. Иначе говоря, разум видит только с помощью необходимых количеств меры и в силу этого не нуждается в какой-либо чувственной форме. Напротив, чувственная форма оказывает тем сильнее на нас воздействие, чем менее разум готов к действию и опоре на lumen naturalis» [7]. В первой же мизансцене вслед за пророческим текстом о репликантах и борьбе с ними на Земле зритель наблюдает картину мира из некоторой вынесенной на верхний предел зримости точки. Отсюда открывается панорама Города, похожего на улей, озаряемого светом колоссальных вспышек. К тому же это некое качество зримости, соотнесенное со Знающим Глазом, возвышающимся над миром катастроф. Глаз расположен в Космосе, там, где тьма и свет соотносятся. Как только герои фильма взлетают над Городом, их охватывает тьма, пронизанная лучами, но не меняющая от этого своей природы. Глаза Нексусов изготавливаются в специальной среде с абсолютно низкой температурой. Нексус, пытающийся продлить срок своей жизни, проникает к создателю Зримости профессору Тайреллу, и, убедившись, что законы природы неумолимы и он умрет, выдавливает глаза своему создателю. Ему принадлежит фраза: «если бы ты знал, что я видел этими глазами: горящие корабли…». Условность жизни, поставленной под вопрос, подчеркнута декоративностью многочисленных границ, которые кажутся ширмами и в любой момент могут быть передвинуты.

К тому же базовая единица жизни, как в фильмах Нуар, подвергается опасности и поставлена под вопрос. Свет борется с дымом, туманом, дождем, толпой, с трудом помогая смыслу состояться. Сам Бегущий, в романе сочиняющий тесты на человекомерность, опасается за их применимость и дей-

ственность, владея всеми необходимыми силами в их продуктивной сборке: он нагл, нахрапист и отморожен (эти качества в фильме «Бегущий по лезвию 2049» Харрисон Форд утратил). Филип Дик в романе, по которому снят фильм, указывая на сближение живого и неживого до видимой неразличимости, настаивает на радикальном преимуществе живого как ускользающего условия распадающейся жизни: живое перехватывает и удерживает инициативу смыслополагания, всегда парадоксального, а серию парадоксов может организовать только тот, кто подгоняет собственную инерцию, постоянно переписывая правила. Тест на человеческое – не проба сентиментальности, а выявление радикализма искушенного разума, пребывающего в раздвоенности, но решающего эту проблему мучительно, но верно. Понять Человеческое можно только как величественную однократность, повторить которую можно только с другого места, сама же оригинальность следов позволяет говорить о наличии агента, понимающего принцип Человеческого как возобновляющееся усилие сборки устройства смыслополагания. Здесь никакая документация не поможет.

Таким образом, впечатляющая картина грядущей гибели цивилизации в книге Освальда Шпенглера «Закат Европы» подтверждается как минимум дважды: во-первых, в пророческих мотивах киберпанк-литературы, создатели которой подчеркивали, что находятся на принципиальной дистанции по отношению к оптимистическому пафосу прогрессистов; во-вторых, в современной научной литературе, касающейся проблем подручности техники и перспектив техногенеза. Кризис европейской культуры выражается и в апокалиптическом характере сюжетов, являющихся в известном смысле продолжением книги Шпенглера и сюжетов киберпанк-литературы. В частности, в 2017 г. на экраны вышел фильм Дени Вильнева «Бегущий по лезвию 2049», в котором апокалиптические мотивы базового сюжета Филипа Дика и фильма на его основе даже усилены. Прошло почти сорок лет с тех пор, как появились манифесты и ключевые произведения киберпанка, а основные положения этих манифестов и перипетии художественных сюжетов вновь находят свои подтверждения.

Список литературы

1. Стерлинг Б. Киберпанк в 90-е // Искусство кино. 1998. № 10. URL: http: // kinoart. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

2. Артюх А. А. Субкультура киберпанка и американский кинематограф: дис. … канд. искусствоведения: 17. 00. 09 / Рос. ин-т истории искусств. Санкт-Петербург, 2001. 155 с.

3. Артюх А. А. Проект киберпанка в Сети // Искусство кино. 1999. № 11. URL: http: // kinoart. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

4. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Москва: Мысль, 1998. 663 с.

5. Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. 1998. № 1. URL: http: // kinoart. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

6. Гройс Б. Политика поэтики. Москва: Ад маргинем пресс, 2013. 400 с.

7. Подорога В. А. Ночь и день: миры Декарта и Жоржа де Ла Тура // Худож. журн. 1996. № 14. URL: http: // moscow-artmagazine. com (дата обращения: 26. 11. 2018).

References

1. Sterling B. Cyberpunk in 1990's. *Iskusstvo kino*. 1998. 10. URL: http: // kinoart. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

2. Artyukh A. A. Subculture of cyberpunk and American cinema: dis. on competition of sci. degree PhD in art studies: 17. 00. 09. Russ. Inst. of Art History. Saint Petersburg, 2001. 155 (in Russ.).

3. Artyukh A. A. Project of cyberpunk in Web. *Iskusstvo kino*. 1999. 11. URL: http: // kinoart. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

4. Spengler O. Decline of Europe: essays on morphology of world history. 1. Gestalt and reality. Moscow: Mysl', 1998. 663 (in Russ.).

5. Zizek S. Cyberspace, or Unbearable closure of being. *Iskusstvo kino*. 1998. 1. URL: http: // kinoart. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

6. Groys B. Politics of poetics. Moscow: Ad marginem press, 2013. 400 (in Russ.).

7. Podoroga V. A. Night and day: worlds of Descartes and Georges de La Tour. *Khudozhestvennyi zhurnal*. 1996. 14. URL: http: // moscowartmagazine. com (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

УДК [791.9:069(470.23)]:004

Е. Я. Кальницкая

Документальная история как основа музейного праздника

Анализ современного массового праздника на Большом каскаде Нижнего парка Петергофа, посвященный 100-летию музейной жизни пригородных дворцов, проводится на основе исторической традиции «петергофского праздника». Праздники стали неотъемлемой частью церемониальной культуры летней резиденции дома Романовых. Являясь последователями создателей праздников императорского двора, современный режиссер, не уходя от характерных составляющих элементов этих праздников, в первую очередь – масштабных фейерверков, органично вводит в действие работу фонтанов. Основываясь на тенденциях сегодняшнего дня, впервые создатели праздника, используя современные мультимедийные технологии, расширяют границы пространства, выводя действие в онлайн-трансляцию. Спектакль, главным действующим лицом которого является исторический персонаж, имеет в основе подлинность и документальность и становится особенно притягательным для туристов.

Ключевые слова: массовый праздник, культурное пространство, мультимедийные технологии, документальность, Большой каскад, Петергоф, Нижний парк, летняя резиденция, пригородные дворцы

Elena Y. Kal'nitskaya

Documentary history as basis of museum holiday

The analysis of the modern mass holiday at the Grand cascade of Peterhof Lower Park is devoted to the 100th anniversary of the Museum life of suburban palaces. The analysis is based on the historical tradition of «Peterhof holiday». Holidays have become an integral part of the ceremonial culture of the summer residence of the House of Romanovs. The modern director is a follower of the creators of the Imperial court holidays. Large-scale fireworks are characteristic components of elements of modern holidays. Large-scale fireworks in the operation of the fountains are introduced and based on today's trends. The creators of the holiday use modern multimedia technologies. They put the action on-line. The main character of the play has a historical character, which has an authenticity and realism.

Keywords: mass celebration, cultural space, multimedia technologies, documentary, Grand cascade, Peterhof, Lower Park, summer residence, suburban palaces
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-107-111

Традиция массового праздника в Петергофе, сформированная на протяжении трех столетий, имеет свои особенности. Впервые появившиеся в XVIII в. праздники стали неотъемлемой частью церемониальной культуры летней резиденции дома Романовых, состоящей «на службе» императорского двора, и являлись формой общения правителей государства с широким кругом подданных. По свидетельству исследователя церемониальной культуры России Р. Уортмана, при проведении подобных торжеств «между публикой и царскими особами было что-то родное, близкое. Царская фамилия делала публику участницей своих радостей и удовольствий» [1, с. 432]. Играя важнейшую роль в жизни Петергофа, традиция торжественных мероприятий, которую мы называем «петергофский праздник», став ритуалом, дошла до наших дней, превратившись в особое явление русской культуры.

Нынешний год дал повод для создания нового масштабного праздника: в течение 2018 г. в Петербурге отмечалось 100-летие музейной жизни пригородных резиденций – Петергофа, Царского Села, Павловска и Гатчины. Роскошные загородные «дачи» дома Романовых, изменив свой статус, превратились в общедоступные государственные музеи. Отправной точкой этого процесса стало отречение от престола императора Николая II в марте 1917 г., изменившее судьбу всех принадлежавших ему дворцов и поставившее их под угрозу разграбления и уничтожения.

Однако уже в мае по приказу комиссара Временного правительства Ф. А. Головина в Петрограде начали создаваться особые комиссии по приемке и охране художественных ценностей, находившихся в ведении дворцовых управлений Петергофа, Царского Села и Гатчины. Активное участие в судьбе дворцов после Октябрьского переворота принял народный комиссар просвещения А. В. Луначарский: теперь началось их переустройство с целью создания музеев. В кратчайшие сроки все дворцы открыли свои двери для посетителей, и с этого момента началась история их «музейного века». Музейная жизнь каждого дворца имела свои

ярко выраженные индивидуальные черты, и вместе с тем пройденный ими путь развития был общим: вместе со страной они пережили все превратности бурного, порой трагического, XX столетия.

Понимая это, четыре музея-заповедника, объединив усилия, разработали масштабную программу юбилейных мероприятий, в которую входили научные конференции, публичные лекции, выставки и массовые мероприятия. В настоящее время у всех пригородных музеев сложились концепции индивидуальных, не повторяющих друг друга ежегодных зрелищных проектов, основывающихся на тенденциях современной городской культуры. Это «Ночь музыки» в Гатчине – один из самых ярких, необычных и запоминающихся концертов на открытом воздухе; международный фестиваль цветочного и ландшафтного искусства «Императорский букет» в Павловске и грандиозный праздник моды – проект «Ассоциации» в Царском Селе. В Петергофе два раза в год, весной и осенью, проводятся театрализованные представления на Большом каскаде, разные по проблематике, художественным решениям и техническим средствам.

На протяжении ряда лет весенний Праздник фонтанов Государственного музея-заповедника (ГМЗ) «Петергоф» организовывал в партнерстве с кафедрой режиссуры театрализованных представлений и праздников Санкт-Петербургского государственного института культуры, главным режиссером его выступал заведующий кафедрой, народный артист РФ О. Л. Орлов. В настоящее время традиция получила развитие в творчестве Д. Д. Соколова, и праздник по-прежнему создается в сотрудничестве преподавателей, студентов кафедры и специалистов музея-заповедника, собирающих архивный и документальный материал для написания сценария. В 2016 г. театрализованное представление посвящалось 70-летнему юбилею первого послевоенного пуска фонтанов, в 2017 г. праздник «Путешествие в страну Дон Кихота» рассказывал о культуре Испании.

Выбрав темой нового праздника юбилей пригородных музеев, авторы концепции, в первую очередь, поставили перед собой непростой вопрос о том, к какому типу праздников будет относиться создаваемое произведение. Д. М. Генкин, справедливо полагая, что «праздник вообще – такое сложное, многостороннее явление, что, очевидно, единой всесторонней его классификации для всех времен и народов создать невозможно» [2, с. 56–57], предложил одну из форм классификации, основанную на принципах общественной значимости и масштабности события. Многообразие праздников нашего общества (общегосударственных, военно-патриотических, общественно-бытовых, календарных, религиозных и др.) разделяется на три основные группы:

1) всеобщие – отвечающие масштабным большим событиям, прежде всего, государственные праздники, имеющие всемирно-историческое значение, и эпохальные события современности;

2) локальные – вызванные событием, имеющим значение для определенной общности людей, которое определяет масштаб события;

3) личностные – посвященные событиям, имеющим значение для отдельной личности и группы людей [3, с. 194].

Проанализировав все этапы истории музеев-заповедников, которые предполагалось осветить в петергофском проекте, авторы поставили перед собой задачу создания театрализованного представления, объединившего особенности, присущие каждой из трех перечисленных групп. Музейная история пригородов развивалась от послереволюционного периода, сквозь годы Гражданской войны и первых пятилеток, была связана с событиями периода культа личности, трагедией Великой Отечественной войны: все это позволяло отнести праздник к группе всеобщих. Вместе с тем, музейная история пригородов, неизвестная широкой публике, на протяжении длительного времени являлась предметом изучения представителей музейного сообщества, что связывало готовящееся представление с группой локальных праздников. Наконец, затрагивая биографии отдельных личностей, ярко выделившихся в процессе музеефикации дворцов, авторы намеревались придать произведению личностный контекст. С учетом многоплановости всех проблем спектаклю на Большом каскаде было дано название «Музейная сага», под этим подразумевалось обобщение разных этапов музейного бытования дворцов.

При совершенствующихся и изменяющихся технических возможностях, появлении новых технологий, привлечении профессионалов разного профиля доминантой в процессе праздника неизменно являлось историческое пространство: Большой каскад и Нижний парк, оформление которого «становилось одним из способов осмысления праздничного события и маркировало его принципиальное отличие от повседневности» [4, с. 2].

Создатели современного праздника учитывают особенности петергофской праздничной традиции. Все венценосные владельцы отмечали здесь различные юбилейные даты – годовщины своего восшествия на престол и коронования,

«викториальные даты», связанные с военными победами, Орденские праздники. О. Л. Орлов справедливо отмечал, что в России формировалась устойчивая традиция проведения подобных празднеств и «осуществлялся дифференцированный подход к проведению торжеств: учитывалась государственная, национальная, религиозная и сословная принадлежность граждан. С учетом этих обстоятельств выбирались те или иные формы проведения торжеств». [5, с. 18]. В Петергофе существовало незыблемое правило использования неизменной парковой иллюминации, придававшей каждому торжеству особый, петергофский характер. Эта традиция в полной мере реализуется сегодня в ночных светомузыкальных осенних представлениях, а в весенних праздниках воплощается в организации фейерверков в финале спектакля.

Вместе с тем создатели современного технологичного действия должны ориентироваться на зрительскую аудиторию. В Нижнем парке Петергофа в середине мая ежегодно бывают разные категории посетителей: в первую очередь – это организованные и индивидуальные отечественные и зарубежные туристы, приехавшие в «фонтанную столицу» с целью познакомиться с дворцами, парками и фонтанами, и, по воле обстоятельств, становятся зрителями праздника. Ко второй категории относятся петербуржцы и жители города, специально приехавшие на праздник, заранее знающие проблематику праздника из информационных программ и музейного сайта. Третья группа – специалисты – музейные работники, учащиеся художественных вузов, которых интересует не просто праздник, а конкретный праздник, посвященный проблематике, с которой они связаны по роду своей деятельности. Зрители второй и третьей групп – основные культурные потребители зрелищного продукта.

Создатели спектакля понимали, что неотъемлемой частью юбилейного театрализованного представления должна была стать документальность.

Создание сценария требовало осмысления огромного пласта исторического материала, из которого следовало выбрать тот, который мог бы оказать на зрителя сильное эмоциональное воздействие. Собрав воедино документы, факты, идеи, революционные лозунги, отрывки из кинофрагментов, песни, музыку, стихотворения разных лет, составители полагали, что на их основе должен был появиться синтез фактов и художественных образов, рождающих новое художественно-документальное действие.

В свое время А. В. Луначарский подчеркивал, что театрализация реального жизненного материала должна иметь не столько развлекательное, сколько просветительное и воспитательное значение. По его мнению, именно театрализация «помогает активизировать, вовлечь зрителя в действие, содействует целенаправленному восприятию» (цит. по: [6, с. 10]). Аналогичный подход был выбран с учетом большого количества юных зрителей, для которых история трагедии и триумфа петербургских пригородных музеев должна была стать открытием. Сценарный план, предложенный музеем режиссеру праздника, включал в себя основные этапы истории музейных резиденций. На основании этого плана был разработан видеоряд, являвший собой образы каждого из этих временных отрезков, складывавшихся в единую композицию, которая представляет собой:

Пролог. История пригородных резиденций.

Императорские резиденции в окрестностях столицы являлись не только местом репрезентации власти, символами российской государственности (Петергоф, Царское Село), но и семейными домами, местами отдыха, балов и приемов. Для визуализации этой истории был выбран собирательный образ – торжественный бал, символизирующий ушедший навсегда образ жизни дворцов.

1. Революция.

Процесс национализации императорских дворцов проходил на фоне революционных преобразований, появления нового класса пролетариата, с присущей ему символикой и атрибутикой. Эти мотивы отразились в шествии по лестницам Большого каскада костюмированных персонажей «красного авангарда» с плакатами Эля Лисицкого, знаменами и красными полотнами, которые доминируют над участниками бального номера. Звучит «Интернационал» и большевистские лозунги.

2. Дворцы – народу.

Музеефикация дворцов сопровождалась неимоверными сложностями, вызванными, прежде всего, отсутствием профессиональных кадров. Стилистика немого кино и визуальный ряд – речь В. И. Ленина, кадры из фильмов «Броненосец Потемкин», «Октябрь», «Стачка» – создают фон времени, на этом фоне появляются первые экскурсоводы и посетители дворцов-музеев.

3. Парки культуры и отдыха.

С течением времени молодая советская власть решает превратить дворцовые парки в парки культуры и отдыха. Хор пионеров, парад физкультурников, парящие в небе модели самолетов, киоски с мороженным и газированной водой с стилистике 1930-х гг. создают фон для

развлекающейся гуляющей толпы под попурри известных песен этого времени.

4. Война.

Трагическая военная история страны обернулась катастрофой для пригородных дворцов. Как символ грядущей трагедии на сценической площадке звук советских песен сменяется гулом самолетов, слышны взрывы. Кадры военной хроники, портреты реальных людей, спасавших коллекции пригородных дворцов во время войны. Руины императорских резиденций.

5. Возрождение.

Одним из самых ярких эпизодов Нюренбергского процесса стал доклад И. А. Орбели о разрушении пригородов Ленинграда, которое причислялось к величайшим вандализмам в истории человечества. На экранах появляются изображения разрушенных парков и дворцов, затем – фотохроника проезда обновленного Самсона по Невскому проспекту, кадры проведения реставрационных работ.

6. Центры притяжения.

Современные музеи-заповедники, наполненные огромным количеством туристов, отреставрированные дворцы, золоченые купола храмов.

Для того чтобы соединить все разделы воедино, создатели спектакля приняли решение использовать в качестве ведущего исторический персонаж со своим видением и отношением к музейной истории, и этим персонажем был выбран выдающийся российский историк искусства, художник, критик Александр Николаевич Бенуа. Именно Бенуа в послереволюционный период выступил идеологом создания концепций музеев в пригородных дворцах, предложив в своей статье «Пригородные дворцы-музеи» интереснейшую программу их музеефикации: в Петергофе он предлагал создать музей эпохи Петра Великого и Николая I. В Екатерининском дворце в Царском Селе рассказать об эпохе Екатерины II, в Павловске – об императоре Павле I, в Гатчине найти возможность создания исторической портретной галереи. «Как выиграло бы значение дворцов и как поднялся бы интерес к ним, если бы каждый дворец выявил свою собственную природу, свое лицо», – писал искусствовед [1, с. 78].

Покинув Россию в 1926 г., успев увидеть первые итоги превращения дворцов в музеи, А. Н. Бенуа прожил долгую творческую жизнь в Париже, где скончался в 1960 г. в возрасте 89 лет. Все годы он наблюдал за музейным строительством в Петербурге, написал интереснейшие воспоминания о первых послереволюционных годах, опубликовал дневники. Его присутствие в юбилейном спектакле внесло личностную, человеческую ноту. Сквозь призму восприятия жизни истинного петербургского интеллигента рассказ о столетней жизни музеев-заповедников поднялся до философского осмысления проблемы их бытования, нес в себе огромную эмоциональную составляющую.

«Праздник – явление всеобщее и постоянное именно в социально-культурной жизни народа, так как он возникает только там, где существуют духовные связи между людьми», – писал О. Л. Орлов [7, с. 54]. Духовная связь между ушедшей – теперь уже легендарной исторической личностью и современной зрительской аудиторией была очевидна. Впервые с истории «петергофского праздника» с помощью информационных технологий были раздвинуты границы пространства: на Большом каскаде в режиме прямых включений выступили с приветствиями все директора музеев-заповедников, обратившиеся как к аудитории на Большом каскаде Петергофа, так и к многомиллионной аудитории пользователей сети Интернет. В режиме реального времени прошла онлайн-трансляция праздника на сайте ГМЗ «Петергоф» в опции «Самсон-онлайн», завершившегося грандиозным фейерверком.

Красочное представление «Дворцовая сага» объединило мультимедийные технологии со зрелищным театральным действием. Столетняя история резиденции, рассказанная от лица знаменитого историка искусств, началась воссозданием исторической дворцовой атмосферы, прошла через период «агитпропа», свидетельствующего о кардинальных изменениях в императорских дворцах, которые вскоре превратились в парки культуры и отдыха трудящихся. Кадры разрушенных памятников рассказали об ужасах войны. Современная история воплотилась в кинофрагментах о современных музейных праздниках, которые посещают тысячи зрителей. Доминантой театрализованного представления, включающего в себя разнообразные формы искусства: танец, музыку, декламацию, пиротехнические эффекты, спортивные элементы, – стал заключительный аккорд – включение легендарного фонтана «Самсон» на фоне фейерверка. Вера создателей в ценности культуры, которым посвящен праздник, определила возможность его глубокого восприятия зрителями, оказала на них сильное положительное эмоциональное влияние, выразилась в радостном возбуждении. Творческий проект объединил режиссерский замысел, идеи художников-декораторов и сценографов, работу творческих коллективов и музейных специалистов разного профиля, которые, все вместе, говорили со зрителем праздника беспристрастным языком фактов и документов.

Список литературы

1. Бенуа А. Н. Александр Бенуа размышляет…: ст., письма, высказывания / подгот. изд., вступ. ст., коммент. И. С. Зильберштейна, А. Н. Савинова. Москва: Совет. художник, 1968. 752 с.

2. Генкин Д. М. Массовые праздники. Москва: Просвещение, 1975. 140 с.

3. Литвинова М. Д. Классификация и типология массовых праздников и зрелищ // Науч. вед. Белгород. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Право. 2012. № 14 (133). С. 191–201.

4. Луначарский А. В. Искусство и молодежь. Москва: Молодая гвардия, 1929. 124 с.

5. Орлов О. Л. Праздничная культура России. Санкт-Петербург: КультИнформПресс, 2001. 159 с.

6. Орлов О. Л. Российский праздник как историко-культурный феномен. Санкт-Петербург: Нестор, 2003. 166 с.

7. Орлов О. Л. Российский праздник как феномен культуры // Вестн. Кемеров. гос. ун-та кльтуры и искусств. 2006. № 1. С. 54–67.

References

1. Benua A. N.; Zil'bershtein I. S. (comp., introd., comment.), Savinov A. N. (comp., introd., comment.) Aleksandr Benua reflects.: articles, letters, remarks. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1968. 752 (in Russ.).

2. Genkin D. M. Mass holiday. Moscow: Prosveshchenie, 1975. 140 (in Russ.).

3. Litvinova M. D. Classification and typology of mass celebrations and spectacles. *Sci. sheets of Belgorod State Univ. Ser. Philosophy. Sociology. Law*. 2012. 14 (133), 191–201 (in Russ.).

4. Lunacharskii A. V. Art and youth. Moscow: Molodaya gvardiya, 1929. 124 (in Russ.).

5. Orlov O. L. Festive culture of Russia. Saint Petersburg: Kul'tInformPress, 2001. 159 (in Russ.).

6. Orlov O. L. Russian holiday as historical and cultural phenomenon. Saint Petersburg: Nestor, 2003. 166 (in Russ.).

7. Orlov O. L. Russian holiday as phenomenon of culture. *Vestn. of Kemerovo State Univ. of Culture and Arts*. 2006. 1, 54–67 (in Russ.).

УДК [069:09(5)](091)

Е. П. Островская

К 200-летию Азиатского музея (1818) – Института восточных рукописей РАН

Статья посвящена истории Азиатского музея (ныне – Институт восточных рукописей РАН), одного из крупнейших мировых центров коллекционирования рукописного наследия народов Востока. Автор характеризует источники формирования коллекций и структуру музея. особое внимание уделяется Архиву востоковедов как информационному ресурсу исследований истории российской ориенталистики. Отмечается специфика выставочной деятельности, начавшейся в XX в. Показано, что Институт восточных рукописей РАН как правопреемник Азиатского музея Императорской Академии наук аккумулировал в своих фондах около 100 тыс. манускриптов и ксилографов на 60 восточных языках. В библиотеке института содержится более 1 млн книг на восточных языках. Архив востоковедов включает 134 персональных фонда. Научная деятельность института направлена на исследование истории письменной культуры стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего и Среднего Востока и истории ориенталистики. Результаты этих исследований публикуются в журнале «Письменные памятники Востока».

Ключевые слова: восточные рукописи, Азиатский музей, Императорская Академия наук, архив востоковедов, Институт востоковедения АН СССР, Институт восточных рукописей РАН, ориенталистика

Elena P. Ostrovskaya

200th anniversary of Asiatic Museum (1818) – Institute of Oriental Manuscripts RAS

The subject of the article is the Asiatic Museum – the Institute of Oriental Manuscripts RAS (IOM) that has one of the largest world collections of Oriental manuscripts. The author describes the sources of the collection and the structure of the Museum with special interest to the Orientalists' Archive as a resource for the investigation into the history of Oriental studies in Russia and the exhibitions that were organized by the Museum during 20th century. The IOM RAS as a successor of the Asiatic Museum of the Imperial Academy of sciences accumulated more than 100 thousand manuscripts and xylographs in 60 Asian languages. The IOM RAS library keeps more than 1 million books in Eastern languages. The Orientalists' Archive comprises 134 personal dossiers. The subject of the studies in the IOM RAS is the history of manuscript culture of Asia and the Pacific region, Near and Middle East and the history of Oriental studies. The results of these studies are published in the «Written Monuments of the Orient» journal.

Keywords: Oriental written heritage, Asiatic Museum, Imperial Academy of Sciences, Orientalists' Archive, Institute of Oriental Studies of USSR AS, Institute of Oriental Manuscripts RAS, Oriental Studies
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-112-118

В ноябре 2018 г. исполнилось 200 лет со времени основания старейшего отечественного центра коллекционирования рукописного наследия народов Востока – Азиатского музея Императорской Академии наук (ныне – Институт восточных рукописей РАН (Азиатский музей). Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 18). За два века своего существования музей превратился в один из крупнейших мировых очагов ориентальной манускриптологии, ведущий обширную выставочную деятельность за рубежами России, научно-исследовательскую и научно-просветительную работу. Цель настоящей статьи, непосредственно связанной с юбилейной датой, – привлечь внимание культурологов-музееведов к проблеме изучения истории Азиатского музея и его роли в развитии научного познания культур зарубежного и российского Востока.

Начало целенаправленного собирания восточных коллекций было положено в России указом государя Петра Великого, и именно Санкт-Петербургская Кунсткамера стала первичным центром накопления азиатских раритетов. В 1724 г. Кунсткамера вошла в состав Императорской Академии наук, что в значительной степени оживило собирательскую деятельность и послужило стимулом к развитию музейной работы с находками.

Источниками пополнения восточных коллекций Кунсткамеры первоначально выступали частные собрания государственных чиновников – губернаторов Сибири Ф. А. Головина и А. И. Черкасского, дипломата Л. Ланга, исследователя-путешественника П. С. Палласа [1, с. 450–451]. На раннем этапе музеефикации восточные редкости, поступавшие в Кунсткамеру, не дифференцировались, и большое разнообразие экс-

понатов, включавшее монеты, археологические артефакты, рукописи, составляло единый фонд.

Уже в начале XIX в. экспонирование этого фонда сделалось трудноразрешимой проблемой без специально подготовленных кадров, знакомых с восточными языками и историей культуры народов Востока. С учетом этого обстоятельства распоряжением президента Российской Академии наук С. С. Уварова от 11 ноября 1818 г. и было создано первое самостоятельное востоковедное подразделение в составе Кунсткамеры – Восточный кабинет под началом акад. Х. Д. Френа. Но вскоре, в том же году, статус этого подразделения по требованию его руководителя изменился. Френ полагал, что масштаб «кабинета» не соответствует богатству собранных раритетов и содействовал превращению его в Азиатский музей [1, с. 455].

В конце 1810-х гг. началась научная обработка накопленного материала. Согласно первому каталогу, подготовленному по поручению С. С. Уварова переводчиками Государственной коллегии иностранных дел П. Каменским и С. Липовцевым, в Азиатском музее числилось 279 наименований «китайских книг», 29 «японских экспонатов», а «разных костей и картин – 16» [1, с. 457].

Ближе к середине XIX в. Азиатский музей приобрел свою первоначальную структуру: в отдельные хранилища были выделены библиотека, собрание манускриптов, в том числе на европейских языках, старопечатные (ксилографические) издания, собрание монет, предметы материальной и художественной культуры. В 1837 г. коллекции этнографического характера были выведены из состава Азиатского музея, и его хранительский профиль отчетливо связался с письменной культурой народов Востока. Собрание рукописей на европейских языках получило статус самостоятельного структурного подразделения музея.

В сопоставлении с другими музеями Императорской Академии наук – Зоологическим, Ботаническим, Минералогическим – выставочная функция Азиатского музея почти не развивалась, ибо рукописи и ксилографы представляли в то время интерес лишь для очень узкого круга специалистов. Для сравнения отметим следующее: Зоологический музей с 1838 г. был открыт для посещений, в том числе для студентов и учащихся, один раз в неделю круглогодично. Иностранные посетители и «особо интересующиеся лица» могли ознакомиться с коллекциями не только во впускные дни. В среднем, как показывает статистика посещений за 1864 г., во впускной день музей обслуживал 262 посетителя, а всего за год – 13 369 [2, с. 18]. Экспонаты Зоологического музея, представлявшие фауну России и удаленных экзотических стран, привлекали не только учащуюся молодежь, но и широкую публику. Иначе обстояло дело с Азиатским музеем – в тот период он в основном обслуживал членов Российской Академии наук и функционировал наподобие библиотеки, предоставлявшей книги и рукописи для исследовательской работы на дому и в читальном зале.

Музейные работники занимались изучением новых поступлений, в частности, составлением каталогов, которые фиксировались в специальных шнуровых книгах. Ежегодно проводилась ревизия фондов, завершавшаяся докладом о результатах на заседании Историко-филологического отделения Российской Академии наук. Такой порядок сохранялся в течение длительного исторического периода, ибо определявший его регламент, принятый в 1886 г., действовал, по крайней мере, до 1907 г.

Важно отметить, что каталогизация рукописей, ксилографов и книжных поступлений из стран Азии требовала значительного времени, так как атрибутирование этих материалов представляло собой зачастую очень сложную исследовательскую проблему. Кроме того, коллекции пополнялись весьма и весьма интенсивно. И хотя штат Азиатского музея был укомплектован компетентными научными кадрами (в функции хранителей выступали даже академики), знатоков азиатских языков и культур явно не хватало для обеспечения необходимой работы с разнописьменными и многоязычными новыми поступлениями.

История формирования коллекции Азиатского музея до сих пор не является окончательно изученной. Эта область исследований представляет обширное поле деятельности для культурологов и музееведов. После передачи части собрания Кунсткамеры в Азиатский музей дальнейшее пополнение его фондов осуществлялось благодаря собирательской деятельности российских востоковедов в странах Азии. Так, в 1830 г. Азиатский музей принял японскую коллекцию П. Л. Шиллинга, в 1832 г. – коллекцию, собранную китаеведом М. В. Ладыженским. В 1835–1843 гг. в фонды музея от упомянутого выше П. Каменского поступили тибетские и китайские письменные памятники. П. Л. Шиллинг в 1835–1838 гг. сделал еще один дар – 2600 единиц рукописей на китайском, монгольском, маньчжурском, тибетском языках.

Азиатский музей был заинтересован не только в собирании раритетов письменной культуры зарубежного Востока, но и в изучении истории письменных традиций восточных этносов, вошедших в состав России. В этой перспективе в 1847 г. в фонды музея была принята

коллекция грузинских рукописей от кн. Теймураза Багратиони.

Пополнялся и Архив востоковедов – к концу XIX в. в его фонды вошли материалы, предоставленные академиками Б. А. Дорном, В. А. Радловым, А. М. Позднеевым, И. Н. Березиным [3, с. 6].

Кроме того, коллекции поступали и от учреждений, связанных по роду своей деятельности с зарубежным Востоком, в частности, от Императорского Русского географического общества и от Министерства иностранных дел.

Русское Географическое общество, образованное в 1845 г., являлось одним из старейших в мире и пользовалось значительным международным авторитетом. Среди многочисленных его проектов важная роль отводилась экспедициям в страны Азии, поскольку такие путешествия обеспечивали не только научные, но и геостратегические интересы России. Финансировались подобные проекты не из средств, полученных в качестве членских взносов, а из императорских и корпоративных пожертвований, правительственных дотаций. Это позволяло приобретать в ходе экспедиций различные восточные раритеты, и в том числе рукописи, ксилографы, старопечатные книги.

Экспедиции Русского Географического общества в Центральную Азию, предпринятые на рубеже XIX–XX в., оказались чрезвычайно плодотворными для пополнения рукописного фонда Азиатского музея. В этой связи необходимо прежде всего упомянуть экспедиции М. В. Певцова – 1889–1890 гг., Г. Н. Потанина – 1884–1885 гг., В. И. Роборовского – 1893–1895 гг., П. К. Козлова – 1883 г., Д. А. Клеменца – 1898 г.

В 1903 г. была создана еще одна организация, обслуживавшая геостратегические интересы Российской империи, – Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. В перечне заявленных целей данной организации значилось сохранение и исследование памятников духовной культуры Востока. Осуществленные под эгидой Русского комитета экспедиции М. М. Березовского в Кучу (1905–1907 гг.), А. И. Кохановского в Турфан (1905–1907 гг.), монголо-сычуаньская экспедиция П. К. Козлова (1909 г.), две масштабные экспедиции С. Ф. Ольденбурга – в Восточный Туркестан (1909–1910 гг.) и в Дуньхуан (1914–1915 гг.) в значительной степени обогатили фонды Азиатского музея рукописями и ксилографами. Подробное описание всех этих экспедиционных проектов дано в сборнике статей, опубликованном в 2008 г. к 190-летию Азиатского музея [4].

Один из наиболее масштабных вкладов (около 5000 единиц) в собрание рукописей и ксилографов был сделан именно П. К. Козловым, профессиональным путешественником, начинавшим свою деятельность в качестве ученика крупнейшего исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского. Это были находки, обнаруженные при раскопках мертвого города Хара-Хото. Коллекция Козлова послужила стимулом к началу исследований культуры тангутов – народа, ушедшего в далекое историческое прошлое, развитию отечественного и мирового тангутоведения.

Работники российских зарубежных учреждений также сыграли немаловажную роль в пополнении этих фондов. Примером тому может служить история коллекции Л. Ф. Богданова, который по окончании факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета был направлен в Тегеран для работы в Русско-Персидском банке. За время пребывания на зарубежной государственной службе он собрал 50 единиц рукописей и, возвратившись на Родину, предложил свою коллекцию Российской Академии наук на предмет приобретения для Азиатского музея. Экспертная комиссия рассмотрела вопрос о культурно-исторической ценности этого уникального частного собрания, и в итоге Историко-филологическое отделение Академии, которому непосредственно подчинялся Азиатский музей, приняло решение о его приобретении. Как и большинству российских государственных служащих, стремившихся содействовать развитию отечественной науки, Богданову было свойственно бескорыстие – он просил лишь возместить ему расходы на покупку раритетов и доставку коллекции в Россию, но ни в коей мере не претендовал обогатиться за счет продажи самих манускриптов [5, с. 799].

В начале 1900-х гг. процесс накопления рукописей, ксилографов и иных материалов в фондах Азиатского музея интенсифицировался как по частоте поступлений, так и по их масштабности. В 1901–1904 гг. музей принял рукописи, привезенные В. В. Бартольдом из российской Средней Азии, а также целый ряд ценнейших материалов, переданных Русским комитетом. В 1907–1909 гг. значительно пополнилась индийское собрание музея, включавшее манускрипты из Южной и Юго-Восточной Азии.

После Октябрьской революции 1917 г. в связи с расформированием прежних государственно-административных учреждений появились новые источники пополнения фондов Азиатского музея. В 1918 г. туда были переданы рукописное собрание Учебного отдела царского МИДа и коллекция арабских манускриптов из библиотеки Зимнего дворца.

В процессе укрепления внешнеполитического статуса Советской России в Академии наук

восстановился и временно приостановленный международный научный обмен. Это позволило отечественным ученым снова приступить к сбору рукописей для Азиатского музея за рубежами страны. В План научных экспедиций Академии наук на 1924–1925 гг. Азиатский музей поставил годичную командировку в Персию своего научного сотрудника Ю. Н. Марра для изучения книжного рынка, частных и государственных рукописных собраний для последующего приобретения раритетов, представляющих музейный интерес. Командируемый был снабжен документами, удостоверяющими его миссию, и обращением Академии наук к научным и государственным учреждениям Персии и Полномочному представительству СССР в этой стране с просьбой о содействии [6, с. 291].

В данной связи необходимо особо подчеркнуть личную роль Полномочного представителя СССР в Персии К. К. Юренева в деле пополнения фондов Азиатского музея. Именно в результате его активного содействия музея в 1925 г. получил уникальные собрания персидских и арабских рукописей. Об этом свидетельствует направленное в адрес Юренева благодарственное письмо от имени Академии наук, подписанное С. Ф. Ольденбургом как директором Азиатского музея [6, с. 307]. Однако до сих пор остается невыясненным вопрос, какое участие в приобретении этого собрания принял Ю. Н. Марр.

Целенаправленные усилия руководства АН СССР позволили превратить Азиатский музей в одно из наиболее представительных древлехранилищ Европы, сконцентрировавшее в своих фондах разнообразные и во многих случаях уникальные письменные памятника Востока. В 1930 г. в ходе реформирования востоковедных академических учреждений Азиатский музей вошел в состав новой научно-исследовательской организации – Института востоковедения АН СССР (далее – ИВ АН СССР). К тому времени его фонды насчитывали 30 000 единиц хранения. К середине 1950-х гг. в фондах института было сосредоточено более 70 000 единиц хранения – рукописей, ксилографов, литографий, старопечатных книг и документов на языках народов Востока.

Дальнейшая история музея тесно связана с развитием востоковедных исследований в области истории азиатских обществ, общественной мысли, государственности. В 1956 г. ИВ АН СССР был переведен в Москву, а в Ленинграде осталось лишь одно его структурное подразделение – Сектор восточных рукописей (музей), включавший в свой состав древлехранилище, библиотеку книг на восточных языках и европейских трудов о Востоке, а также Архив востоковедов. Однако к 100-летию Азиатского музея это подразделение уже представляло собой центр изучения истории и культуры стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии и называлось Ленинградским отделением ИВ АН СССР. В 1991 г. учреждение было переименовано в Санкт-Петербургский филиал ИВ РАН, а в 2007 г. получило статус юридически автономной организации – Институт восточных рукописей РАН. Благодаря инициативе директора института И. Ф. Поповой, авторитетного китаеведа-манускриптолога, в 2017 г. в название учреждения было включено его историческое наименование – Институт восточных рукописей РАН (Азиатский музей). В настоящее время в фондах института хранится около 100 тысяч рукописей и ксилографов на 60 восточных языках, в библиотеке насчитывается более миллиона книг, а Архив востоковедов включает 134 персональных фонда и обширные материалы по истории изучения стран Востока.

Хочется еще раз подчеркнуть, что история развития этого музейного собрания требует углубленного изучения, так как многие важные сведения сделались доступными лишь в последнее десятилетие XX в. Большой интерес представляют, в частности, география пополнения фондов, проекты экспедиций, обогативших своими находками конкретные востоковедные дисциплины – арабистику, тибетологию, индианистику и др.

Архив востоковедов является наряду с собраниями письменных памятников ценнейшим уникальным фондом Азиатского музея, и поэтому необходимо хотя бы вкратце сказать об истории его формирования.

Первоначально авторские рукописные труды на европейских языках, созданные исследователями Востока, накапливались в Библиотеке Академии наук и в Конференц-архиве. В 1819 г. по инициативе Х. Д. Френа, первого директора Азиатского музея, и с разрешения Императорской Академии наук для последующей передачи в музей из ее архива и библиотеки были выделены самостоятельные фонды документов, тематически связанные с Востоком. Эти первые поступления включали документы, касающиеся деятельности востоковедов – действительных членов Академии, неопубликованные работы, материалы экспедиций в азиатские регионы Российской империи и страны зарубежного Востока, а также словари языков народов Азии.

В 1829 г. П. Л. Шиллинг передал в музей приобретенные им в Берлине материалы перепи-

ски Католической миссии в Китае с Российской академией наук. В дальнейшем пополнение архивного собрания Азиатского музея осуществлялось при содействии Санкт-Петербургского университета, царского МИДа и других организаций и ведомств.

Годовые отчеты Российской академии наук той поры сохранили сведения о новых поступлениях, так как Азиатский музей ежегодно отчитывался о всех аспектах своей деятельности, в том числе и о пополнении архива. В 1874 г. практика сбора архивных материалов обрела институциональное оформление – в составе Азиатского музея было образовано «Отделение европейских рукописей». Как и хранилище восточных манускриптов, оно испытывало острый дефицит в кадрах, адекватных по своей квалификации задачам научной обработки фондов и систематизации материалов. Основную деятельность в этом направлении долгое время единолично осуществлял К. Г. Залеман, библиотекарь Академии, а впоследствии, в 1890–1916 гг., – директор Азиатского музея. Начиная с 1875 г. он составлял справочную картотеку архивных поступлений.

На рубеже XIX–XX в. архив пополнялся столь же интенсивно, сколь и рукописные фонды. Материалы приобретались за денежные вознаграждения или передавались в дар. Так, в 1896 г. у вдовы проф. И. Н. Березина были выкуплены рукописи его экспедиционных дневников. В 1901 г. музей приобрел неопубликованные рукописи трудов по буддизму китаеведа акад. В. П. Васильева. В это же время по завещанию Э. В. Бретшнейдера музею безвозмездно отошли его рукописи.

В числе учреждений, во многом способствовавших формированию архива, видное место занимал Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. Регулярность и многочисленность поступлений, предоставленных этой организацией, нашли свое отражение в специальном документе – «Книге для записывания пожертвований от Русского комитета…» [7, с. 9]. В составе таких поступлений оказались ценнейшие фонды – Б. Б. Барадийна, Ц. Ж. Жамцарано, А. В. Бурдукова и других исследователей языков и культуры Центральной Азии.

Министерство иностранных дел передало в дар от Российской дипломатической миссии в Пекине подборку переводов из китайской прессы 1906–1916 гг. в количестве более 7000 единиц.

В 1918 г. собрание факсимильных востоковедных трудов и материалов на европейских языках получило наименование «Азиатский архив». С. Ф. Ольденбург, бывший в то время директором Азиатского музея, инициировал первую попытку научного описания фондов данного архива. Для выполнения этого проекта он привлек лучшие востоковедные силы: учеников К. Г. Залемана – ираниста Ф. А. Розенберга и тюрколога А. А. Фреймана, арабиста И. Ю. Крачковского и др.

С. Ф. Ольденбург, будучи крупным организатором науки, придавал работе с архивными материалами большое значение, правомерно усматривая в них перспективную источниковую основу для изучения истории российского востоковедения. Однако эта работа не затронула всех фондов, так как привлеченные к этой работе ученые обследовали и систематизировали лишь те фонды, которые соответствовали их собственным востоковедным специализациям.

В советский период поступление в Азиатский архив новых материалов отнюдь не прекратилось. В 1921 г. его фонды пополнились значительным количеством документов, переданных из Пушкинского Дома. Среди них оказались дневники путешествия в Персию русского посольства во главе с генералом А. П. Ермоловым, материалы журнала «Русская старина», характеризующие историю развития контактов России со странами Азии, личные рукописи А. П. Берже, председателя Кавказской археографической комиссии [7, с. 12].

При создании Института востоковедения АН СССР Азиатский архив стал его структурным подразделением. Новый статус архива должен был, по замыслу С. Ф. Ольденбурга, способствовать ускорению научной обработки его фондов. Но поскольку единая система учета материалов в то время еще не сложилась, осуществить задуманное оказалось невозможно. Архивное собрание было чрезвычайно обширным как по хронологическому охвату, так и по количеству единиц хранения. В составе архива накапливались преимущественно такие материалы, обработка которых требовала широкой культурологической эрудиции и познаний в области истории востоковедения. А это, в свою очередь, означало, что соответствующей должна была стать и система учета и научного описания фондов.

Для решения данной проблемы Архивное совещание при Президиуме АН СССР в 1933 г. произвело необходимое кадровое доукомплектование архива и включило его в состав Рукописного отдела [7, с. 14]. Тогда же была начата работа по подготовке к изданию хранящихся в архиве неопубликованных научных трудов. В 1937 г. архивное подразделение Рукописного отдела и получило новое официальное наименование – Архив востоковедов.

Современная система описания, принятая в Архиве востоковедов, подчиняется схеме обработки личных фондов, утвержденной для всех архивов РФ. Она предусматривает такие подраз-

делы личного фонда, как неопубликованные научные труды и подготовительные материалы к ним, документы, характеризующие деятельность ученого, эпистолярное наследие, мемуарные свидетельства родственников и иных лиц, контактировавших с персоналией, фотографические и иные визуальные документы.

Непрерывно пополняемый Архив востоковедов служит неисчерпаемым источником для исследования истории изучения культур Востока. Так, библиография трудов, в которых нашли свое непосредственное отражение те либо иные архивные материалы, насчитывала к 1990 г. 407 единиц [8, с. 106].

В Архиве востоковедов содержится и фонд уникальных фотодокументов. В нем имеются тематические альбомы: городские пейзажи различных азиатских регионов, природные ландшафты, этнографическая действительность. Большой познавательный интерес представляют фотоснимки, сделанные в Амурской области, Забайкалье, Средней Азии, Сибири, на Кавказе, в Поволжье. Они запечатлели этнокультурные реалии ушедших эпох.

В аспекте культурологического изучения сопредельных России стран Центральной Азии и Дальнего Востока ценнейшими визуальными источниками могут служить хранящиеся в фотоархиве снимки, сделанные русскими путешественниками А. В. Бурдуковым, П. К. Козловым, В. Л. Котовичем, Н. Н. Кротковым, А. М. Позднеевым.

Весьма интересны в историко-культурном отношении и коллекции фотодокументов Второй Русской Туркестанской экспедиции, проводившейся под руководством и при непосредственном участии С. Ф. Ольденбурга.

Уникальным достоянием Архива востоковедов являются портреты руководителей Российской Духовной миссии в Китае – деятелей православной культуры, внесших значительный вклад в развитие отечественного китаеведения. В Архив востоковедов эти портреты были переданы из личного собрания начальника XX (последней) миссии – владыки Виктора, архиепископа Китайского.

Необходимо хотя бы кратко сказать о выставочной деятельности Азиатского музея.

Вопрос об экспонировании письменного наследия Востока как о самостоятельном аспекте деятельности Азиатского музея в досоветский период, по-видимому, не ставился. Во всяком случае, какие-либо документы и надежные свидетельства об этом вплоть до настоящего времени не обнаружены.

Первое упоминание о выставках рукописей, хранившихся в Азиатском музее, содержится в отчете АН СССР за 1925 г.: «Были устроены три выставки в связи с юбилеем: персидские миниатюры, развитие китайской книги, среднеазиатская и индийская письменность. Была выставлена и драгоценная рукопись персидского географа X в., представляющая уникум и имеющая громадное значение для исторической географии Средней Азии» [6, с. 357]. Как отмечается в цитируемом документе, все эти выставки приурочивались к юбилею Академии наук, на который съехалась международная научная общественность.

В течение последующих без малого пятидесяти лет подобные выставочные эпизоды отсутствовали. После образования Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР коллекции Азиатского музея, размещенные в Рукописном фонде, демонстрировались лишь в особых случаях – зарубежным гостям правительственного уровня из стран Азии, если это было предусмотрено регламентом их культурной программы.

Развитие экспозиционной деятельности началось только в 90-е гг. XX в. К тому времени коллекции рукописей, ксилографов, старопечатных книг и архив были объединены в рамках вновь созданного структурного подразделения ЛО ИВ АН СССР – Сектора восточных рукописей и документов. Именно на сотрудников данного подразделения и была возложена задача установления международных контактов с целью разработки проектов зарубежных выставок.

Начальная работа в этом направлении развернулась при участии известной западноевропейской галеристки – баронессы Франчески Тиссен-Борнемисса, наследной владелицы Галереи Тиссен (г. Лугано, Швейцария). Первый выставочный проект осуществлялся совместно с Государственным Эрмитажем. Этот проект получил название «Потерянная империя на Шелковом пути (буддийское искусство из Хара-Хото, X–XIII вв.)». Концепция выставки предполагала соединение в экспозиционном пространстве двух типов памятников, характеризующих буддийское культурное наследие, – иконографии, предоставленной Эрмитажем, и тибетских и тангутских рукописей из коллекций Азиатского музея.

Выставка открылась в Галерее Тиссен весной 1993 г., а затем экспонировалась в нескольких странах – в Австрии в венском Музее народного искусства, в Германии в берлинском Музее индийского искусства, на Тайване в Историческом музее Тайбея.

Небезынтересно отметить в данной связи, что номенклатура экспонатов выставки преимущественно состояла из предметов художественной культуры и рукописей, добы-

тых в ходе Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова.

Следующий проект был направлен на экспонирование исламского письменного и художественного наследия из коллекций Азиатского музея. Как и первый проект, разработанный при участии и финансовой поддержке Ф. Тиссен-Борнемисса, новая выставка предназначалась для ознакомления западноевропейской общественности с сокровищами культур Востока, хранящимися в фондах Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Для экспонирования были отобраны лучшие образцы мусульманской миниатюры и каллиграфии.

Выставка под названием «От Багдада до Исфахана» открылась в октябре 1994 г. в залах парижского музея Пти Пале, сотрудники которого и разработали ее концепцию и осуществили оформление. В начале 1995 г. эта экспозиция перебазировалась в Лугано, где в Галерее Тиссен она была развернута под иным названием – «Страницы совершенства. Мусульманская миниатюра и каллиграфия из коллекций Российской академии наук в Петербурге». В январе 1996 г. рукописи-путешественницы вернулись в Россию.

Параллельно осуществлялся еще один выставочный проект связанный с исламской культурой. В Зальцбурге (Австрия) экспонировались шедевры персидской каллиграфии, объединенные под общим названием «Мураккa» («Альбом»).

К 190-летию Азиатского музея сотрудниками ИВР РАН в содружестве с работниками Государственного Эрмитажа была подготовлена обширная экспозиция «Пещеры тысячи Будд. Русские экспедиции на Шелковом пути», объединившая рукописные раритеты и произведения буддийской художественной культуры [9]. К 200-летнему юбилею в залах Государственного Эрмитажа открылась выставка «Легенды Азиатского музея».

ИВР РАН (Азиатский музей) ведет обширную научно-исследовательскую работу в области истории письменной культуры стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего и Среднего Востока и истории ориенталистики. Результаты исследований публикуются в научном журнале «Письменные памятники Востока». С 2015 г. на базе института ведется деятельность Лектория, ориентированная на ознакомление молодежи и широкого круга любителей культуры Востока с сокровищами Азиатского музея.

Список литературы

1. Тихонов Д. И. Из истории Азиатского музея // Очерки по истории русского востоковедения. Москва: Наука, 1958. Т. 2. С. 449–481.

2. Брандт Ф. Ф. Зоологический и зоотомический музей // Очерк истории музеев Императорской Академии наук. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1865. 181 с.

3. Тихонов Д. И. Восточные рукописи ИВ АН СССР // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Москва; Ленинград, 1953. Т. 6. С. 5–10.

4. Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX в. / под ред. И. Ф. Поповой. Санкт-Петербург: Славия, 2008. 243 с.

5. Залеман К. Г. Список персидских рукописей Л. Ф. Богданова // Известия Императорской Академии наук. Сер. 6. 1907. Т. 1, вып. 18. С. 799–802.

6. Документы по истории Академии наук СССР, 1917–1925. Ленинград: Наука, 1986. 402 с.

7. Чугуевский Л. И. Архив востоковедов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Москва: Наука, 1990. Т. 23, ч. 3. С. 8–14.

8. Чугуевский Л. И. К библиографии работ, связанных с описанием или публикацией материалов Архива востоковедов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Москва: Наука, 1990. Т. 23, ч. 3. С. 77–107.

9. Пещеры тысячи Будд: российские экспедиции на Шелковом пути: кат. выст. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. 479 с.

References

1. Tikhonov D. I. From history of Asian Museum. *Essays on history of Russian Oriental studies*. Moscow: Nauka, 1958. 2, 449–481 (in Russ.).

2. Brandt F. F. Zoological Museum. *Essay on history of museums of Imperial Academy of Sciences*. Saint Petersburg: Imp. Acad. of Sciences publ. house, 1865. 181 (in Russ.).

3. Tikhonov D. I. Oriental manuscripts in USSR Academy of Sciences Institute of Oriental Studies. *Scientific notes of USSR Academy of Sciences Institute of Oriental Studies*. Moscow; Leningrad, 1953. 6, 5–10 (in Russ.).

4. Popova I. F. (ed.) Russian expeditions to Central Asia in late 19th – early 20th century. Saint Petersburg: Slaviya, 2008. 243 (in Russ.).

5. Zaleman K. G. List of Persian manuscripts by L. F. Bogdanov. *News of Imperial Academy of Sciences*. Ser. 6. 1907. 1 (18), 799–802 (in Russ.).

6. Documents on history of USSR Academy of Sciences, 1917–1925. Leningrad: Nauka, 1986. 402 (in Russ.).

7. Chuguevskii L. I. Archive of Orientalists. *Written monuments and problems of East peoples culture history*. Moscow: Nauka, 1990. 23 (3), 8–14 (in Russ.).

8. Chuguevskii L. I. Bibliography of related to description or publication of Orientalists archive materials works. *Written monuments and problems of East peoples culture history*. Moscow: Nauka, 1990. 23 (3), 77–107 (in Russ.).

9. Caves of thousand Buddhas: Russian Silk Road expeditions: exhib. cat. Saint Petersburg: State Hermitage publ. house, 2008. 479 (in Russ.).

УДК 069(470)"18/19"

А. А. Сундиева

Музеи России на рубеже XIX–XX в.

В учебной и научной музеологической литературе отсутствует единая общепризнанная периодизация музейной практики в России. Причина кроется в отсутствии исследований, проведенных в широких временных и пространственных границах. Наиболее сложным для анализа является период рубежа веков. Музейная деятельность в эти годы протекала в условиях сложнейших геополитических изменений. Однако именно в это время произошло завершение генезиса музея как «культурной формы» и приобретение музеем статуса «культурной нормы» с последующим вхождением в культурную традицию. О достижении российскими музеями статуса «культурной нормы» свидетельствуют следующие факты: сохранение музеями актуальности в течение нескольких столетий; формирование стандарта смысловой интерпретации понятия «музей»; профессионализация музейной деятельности; рост авторитета музея вне границ профессионального сообщества. Широкое вариативное воспроизводство музея как культурной формы в артефактах, которое наблюдалось в первые десятилетия XX в., также характерно для «культурной формы», достигшей статуса «культурной нормы».

Ключевые слова: музей, генезис музея, история музейного дела, периодизация музейного дела, культурная форма, культурная норма

Anneta A. Sundieva

Museums in Russia at turn of 19th and 20th century

No unified and commonly accepted periodization of museum practice in Russia can be found in academic museological literature. The reason behind it is in the lack of studies conducted in broad temporal and spatial boundaries. The period at the turn of the 19th century turns out to be the most difficult to analyze. Museums' activities were carried out amid the most difficult geopolitical changes during these years. However, at that point in time the completion of the genesis of museum as a «cultural form» and the acquisition of the status of a «cultural norm» by museums took place and they became part of the cultural tradition. The fact of reaching the status of a «cultural norm» by museums is evidenced by the following facts: the preservation of the relevance of museums for a few centuries; conceptualization of standard semantic interpretation of the concept of «museum»; professionalization of museum activities; increase of the credibility of the museum beyond the professional community. Widely varied reproduction of the museum as a cultural form in artifacts, which could be witnessed within the first decades of the 20th century, is also typical of the «cultural form» having reached the status of a «cultural norm».

Keywords: museum, genesis of the museum, history of museum activities, museum activities periodization, cultural form, cultural norm

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-119-122

Одной из важнейших проблем исторической музеологии является разработка периодизации истории музейного дела в России, т. е. установление хронологической последовательности этапов развития музейной практики в стране и их характеристика. Наибольшую сложность представляет анализ музейной работы на рубеже XIX–XX столетия, протекавшей в условиях сложнейших геополитических изменений.

Почти двадцать лет назад, при написании очерка о музеях XIX в. для многотомного издания МГУ, автором данной статьи был предложен вариант периодизации истории музейного дела России. Основанием периодизации стал взгляд на музей как культурную форму, появившуюся на определенном этапе развития человеческого общества. Такой подход позволил выделить главные, имманентно присущие музейным учреждениям признаки и структурировать процесс развития музеев. В дальнейшем схема уточнялась, шел поиск наиболее точных формулировок, характеризующих каждый из этапов. Сегодня периодизация выглядит таким образом:

Протомузейный период: до начала XVIII в.

Генезис музея как культурной формы:

1 этап. Возникновение музеев в России и адаптация новой культурной формы к российским условиям (XVIII в.);

2 этап. Развитие музея и превращение его в национальную культурную форму. На этом этапе происходит формирование музейного мира как особой сферы культурной жизни (начало – конец XIX в.);

3 этап. Приобретение музеем статуса «культурной нормы» и вхождение в культурную традицию (1890–1920-е гг.)

Вариативное воспроизводство музеев в рамках отечественной культурной традиции:

1 этап. Музеи советской эпохи (1930–1980-е гг.)

2 этап. Музеи постсоветского времени (1990-е гг.)

Периодизация апробирована в ходе чтения ряда университетских курсов, прежде всего, в РГГУ, легла в основу учебных пособий «Музейное дело России» (Москва, 2003), «Основы музееведения» (Москва, 2005), а также хрестоматии «Музееведческая мысль в России» (Москва, 2010). К сожалению, серьезного научного обсуждения предложенная схема в научной литературе не получила. Лишь ряд авторов выразил свое отношение к ней [1, с. 14], в основном, без детализации и анализа, лишь констатируя ее существование. Одной из причин отсутствия дискуссии является тот факт, что история музейного дела активно изучалась последние годы, прежде всего, на региональном уровне – в Омске, Новосибирске, Барнауле, Казани, Ярославле. Исследования, проводившиеся во всероссийском масштабе, сегодня чрезвычайно редки и ограничены или по времени, например, только дореволюционным периодом, или по профильным группам музеев. Особое место в работах по истории музеев принадлежит публикациям Валентина Петровича Грицкевича (1933–2013), вышедшим несколькими изданиями и охватывающим историю музеев мира. Границей новейшего периода, по мнению исследователя, является 1918 г., окончание Первой мировой войны. Хронологические рамки первого этапа новейшей истории в России, считал В. П. Грицкевич, несколько иные, чем в зарубежной истории. Этот этап начинается с Февральской революции 1917 г.

Одно из самых узких мест авторской периодизации, обсуждению которого и посвящена данная статья, – выделение особого этапа, объединяющего два последних десятилетия дореволюционной истории музеев с первым десятилетием советской эпохи. Предполагаю, что именно в эти годы произошло завершение генезиса музея как культурной формы, приобретение музеем статуса культурной нормы с последующим вхождением в культурную традицию.

Большинство исследователей останавливается на 1917 г. как на историческом водоразделе. Это совершенно справедливо, если вести речь о музее-учреждении, о государственной политике, в целом об истории страны. Между тем у музея как культурной формы есть свои этапы зарождения и становления. Этот процесс завершился на рубеже веков и 1917 г. не играл в его течении ключевой роли.

О достижении российскими музеями статуса культурной нормы убедительно свидетельствуют многочисленные факты. Среди них отметим сохранение музеями актуальности в течение нескольких столетий, включая переломные периоды отечественной истории, а также формирование стандарта смысловой интерпретации понятия «музей», завершившееся в 1920-е гг. В то же время в России, как и во всем мире, наблюдается профессионализация музейной деятельности, возрастание интереса к музеям и усиление их авторитета вне границ профессионального сообщества. В этом же ряду – зарождение музеологии, понимаемой в тот момент как теоретическое осмысление музейной практики.

Среди факторов, способствовавших перечисленным качественным изменениям, выделим активное расширение музейной практики в конце XIX в.; возрастающую доступность музейных учреждений; коммуникативные возможности музеев, обеспечившие межпоколенную трансляцию культурных ценностей. Имеющийся в нашем распоряжении исторический материал позволяет сделать подобные выводы. Приведем некоторые тому примеры.

Прежде всего, отметим численный рост музеев в стране и их распространенность по ее территории, наблюдаемые в конце XIX столетия. К началу XX столетия музеи работали в 104 городах России [2, с. 415], т. е. примерно в каждом четвертом городе. Дореволюционная Россия – страна уездных городов с численностью жителей в 5–10 тыс. человек, с мелкой промышленностью, устоявшимися традициями и немногочисленной интеллигенцией. Музеи, возникавшие в таких городах, становились значимыми элементами их культурной жизни. Первая мировая война и революционные потрясения прервали на несколько лет развитие музейной сети в стране. Но уже в 1918–1920 гг., всего за 2–3 года, на территории РСФСР было создано 246 новых музеев [3, с. 33]. Это больше, чем за всю дореволюционную историю музейного дела.

Таким изменениям способствовали новые исторические условия, позволившие реализовать инициативу масс и одновременно потребовавшие чрезвычайных мер для сохранения культурного наследия страны. Самой действенной формой, позволявшей и сохранить культурные ценности, и использовать их для просвещения граждан, стал музей. Масштабный рост музейных учреждений по всей территории России, поддержка их государством, а также востребованные в период глобальных потрясений и разрушения старой системы ценностей коммуникативные возможности музеев способствовали росту их авторитета, восприятию их в качестве традиционного элемента культурной жизни городских сообществ.

Рост числа музеев происходил на рубеже веков стремительно, формирование стандарта смысловой интерпретации понятия «музей» совершалось медленно и корректировалось вслед за развитием самой культурной формы. В культурном ландшафте России на протяжении двух веков музейной истории функционировали различные виды музейных собраний – кунсткамеры, дворцовые картинные галереи и арсеналы, городские музеумы, частные и университетские мюнц-кабинеты, дактилиотеки, естественнонаучные собрания, церковные и светские древлехранилища. В течение XIX в. термин «музей», или «музеум» станет преобладающим, дефиниции музея появятся в словарях и энциклопедиях. Это существенное обстоятельство, так как энциклопедии представляли систему знаний, в которую встраивалось понятие «музей». Кроме того, энциклопедии, являясь по своему статусу научно-популярными изданиями, были обращены не только к узкому кругу специалистов, но и к широкой читающей аудитории. Постепенно в сознании научной общественности сформируется определенное представление о научном и культурном потенциале музея, а также его «правильной организации».

Анализ посвященной музеям литературы свидетельствует, что на рубеже XIX–XX в. музейные деятели положили начало рассмотрению проблемы, ставшей сегодня для исторической музеологии самостоятельным предметом изучения. Причем музей начал восприниматься в научном сообществе как культурная норма. Серьезное научное значение имела работа П. С. Уваровой «Областные музеи» (1891), представившая, пожалуй, впервые, сводный и аналитический материал о музеях страны.

В труде В. С. Иконникова «Опыт русской историографии» (1892) публикации о музеях были впервые введены в общую историографию. Затем информация о музеях была включена в Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1897). Работы Н. Ф. Федорова – пример философского осмысления музея, существенно расширившее представление об их значении и возможностях.

В 1919 г. появляется работа Ф. И. Шмита, одного из основоположников теоретического музееведения в России. Он дает определение музею. По его мнению, «вполне правильные музеи» есть доступные для публики учреждения, которые основывались на коллекциях, сформировавшихся в результате целенаправленного собирательства [4, с. 30]. В 1928 г. известный искусствовед и директор Эрмитажа в 1920-е гг. С. Н. Тройницкий назовет Эрмитаж «фактором мирового культурного значения», а музеи – «одним из важнейших элементов в культурном строительстве и самой демократической из школ, понятной и доступной даже для неграмотных» (цит. по: [5, с. 53]). Данные определения не противоречат сегодняшним представлениям о музее, весьма созвучны формулировкам основных функций музея, принятым в современной музеологии. Можно констатировать, что уже в 1920-е гг. многообразие и многоликость музейных учреждений не помешали осознанию основной миссии МУЗЕЯ в обществе и культуре.

О серьезно возросшем авторитете музея в обществе свидетельствует тот факт, что для музеев строят специальные здания по проектам крупных российских архитекторов. Архитектор В. Ф. Свиньин возводит здание Этнографического отдела Русского музея (1902–1913 гг.) в Санкт-Петербурге. В Москве архитектором Р. Ю. Клейном построено в 1912 г. здание Музея изящных искусств им. императора Александра III. Проект для Саратовского художественного музея им. А. Н. Радищева (1883–1885 гг.) создает архитектор И. В. Штром. В 1913 г. в Красноярске началось сооружение здания музея по проекту известного красноярского архитектора Л. А. Чернышева и т. д.

Возросший статус музеев подтверждает факт получения ими права носить имена членов императорской фамилии. С мая 1894 г. Российский исторический музей в Москве именуется Императорским Российским историческим музеем им. императора Александра III. Русский музей императора Александра III учреждается в 1895 г. Музей антропологии и этнографии получил современное название и имя Петра Великого в 1902 г. С 1891 г. Тобольский губернский музей находился под покровительством цесаревича Николая Александровича, который стал передавать в музей ценные экспонаты. Музей изящных искусств им. императора Александра III открылся в 1912 г. в Москве. К 300-летнему юбилею династии Романовых (1913 г.) проектировался Всероссийский национальный музей памяти 300-летия Дома Романовых. Эти примеры удостоверяют осознание музея как важного идеологического института.

В последние годы XIX столетия интерес к музеям проявляют не только в профессиональных кругах. Все чаще, что характерно для явления, ставшего культурной нормой в определенном социуме, музейная деятельность оказывается в центре общественного внимания, возникновение новых музеев становится предметом широкой полемики. Созыв Первого съезда русских художников 1894 г. был вызван желанием отметить передачу Третьяковской галереи в подарок городу Москве. Открытие

Третьяковки имело небывалый и неожиданный по своим масштабам резонанс в обществе. Упомяну археологические съезды, привлекавшие внимание научных сил провинциальных городов к местным музеям и проблемам сохранения памятников старины. Наконец, самый представительный музейный форум в дореволюционной России – Предварительный съезд музейных деятелей. Он проходил в 1912 г. в стенах Императорского Российского исторического музея в Москве и собрал около 100 делегатов от 60 различных учреждений, в том числе архивов, библиотек, научных обществ, церковных организаций, воинских подразделений.

Важнейшим культурным завоеванием XIX в. стала доступность музейных учреждений широкой публике. Рост популярности и доступности музеев можно с уверенностью отмечать как устойчивую культурную тенденцию рубежа веков. Параллельно шел процесс развития внешкольного образования и экскурсионной практики, которые, соприкасаясь и взаимно дополняя друг друга, способствовали также развитию просветительских функций музейных учреждений.

Одной из главных причин элиминации многих культурных форм становилось изменение исторических или природных условий жизни сообщества, при которых часть культурных форм утрачивала практическую функциональность. Россия в первой четверти XX в. перенесла тяжелейшие потрясения – три революции, мировую и Гражданскую войны, смену общественно-политического строя и формы государственного правления, что резко изменило господствующую систему ценностей. Однако музеи в этот период глобальных катастроф и как культурная форма, и как музеи-артефакты, не только не потеряли своей актуальности, но, как и предполагалось в теории, оказались самой действенной формой сохранения культурного наследия, осуществили тем самым связь времен и поколений.

Сохранение музеев в период глобальной смены ценностных ориентиров и приоритетов доказывает, что музей стал одним из образцов культурной идентичности российского общества, т. е. оказался включенным в традицию. Статус культурной нормы приоретен музеями в начале XX в. «де-факто», а социокультурная и политическая ситуация, сложившаяся после 1917 г., позволила закрепить этот статус «де-юре». Время ставило перед музеями и обществом новые задачи, их решение рождало новые формы музейной деятельности и новые типы музейных учреждений. И мы, действительно, наблюдаем в первые два десятилетия XX в. невероятно широкое вариативное воспроизводство музея как культурной формы в артефактах, что характерно для «культурной формы», достигшей статуса «культурной нормы».

Список литературы

1. Сидорова И. Б. Музеи и музейное дело в России, дореволюционный период: учеб. пособие. Казань: Информ.-изд. центр управления делами Президента Республики Татарстан, 2012. 300 с.

2. Ежегодник внешкольного образования / под ред. В. И. Чарнолуского. Санкт-Петербург: Знание, 1910. Вып. 2. 452 с.

3. Равикович Д. А. Формирование государственной музейной сети, 1917 – первая половина 1960-х гг. Москва: НИИ культуры, 1988. 152 с.

4. Шмит Ф. И. Исторические, этнографические, художественные музеи: очерк истории и теории музейного дела. Харьков: Союз, 1919. 103 с.

5. Жуков Ю. Н. Операция Эрмитаж. Москва: Москвитянин, 1993. 118 с.

Referenses

1. Sidorova I. B. Museums and museum business in Russia, pre-revolutionary period: textbook. Kazan: Inform. and publ. center of President of Republic of Tatarstan office, 2012. 300 (in Russ.).

2. Charnoluskii V. I. (ed.) Yearbook of out-of-school education. Saint Petersburg: Znanie, 1910. 2, 452 (in Russ.).

3. Ravikovich D. A. Formation of state museum network, 1917 – first half of 1960's. Moscow: Research Inst. of Culture, 1988. 152 (in Russ.).

4. Shmit F. I. Historical, ethnographic, art museums: essay on history and theory of museum business. Kharkov: Soyuz, 1919. 103 (in Russ.).

5. Zhukov Yu. N. Hermitage procedure. Moscow: Moskvityanin, 1993. 118 (in Russ.).

УДК [069:39](470):[930.25:271.2]

К. Г. Назанян

Исследовательская деятельность православного духовенства в начале XX в.

Анализируются архивные источники крупнейшего этнографического музея России (ныне Российский этнографический музей), которые характеризуют вклад православных священников в формирование первых коллекций Этнографического отдела Русского музея имени Александра III в Санкт-Петербурге в начале XX в. Эти материалы позволяют проследить способы поступления предметов в музей путем консультаций сотрудниками отдела корреспондентов на местах. Впервые данная выборка документов исследуется для изучения вопроса о роли представителей Русской православной церкви в сохранении материального и нематериального культурного наследия, она позволяет расширить представления о сословной принадлежности непрофессиональных собирателей отечественной старины. Кроме общего обзора сведений и коллекций, полученных от служителей церкви, автор отметил личную инициативу священников-краеведов (из приходского духовенства и одного монаха) из разных регионов Российской империи, а также привел ряд примеров из внеслужебной деятельности священнослужителей (собирательской, исследовательской, писательской и педагогической). Архивные материалы позволяют представить интересы представителей духовного звания конца XIX – начала XX в., понять их мотивацию к собиранию предметов культуры и быта и изучению жизни, традиций и обычаев как русского народа, так и инородцев. Представленный материал дополняет информацию о деятелях Русской православной церкви, которые внесли личный вклад в становление этнографической науки в России, показывая многогранное социальное служение, в котором использовали свои наблюдения и знания, накопленные в процессе многолетней профессиональной деятельности. Актуальность вопроса связана с возросшим интересом к истории взаимодействия церковной и светской культуры и роли представителей Русской православной церкви в развитии отечественной культуры и сохранении предметов старины.

Ключевые слова: архивные материалы, культурное наследие, музей, православное духовенство, этнография, священники-краеведы, церковная культура, светская культура

Karina G. Nazanyan

Research activities of Orthodox clergy in early 20th century

The article analyzes archival sources of the largest ethnographic museum in Russia (now Russian Ethnographic Museum) that characterize the contribution of Orthodox priests to the formation of the first collections of the Ethnographic department of the Russian Museum named after Alexander III in Saint Petersburg at the beginning of the 20th century. This sample allows to observe ways of items getting in the museum by consultations of Departments' workers to local correspondents. The role of representatives of the Russian Orthodox Church in the preservation of material and non-material cultural heritage studying for the first time. It allows to expand the notion about estate belonging of non-professional collectors of antiquities. In addition to a general review of the sources and collections received from clergymen, the author emphasized the personal initiative of clergymen and local historians (parish priests who were closest to people and a monk) from different regions of the Russian Empire, cited a number of prerequisites for extramural work of clergymen (collecting, researching, writing, pedagogical activity). Archival materials allow us to represent the interests of Orthodox clergymen of the late XIXth – early XXth centuries, to understand their motivation for collecting the items of everyday culture and studying the life, traditions and customs of Russian people and non-Russians, to represent their opinion on science and culture of that time. The presented material complements the scientific articles of recent years about the figures of the Russian Orthodox Church who made their personal contribution to ethnography development in Russia, the preservation of the national heritage, showing the multifaceted social service of clergy which used its observations and knowledge accumulated in the process of many years of professional activity. The relevance of the issue is connected with the increased interest to the history of interaction between church and secular cultures, the role of the Russian Orthodox Church and its representatives in development of Russian culture and preservation of ancient artefacts.

Keywords: archival documents, cultural heritage, museum, Orthodox clergy, local study, ethnography, clerymen local historians, church culture, secular culture
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-123-126

Сохранение культурного наследия Русской православной церковью малоизученный, но актуальный аспект истории отечественной культуры. В последнее время многие исследователи обращаются к материалам по изучению и сохранению ее представителями материального и нематериального культурного наследия. Русское православное приходское духовенство, как отмечает В. Бердинских, было «потенциально сословием историков»: регистрация рождений, браков, смертей, хранение церковного архива и старинных предметов определяли интересы

и круг занятий священнослужителя, а постоянное общение с прихожанами, знание местной истории и народных обычаев превращало его в этнографа. Осуществляя просветительскую и миссионерскую деятельность, наблюдая и описывая быт и традиции коренного населения, местные священники становились первыми исследователями их истории, языка и культуры [1]. С основанием Русского географического общества (РГО, 1845), его сотрудниками разрабатывается Этнографическая программа РГО под руководством Н. И. Надеждина. На ее вопросы отвечали представители разных сословий, но основными корреспондентами присланных исследований были местные православные священники. Программа стала первым документом, благодаря ему был налажен постоянный сбор материалов, которые и сегодня остаются ценными источниками по изучению сведений всех сторон жизни и традиционной культуры народа [2].

С организацией Этнографического отдела Русского музея в 1902 г. (далее – ЭО РМ) началось приобретение этнографического материала и формирование коллекций музея. Для их сбора хранители музея организовывали экспедиции и привлекали корреспондентов на местах. В числе последних были крестьяне, ремесленники и священники. Достигая взаимопонимания с местным населением, они приобретали различные предметы, характеризующие национальные особенности быта и культуры по специальной «Программе для собирания этнографических предметов», разработанной под руководством Д. А. Клеменца. В ней указывалось, что ЭО надеется на помощь корреспондентов на местах, которые могут оказаться полезными своими знаниями о бытовых и духовных особенностях местного населения.

В статье мы ограничиваем обзор материалами из архива Российского этнографического музея, при изучении которых были обнаружены только семь дел о переписке священнослужителей с сотрудниками ЭО РМ по приобретению этнографических предметов. Объектом изучения стали материалы фонда (№ 1) «Делопроизводственные материалы музея до 1917 г.» (выявлено шесть дел) и фонда Макаренко А. А. (№ 6) (выявлено одно дело). Документы датируются 1902–1915 гг. и связаны с разными регионами Российской империи. Архивные материалы дают возможность понять требования ЭО РМ, предъявляемые к поступающим в музей предметам и коллекциям в данный период, а также об особенностях собирательской работы корреспондентов-священников.

Священник Богородице-Рождественской церкви Лудского посада Архангельской губернии Иоанн Несторович Чирков (1872–?) приобретал для ЭО РМ этнографические предметы в течение 1910–1915 гг. Им были собраны предметы одежды, быта, игрушки и женские украшения с подробным описанием каждой вещи и указано ее применение, изготовление, цена, а также накладные расходы. И. Чирков собирал деревянные игрушки в Лудском посаде, в селах Яреньга и Лопшеньга (29 ед.) и в селах Дураково и Золотица (29 ед.), где жители во время веснования изготавливали резные изделия. В коллекцию детских игрушек вошли деревянные кони, разные панки (куклы), резные петухи, утки, лодки. Сотрудники музея письменными указаниями корректировали деятельность священника по приобретению необходимого материала и высказывали замечания о присланном: «к сожалению, в сбор попало несколько игрушек новых, искусственно опаленных», «не берите только прялок <…> они довольно однообразны». По просьбе отдела И. Чирковым был составлен подробный этнографический очерк Лудского посада, материал для которого он собирал в течение двух лет. Тетрадь содержит подробное описание посада с рисунками, планами, схемами: местонахождения Унской губы, жилища, одежды, техники в народном быту, способы передвижения, пищи, занятий и промыслов, игр детей и взрослых, смерти и погребения, суеверий и гаданий, народной медицины. Очерк, составленный священником И. Н. Чирковым, содержит уникальные сведения о жизни местных жителей, их духовном и материальном быте.

Приходское духовенство по долгу своей службы занималось миссионерской деятельностью, распространяя православное вероучение среди инородцев. Находясь в тесных отношениях с народом и наблюдая его быт, который мало чем отличался от быта их самих, священнослужители становились знатоками особенностей и традиций народной жизни. Священник Иаков Васильевич Шестаков (1858–1918) внес большой вклад в изучение истории и культуры Пермского края и был единственным до революции издателем книг на коми-пермяцком языке. Среди архивных документов находится переписка священника с сотрудниками ЭО РМ. В заявлении о. Иаков указывал, что, зная быт и язык вотяков и пермяков и располагая свободным временем, он может собирать коллекции, так как уже представлял предметы быта инородцев для Казанского и Пермского музеев.

На полученный от ЭО РМ аванс (50 руб.) им были приобретены вещи домашнего обихода в инородческой деревне Коча Чердынского уезда Пермской губернии. В музей поступили предметы быта, одежды (рубахи, сарафан, обувь), женских украшений (бусы, серьги) (всего 65 ед.) и несколько старинных лубочных картин, не особенно хорошо сохранившихся, но приобретенных музеем. За собранные предметы И. Шестакову хранителем Д. Клеменцем была выражена признательность, но при этом указано на немаловажный недостаток – отсутствие систематичности в собранном материале. Как показывает переписка, собирать предметы по пунктам программы у И. Шестакова не получилось, но им написаны книги, путеводители и статьи, в которых отражены все стороны традиционной культуры пермяков-инородцев.

С середины XIX в. повышается общественный интерес к собиранию фольклорно-этнографических сведений, материалы о народном быте и обычаях публикуются на страницах газет и журналов. Священник Антоний Семенович Иванов (1871–?) был одним из тех, кто собирал сведения о быте и культуре чувашей в Самарской губернии. Он предложил свое содействие ЭО РМ по собиранию библиографических материалов о быте чувашей, их сказок, песен, преданий, соглашаясь принять этот труд, если музей найдет возможным ассигновать его работу. В селе Туарма Бугульминского уезда А. Иванов приобрел 7 предметов из женской одежды, которые были отправлены в ЭО РМ почтой. На повторное его обращение по собиранию сведений и командировку фотографа для съемки разных групп и видов инородцев Бугульминского уезда, заведующий ЭО РМ Н. М. Могилянский ответил, что Совет лишен возможности воспользоваться предложением священника, так как среди указанных им народностей этнографические материалы уже собраны.

С организацией ЭО РМ шло постепенное формирование разнообразных коллекций музея, и одним из способов приобретения предметов была организация экспедиций сотрудников по всей Российской империи. В 1907–1908 гг. этнограф А. А. Макаренко при поддержке РГО предпринял экспедицию по реке Подкаменной Тунгуске с целью сбора коллекций для ЭО РМ. Известно, что он привлекал к сбору местных жителей, а по пути следования экспедиции знакомился со священниками, которые распространяли православие среди тунгусов, предпринимая поездки по реке Катанге [3]. В архиве ЭО РМ хранится описание коллекции шаманских принадлежностей тунгусов Енисейской губернии, приобретенных А. А. Макаренко от священника А. И. Масленникова. В феврале 1910 г. ЭО РМ были предложены предметы языческого культа от священника села Тугбулатова Глазовского уезда Вятской губернии, Владимира Зубарева (1876–?), им были приобретены два вотяцких воршуда, в деревнях Кечевской и Куняновской Ключевской волости. В заявлении дается пояснение, что в других местах уезда у вотяков воршудов совсем нет и описывается, из чего состоят данные предметы, их значение и что в них было найдено.

Пополнение фондов ЭО РМ происходило и путем приобретения добровольных пожертвований коллекций от частных лиц. Иеромонах Антоний (Сорунков) (1859–?) передал свою коллекцию из этнографических и археологических предметов в ЭО РМ. В 1893 г. он поступил в Кирилло-Белозерский монастырь послушником, где познакомился с Н. П. Успенским, преподавателем Кирилловского духовного училища, который заинтересовал Антония историей монастыря, археологией, научил писать статьи и читать рукописи из монастырского архива, и впоследствии монах сам стал собирать старинные вещи. Иеромонах Антоний первым из монашествующих в Новгородской губернии предложил создавать церковно-археологические музеи при каждом монастыре епархии, но его мечте – положить начало музею при Кирилло-Белозерском монастыре – не суждено было исполниться. Монастырская власть в лице епископа Иоанникия (Дьячкова) считала, что музеем заниматься – «не монашеское дело», и иеромонах был отправлен для исправления в Филиппо-Ирапскую пустынь Череповецкого уезда. Иеромонах Антоний решил передать коллекцию, которую собирал 5 лет, в ЭО РМ, объясняя свое решение желанием принести «хотя и микроскопическую, все же пользу науке». Совет ЭО РМ в 1908 г. принял коллекцию как имеющую немаловажный этнографический интерес, выразив иеромонаху Антонию благодарность за ценное пожертвование и наградил бронзовой медалью Русского музея Александра III. В состав коллекции входили: кресты, складни, образки и иконки, церковные вещи, посуда, ларцы и коробочки, вооружение, одежда и рукоделия, украшения и минералогия (всего 360 ед.).

Документы свидетельствует, что поступление этнографического материала в музей было разнообразно и по количеству, и по качеству. Одни кор-

респонденты отправляли коллекции, другие – отдельные предметы. К заявлению вдовы священника Кобыльской Ильинской церкви Никольского уезда Вологодской Губернии А. Н. Поповой (урожденной Глубоковской) прилагались в дар две вещи женского туалета, борушка (головной убор замужней женщины) и коротенькое (верхняя часть женской одежды). Указанные предметы были переданы в ЭО РМ профессором Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковским. Он описал бытовавшие в начале XIX в. предметы женской одежды с множеством подробностей, поясняя их применение и назначение в быту.

Изученный материал позволяет сделать вывод, что представители духовенства с желанием занимались научно-исследовательской деятельностью, а приняться за такую работу, как писал Д. Н. Анучин, может любой образованный человек, интересующийся этнографией и имеющий наблюдательность и терпение [4]. Данная переписка является важным источником сведений о сотрудничестве священнослужителей как корреспондентов музея, и, несмотря на то, что их немного, собранные священниками предметы были приобретены ЭО РМ и находятся в его фондах, что позволяет дополнить уже имеющиеся сведения о вкладе духовенства в изучение и сохранение предметов этнографии и археологии новой информацией.

Список литературы

1. Бердинских В. А. Приходское духовенство России и развитие краеведения в XIX в. // Вопр. истории. 1998. № 10. С. 134–138.

2. Александров Г. А. Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. Чебоксары, 2002. 212 с.

3. Васкул А. И. Этнографическая программа Русского географического общества. Санкт-Петербург: Наука, 2012. URL: http: // academia. edu (дата обращения: 26. 11. 2018).

4. Анучин Д. Н. О задачах русской этнографии // Этногр. обозрение. Москва, 1889. Кн. 1. URL: https: // archive. org (дата обращения: 26. 11. 2018).

Referenses

1. Berdinskikh V. A. Parish clergy of Russia and development of local history in 19th century. *Voprosy istorii*. 1998. 10, 134–138 (in Russ.).

2. Aleksandrov G. A. Chuvash intellectuals: biographies and destinies. Cheboksary, 2002. 212 (in Russ.).

3. Vaskul A. I. Ethnographic program of Russian Geographical Society. Saint Petersburg: Nauka, 2012. URL: http: // academia. edu (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

4. Anuchin D. N. On tasks of Russian ethnography. *Etnograficheskoe obozrenie*. Moscow, 1889. 1. URL: https: // archive. org (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

УДК 069.44:75.032(31)

М. В. Коротков

Современные практики реставрации восточной живописи

Проводится анализ методов по сохранению памятников восточной живописи в Государственном Эрмитаже, в связи с чем рассматривается одно из основных направлений в деятельности Лаборатории научной реставрации восточной живописи – реставрация клеевой живописи на холсте и шелке буддийской иконы-тангка. Актуализируются вопросы по сохранению оригинальных методик и развитию комплексного подхода, объединяющего научно-исследовательское и практическое решение задач реставрации тангка как живописного свитка. Традиционные методики создания, сохранения и поновления тангка в буддийской культуре интерпретированы как один из значимых факторов, который должен быть осмыслен и интегрирован в формирование научных принципов консервации и реставрации буддийских икон. Освещается вопрос о международном сотрудничестве и обмене опытом при реставрации восточной живописи. Показаны взаимосвязи между реставрацией, хранением и экспонированием восточной живописи на примере постоянных и временных экспозиций Государственного Эрмитажа.

Ключевые слова: реставрация, хранение, экспонирование, тибето-буддийская живопись, тангка, Государственный Эрмитаж

Maksim V. Korotkov

Modern restoration practices of Eastern painting

An analysis of methods for preserving the monuments of oriental painting in the State Hermitage Museum are analyzed, and therefore one of the main directions in the activities of the Laboratory for Scientific Restoration of Oriental Painting is being considered – restoration of glue painting on canvas and silk of the Buddhist icon thang-ka. Issues on the preservation of original techniques and the development of an integrated approach that combines research and practical solutions to the tasks of restoring the thang-ka as a painterly scroll are aimed at updating. Traditional methods of creating, preserving and understanding thang-ka in Buddhist culture are interpreted as one of the significant factors that must be understood and integrated into the formation of scientific principles of conservation and restoration of Buddhist icons. The article highlights the issue of international cooperation and exchange of experience in the restoration of oriental painting. The relationship between the restoration, storage and display of oriental painting on the example of permanent and temporary exhibitions of the State Hermitage Museum is shown.

Keywords: restoration, storage, exhibition, Tibetan-Buddhist painting, thang-ka, State Hermitage
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-127-132

В собрании Государственного Эрмитажа находится обширная коллекция восточного искусства в фондах Отдела Востока, который состоит из четырех секторов: Древний Восток; Ближний Восток и Византия; Средняя Азия, Кавказ и Крым; Дальний Восток. Фонды отдела насчитывают более 150 000 экспонатов, куда входит большое разнообразие объектов, таких как бронза, фарфор, мебель, предметы быта, а также произведения изобразительного искусства. Сохранением собрания фондов занимаются реставрационные лаборатории, одна из них – Лаборатория научной реставрации восточной живописи.

Основная задача лаборатории – проведение планомерных работ по реставрации живописи стран Азии и Востока из собрания Отдела Востока, которое насчитывает около 3000 памятников. В лаборатории развиваются три основных направления реставрации: китайская живопись на шелке, бумаге и холсте; японская живопись – свитки, ширмы, веера и альбомы с живописью; клеевая живопись на холсте и шелке – буддийские иконы – тангка из Китая, Тибета, Монголии, Бурятии, а также клеевая живопись на хлопке с острова Бали.

За последние несколько лет открылось несколько постоянных экспозиций, на которых представлено искусство центральной Азии: «Искусство центральной Азии» (2013), выставка о русских экспедициях «Пещеры тысячи будд» (2008), а также временные выставки «Обитель милосердия, искусство тибетского буддизма» (2015) и знаменитый «Шелковый путь» (2014), который уже побывал во многих странах. Значительная часть памятников, представленных на этих экспозициях, происходит из коллекций петербургских исследователей и собирателей П. К. Козлова, С. Ф. Ольденбурга, Э. Э. Ухтомского, великого исследователя Тибета Н. К. Рериха и его сына Юрия, выдающегося востоковеда

Б. И. Панкратова и многих других [1, с. 10]. О значимости эрмитажной коллекции убедительно говорит ее хранитель Ю. Е. Елихина: «Эрмитажная коллекция Отдела Востока интересна тем, что она в основном была собрана не просто коллекционерами и собирателями, а специалистами. В ней представлены многочисленные божества буддийского пантеона и различные школы тибетской живописи XVII – начала XX в.» [1, с. 28–29].

В данной статье речь пойдет о тибето-буддийской живописи, которую также называют «буддийской иконой». Тибетская живопись тангка (тиб. thang-ka) представляет из себя свиток, написанный, чаще всего, минеральными красками на хлопчатобумажной ткани или шелке по загрунтованной мело-клеевым раствором поверхности. «Традиция такого вида живописи пришла в Тибет из Индии, где буддийские художники создавали живописные свитки на ткани (санскр. pata). Этот санскритский термин применяли к тканям разного типа: и к шелку, и к хлопку. На шелке тангка писали чаще в Китае, иногда в Монголии, на хлопчатобумажных тканях – в Тибете, Китае, Монголии, Бутане, Калмыкии, Бурятии, Сиккиме» [1, с. 28–29].

Тангка – это много больше, чем произведение изобразительного искусства. В ней слились воедино все стороны человеческого существования. Она имеет духовное и практическое значение для верующего человека, служит оберегом и помощником в тяжелых жизненных ситуациях, имеет образовательную функцию и является дверью в незримый мир, куда направлены молитвы и где человек находит самого себя путем медитации. Сегодня сложно понять, как важна была для повседневной жизни работа художника-ремесленника. Любое событие требовало проведения ритуала, это мог быть как праздник рождения, так и печальная кончина человека, необходимость излечиться от тяжелого недуга или получить материальный достаток в семье. В каждом из этих случаев художник изготавливал тангка с образом высших сил и божеств, которые могли помочь и повлиять на судьбу человека, через этот образ можно было обратиться и настроиться на достижение своей цели [2, p. 11].

Работа по изготовлению такого произведения была ответственным делом, к которому мастер подходил очень серьезно. Важно было точно соблюдать методики, быть внимательным при выборе материалов и их подготовке. Сами художники зачастую воспринимались как шаманы, которые при помощи ритуальных практик вызывали духов и божеств, а затем визуализировали их образы в сакральных свитках. «Процесс создания тангка трудоемок и предполагает в художнике моральную чистоту и духовную силу… Писать тангка считалось священнодействием: для этого выбирали благоприятные дни и часы, во время работы читали молитвы» [3, p. 1–180]. В то же время известный исследователь по технологиям изготовления буддийской живописи Д. Джексон дает более традиционную оценку этому процессу: «Тибетские художники в целом были обычными ремесленниками, теми же людьми, которые также расписывали деревянную мебель и украшали стены и архитектурные детали резиденций богатых людей» [2, p. 1–13].

Необычность технологии изготовления тангка делает эти произведения очень интересным объектом для исследований. По своим характеристикам тангка относится к клеевой живописи, реставрация которой имеют богатую традицию с обширной методической базой. Также стоит отметить, что тканевая основа, наподобие холста или хлопковой ткани, грунтованная мело-клеевым грунтом, имела широкое применение в европейской живописной школе. Уникальность тангка состоит, прежде всего, в его конструкции в виде свитка, который легко может сворачиваться в рулон и при этом сохранять необходимую пластичность. Технология исключала применение каких-либо пластификаторов, а гибкость свитка достигалась при помощи особой техники нанесения грунта и его последующей шлифовки, что предотвращало растрескивания и повреждения основы. Таким образом решался вопрос мобильности и возможности свободного перемещения этих объектов, имеющих религиозное назначение. Учитывая тот факт, что тибетцы были кочевниками и подолгу не оставались на одном месте, они не могли позволить себе иметь тяжелые, массивные образы божеств для молитв и медитации, и в этом случае свиток был прекрасным решением. Однако время и условия бытования вызывали неизбежные разрушения свитка: основа повреждалась, грунт терял пластичность, а частые перемещения с места на место приводили к механическим повреждениям и разрушению основы.

Чтобы начать реставрацию такого произведения, необходимо не только знать технологии его изготовления, но и тщательно выбирать материалы для работы, порой даже необходимо выполнить экспериментальную, подготовительную работу, изготовить макет или отработать методику на пробнике или образце. Это связано с тем, что принципы изготовления часто схожи, но материалы могут отличаться и зависит это скорее от региона, где жил сам мастер, создатель произведения и тех подручных материалов, которыми он располагал. Подобная проблема

наглядно отражается в текстах исследователей буддийской живописи, предлагающих разнообразные технологии создания произведений. К примеру Дж. Хантингтон, исследователь Тибета, сообщает: для грунтовки 1 часть клея и 7 частей белого мела смешиваются в прохладной воде [4, p. 126]. В других источниках можно обнаружить, что холст грунтовали с одной или с обеих сторон особой пастой, приготовленной из животного клея и смешанной с порошком мела и гашеной известью; иногда для грунта использовали смесь песка и каолина. Любое нарушение методики могло привести к разрушению и растрескиванию грунта. Важно знать точный рецепт, и тут на помощь приходят хранители коллекции, которые могут объединить объекты по времени и месту их создания и составить вместе с реставраторами план реставрационных работ.

Второй важной составляющей являются химико-физические исследования, направленные на изучение состава основы, грунта, красок, а главное – они помогают увидеть то, что скрыто от человеческого глаза, все изменения, которые претерпело произведение в процессе своего бытования. Тут могут быть и предыдущие реставрации, чинки и подновления, и даже авторские изменения композиции. На помощь приходит рентгено-флуоресцентный анализ пигментов, для определения связующего подходит методом ик-фурье [5, с. 7–91], инфракрасная камера видит первоначальные слои живописи. Исследованиями в этом направлении занимается Отдел научно-технической экспертизы Эрмитажа, где работают технические специалисты, физики и химики. Лаборатория укомплектована самым современным оборудованием в области исследования произведений искусства и культуры. Отдел сотрудничает с хранителями коллекций и с реставрационными лабораториями, помогает в атрибуции, определяя подлинность и выявляя особенности изготовления как эрмитажных объектов, так и тех, которые были переданы в музей для исследования.

Важной и сложной задачей реставратора является не только сохранение памятника, но и возвращение ему, по возможности, тех функциональных особенностей, которые закладывал в него автор. Если икона могла скручиваться в свиток, то эта ее важная функция должна быть сохранена, разумеется, если это представляется возможным. Часто из-за недостатка связующего в грунте и повреждений основы опасно даже прикоснуться к объекту, а о его сворачивании уже и речи не идет.

В прошлом, по аналогии с реставрацией станковой живописи, применялись способы дублирования или крепления тангки на жесткую основу и ее растяжка на подрамнике или планшете. У этого метода были как плюсы, так и минусы. Примеров такой реставрации в коллекции Отдела Востока достаточно много, одним из наиболее интересных является житийная тангка (намтар) Цзонхавы (Калмыкия. Середина XIX в.) [1, с. 95], написанная на холсте минеральными красками, которая была дублирована на картон. С одной стороны, это создавало стабильность для основы произведения, с другой – лишало возможности видеть оборотную сторону, где сам автор мог оставить надписи и рисунки. На выставке «Обитель милосердия» были представлены объекты с надписями на обороте. Вот что пишет хранитель в каталоге к выставке: «На некоторых тангка написаны высказывания Будды или стоит печать. На оборотах тангка встречаются надписи с именами божеств. Если тангка входили в одну серию, то обычно указывалось их место по отношению к центральному образу» [1, с. 31]. Кроме того, при таком методе реставрации тангка переставала быть свитком.

Сегодня есть методы, которые позволяют сохранить первоначальный вид объекта, возможность восстанавливать, укреплять грунт и красочный слой, а также восполнять утраты основы с использованием увеличительной оптики, соединяя тончайшие нити между собой. В результате сохраняется возможность сворачивать объект. Уже упоминавшаяся житийная тангка (намтар) Цзонхавы из Калмыкии является примером подобной реставрации, когда из-за деформации жесткой основы возникла необходимось раздублировать, отделить картонный задник от холста иконы и восстановить поврежденный холст. После чего тангка была представлена на выставке «Обитель милосердия», а подробная информация по ее реставрации указана в сборнике «Возрожденные шедевры. Реставрация в Эрмитаже» [6, с. 32–33].

Различные комбинации методов реставрации, при которых используются традиционные материалы и техники, а также современные средства для исследования и работы, помогают сохранять объекты других культур и решать задачи, которые раньше были невозможны. Важно отметить тот факт, что выявление предшествующих реставраций и чинки может быть использовано как метод исследования музейных объектов. Чаще всего зритель видит произведения искусства в отреставрированном виде, и история, характер повреждений не всегда учитываются при анализе произведения. Между тем подобный материал имеет историческое и культурное значение для понимания среды, в которой находился памятник, а также выявляет ха-

рактер и особенности создания произведения, его функции и назначение.

По характеру повреждений можно определить не только условия его хранения, но и его культурную значимость в конкретных местах пребывания, а значит можно выяснить, насколько редкий перед нами объект и какую ценность он представлял для своей эпохи и в наше время. В коллекции Эрмитажа находятся «завесы» с острова Бали [7], которые представляют характерный пример того, как фрагменты одного объекта использовались в качестве заплат на другом. Имевшиеся на памятнике разрывы и повреждения холста были заклеены небольшими фрагментами живописи, по характеру и составу схожими с живописью самой завесы. Разумеется, такие чинки проводились очень давно там, где подобный «прагматичный» подход был свойственен местной культуре.

Если обратиться к частной (немузейной) реставрации и прежде всего, к практике реставрации в культуре Востока, то можно отметить, что сложные, многодельные работы по сохранению произведений искусства всегда были связаны с большой ценностью объектов и их редкостью. Менее значимые подвергались замене, в случае необходимости создавалась копия, которая шла на замену оригиналу. В качестве примера можно привести многочисленные копии из восточной коллекции Эрмитажа, оригиналы которых не дошли до нашего времени, но были тщательно скопированы много веков назад с целью сохранить важный для того времени материал, который представлял историческое значение. Это были как карты местности, различных провинций государств, так и образы духовной культуры стран Азии и всего восточного региона. Такими примерами из коллекции Эрмитажа могут служить китайские альбомы, связанные с путешествиями императоров и изображением провинции и населенных пунктов, есть предположения, что некоторые из них являются копиями, точно повторяющими оригиналы. Нужно также отметить, что старые мастера, выполнявшие подобные заказы, придерживались не только тактики точного копирования объектов, но и сохраняли традиционные техники изготовления. Значение имели как материалы, так и техника живописи и рисунка, а зачастую и дань традициям, даже в тех мелочах, которые европейцу показались бы несущественными, а именно: пропорции обрамлений, система креплений и колорит. В качестве примера подобного подхода можно упомянуть мастер-класс, прошедший с 5 по 29 сентября 2016 г. в Лаборатории научной реставрации восточной живописи на тему: «Изучение теории и практики реставрации традиционных китайских свитков на шелке», который проводился в рамках проекта сотрудничества Государственного Эрмитажа с Шанхайским музеем (КНР). Господин Чу Хао и господин Шен Хуа провели мастер-класс для эрмитажных реставраторов. Подробности и отчет о мастер-классе можно найти на официальном сайте Эрмитажа [8].

В целом вопрос копирования с целью сохранения важной исторической информации, в оригинальной технике и в традиции того времени, остается острым. В отсутствии оригинала, единственным документом является его копия, она не только сохраняет представление о произведении искусства и его авторе, но и продолжает его. Подобное понимание связи оригинала и копий в традиционном искусстве зафиксировано ЮНЕСКО в «Нарском документе о подлинности»: пока традиция жива и воспроизводится, все воспроизведения могут считаться подлинниками [9, с. 1–4].

Каждая операция в восточной традиции была выверена и продумана, доведена до автоматизма. Кроме того, главной составляющей было обучение, где ученик следовал правилам мастера, которые передавались из поколения в поколение, начиная от самого простого и со временем приобретая не столько теоретическую базу, сколько практические знания. Даже сегодня на мастер-классах в музее, посвященных реставрации восточной живописи, от реставраторов из стран Азии можно услышать фразу, что им проще показать, чем рассказать о своей работе, наблюдения сделаны на основе мастер-класса по реставрации китайского свитка на шелке, который проводился в рамках проекта сотрудничества Государственного Эрмитажа с Шанхайским музеем. Это актуально как в отношении реставрационных операций, так и в такой работе, как варка клея и подготовка инструмента. Не всегда можно точно определить процентность тех или иных растворов, так как подобный опыт, наработанный годами, учитывает те мелочи, которые упускает строгое следование цифрам.

Если говорить про обучение, то его основное различие с европейской школой в том, что начинается оно с самых азов, с подготовки к работе и помощи в приготовлении красок, клеевых растворов и прочего. Ученики по началу даже не берут настоящий памятник: это может быть всего лишь имитация живописи, современный аналог, внешне похожий на историческое произведение, выполненный современным художником, или лист той же формы с штампованным рисунком. Только после того, как будут отточены все навыки, а главное, появится

скорость исполнения, можно будет приступать к реставрации объектов, имеющих культурное значение. Каждая реставрационная операция, в силу технологических особенностей, ограничена по времени. Связано это как с высыханием материала, так и с тем, что невозможно остановить процесс в любой момент: в этом случае нарушится последовательность действии, все нужно будет начинать заново. Именно по этой причине все действия и манипуляции имеют важное значение, и времени на размышление просто не остается. Без сомнения, существуют определенные стилевые различия между школами, однако стоит подчеркнуть, что ключевую роль играют общие правила глубоких знаний материалов и технологии.

Материалы и инструменты – тема, которой можно посвятить отдельное внимание. С учетом сказанного ранее, совершенно неудивительно, что материалы и инструменты не могут быть случайными. Многие кисти, ножи и заменяемые детали памятника имеют свою историю и часто используются только для одной единственной операции. Инструменты зачастую выполняются на заказ, а их уникальное качество может подтверждаться клеймом мастера, которое гарантирует надежность материала и качество изготовления.

Все эти технологические особенности создания свитка ставят перед реставратором важные задачи. Необходимо учитывать не только общие правила по консервации объекта, но и по возможности сохранять те функции, которые закладывал автор в произведение искусства, в частности, это пластичность материалов, используемых при реставрационных работах, схожесть методик с оригинальными и принципы традиционного подхода, которого придерживался художник. Познакомиться с особенностями традиционного подхода позволяет тесное взаимодействие с иностранными специалистами – представителями той культуры, где были созданы произведения искусства.

Исследование материалов и техник – важная задача, стоящая перед специалистами, мимо которой нельзя пройти. Работа в этом направлении не останавливается, и примером здесь могут служить мастер-классы и стажировки, проводимые как отечественными, так и заграничными музеями. Специально разработанные программы обучения позволяют сохранять знания давно ушедших эпох в создании и сохранении восточной живописи. Хороший пример – взаимодействие и сотрудничество Государственного Эрмитажа с Шанхайским музеем. Сложно переоценить важность такой работы в области взаимодействия культур и обмена опытом в научном мире. Музей становится местом, в котором диалог между специалистами позволяет эффективно решать наиболее важную задачу по созданию базы практических и теоретических знаний в сохранении объектов мирового культурного наследия. В профессиональном диалоге образуется единое пространство, лишенное культурных рамок и государственных границ, где каждый специалист действует согласно общим интересам и создает почву для дальнейшего развития этой дискуссии.

Наиболее интересным вопросом на сегодняшний день является вопрос хранения экспонатов. Из-за обширности коллекций не всегда возможно предоставить каждому объекту отдельное место или индивидуальное пространство со специальным климатом. Говоря о свитках, особенно важно подчеркнуть, что в развернутом виде они занимают много места и испытывают опасное влияние окружающей среды. Будь-то тканевая или бумажная основа, им противопоказаны как изменения температуры и влажности, так и воздействие света, что может перевести к выгоранию красок и появлению ломкости основы [10, с. 92–93]. Если состояние объекта позволяет, то он хранится в рулоне, и контакт с внешней средой минимизируется, а при наличии валика, на который он намотан, дополнительно снижаются нагрузка и вероятность появления изломов.

На сегодняшний день ведется работа не только по сохранению пластичности свитка и возможности его сворачивания, но и поиск решений в его максимальной изоляции от неблагоприятных воздействий среды. Здесь можно также отметить создание индивидуальных емкостей для хранения, таких как тубусы для каждого объекта. Тубус соответствует размерам произведения, полностью защищает его, а главное, держатели по его краям могут фиксировать валик, на котором крепится свиток, не давая ему касаться стенок, что снижает давление. В этом случае основа живописи не страдает под собственным весом и под весом валика.

Таким образом, сохранение музейных объектов – это постоянный, непрекращающийся процесс, где важен диалог между специалистами из разных областей науки и разных культур, знание и использование современных способов исследования, накапливание опыта всех предыдущих эпох и его использование в работе, а также сочетание техник и материалов, схожих с оригинальными, и теми, которые предлагают новейшие разработки.

Важным аспектом также следует считать представление о «памяти материала», используемое в реставрации. Всегда следует учиты-

вать, что в процессе бытования любой предмет подвергается внешнему воздействию среды, которая накладывает определенный отпечаток на его сохранность. Если свиток долго находится в скрученном состоянии, то попытка вывернуть его в другую сторону или даже выпрямить, расстелив на плоскости, может привести к повреждениям. Именно по этой причине требуется внимательное исследование истории бытования памятника, его перемещений и реставрационных вмешательств, прежде, чем начать работу с ним. При таком подходе есть возможность дольше сохранить объект в стабильном состоянии и постараться избавить его от всех лишних нагрузок и процессов, способных с течением времени, в будущем, причинить вред. Все эти механизмы способны работать только при тесном взаимодействии и сотрудничестве хранителя коллекции, реставратора и научно-исследовательских лабораторий, способных определить даже незначительные изменения в структуре объектов.

Сегодня реставрация как часть жизни музея и часть исторического процесса становится интересна посетителю. Работа по сохранению произведений искусства стала очень популярна у зрителя. К открытию новых экспозиций формируются научные материалы в виде стендов с фотографиями, отражающими процесс работы, фильмы, демонстрирующие сложности и необычные находки в процессе расчистки и восстановления объектов. Масштабным примером служит выставка 2014 г. в Гербовом и Пикетном залах Зимнего дворца «Реставрация в Эрмитаже. Взгляд сквозь призму времени», где была представлена многолетняя работа всех реставрационных отделов Государственного Эрмитажа, с иллюстративным и видеоматериалом, показывающим весь комплекс реставрационных работ, который проходит объект перед тем, как занять свое место в выставочном зале.

Список литературы

1. Обитель милосердия: искусство тибетского буддизма: кат. выст. Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж, 2015. 512 с.

2. Jackson D., Jackson J. Tibetan thangka painting: methods and materials . Boulder: Shambhala Publ., 1988. 202 p.

3. Lokesh Chandra Tibetan art. New Delhi: Niyogi Books, 2008. 216 p.

4. Huntington J. C. The Technique of Tibetan Paintings // Source: studies in conservation. 1970. Vol. 15, № 2. P. 122–133. URL: http: // jstor. org (дата обращения: 26. 11. 2018).

5. Косолапов А. И. Естественнонаучные методы в экспертизе произведений искусства. Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж, 2010. 170 с.

6. Возрожденные шедевры: реставрация в Эрмитаже. Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж, 2016. 92 с.

7. Сцены из поэмы «Арджунавиваха», тип табинг. Индонезия, о. Бали, конец XIX в. // Государственный Эрмитаж: электрон. кат. URL: http: // e-expo. hermitage. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

8. Завершение мастер-класса по реставрации китайского свитка на шелке в Лаборатории научной реставрации восточной живописи // Государственный Эрмитаж. 2013. 16 окт. URL: http: // hermitagemuseum. com (дата обращения: 26. 11. 2018).

9. Нарский документ о подлинности / Междунар. совет по охране памятников и достопримечательных мест, Нац. ком. (Россия), С.-Петерб. отд. URL: http: // icomosspb. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

10. Реставрация произведений графики: метод. рек. Москва: ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря, 1995. 184 с.

References

1. Community of mercy: art of Tibetan Buddhism: exhib. cat. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 2015. 512 (in Russ.).

2. Jackson D., Jackson J. Tibetan thangka painting: methods and materials . Boulder: Shambhala Publ., 1988. 202.

3. Lokesh Chandra Tibetan art. New Delhi: Niyogi Books, 2008. 216.

4. Huntington J. C. The Technique of Tibetan Paintings. *Source: studies in conservation*. 1970. 15 (2), 122–133. URL: http: // jstor. org (accessed: Nov. 26. 2018).

5. Kosolapov A. I. Natural science methods in examination of art works. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 2010. 170 (in Russ.).

6. Masterpieces restored: the restoration in State Hermitage Museum. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 2016. 92 (in Russ.).

7. Scenes from poem «Arjunawiwaha», type tabing. Indonesia, Bali, late 19th century. *State Hermitage Museum*: electronic catalogue. URL: http: // e-expo. hermitage. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

8. Completion of master class on restoration of Chinese scroll on silk in Laboratory of scientific restoration of Oriental painting. *State Hermitage Museum*. 2013. Oct. 16. URL: http: // hermitagemuseum. com (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

9. Nara document on authenticity / Nat. Com. of ICOMOS (Russia), Saint Petersburg branch. URL: http: // icomosspb. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

10. Restoration of graphic works: guidelines. Moscow: Russ. Acad. I. E. Grabar' Art Sci. Restoration Center, 1995. 184 (in Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Pedagogical studies

УДК [78.071.2:378.016]:004

Т. А. Чернышева

Информационные технологии в обучении музыканта дирижерско-хорового профиля

Интеграция традиционных и инновационных методов обучения в музыкальном образовании – важнейшая задача современности. Рассматриваются способы использования информационных технологий в музыкальном образовании дирижерско-хорового профиля, направленные на улучшение качества обучения хорового дирижера, на развитие его профессионального творческого потенциала в условиях современной реальности. Определяется целесообразность и необходимость формирования единого информационного пространства целого ряда учебных дисциплин на основе использования достижений информационных и коммуникационных технологий. Особое внимание уделяется необходимости рационального сочетания традиционных и инновационных способов обучения на примере внедрения в учебный процесс информационных образовательных технологий. Раскрывается эффективность, результативность и перспективность их использования в процессе обучения. Создание интеллект-карт, использование веб-квест технологий, создание интерактивного словаря учебной дисциплины – рассматриваются как способы сохранения опыта традиционного музыкального образования, продолжающие его развитие в инновационном формате.

Ключевые слова: информационные технологии, музыкальное образование, дирижерско-хоровой профиль, веб-квест, интеллектуальная карта, интерактивный словарь учебной дисциплины

Tat'yana A. Chernysheva

Application of information technologies in education of musician of choral conducting speciality

Integration of traditional and innovative teaching methods in musical education is one of the most important tasks nowadays. In this article we consider the ways of application of information technologies in musical education of choral conducting speciality aimed to improve the quality of education of choral conductors and to develop their professional and creative capabilities in contemporary reality. We point out the expediency and necessity of forming the unified information space in several course units using the developments of information and communication technologies. The article describes how important is to combine traditional and innovative ways of teaching, involving information educational technologies into educational process, showing its efficiency and perspective. Creation of mind mapping, using web-quest technologies and building up an interactive vocabulary of course unit – are considered as ways of preserving traditional music education and its development in new delivery mode.

Keywords: information technologies, music education, choral conducting speciality, web-quest, mind map, interactive vocabulary of course unit

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-134-138

Необходимость использования интернет-ресурсов, информационных средств и компьютерных технологий в профессиональном образовании различных направлений не вызывает сегодня ни у кого сомнения. При этом каждая из профессиональных сфер, в том числе и музыкальное образование, на различных этапах обучения – от школы до вуза – адаптирует их достижения применительно к своей профессиональной специфике, участвуя тем самым в создании новой образовательной среды. Одной из важнейших задач на этом пути является необходимость интеграции традиционных форм и методов обучения и инновационных компьютерных образовательных технологий. Чтобы увидеть взаимодействие «традиции» и «инновации», достаточно обратиться к меняющимся формам проведения учебных занятий, начиная от лекции-визуализации до доклада, сопровождаемого электронной презентацией, и представления творческого задания на основе мультимедиа-технологий.

В полной мере это относится и к области музыкального образования дирижерско-хорового профиля, хотя сложившаяся здесь система «ценностей» более склонна к сохранению устоявшихся методов преподавания и тем самым более консервативна к нововведениям, чем другие профессиональные направления. Использование информационных технологий в обучении будущего дирижера хора имеет прикладное значение, поскольку главными приоритетами здесь остаются во многом традиционные практические занятия (индивидуальные и групповые), направленные на совершенствование профессиональных компетенций, необходимых для будущей профессиональной деятельности. Однако в целом ряде

учебных дисциплин, осваиваемых обучающимися, целесообразность их внедрения, вплоть до использования в дистанционном формате обучения, очевидна. В частности, способы внедрения дистанционных образовательных технологий, мотивация их применения в полной или частичной форме, перспективы разработки программ дистанционного формата в обучении музыканта-исполнителя рассматривались автором в статье «Дистанционная форма обучения в дополнительном профессиональном образовании музыканта-исполнителя» (Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2017. № 3 (32)).

Цель настоящей статьи – рассмотреть, в какой форме информационные технологии могут быть востребованы сегодня в высшем профессиональном музыкальном образовании дирижерско-хорового профиля и определить их целесообразность, эффективность и перспективность использования в обучении будущего музыканта.

Детально разработанный, продуманный, систематизированный контент любой учебной дисциплины – основа учебного процесса. Использование возможностей информационных технологий придает ему не только привлекательность и соответствие современным реалиям времени, оно продиктовано целесообразностью и необходимостью их применения для улучшения качества образования. В чем это проявляется?

Трудно представить себе современный учебный процесс, в частности, касающийся обучения дирижера академического хора, без обращения к поисковым сервисам Интернета, дающего возможность находить информацию различного формата – печатные текстовые, нотные, аудио- и видеоматериалы, а также без использования компьютерных программ типа Windows Media player, воспроизводящих звуковой материал, Sibelius Software или Finale, обеспечивающих создание графического и звукового изображения, PowerPoint, позволяющей создавать и просматривать полнофункциональные презентации или web-редактора Microsoft FrontPage, имеющего различные приложения – создание текста, схем, нотных и аудио-примеров. В поиске необходимой информации все бóльшую роль в обучении студента играет обращение к информационным ресурсам библиотек, в том числе и ЭБС, пополняемым не только новыми изданиями, но и, что особенно важно для музыкантов, электронными переизданиями старых печатных трудов, не потерявших свою актуальность. Как известно, проблема с обеспечением учебного процесса новыми изданиями научной, учебной и учебно-методической литературы в сфере музыкального образования в целом, не только дирижерско-хоровом, пока существует, так как появляется и обновляется она не столь стремительно, как бы этого хотелось. Но, несмотря на имеющиеся трудности, инновации и здесь стремительными темпами прокладывают свой путь: создаются интерактивные музыкальные словари и энциклопедии, пополняется база электронных нотных библиотек, расширяется перечень музыкальных образовательных каналов на YouTube, разрабатываются возможности в онлайн-режиме приобщения к шедеврам мирового исполнительского искусства.

В информационном потоке порой не так легко разобраться. И здесь важная роль отводится преподавателю, который с помощью внедрения в учебный процесс различных возможностей использования информационных технологий, направляет поиск обучающегося в необходимое русло, учит осуществлять отбор информации, логично выстраивать поиск, проявляя критическое осмысление и творческую интуицию. Выбор форм, способов и объем применения информационных технологий не регламентируется какими-либо документами, но носит рекомендательный характер. Во многом он определяется самим преподавателем и зависит от его творческого отношения к предмету и степени владения компьютерной грамотностью. При этом специфика и содержание каждой из учебных дисциплин подсказывают свой «путь» выбора. Рассмотрим некоторые способы использования информационных образовательных технологий, применяемых в учебных дисциплинах лекционно-семинарской формы на кафедре академического хора Санкт-Петербургского государственного института культуры.

Как правило, при изучении дисциплин данного вида используются учебные пособия преимущественно в печатной текстовой форме. Но, как известно, ни печатный текст этих изданий, ни внесенные в него нотные примеры (если таковые имеются) не способны «зазвучать», и тогда само собой подразумевается дополнительное обращение к звуковым источникам информации – аудио- и видеоматериалам, дающим возможность услышать музыку и тем самым «озвучить» текстовое печатное издание. Например, очевидно, что невозможно полноценно усвоить «Историю хоровой музыки», знакомящую студентов с хоровым творчеством отечественных и зарубежных композиторов от средневековья до современного авангарда, без знания собственно музыкального материала в его звуковом и нотно-текстовом виде, который необходимо критически осмыслить и проанализировать.

Появляющиеся сегодня печатные нотные издания с аудиодисками, такие как «Антология

русской светской хоровой музыки a cappella» (Санкт-Петербург: Композитор, 2013–2018), состоящая из 20 выпусков, к каждому из которых прикладывается аудиодиск – явление уникальное и, к сожалению, не так часто встречающееся. Издание включено в список основной литературы для изучения отечественной хоровой музыки – но это лишь небольшая часть хорового репертуара, которым студент должен овладеть в полном объеме. В связи с этим с 2013 г. в рамках учебной дисциплины «История хоровой музыки» начала формироваться своеобразная электронная хоровая фонотека музыкальных файлов – иллюстративное звуковое приложение к существующим традиционным печатным (текстовым) изданиям, используемым в процессе обучения, таким, например, как учебное пособие О. П. Кееригг «Хоровая литература», изданное в Санкт-Петербургском государственном институте культуры двумя выпусками под названием «Отечественная хоровая литература» (2008) и «Зарубежная хоровая литература» (2007). Сегодня это начинание представлено в виде виртуальной электронной Музыкально-хоровой хрестоматии – систематизированной таблицы URL-ссылок на звуковые, нотные и текстовые файлы, расположенные в свободном доступе в сети Интернет. Она является не только важным иллюстративным источником информации, существенно дополняющим содержание печатного (текстового) учебного издания, но и постоянно обновляемым и пополняемым материалом, который в будущем, при условии дополнения его программной оболочкой и интерфейсом продуманного дизайна, может стать основой контента электронного учебного пособия. Систематизирован учебный материал Музыкально-хоровой хрестоматии по именам и фамилиям композиторов (более 100 имен). «Творческий портрет» каждого включенного в нее композитора представлен шестью разделами различного характера: 1) изображения (портреты композитора, изображения афиш и др.); 2) биография – краткая аннотация творческого пути; 3) список произведений; 4) звуковой материал (аудио- и видеофайлы произведений в различных исполнениях); 5) указание на исполнительский состав; 6) нотный материал.

URL-ссылки каждого из шести разделов, находясь на различных сайтах, образуют единое информационное пространство учебной дисциплины, предоставляющее доступ к необходимому для обучения материалу. Важно подчеркнуть, что в его формировании и наполнении активное участие принимают сами студенты (очной и заочной формы обучения), что является одной из форм организации их самостоятельной работы, носящей целенаправленный и осмысленный характер.

Обращение к предложенным в таблице информационным источникам может быть полезным и для других учебных дисциплин – например, при выборе репертуара в классе дирижирования, чтения хоровых партитур или для выполнения творческих заданий, докладов для музыкальных дисциплин лекционно-семинарского вида. Электронный формат учебного материала имеет свои многочисленные преимущества, начиная от удобства навигации – быстрого поиска файлов различного формата и возможности их совмещения (например, звукового и нотного материала) – до возможности постоянного его изменения (уточнения, дополнения): процесс, в котором могут совершенствоваться как содержательно-логические, так и технические средства изложения всех компонентов дидактического материала. Включение в мультимедийную музыкально-хоровую хрестоматию текстового, изобразительного, звукового и нотного материала обязательно сопровождается указанием не только на источник нахождения, но и дату обращения.

Далее обратимся к одному из способов использования информационных технологий в рамках учебной дисциплины «Теория и история дирижерско-хорового исполнительского искусства», а именно к созданию интеллектуальной карты (имеющей различные названия: интеллект-карта, ментальная карта, карта мыслей, диаграмма связей, Mind-карта). Как известно, автором идеи создания «mind-mapping» как метода активизации памяти и мышления человека – считается современный психолог Тони Бьюзен, начавший его применение во второй половине XX в., а в декабре 2006 г. создавший собственную программу iMindMap для его реализации. Интеллект-карта представляла собой новый способ записи различного рода информации в виде графического «разветвленного» изображения радиантной структуры (от центра к краям). Систематизация ее с помощью ассоциативных образов, цвета оказалась способной заменить традиционные способы записи информации – в текстовой, графической и схематической форме.

Мотивация нашего обращения к технологии интеллект-карты при изучении теории дирижерского искусства заключалась в привлекательности этого способа подачи учебного материала и творческим поиском нового формата его представления. Так при изучении темы «Структурные составляющие дирижерско-хорового исполнительского искусства» для выполнения творческого задания, призванного в наглядной форме раскрыть содержание обозначенных в Рабочей программе учебной дисциплины ос-

новных четырех «составляющих» дирижерской деятельности – технической, художественно-выразительной, коммуникативно-психологической, управленческо-организационной, был избран путь использования возможностей программы Mindmeister – одной из разнообразных программ, предложенных в Глобальной сети, для создания интеллектуальной карты. С помощью использования различного формата – графики, цвета, текста, символического изображения – данная программа позволила в схематической форме представить ключевые основы содержания изучаемого материала, упорядочить и систематизировать его, сконцентрировать внимание на главном. Интерактивная подача информации, обращение к ассоциациям различного ряда, самостоятельный выбор в принятии решений – все это способствовало активизации умственной деятельности и творческого мышления студента, концентрации его внимания на главном содержании при изучении данной темы. Целесообразность использования интеллект-карты заключалась в том, что успешно выполненное творческое задание продемонстрировало возможность представления учебного материала в одном из новых информационных форматов. Анализ проделанной работы позволил учесть все положительные и отрицательные моменты при дальнейшем его использовании в учебном процессе.

При разработке перечня литературы, рекомендованного для изучения данной учебной дисциплины, было обнаружено, что дирижерская деятельность, как объект исследования в последнее время привлекает внимание не только искусствоведов, обратившихся к изучению различных ее аспектов, в частности, к постижению дирижерского исполнительского искусства как «художественного и социокультурного феномена» (имеется в виду диссертации доктора искусствоведения Б. Ф. Смирнова «Дирижерское искусство как художественный и социокультурный феномен» (Челябинск, 2004)) или к изучению уникальной художественной выразительности дирижерского жеста (имеется в виду кандидатская диссертация О. С. Тремзиной «Дирижерский жест как художественный феномен» (Саратов, 2014)).

Дирижирование как область исследования привлекает сегодня внимание ученых других научных направлений, например, психологии, концентрирующей внимание на исследовании психологических закономерностей дирижерской деятельности. В исследованиях психологов можно обнаружить использование и разъяснение целого ряда понятий и терминов, нехарактерных для «словаря» музыкантов-практиков. В частности, в диссертации кандидата психологических наук Л. Д. Сапожниковой «Психологические закономерности организации профессиональной деятельности дирижера академического хора» встречаемся с разъяснением понятия «аутокомпетенция дирижера», трактуемого автором «как адекватное представление о своих социально-профессиональных характеристиках, владение методами преодоления профессиональных деструкций, возможность самореализации и развития личности в рамках профессии, умение рационально и результативно использовать профессиональные знания, умения и навыки» [1, с. 110].

Некоторые термины и понятия требуют специального обращения к «словарю» психолого-педагогического направления, например, «развитая антиципация» [1, с. 65], «стрессоустойчивость» [1, с. 72] или выявленный автором при проведении «экспертной оценки межличностного взаимодействия» «сотрудничащий-конвециональный» стиль общения дирижера с хором [1, с. 105].

Интерес к знакомству с данной терминологией в значительной степени стимулирует дальнейший собственный поиск понятий и терминов, широко используемых в психологии, но при этом применимый и для понимания специфики профессиональной деятельности дирижера. Например, в Словаре психолого-педагогических терминов наше внимание привлекли такие термины, как «аттракция» – «процесс взаимного тяготения людей друг к другу, формирование привлекательности одного человека для других, механизм формирования привязанностей, дружеских чувств, симпатий и любви, «аффилиация» – «потребность в общении, в эмоциональных контактах», «интенция» – «способность быстро находить верное решение задачи и ориентироваться в сложных жизненных ситуациях, а также предвидеть ход событий», «суггестия» – внушение и др. [2]. В связи с этим в дальнейшем родилась идея предложить студентам выполнить творческое задание в рамках самостоятельной работы – расширить «словарь» профессиональных понятий и терминов с помощью поиска их трактовки в словарях соответствующих профессиональных направлений, и тем самым создать интерактивный словарь хорового дирижера, применяемый при изучении данной учебной дисциплины. При этом, наряду с созданием интеллект-карты, также акцентирующей внимание на расширении познания понятий и терминов, связанных с пониманием специфики дирижерской деятельности, студентам предлагалось выполнить подобное задание, но другим способом – с помощью веб-квест технологии (от англ. WebQuest – поиск, приключение).

Концепция веб-квест технологии была разработана в США в Университете Сан-Диего в се-

редине 90-х гг. XX в. профессорами Б. Доджем и Т. Марчем. Впервые в России она применялась в области изучения информатики, иностранных языков, а сегодня получила широкое распространение в образовании – особенно в школах и педагогических вузах. В последние десятилетия исследованию данной технологии посвящены кандидатские Г. А. Воробьева (2004), Е. И. Багузиной (2011), Е. М. Шульгиной (2013) и др. В области российского музыкального образования веб-квест технология применяется не так часто и, в основном, в школьном образовании. Например, в сети Интернет к 175-летию со дня рождения П. И. Чайковского школьникам предлагалось принять участие в веб-квесте «Музыка сердца», разработанного Т. Р. Наумовой (2015) и в создании веб-квеста «По страницам русского музыкального фольклора», разработанного С. А. Шевалдиной (2013), и др.

Применение технологии веб-квеста для создания интерактивного словаря учебной дисциплины «Теория и история дирижерско-хорового исполнительского искусства» оказалось достаточно эффективным. Выбор терминов и понятий осуществлялся на основе изучения современных исследований различных научных направлений, обозначенных в списке рекомендованной литературы Рабочей программы дисциплины. Задание, выполняемое в программе PowerPoint, с использованием гипертекстовой структуры – в виде URL-ссылок на выбираемые для разъяснения понятия и термины, способствовало активизации у студентов интереса к изучению профессиональной терминологии и обращению к различным поисковым ресурсам.

Для изучения уже упомянутой темы «Структурные составляющие дирижерско-хорового исполнительского искусства» также применима технология веб-квеста, но другого вида – с использованием элементов ролевой игры. Задача для его разработки заключается в поиске и обработке информации об основных компонентах четырех «составляющих» дирижерской деятельности (технической, художественно-выразительной, коммуникативно-психологической, управленческо-организационной) в виде изображений, текста, музыки. Объем поиска регламентирован конкретными, обозначенными преподавателем источниками информации с возможным его дополнением самими студентами. Разработка данного вида веб-квеста предполагает участие следующих специалистов: журналистов, формирующих текст, в виде высказываний знаменитых дирижеров и исследователей; дизайнеров, подбирающих необходимые иллюстративные образовательные материалы, изображения для комментария текстовой информации (например, портрета автора того или иного высказывания или изображение титульного листа его научного труда); творческого гида, разрабатывающего маршрут навигации и приглашающего принять участие в «увлекательном путешествии». Творческое задание, выполненное в данном инновационном формате, позволяет не только освоить учебный материал в привлекательной наглядной форме, но способствует стимулированию инициативы студента и самореализации его профессионального творческого потенциала.

Практика показывает, что рассмотренные способы использования некоторых информационных образовательных технологий при изучении учебных дисциплин дирижерско-хорового профиля не только стимулируют активность обучающихся в учебном процессе и придают ему инновационную привлекательность, но и способствуют созданию творческой атмосферы аудиторных занятий семинарского типа, предоставляют возможность самореализации творческого потенциала при выполнении студентами самостоятельной работы. Все это тем самым, несомненно, совершенствует качество освоения учебного материала.

Важно и то, что благодаря возможности переосмысления некоторых традиционных методов и форм обучения и представления их в новом инновационном формате, музыкальное образование, на примере рассмотренного нами дирижерско-хорового профиля, получает возможность, с одной стороны, сохранения предшествующего опыта, а с другой – его дальнейшее развитие и обогащение. В условиях современного процесса расширения информационных технологий это становится реальностью, имеющей дальнейшие перспективы развития.

Список литературы

1. Сапожникова Л. Д. Психологические закономерности организации профессиональной деятельности дирижера академического хора: дис. … канд. психол. наук: 19. 00. 03. Тверь, 2007. 154 с.

2. Словарь психолого-педагогических терминов. URL: http: // gumer. info (дата обращения: 26. 11. 2018).

References

1. Sapozhnikova L. D. Psychological principles in academic choir conductor professional activity organization: dis. on competition of sci. degree PhD in psychol. sciences: 19. 00. 03. Tver', 2007. 154 (in Russ.).

2. Psychological and pedagogical terms dictionary. URL: http: // gumer. info (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Documentary information

УДК 002.2-051(=161.1)+002(470)(091)

П. Н. Базанов

И. А. Шомракова – историк книги и книжного дела русского зарубежья

Впервые дается обзор деятельности профессора И. А. Шомраковой в области истории книги и книжного дела. Особое внимание уделяется истории книжного дела первой волны русской эмиграции. Обосновывается роль И. А. Шомраковой как новатора и первопроходца в изучении истории книжного дела русского зарубежья. Анализируются основные книговедческие работы по данному вопросу. Особое внимание уделяется учебным пособиям по истории книжного дела русской эмиграции «Издательское и библиографическое дело Русского Зарубежья» и «Книга русского зарубежья». Дан обзор статей И. А. Шомраковой в энциклопедических изданиях. Прослеживается динамика текста по истории книжного дела русского зарубежья первой эмиграции в переизданиях «Всеобщая история книги». Анализируются статьи по специальным темам и проблемам книжного дела русской эмиграции. Доказывается факт основания И. А. Шомраковой нового направления в отечественном книговедение и создания новой научной школы.

Ключевые слова: И. А. Шомракова, история книги, история книжного дела, русская эмиграция, русское зарубежье, первая волна эмиграции

Petr N. Bazanov

I. A. Shomrakova – historian of book and book business of Russian abroad

An overview of the activities of professor I. A. Shomrakova in the history of the book and book business is given for the first time. Particular attention is paid to the history of the book business of the first wave of Russian emigration. The role of I. A. Shomrakova as an innovator and pioneer in the study of the history of book of Russian emigration is substantiated. The main bibliological works on this issue are analyzed. Particular attention is paid to textbooks on the history of the book business of the Russian emigration «Publishing and Bibliographic Case of Russian Abroad» and «Book of Russian Abroad». The review of I. A. Shomrakova's articles in encyclopedias is given. The dynamics of the text on the history of Russian foreign affairs of the first wave of emigration in the reissues of the «Universal History of Book» is traced. Articles on special topics and problems of the book business of the Russian emigration are analyzed. The fact of the foundation of new direction in the domestic bibliology and the creation of a new scientific school by I. A. Shomrakova is given.

Keywords: I. A. Shomrakova, history of book, history of book business, Russian emigration, Russian abroad, first wave of emigration

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-140-143

Профессор И. А. Шомракова – известный историк отечественной и зарубежной книги и книжного дела. Ее перу принадлежит более 200 научных работ за более чем 50 лет педагогической и исследовательской деятельности. Доктор филологических наук И. А. Шомракова давно стала известным и авторитетным ученым-книговедом. В 1986 г. она защитила докторскую диссертацию «Государственное издательство РСФСР и проблемы становления и развития книжного дела, 1919–1930 гг.» в Московском государственном полиграфическом институте. Занимаясь зарубежными связями Госиздата, И. А. Шомракова не могла не заинтересоваться издательствами Русского Зарубежья, проблемами поставки в Советскую Россию эмигрантской книги по легальным, разрешенным каналам Государственного издательства.

Труды И. А. Шомраковой были по достоинству оценены на родине и за рубежом. Известный историк-эмигрантовед профессор Колумбийского университета М. И. Раев еще в 1990 г. в своей ставшей уже классической монографии «Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939» (New York; Oxford: Oxford University Press, 1990) и в переиздании на русском языке «Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции 1919–1939» (Москва: Прогресс-академия, 1994) в главе, посвященной «Галактике Гутенберга», сослался на статью И. А. Шомраковой «Зарубежные связи Госиздата» (Федоровские чтения. Москва, 1982) как на наиважнейшую в исследовании темы [1, с. 268].

В творчестве И. А. Шомраковой с книжным делом русской эмиграции были связаны примерно 50 научных публикаций, четверть всех ее научных работ. Исследование Русского Зарубежья – последняя научная «любовь» известного исследователя книговедения И. А. Шомраковой.

Первая статья, посвященная книжному делу русской эмиграции, была опубликована в 1982 г. в энциклопедическом словаре «Книговедение» об издательстве «Петрополис» (Москва, 1982). Впоследствии рассказывая о совершенно новом направлении в книговедении – истории книжного дела Русского Зарубежья, она вспоминала: «Долгие годы (с 1962 г.) данное направление разрабатывалось мною в „стол“» [2, с. 304]. В 1990 г. в учебном пособии «Книга и книжное дело за рубежом» в первом выпуске «Книга и книжное дело в капиталистических странах» (Ленинград: Ленинградский государственный институт культуры, 1990) есть упоминание о русских издательствах в США во второй половине XX в.

Первая же большая статья, посвященная исследуемому вопросу, – «Книжное дело Русского Зарубежья, Европа, 1917–1940» была напечатана в 1994 г. в самом главном и авторитетном книговедческом журнале «Книга: исследования и материалы» (1994. Сб. 67). Именно данное название, хронологические и географические рамки этой работы стали направлениями для дальнейшего творчества. Не могу не заметить, что именно текст данной статьи стал распространяться, без ведома автора, в Интеренете и является уже почти четверть века объектом для прямого и косвенного плагиата. В 1997 г. И. А. Шомракова переработала текст этой статьи и выпустила новый вариант под названием «Книжное дело русского зарубежья и возрождение русской культуры» для пятого выпуска сборника «Возрождение культуры России: книжно-библиотечное дело» (Санкт-Петербург, 1997).

Уже через два года И. А. Шомракова написала для ИНИОН РАН обзорные статьи про белградские и болгарские издательства для второго тома «Литературной энциклопедии русского зарубежья, 1918–1940» «Периодика и литературные центры» (1996). В 2000 г. этот том энциклопедии была переиздан известным и авторитетным научным издательство «Росспэн».

В 1999 г. выходит капитальное книговедческое издание энциклопедия «Книга» в ней более 50 статей посвящено русской эмиграции, из них пять написала И. А. Шомракова. Выделим среди них обзор русского книгоиздания за рубежом «В Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев», написанный в соавторстве Г. П. Манчха и «Петрополис» в соавторстве с В. А. Соколовой, опубликованные в энциклопедии «Книга» (1999). В том же году впервые выходит издание, в котором была предпринята попытка дать общий обзор деятельности русских эмигрантских книгоиздательских и книготорговых организаций. Это было учебное пособие, выпущенное Санкт-Петербургской государственной академией культуры «Издательское и библиографическое дело Русского Зарубежья (1918–1998)» (1999). В нем И. А. Шомракова написала введение и раздел «Издательское дело Русского Зарубежья, 1918–1940 гг.». Это издание оказалось настолько популярно, что пришлось сделать допечатку тиража, но уже с другими сведениями на обложке – «издательство Университета культуры». В сильно переработанном виде данный текст были переиздан в четырех изданиях учебного пособия «Книга Русского Зарубежья: из истории книжной культуры XX в.» в 2001 г. в Санкт-Петербургском полиграфическом институте – филиале Московского государственного университета печати, второе исправленное в 2003 г. – в Северо-Западном институте печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, в 2013 г. – в Санкт-Петербургском государственном университете технологий и дизайна и в 2016 г. – в Высшей школе печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна. Основным отличием данного текста было не только уточнение и увеличение фактического материала, но и добавление других регионов: США и Китая.

Эти учебные пособия явились для конца 1990-х – начала 2000-х гг. первым и единственным научным текстом, в котором излагалась история книжного дела русской эмиграции. Они заслуженно являются наиболее цитируемыми в книговедческой, эмигрантоведческой и гуманитарной литературе. Подчеркнем, что во всех вариантах учебного пособия И. А. Шомракова являлась соавтором предисловий о культурно-исторической значимости первой «волны» русской эмиграции.

Квинтэссенция текста этих учебных пособий была напечатана в трех изданиях учебника «Всеобщая история книги». Этот учебник был написан в соавторстве с доктором филологических наук, профессором Иосифом Евсеевичем Баренбаумом (1921–2006). В 2004 г. в третью часть учебника «Книга в первой половине XX в.» был включен раздел «Книжное дело русской эмиграции 1917–1940 г.». В последующих изданиях учебника в 2005 и 2008 гг. раздел назывался «Русское зарубежье 1917–1940 гг.». Эти издания имели гриф «Рекомендовано УМО по образованию в области народно-художественной культуры, социально-культурной деятельности и информационных ресурсов в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 071201 библиотечно-информационная деятельность, дисциплина „документоведение“». В 2014 г. этот

текст был переработан для учебника «Документоведение», часть 2: «Книговедение и история книги» (Санкт-Петербург: Профессия, 2014). Учебник вышел с грифом «Рекомендован УМО высших учебных заведений по образованию в области народно-художественного творчества, социально-культурной деятельности и информационных ресурсов в качестве учебника по направлению подготовки 071900 библиотечно-информационной деятельность, квалификация бакалавр».

В 2005 г. в энциклопедическом справочнике «Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 г.» (Санкт-Петербург: ФормаТ, 2005) авторству И. А. Шомраковой под криптонимом И. Ш. принадлежит 18 статей о крупнейших издательствах первой русской эмиграции: берлинские («Геликон», «Грани», «З. И. Гржебина», «И. П. Ладыжникова», «Мысль», «Обелиск», «Парабола», «Петрополис», «Слово», «Эпоха», последняя в соавторстве с П. Н. Базановым), парижские («Я. Поволоцкого и К°», «Русская земля», издательство журнала «Современные записки», «Таир», «Франко-Русская печать», «Ymca-Press», последняя в соавторстве с П. Н. Базановым), пражские («Пламя»), софийские («Российско-болгарское книгоиздательство»).

Отметим также работы по конкретным темам и проблемам книжного дела русской эмиграции. Прежде всего, выделим очень важную методологическую статью «Проблема источника при изучении книжного дела Русского Зарубежья», опубликованную в сборнике «Наука и культура русского зарубежья» (Санкт-Петербург, 1997) – одну из немногих среди посвященных источниковедению русской эмиграции. Обращение к послевоенному книжному делу произошло благодаря посещению США и работе в знаменитом Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. И. А. Шомракова написала две статьи об истории известного издательства им. Чехова, работавшего в Нью-Йорке в 1951–1956 гг. и являвшегося одним из самых крупных в США: «И. Бунин, Г. Иванов и Издательство им. Чехова», опубликованную в сборнике «Зарубежная Россия 1917–1939» (Санкт-Петербург, 2000) и «Материалы по истории книжного дела Русского Зарубежья в Бахметевском архиве» – в сборнике «Россика в США» (Москва, 2001). Опубликованная в сборнике «Книга. Культура. Общество» (Санкт-Петербург, 2000) статья «Пушкин и Русское Зарубежье» посвящена изданию юбилейных книг великого поэта и изданий о нем к 100-летнему юбилею со дня смерти.

Появился в творчестве И. А. Шомраковой и любимый персонаж – издатель, историк литературы, профессор Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942). Его жизни и деятельности посвящена общая статья «Е. А. Ляцкий – издатель Русского Зарубежья (по архивным материалам)» в журнале «Книга: исследования и материалы» (2002. Сб. 80). Затем последовала работа о его деятельности в Стокгольме в Швеции – «„Северные огни“ – издательство Русского Зарубежья и его создатель Е. А. Ляцкий (по архивным материалам)» в следующем выпуске сборника «Книга. Культура. Общество» (Санкт-Петербург, 2002). Завершается цикл статьей о его деятельности в Чехословакии: «Цель – развитие русской науки и культуры за пределами России: издательство „Пламя“ в Праге», опубликованной в сборнике «Наука, культура и политика русской эмиграции» (Санкт-Петербург, 2004).

Выступала И. А. Шомракова и как публикатор архивных материалов о книжном деле Русского Зарубежья. Так она совместно с П. Н. Базановым переиздала и составила научные комментарии к уникальной работе знаменитого писателя Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862–1938) «По современному вопросу» (Берега. 2009. № 10/11) из отдела рукописей Российской национальной библиотеки, о причинах кризиса зарубежного книжного дела и конце «берлинского периода». Эссе А. В. Амфитеатрова было написано настолько великолепным русским языком, что соавторы решили его не цитировать и не пересказывать, а опубликовать!

Нужно также отметить деятельность И. А. Шомраковой как научного редактора сборников, монографий и учебных пособий, посвященных русской эмиграции. Так она оказала честь автору данной статьи и вместе с ним стала соредактором сборника статей и материалов всероссийской научной конференции «Наука, культура и политика русской эмиграции», проведенной Республиканским гуманитарным институтом, Санкт-Петербургским государственным университетом и Санкт-Петербургским государствнным институтом культуры 24–26 июня 2002 г. Сборник материалов конференции опубликован в 2004 г. И. А. Шомракова выступила научным редактором книг, выпущенных Санкт-Петербургским государствнным институтом культуры: двух изданий монографии П. Н. Базанова «Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.)» (2004, 2008) и курса лекций П. Н. Базанова «Книжное дело русской эмиграции» (2015).

Регулярно выступала И. А. Шомракова в качестве научного руководителя курсовых, дипломов и диссертаций. Под ее руководством

защитила кандидатскую диссертацию по филологическим наукам сотрудница Российской национальной библиотеки Марина Геннадьевна Дымова по теме: «Издательская деятельность русской православной миссии в США и Канаде: история и современность (1896–2006 гг.) в 2013 г.

Одна из последних научных публикаций И. А. Шомраковой – совместная с П. Н. Базановым статья «Русские издательства в Берлине, 1920–1924 гг.», опубликованная в настоящем журнале в 2017 г. (№ 4 (33)). В данной работе были переработаны и подытожены достижения и открытия за прошедшие 20 лет.

Профессор И. А. Шомракова – колоритный представитель петербургской школы книговедения. Для ее работ по истории книги и книжного дела характерно применение тематико-типологического метода, использование архивных и мемуарных источников. В традициях петербургской школы история книги и книжного дела дается во взаимодействии с историей культуры и общества, а также с читательской аудиторией в эмиграции и метрополии. Для постсоветской науки характерно тяготение к фактографии, не является исключением и творчество И. А. Шомраковой, тем более что она одной из первых с профессиональных, научных позиций стала писать о книжном деле первой «волны». Новаторские работы явились тем краеугольным камнем, с которого стал строиться фундамент изучения ранее неизвестной области отечественного из зарубежного книговедения.

Можно смело сделать вывод, что труды И. А. Шомраковой стали образцом по истории книги и книжного дела Русского Зарубежья. Невозможно написать научно-исследовательские работу на эту тему без сносок и ссылок на ее труды. Также можно утверждать, что благодаря И. А. Шомраковой при кафедре документоведения и информационной аналитики (ранее общей библиографии) сложилась школа изучения истории книгоиздания и книжной торговли русской эмиграции XX в. Данные выводы уже получили заслуженное признание в профессиональной научной прессе.

Список литературы

1. Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919–1939 гг. Москва: Прогресс-академия, 1994. 296 с.

2. Шомракова И. А. Кафедра документоведения и информационной аналитики // Тр. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств, 2013. Т. 201: Книжное дело: вчера, сегодня, завтра. С. 299–308.

References

1. Raev M. Russia abroad: cultural history of Russian emigration, 1919–1939. Moscow: Progress-akademiya, 1994. 296 (in Russ.).

2. Shomrakova I. A. Document science and information analytics department. *Proc. of Saint Petersburg State Univ. of Culture*. 2013. 201: Book business: yesterday, today, tomorrow, 299–308 (in Russ.).

УДК [027.54(470.23-25):025]"1850/1930"

Г. В. Михеева, С. А. Добрусина

Юридическое отделение в Императорской Публичной библиотеке

Уже при создании Императорской Публичной библиотеки в основу организации ее фондов была положена отраслевая структура, основанная на библиографической классификации А. Н. Оленина. Среди созданных отделений было Отделение правоведения, или Юридическое отделение, в состав которого выходила также литература по экономике, торговле и политике. Основная трудность в организации Библиотеки заключалась в медленном создании каталогов на ее фонды. Административный статус отделениям Библиотеки был придан приказом М. А. Корфа в 1850 г. Развитие научного знания, дифференциация отраслей науки и техники заставляли постоянно вносить изменения в отраслевую библиотечную классификацию. Юридическое отделение было единственным, по которому сохранилась схема классификации, разработанная в 1860-е гг. В. Э. Пфаффом. В статье впервые, в том числе на основе сохранившихся архивных материалов, воссоздана история деятельности Юридического отделения Библиотеки до его закрытия в 1930 г. Приведены сведения о работавших в нем видных деятелях науки и культуры.

Ключевые слова: история библиотек, библиографическая классификация, Императорская Публичная библиотека, Российская национальная библиотека, организация фондов, А. Н. Оленин, М. А. Корф, Отделение правоведения, Н. Н. Страхов, Д. В. Философов, В. А. Чудовский

Galina V. Mikheeva, Svetlana A. Dobrusina

Department of jurisprudence in Imperial Public Library

Even when the Imperial Public Library was established, the organizational structure of its collections was based on the bibliographic classification by A. N. Olenin. Among the created departments was the Department of Jurisprudence, or the Law Department, which also included literature on economics, trade and politics. The main difficulty in organizing the Library was the slow creation of catalogs on its collections. The administrative status of the Library departments was given by the order of M. A. Korf in 1850. The development of scientific knowledge, the differentiation of the branches of science and technology forced constantly to make changes in the library classification. The Department of Jurisprudence was the only one that retained the classification scheme developed in the 1860's by V. E. Pfaff. In the article for the first time, including on the basis of preserved archival materials, the history of the activities of the Department of Jurisprudence of the Library was reconstructed until its closure in 1930. Information is provided on prominent figures of science and culture who worked in it.

Keywords: history of libraries, bibliographic classification, Imperial Public Library, National Library of Russia, organization of collections, A. N. Olenin, M. A. Korf, Department of Jurisprudence, N. N. Strakhov, D. V. Filosofov, V. A. Chudovskii
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-144-151

Каждая библиотека при своем создании неизбежно среди многих прочих вопросов вынуждена решать, каким образом должны быть организованы ее фонды и какова должна быть система каталогов, раскрывающая их содержание. Решала эти вопросы и Императорская Публичная библиотека, учрежденная 16 (27) мая 1795 г. по повелению императрица Екатерины II [1, с. 566]. В основу создающейся библиотеки были положены взятые как трофей фонды книжного собрания польских просветителей братьев Залуских.

Книги доставлялись из Варшавы на подводах до Риги, а оттуда – водным путем в Петербург [2, с. 9]. Общеизвестно, сколь неизбежно влекут за собой большие утраты и разрушения всякие перемещения на значительные расстояния книжных и архивных собраний. В немалой степени произошло это и с библиотекой Залуских. Если, по некоторым данным, это собрание при передаче ее Ю.-А. Залуским в 1761 г. «польскому народу» насчитывало 400 тыс. томов, то до Петербурга дошло предположительно около 250 тыс. [3, с. 12]. Естественно, что при упаковке этого собрания в ящики был полностью разрушен порядок организации ее фондов, итак хранившихся в Варшаве не в лучших условиях.

Уже при первоначальной разборке фондов поступившего собрания, хранившегося до окончания строительства первого в России специального библиотечного здания в садовом павильоне Аничкова дворца, происходило распределение изданий на отдельные группы по содержанию. Однако главной задачей на этом этапе создания первой национальной библиотеки России был учет поступивших фондов. По уточненным данным А. Н. Оленина, «по учиненной перечневой переписи… в 1796 г. февраля 23 дня оказалось:

Всего книг… 262 640 томов.

Да эстампов… 24 574 листа» [3, с. 7], т. е. около 300 тыс. экз.

Настоящая научная организация фондов Императорской Публичной библиотеки (ИПБ) началась с приходом в 1808 г. на должность товарища главного директора А. Н. Оленина (подробно о А. Н. Оленине см.: [4]), «и с этого времени устроение Библиотеки пошло вперед быстрыми шагами» [5, с. 23]. Уже в 1809 г. выходит его книга «Опыт нового библиографического порядка для С.-Петербургской Императорской библиотеки» – первая в отечественной истории научная библиотечно-библиографическая классификация фондов национальной библиотеки. Как и любая классификация, она в полной мере отражала состояние науки эпохи и накопившиеся к этому времени многовековые традиции и опиралась на существовавшие философские классификации.

Первую главную часть в трехчленной системе А. Н. Оленина [3, с. 37] составляет класс «Науки», в которых он выделил «Науки умственные», разделив их на четыре подкласса, или, как он называл, «отделения» [3, с. 24]: 1. Богословие; 2. Правоведение; 3. Философия; 4. История. В обоснование подобного деления А. Н. Оленин ссылался на старые философские положения, идущие от Г. В. Лейбница [3, с. 20], Ф. Бэкона [6, с. 22], учитывал все достижения знаменитых французских библиографов, во многом превосходя их.

Большим достижением для того времени можно считать то, что общественные науки в его классификации отделены от наук о природе и каждая из этих групп представляет самостоятельный комплекс [3, с. 24].

Разрабатывая новую классификацию, А. Н. Оленин в первую очередь имел в виду расстановку фондов и лишь затем – создание на этой основе систематических каталогов, полагая, что читательский спрос может быть удовлетворен только при непосредственном обращении к книгам на полках, расставленных по предложенной им системе. Он отмечал, что «скорое отыскание книг в огромных библиотеках зависит не столько от сделанного… каталога, сколько от систематического распределения самих книг и от частого их пересматривания библиотекарями, которым через то книги делаются до того известными, что они помнят не только каждую из них, но шкаф, полку и то место, на которое всякая книга поставлена» [7, с. 184–185].

Наряду с несомненными достоинствами, которыми обладала оленинская классификация и которые впоследствии справедливо отмечали специалисты-историки [8, с. 133–134], в его системе были и заметные недостатки. Подобно тому, как это было принято в существовавших в тот период «факультетской» и «французской» системах классификации, он начинал свою систему традиционно с богословия и правоведения, поскольку «они заключают в себе науки основанные на душевных способностях человека» [3, с. 24]. Цель настоящей статьи – рассмотреть подробно историю Юридического отделения.

Первоначально это отделение называлось в соответствии с оленинской схемой «Правоведение» и имело достаточно сложную структуру.

Большой подраздел в «Правоведении» занимало «Церковное право Восточной и Западной церкви», в значительной степени тяготевшее к «Богословию». Обращает на себя внимание и тот факт, что в этот раздел А. Н. Оленин включал экономику, торговлю и политику, что впоследствии, по мнению специалистов, необоснованно расширяло это отделение [6, с. 22].

Разбором книг по намеченным А. Н. Олениным отделениям занимались все чиновники Библиотеки. Чиновника, ответственного за деятельность формировавшегося Отделения правоведения, как, впрочем, и всех других отделений Библиотеки, в этот период не было [9, с. 8].

Такое распределение книг приводило к тому, что книги одного и того же отделения на разных языках оказывались разбросанными по разным помещениям Библиотеки, что в известной мере было устранено в период директорства Д. П. Бутурлина [10]. Однако ответственность за отделения тогда не была закреплена за библиотекарями.

Нечеткое распределение ответственности сотрудников за конкретное отделение продолжало оставаться какое-то время и в дальнейшем и приводило часто к тому, что за одно и то же отделение отвечали в равной степени два библиотекаря. Администрация Библиотеки стремилась «для упорядочивания сего неудобства равно как и для уравновешивания трудов между чинами Библиотеки» устранять сложившееся «двоевластие», однако, в силу уже устоявшихся традиций, это удавалось сделать не сразу.

Отделение правоведения, по сравнению с другими отделениями Библиотеки, нельзя было отнести к числу наиболее активно посещаемым читателями. Так, в 1832 г. читателям Библиотеки всего было выдано 42 379 ед. хр., в том числе: по словесности – 10 987 ед. хр.; по истории и географии 9736 ед. хр.; по богословию – 6379 ед. хр.; по правоведению – 3851 ед. хр.; по философии – 3149 ед. хр.; по всем другим наукам – 8277 ед. хр. [5, с. 94].

Со временем изменялось название Отделения правоведения, и к середине 1840-х гг. его стали именовать «Отделением правоведения и камеральных наук», или «Юридическим отделением» [11, с. 10–11].

Кардинальные изменения в деятельности отделений и придании им статуса самостоятельных структурных в административном отношении единиц Библиотеки были внесены указом М. А. Корфа от 14 апреля 1850 г., надолго определившим дальнейшее развитие Публичной библиотеки. Приоритетом в плане финансирования, и в плане внимания директора пользовалось уникальное отделение «Россика» [12]. Закрепленная этим указом отделенческая структура с возложением полной ответственности на конкретных библиотекарей касалась в том числе и Юридического отделения, во главе которого был назначен Федор Андреевич Вальтер (1809–1886). Доктор философии Лейпцигского университета, Вальтер преподавал до своего поступления в Императорскую Публичную библиотеку в Главном немецком училище Св. Петра, Главном педагогическом институте и Медико-хирургической академии [13, с. 128]. Заведуя Юридическим отделением по 1856 г., Вальтер немало сделал для соединения разрозненных частей этого отделения в единый массив, организованный в алфавите авторов.

В конце 1854 г. была проведена тщательная ревизия всех отделений Библиотеки для выяснения объема фондов, упорядочения расстановки, состояния работы над каталогами, установления приблизительных сроков окончания работ. По Отделению правоведения проверку проводил Ф. А. Вальтер, который 9 декабря 1854 г. представил подробный отчет. В нем указано, что в Отделении насчитывается около 20 тыс. томов (без учета диссертаций), «числа сочинений, – по его мнению, – определить нельзя» [14, л. 84 об.]. Во всех трех видах (алфавитный, инвентарный, систематический) карточные каталоги существовали только по разделам гражданского и уголовного права (4000 карточек). Приблизительные сроки завершения работ по каталогизации, как отмечал Ф. А. Вальтер, определить было трудно, так как она находилась в самом начале. Новые поступления при этом ставились отдельно и лишь записывались в инвентарную книгу, на дальнейшую необходимую каталогизацию времени у малочисленного штата не хватало [14, л. 85].

В 1860-е гг. в практику комплектования иностранных фондов ИПБ были введены перемены, которые благотворно отразились на пополнении собраний Библиотеки. Решения принципиальных вопросов отбора книг были переведены в ведение общих собраний библиотекарей. Коллегиальные начала, принятые в комплектовании, способствовали устранению дублирования при закупке книг для разных отделений и позволяли распределять ассигнованные на эти цели средства с учетом меняющегося читательского спроса. Так, если до этого времени на приобретение иностранных книг по правоведению отпускалось 7 % от общей суммы, то в 1860-е гг. с увеличением спроса на литературу по праву, экономике и политике (все эти дисциплины, как было заложено еще при А. Н. Оленине, входили в состав Юридического отделения) процентная норма расходов была увеличена до 13 % [15, с. 89]. Современники особо отмечали в связи с пополнением фондов Юридического отделения «богатое собрание уголовных процессов, могущих служить живым материалом для современных юристов» [11, с. 10].

Развитие отраслей, дифференциация научных знаний, поступление литературы, отражающей эти изменения, неизбежно влияли на системы расстановки фондов и, соответственно, находили отражение в классификационных схемах, которые, подобно живым организмам, не застывали на каком-либо принятом варианте, а постоянно менялись. Ни по одному из иностранных отделений этого периода не сохранилось зафиксированной классификационной схемы, хотя в целом к 1860-м гг. в большинстве отделений были закончены алфавитные и систематические каталоги [15, с. 105]. Это, к счастью, не относится к Юридическому отделению, схему расстановки и организацию систематического каталога в котором мы можем представить себе с достаточной полнотой.

В 1863 г. на средства помощника директора Библиотеки князя Н. Б. Юсупова была напечатана систематическая часть каталога Русского отделения, относящаяся к праву и политическим наукам [16]. Каталог был издан «под наблюдением и на иждивение князя Юсупова» и мыслился как начало огромной и трудоемкой работы по изданию полного «Систематического каталога книг на русском языке Императорской Публичной библиотеки», который был бы «одинаково необходим и для Библиотеки, и для публики» [16, с. 6].

Утопичность этого замысла еще раньше в полной мере осознавал М. А. Корф: «Можно и должно, – писал директор, – для пользы науки, издавать в свет каталоги рукописей, а из числа печатных книг отдельных собраний… которые представляют особенную важность. Но издание полного каталога целой библиотеки, содержащей в себе многие сотни тысяч книг… принадлежит и едва ли не всегда принадлежать будет к области несбыточных утопий. Такой каталог, уже не говоря об огромных суммах для его напечатания… не мог бы принести и большой практической пользы: ибо, при беспрестанных новых приращениях библиотеки, он, уже с самой минуты своего издания, имел бы более характер исторического памятника, нежели указателя ее действительной наличности» [17, с. 35–36]. Как и ожидалось, замысел Н. Б. Юсупова реализован не был. Единственный вышедший том, посвященный правовым, политическим и статистическим наукам, был составлен доктором прав В. Э. Пфаф-

фом, который заведовал в это время Юридическим отделением Публичной библиотеки [18, с. 431].

Уже сам этот факт давал основания полагать, что в изданном каталоге отражена и схема организации иностранных книжных фондов Отделения правоведения. Доказательства обнаружились в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, где сохранились документы, позволяющие подтвердить это высказанное предположение. В фонде В. Э. Пфаффа имеются два обзора Отделения правоведения, в которых детально раскрыта его схема [19]. Охарактеризовав в целом состояние работ в Отделении, которое к этому времени насчитывало 35 тыс. томов [19, л. 2], и отметив исключительную важность хранящейся в нем литературы для удовлетворения возросшего читательского спроса, заведующий этим Отделением раскрывает особенности классификационной схемы, принятой в ИПБ по сравнению с аналогичными подразделениями ряда европейских библиотек [19, л. 25–31; 20, л. 6–12].

В записях Пфаффа можно проследить, как он постепенно формирует деления систематического каталога, заменяя, например, принятое к тому времени понятие «международные науки» на «политические науки» [19, л. 43], в итоге предполагая утвердить более точное название Отделения – «Отделение правоведения, наук политических и социальных» [19, л. 50; 20, л. 1].

Обосновав основания деления Отделения правоведения, Пфафф последовательно применил их в печатном каталоге Русского отделения, что дает нам дополнительную возможность судить о методике и уровне систематизации того времени. Классификационная схема разработана весьма подробно по всем составным частям: правоведение, политические науки, статистика. Внутри каждой из них соблюдено однотипное деление (в каждом – до 6-го уровня деления) [16, с. 329–342]. До окончательного принятия схемы составитель консультировался с университетскими профессорами.

В предисловии В. Э. Пфафф объясняет главные основания подразделений каталога, характеризуя и историческое развитие, и современное ему состояние систематики юридических и политических наук. Если в основе многих ранее принятых схем лежала традиционная система римского права, то с течением времени образовались самостоятельные науки: политическая экономия, теория государственного управления и др., объединенные названием «Политические науки», куда составитель относил «политэкономию, теорию финансов и торговую науку», а также «философию государственного права, социальную науку (о которой даже понятие положительно не определено)» [19, л. 35–38]. Каталог снабжен, по словам В. Э. Пфаффа, «особым указателем предметов», т. е. аналогом подробного алфавитно-предметного указателя. Известно, что именно по такой методике в 1860-е гг. Пфаффом был организован предметный каталог Юридического отделения [6, с. 201], который, к сожалению, не сохранился.

Выбор для издания именно разделов правоведения и политических наук диктовался требованиями времени. Проведение реформ начала 1860-х гг. делали как никогда актуальными вопросы права, политики, социологии, статистики и т. п. Каталог получил высокую оценку специалистов [6, с. 192], а историк библиографии Н. В. Здобнов с полным основанием рассматривал его «как ответ на текущие потребности общественно-политической жизни» [21, с. 412].

После открытия в 1862 г. Собольщиковского читального зала (ныне – Ленинский читальный зал), значительного увеличения числа читателей Публичной библиотеки и роста потока печатной продукции встал вопрос о необходимости знакомить читателей с новинками иностранных поступлений. Сами читатели неоднократно указывали на необходимость издания каталога новых поступлений в иностранные отделения [22, с. 120]. Уже в конце 1863 г. Общее собрание библиотекарей приняло проект издания ежегодного каталога новых поступлений иностранных книг по отделениям. Каталоги новых приобретений на иностранных языках издавались с 1864 по 1895 г. За это время вышло 22 номера каталога, в которых литература отражена соответственно отделениям Библиотеки. Издание каталога прекратилось в 1895 г. из-за отсутствия у Библиотеки средств. В течение более чем 20 лет в отделениях продолжалось составление карточных каталогов новых поступлений в надежде, что их можно будет напечатать. Однако такой возможности не представилось, да и надобность в них со временем потеряла свою остроту.

Тяжелое финансовое положение Публичной библиотеки в 1890-е гг. негативно отражалось на пополнении отделений новой литературой. За счет отпускаемых средств «могли быть удовлетворены лишь самые насущные нужды Библиотеки… приходилось иногда доводить бережливость и экономию до такой степени, последствием которой являлись через некоторое время вредные результаты» [5, с. 415]. «Наглядным выражением того, насколько принуждена была Библиотека отказываться от приобретения новых сочинений, могут служить следующие цифры по отделению юридических и политических наук. В то время, как число вышедших в течение 1884–1890 гг. сочинений по этим наукам на немецком языке достигло 12 520 названий, Библиотекой было приобретено из них только 1044 сочинения; из 4937 сочинений, вышедших за это время на французском языке, ку-

плено было Библиотекою 523, а из 4348 сочинений на английском языке только 110 сочинений. Между тем требования читателей постоянно росли, и с каждым годом приходилось все более и более отказывать в их удовлетворении» [5, с. 418].

Сказывался на обслуживании и постоянный рост отечественного книгоиздания, что приводило к нехватке места для размещения увеличивавшегося потока новых поступлений. В связи с этим в иностранных отделениях приходилось производить постоянные перемещения фондов, складировать книги на подоконниках и на полу, что вызывало справедливые недовольства библиотекарей и читателей. Решить эти проблемы могло только строительство нового здания, что и было сделано к 1901 г. После сооружения Воротиловского корпуса в течение 1902 г. Юридическое отделение переехало в новое здание, лишь на два месяца во время переезда прекратив обслуживание читателей [5, с. 457], и продолжило в нем свое функционирование.

В 1911–1913 гг. в Юридическом отделении проводилась обработка правительственных изданий Великобритании (так называемых «Синих книг» – Blue Books) и Соединенных Штатов Америки, которые поступали в Публичную библиотеку с 1860-х гг. К 1910 г. их накопилось свыше 20 тыс. томов, тетрадей, отдельных листов. Лишь небольшая часть из них была отражена в алфавитном каталоге Отделения, бóльшая же часть даже не была разобрана. Поводом заняться приведением их в порядок послужили участившиеся запросы на них из Государственной Думы. Опыт Публичной библиотеки по каталогизации столь огромной коллекции парламентских материалов стал уникальным, первым в России. Он был интересен и для других библиотек, в частности для библиотеки Государственной Думы [23, с. 122–123].

Однако в целом каталогизация Юридического отделения продвигалась медленно, и по данным М. Н. Коноваловой, к 1917 г. фонды этого отделения были еще не полностью отражены в алфавитном каталоге [6, с. 265].

Юридическая литература пользовалась особым спросов в революционный 1917 г. Только по октябрь этого года в Отделении правоведения читателям было выдано 3742 ед. хр. [24, л. 5].

В первые послереволюционные годы в связи с ликвидацией ряда правительственных учреждений как результата перестройки государственного аппарата фонды многих иностранных отделений, в том числе и Юридического, значительно пополнились. В 1918 г. по специальному указанию уполномоченного Народного комиссариата юстиции С. Н. Драницына несколько национализированные крупных собраний, ранее находившихся в ведении бывшего Министерства юстиции, были переданы в Российскую Публичную библиотеку. Среди них – богатая справочными изданиями библиотека Кодификационного отдела, библиотеки Комиссии по разработке финляндских законов и временного присутствия по систематизации местных законов [15, с. 166]. В 1918–1919 гг. Комитет государственных библиотек купил и передал Публичной библиотеке и ряд ценных личных собраний: библиотеки известного историка русского права В. И. Сергеева, профессоров права Д. Д. Гримма и М. А. Дьяконова, юриста К. К. Арсеньева, специалиста по международному праву Ф. Ф. Мартенса и др. [15, с. 169]. Библиотека Мартенса была особенно ценной, так как содержала немало иностранной литературы, отсутствовавшей в Публичной библиотеке, по вопросам международного права, истории международных отношений и политики, государственному праву, истории русского права, социологии и экономике. Среди поступлений в этот период была и библиотека профессора Б. В. Никольского (25 тыс. томов) [25, с. 341], содержавшая в том числе и «редчайшие фолианты по римскому праву» [26].

В 1920-е гг. оживленно обсуждался вопрос о том, по какому пути должно пойти дальнейшее комплектование Публичной библиотеки иностранными изданиями. На Второй Всероссийской конференции научных библиотек в 1926 г. Ин. И. Яковкин и В. Э. Банк отстаивали принцип специализации при координации с другими библиотеками комплектования и обслуживания читателей [27]. В числе приоритетных направлений для Публичной библиотеки в этот период было выбрано увеличение выписки иностранной литературы по общественно-экономическим дисциплинам, на которые выделялось до 10–12 % получаемых Библиотекой ассигнований [15, с. 200].

Для решений кардинальных задач развития народного хозяйства и улучшения в связи с этим обслуживания специалистов Библиотека искала разные пути совершенствования своей деятельности. Так, в середине 1920-х гг. предпринималась попытка создания Отделения социальных наук, в которое была передана иностранная литература по социологии, статистике и экономике из Юридического и Философского отделений. Устранялись наиболее яркие противоречия между устаревшей системой отделений и уровнем знаний и требованиями жизни.

Отделенческая система, которая в течение 80 лет определяла многие направления деятельности Публичной библиотеки и была привлекательной для службы в ней многим специалистам-отраслевикам, не могла не отразиться на общественной значимости национальной библиотеки России. В Юридическом отделении, как и во многих других иностранных отделениях, работали специалисты, оставившие след и в жизни самой Библиотеки, и в науке, и в культуре России.

В 1856–1873 гг. (с небольшими перерывами) заведовал Юридическим отделением Мориц Федорович Поссельт (1804–1875) – историк, доктор философии Кильского университета, возглавлявший до поступления в Публичную библиотеку кафедру философии в Дерптском университете, затем служивший старшим учителем в Мариинском институте. Поссельт занимался изучением Петровской эпохи, в частности, написанием биографии Б. К. Миниха [28, с. 425–426]. Его сменил на посту заведующего этим отделением в 1873–1885 гг. философ, публицист, литературный критик, первый биограф Ф. М. Достоевского Николай Николаевич Страхов (1828–1896) [29, с. 507]. С 1900 по 1905 г. руководил Юридическим отделением юрист, литературный и художественный критик, публицист, в будущем – один из интеллектуальных столпов русской эмиграции Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940) [30, с. 542]. В период работы в Библиотеке он сумел существенно пополнить это Отделение справочными изданиями, трудами по законодательству зарубежных стран, материалами о деятельности политических партий. Вслед за ним возглавлял Юридическое отделение в 1905– 1913 гг. историк права, ученик профессора Н. Л. Дювернуа барон Александр Эмильевич Нольде (1873–1919) – в будущем экстраординарный профессор Петроградского университета по кафедре римского права, преподаватель Александровского лицея, член Юридического совещания при Временном правительстве в 1917 г. [31, с. 375–376]. Последним в дореволюционный период заведующим Юридическим отделением был литературный критик, теоретик стихосложения, журналист Валерьян Адольфович Чудовский (1882–1938) [32, с. 569], впоследствии погибший в лагере.

Столь ярких фигур в послереволюционное время в Юридическом отделении не было. Из лиц, руководивших его деятельностью, следует упомянуть возглавлявшего его в 1922–1924 гг. историка права, библиотековеда и библиографа, будущего директора Библиотеки Академии наук Иннокентия Ивановича Яковкина (1881–1949) [33, с. 614]. С 1924 г. до закрытия Отделения в 1930 г. руководила им юрист, историк права, библиотековед, дочь губернатора г. Тобольска Екатерина Александровна Лаппа-Старженецкая (1884–1971) [34, с. 312].

В 1930 г. Юридическое отделение было закрыто, его фонды, как и фонды всех других отделений, вошли в состав единого иностранного фонда.

В отчете Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде (таково было официальное наименование Публичной библиотеки в это время) за 1930 г. отмечалось: «… начавшаяся еще несколько лет тому назад реорганизация Библиотеки в смысле реального приближения ее к запросам жизни, к задачам социалистического строительства в основном была окончательно закреплена в истекшем году после перехода Библиотеки на систему функциональных секторов. Библиотека решительным образом отказалась от сложившейся в течение многих лет установки, согласно которой она являлась, прежде всего, мировым книгохранилищем, где покоились вековые собрания рукописных и книжных богатств, служивших, главным образом, для научных исследований; она обратилась лицом к массам, влила свою работу в широкое многоводное русло общей напряженной работы по реконструкции на социалистических началах нашего народного хозяйства и культурного строительства, стала одним из звеньев мощного конвейера, по которому научный опыт и технические знания передаются в широкие рабочие массы» [35, л. 16].

Сектора были вскоре переименованы в отделы, и с 1930 г. в Публичной библиотеке была утверждена структура функциональных отделов, которая сохраняется и по сегодняшний день [36, с. 13].

Список литературы

1. Грин Ц. И. Екатерина II и основание Российской национальной библиотеки // Петербургские чтения–97: материалы энцикл. б-ки «Санкт-Петербург–2003». Санкт-Петербург, 1997. С. 566–569.

2. Моричева М. Д. Библиотека Залуских и Российская национальная библиотеки. Санкт-Петербург, 2001. 214 с.

3. Оленин А. Н. Опыт нового библиографического порядка для С.-Петербургской императорской библиотеки. Санкт-Петербург, 1809. 111 с.

4. Голубева О. Д., Михеева Г. В. 1811–1843. Алексей Николаевич Оленин // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005. Санкт-Петербург, 2006. С. 50–77.

5. Императорская Публичная библиотека за 100 лет (1814–1914). Санкт-Петербург, 1914. 481, XXVI с.

6. Коновалова М. Н. История каталогизации фондов Российской национальной библиотеки, 1795–1917 гг. / подгот. к печати и коммент. Г. В. Михеевой; науч. ред. Г. В. Михеева, Р. С. Гиляревский. Санкт-Петербург, 2014. 303 с. URL: http: // vivaldi. nlr. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

7. Описание торжественного открытия имп. Публичной библиотеки, бывшего января 2 дня 1814 г., с читанными при оном сочинениями и разными до сего случая относящимися сведениями, к которым приобщено историческое известие о сем книгохранилище. Санкт-Петербург, 1814. 206, 6 с.

8. Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Москва, 1959. Т. 2. 563 с.

9. Шилов Л. А., Михеева Г. В. Предисловие // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биогр. слов. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 5–36.

10. Михеева Г. В. 1843–1849. Дмитрий Петрович Бутурлин // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005. Санкт-Петербург, 2006. С. 78–93.

11. Ивановский А. Д. Воскресное обозрение Императорской Публичной библиотеки. Санкт-Петербург, 1869. 36 с.

12. Михеева Г. В. «Россика» в Российской национальной библиотеке: история, проблемы, перспективы // Беспримерное отделение «Россика»: материалы науч. конф. Санкт-Петербург, 2000. С. 8–18.

13. Эльзон М. Д. Вальтер Федор Андреевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биогр. слов. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 128–129.

14. Отдел архивных документов Российской национальной библиотеки (ОАД РНБ). Ф. 1. Оп. 1. 1854. Ед. хр. 36. О мерах по приведению в порядок Исторического отделения Библиотеки и о поверке прочих. 95 л.

15. История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград, 1963. 436 с.

16. Систематический каталог книг на русском языке Императорской Публичной библиотеки по части правоведения, политических и статистических наук / сост. д-ром прав В. Пфаффом. Санкт-Петербург, 1863. 445 с.

17. Корф М. А. Десятилетие Императорской Публичной библиотеки (1849–1859): записка, представленная государю императору директором Б-ки. Санкт-Петербург, 1859. 49 с.

18. Фойницкий В. Н. Пфафф Вольдемар (Владимир Эммануилович) // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биогр. слов. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 431–433.

19. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 620: В. Э. Пфафф. Ед. хр. 13. Пфафф В. Э. Обзор Отделения юриспруденции и наук политических Императорской Публичной Библиотеки (сочинения на иностранных языках). 52 л.

20. ОР РНБ. Ф. 620: В. Э. Пфафф. Ед. хр. 15. Пфафф В. Э. Устройство Отделения правоведения, наук политических и социальных имп. Публичной Библиотеки в Петербурге. 33 л.

21. Здобнов Н. В. История русской библиографии от древнего периода до начала XX в. Москва, 2012. CXLVIII, 1244 с.

22. Мильчевский О. Несколько заметок на пользу имп. Публичной библиотеки // Кн. вестн. 1864. № 6. С. 118–121.

23. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1912 г. Петроград, 1917. VII, 149 с.

24. ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 6. Отчет о деятельности Библиотеки за 1917 г. 6 л.

25. Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому 1913–1918 / публ. С. В. Шумихина // Звенья: альманах. Москва; Петербург: Феникс-Ahteneum, 1992. № 2. С. 340–377.

26. ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 1. 1919. Ед. хр. 175. Реестр книгам Библиотеки Б. В. Никольского, поступившим в Публичную библиотеку в 1919 г. через Центральный комитет государственных библиотек. 297 л.

27. Яковкин Ин. И. Междубиблиотечный обмен // Труды Второй Всероссийской конференции научных библиотек: стеногр. отчет. Ленинград, 1929. С. 302–308.

28. Михеева Г. В. Поссельт Морис Федорович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биогр. слов. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 424–427.

29. Михеева Г. В. Страхов Николай Николаевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биогр. слов. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 506–510.

30. Грин Ц. И. Философов Дмитрий Владимирович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биогр. слов. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 541–545.

31. Азиатцев Д. Б. Нольде Александр Эмильевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биогр. слов. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 375–377.

32. Острой О. С. Чудовский Валерьян Адольфович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биогр. слов. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 569–570.

33. Грин Ц. И. Яковкин Иннокентий Иванович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биогр. слов. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 613–616.

34. Грин Ц. И. Лаппа-Старженецкая Екатерина Александровна // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биогр. слов. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 313–315.

35. Центральный государственный архив литературы и искусства в Санкт-Петербурге. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 618. Проект изменения структуры ГПБ и др. материалы по переходу Библиотеки на функциональную систему и <доклад> об итогах работы ГПБ в 1930 г. 61 л.

36. Шилов Л. А., Михеева Г. В. Предисловие // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биогр. слов. Санкт-Петербург, 2003. Т. 3. С. 5–34.

References

1. Green Ts. I. Catherine II and founding of National Library of Russia. *Petersburg Readings–97: materials of Encycl. library «Saint Petersburg–2003»*. Saint Petersburg, 1997. 566–569 (in Russ.).

2. Moricheva M. D. Zaluski Library and National Library of Russia. Saint Petersburg, 2001. 214 (in Russ.).

3. Olenin A. N. Experience of new bibliographic order for Saint Petersburg Imperial Library. Saint Petersburg, 1809. 109, II (in Russ.).

4. Golubeva O. D., Mikheeva G. V. 1811–1843. Alexei Nikolaevich Olenin. *History of Library in biographies of its directors, 1795–2005*. Saint Petersburg, 2006. 50–77 (in Russ.).

5. Imperial Public Library for 100 years (1814–1914). Saint Petersburg, 1914. 481, XXVI (in Russ.).

6. Konovalova M. N.; Mikheeva G. V. (sci. ed., ed., comment.); Gilyarevskiy R. S. (sci. ed.) History of cataloging of collections of National Library of Russia, 1795–1917. Saint Petersburg, 2014. 303. URL:http: // vivaldi. nlr. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

7. Description of Imp. Public Library grand opening in 1814 Jan. 2, with information read by this occasion and various cases up to present day, related information, to which historical information about this book depository is attached. Saint Petersburg, 1914. 206, 6. (in Russ.).

8. Shamurin Ye. I. Essays on history of library-bibliographic classification. Moscow, 1959. 2, 563 (in Russ.).

9. Shilov L. A., Mikheeva G. V. Preface. *Employees of National Library of Russia – figures of science and culture: biographical dictionary.* Saint Petersburg, 1995. 1, 5–36 (in Russ.).

10. Mikheeva G. V. Dmitriy Petrovich Buturlin. *History of Library in biographies of its directors, 1795–2005.* Saint Petersburg, 2006. 78–93 (in Russ.).

11. Ivanovskiy A. D. Sunday review of Imperial Public Library. Saint Petersburg, 1869. 36 (in Russ.).

12. «Rossika» in National Library of Russia: history, problems, and prospect. *Unprecedented Department of «Rossica»*: materials of sci. conf. Saint Petersburg, 2000. 8–18 (in Russ.).

13. Elzon M. D. Valter Fedor Andreevich. *Employees of National Library of Russia – figures of science and culture: biographical dictionary.* Saint Petersburg, 1995. 1, 128–129. (in Russ.).

14. Department of Archival Documents of National Library of Russia (DAD NLR). F. 1. Op. 1. 1854. 36. On measures for putting in order Historical Department of Library and verification of athers. 95 (in Russ.).

15. History of State Order of Red Banner of Labor of Saltykov-Shchedrin State Public Library. Leningrad, 1963. 436 (in Russ.).

16. Pfaff V. E. (comp.) Systematic catalog of books in Russian language in Imperial Public Library on part of jurisprudence, political and statistical sciences. Saint Petersburg, 1863. 445 (in Russ.).

17. Korf M. A. Decade of Imperial Public Library (1849–1859): note presented to Emperor by Director of Library. Saint Petersburg, 1859. 49 (in Russ.).

18. Foynitskiy V. N. Pfaff Waldemar (Vladimir Emmanuilovich). *Employees of National Library of Russia – figures of science and culture: biographical dictionary.* Saint Petersburg, 1995. 1, 431–433 (in Russ.).

19. Pfaff V. E. Review of Department of jurisprudence and political sciences in Imperial Public Library (essays in foreign languages). *Department of Manuscripts of the National Library of Russia (DM NLR).* F. 620: V. E. Pfaff. 13, 52 (in Russ.).

20. DM NLR. F. 620: V. E. Pfaff. 15. Pfaff V. E. Device of Department of jurisprudence, political and social sciences in Imp. Public Library in Saint Petersburg. 33 (in Russ.).

21. Zdobnov N. V. History of Russian bibliography from Ancient period to beginning of 20th century. Moscow, 2012. CXLVIII, 1244 (in Russ.).

22. Mil'chevskiy O. Few notes for benefit of Imp. Public Library. *Knizhnyy vestnik.* 1864. 6, 118–121 (in Russ.).

23. Report of Imp. Public Library for 1912. Petrograd, 1917. VII, 149 (in Russ.).

24. DAD NLR. F. 2. Op. 1. 6. Report on activities of Library for 1917. 6 (in Russ.).

25. Shumikhin S. V. (publ.) B. V. Nikolskii's letters to B. A. Sadovskiy, 1912–1918. *Zven'ya:* almanac. Moscow; Petersburg: Phoenix-Ahteneum, 1992. 2, 340–377 (in Russ.).

26. DAD NLR. F. 2. Op. 1. 1919. 175. Register of books of Library of B. Nikolskii, which was received by Public Library in 1919 through Central Committee of State Libraries. 297 (in Russ.).

27. Yakovkin In. I. Inter-Library Exchange. *Proceedings of 2nd All-Russian conference of scientific libraries*: verbatim report. Leningrad, 1929. 302–308 (in Russ.).

28. Mikheeva G. V. Posselt Maurice Fedorovich. *Employees of National Library of Russia – figures of science and culture: biographical dictionary.* Saint Petersburg, 1995. 1, 424–427 (in Russ.).

29. Mikheeva G. V. Strakhov Nikolay Nikolaevich. *Employees of National Library of Russia – figures of science and culture: biographical dictionary.* Saint Petersburg, 1995. 1, 506–510 (in Russ.).

30. Green Ts. I. Filosofov Dmitry Vladimirovich. *Employees of National Library of Russia – figures of science and culture: biographical dictionary.* Saint Petersburg, 1995. 1, 541–545 (in Russ.).

31. Asiatsev D. M. Nol'de Alexander Emilevich. *Employees of National Library of Russia – figures of science and culture: biographical dictionary.* Saint Petersburg, 1995. 1, 375–377 (in Russ.).

32. Ostroi O. S. Chudovsky Valerian Adolfovich. *Employees of National Library of Russia – figures of science and culture: biographical dictionary.* Saint Petersburg, 1995. 1, 569–570 (in Russ.).

33. Green Ts. I. Yakovkin Innokentiy Ivanovich. *Employees of National Library of Russia – figures of science and culture: biographical dictionary.* Saint Petersburg, 1995. 1, 613–616 (in Russ.).

34. Green Ts. I. Lappa-Starzhenetsky Ekaterina Alexandrovna. *Employees of National Library of Russia – figures of science and culture: biographical dictionary.* Saint Petersburg, 1995. 1, 313–315 (in Russ.).

35. Central State Archive of Literature and Art in Saint Petersburg. F. 97. Op. 1. 618. Draft changes to structure of State Public Library and other materials on transfer of Library to functional system and <report> on results of work in 1930. 61 (in Russ.).

36. Shilov L. A., Mikheeva G. V. Preface. *Employees of National Library of Russia – figures of science and culture: biographical dictionary.* Saint Petersburg, 2003. 3, 5–34 (in Russ.).

УДК [02:005](470)

М. Н. Колесникова, В. С. Крейденко

Современные проблемы библиотечного менеджмента в России

Рассмотрены некоторые современные проблемы управления российскими библиотеками в условиях рыночной экономики и глобализации. Деятельность библиотек осложняют такие глобальные проблемы, как экспансия Интернета, коммерциализация культуры, сокращение численности библиотек, деформация книжного рынка, дисфункция чтения, падение спроса на «бумажную» книгу и пр. Необходимо повышать эффективность библиотечного менеджмента. От него зависит многое в условиях непрерывно изменяющейся внешней среды библиотеки, порой агрессивной в своих проявлениях по отношению к ней. Библиотечный менеджмент должен быть механизмом адаптации библиотеки к рыночной экономике постиндустриального общества. Однако этому препятствует ряд ограничений, в частности, низкая стратегическая культура руководителей библиотек, «слабость», фрагментарность или полное отсутствие библиотечного маркетинга, недостаточный профессионализм управленческих кадров, отсутствие системной мотивации персонала из-за некомпетентности руководителей в сфере социальной психологии, некачественного отбора предполагаемых сотрудников библиотеки. Охарактеризовано негативное влияние названных проблем на функционирование и инновационное развитие библиотеки.

Ключевые слова: глобализация, современные проблемы управления, библиотечный менеджмент, стратегический менеджмент, библиотечный маркетинг, профессионализм, управленческие кадры, мотивация библиотечного персонала

Marina N. Kolesnikova, Vladimir S. Kreidenko

Modern problems of management of Russian libraries

Some modern problems of management of the Russian libraries in the conditions of market economy and globalization are considered. Libraries complicate global issues such as the expansion of the Internet, commercialization of culture, a reduction in the number of libraries, the deformation of the book market, reading dysfunction, the demand for «paper» book, etc. It's necessary to increase the efficiency of library management. Much depends on it in the conditions of continuously changing external environment of the library, sometimes aggressive in its manifestations in relation to it. Library management should be a mechanism of adaptation of the library to the market economy of post-industrial society. However, this is hampered by a number of restrictions, in particular, the low strategic culture of library managers, «weakness», fragmentary or complete lack of library marketing, lack of professionalism of management personnel, lack of systemic motivation of staff due to incompetence of managers in the field of social psychology, poor selection of alleged library staff. The negative impact of these problems on the functioning and innovative development of the library is characterized.

Keywords: globalization, modern problems of management, library management, strategic management, library marketing, professionalism, management personnel, motivation of library staff
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-152-156

В основе социально-культурной и экономико-правовой самоидентификации и стабилизации библиотеки как социального института лежит система управления, которая скрепляет все его уровни и звенья, обеспечивая их социальную устойчивость. От системы управления зависит многое, если не все, тем более в условиях непрерывно изменяющейся внешней среды библиотеки, порой нелояльной и даже агрессивной в своих проявлениях по отношению к ней. Сегодня управление должно быть не просто эффективным, а сверхэффективным механизмом адаптации любой организации (и библиотека – не исключение) к рыночной экономике постиндустриального общества.

Но насколько эффективен менеджмент в России вообще, и в библиотечном деле, в частности? Отвечая на этот вопрос, вспомним, что Россия, в отличие от зарубежных стран, имеет небольшой опыт рыночного менеджмента, всего с 1990-х гг. При этом оказалось невозможным просто копировать западный опыт, а необходимо перерабатывать и синтезировать его с учетом особенностей чисто российских ментальности и состояния и структуры отечественной экономики. Поэтому у нас менеджмент «с российским лицом», со своими нюансами. В том числе, в библиотечном деле.

Остановимся на некоторых современных, а в сущности непреходящих, проблемах библиотечного менеджмента.

Отсутствие в библиотечной отрасли стратегического менеджмента как системы; низкая стратегическая культура библиотечных менеджеров

Под влиянием глобализации в последние годы в мире произошли огромные изменения, часто разрушительные. Они касаются не только всех сторон внутренней жизни стран, но и мирового порядка в целом. При этом наблюдается нарастание темпов происходящих перемен. Глобализация все более ускоряется, и остановить ее вряд ли возможно. Для библиотек имеют значение такие глобальные проблемы, как экспансия Интернета во всех сферах жизнедеятельности человека, коммерциализация культуры, сокращение численности библиотек, деформация книжного рынка, дисфункция чтения, падение спроса на «бумажную» книгу и пр. Как результат влияния этих проблем наблюдается, метафорически выражаясь, «мутация библиотечной ДНК», изменяющая и уже во многом изменившая природу библиотеки, ее естество, что провоцирует кризисные явления всей библиоинфосферы, активно обсуждаемые в профессиональном сообществе.

Одной из острых проблем во втором десятилетии XXI в. является отсутствие прогностической, реалистичной модели Библиотеки Будущего. Отсутствие моделей библиотек характерно для всех их видов и типов, но, в первую очередь, оно катастрофично для общедоступных библиотек, задуманных и созданных в XIX в. именно массово, для широких масс населения во всем мире, чтобы обеспечить их самообразовательное чтение, просвещение, бесплатное получение информации и знания через печатный источник. Поэтому, когда с наступлением эры тотального распространения информационных технологий в конце XX в. «личность» стала реализовывать это свое право на информацию, знание массово вне библиотек, начался кризис общедоступности – общедоступная библиотека столкнулась со своей непопулярностью в современном «информационно продвинутом» обществе. Бороться с «нечтением» современного, прагматично настроенного человека общедоступной библиотеке крайне сложно. Советская концепция целенаправленного руководства чтением, принесшая свои ожидаемые плоды, в 1990-е г. была отвергнута, а на смену ей выдвинута концепция демократической свободы доступа к информации. Теперь мы наблюдаем последствия этой информационной революции. И поскольку самообразовательное чтение (как и профессиональное, и развлекательное) и получение разнообразной информации может происходить, и будет происходить массово вне библиотек, у многих возникает обоснованный вопрос – зачем они вообще? (вариант: «Кто сегодня туда ходит?»).

Этот вопрос стали активно ставить (особенно органы власти, финансирующие библиотеки) и энергично обсуждать с конца прошлого столетия, и он не сходит с повестки дня. Окончательный и бесповоротный ответ до сих пор не дан ни библиотечной корпорацией, ни культурологами и философами, ни теми структурами, которые определяют культурную политику страны. А имеет ли убедительный ответ на этот вопрос, например, руководитель конкретно взятой библиотеки? Занимается ли он научным прогнозированием ее развития? Имеет ли на рабочем столе в каждый период деятельности библиотеки соответствующий документ (стратегический план; генеральный план; концепцию развития и т. п. ?). Скорее всего, ответ будет отрицательный. Как же тогда эффективно управлять библиотекой в отсутствие надежных и обоснованных ориентиров и целей, перенесенных в будущее?

«Слабость» библиотечного маркетинга

Библиотечный маркетинг стал предметом интереса библиотековедов, обеспокоенных утверждением в России идеологии рыночной экономики и падением популярности книжного чтения, в середине 1990-х гг. С того времени широкое признание получила интерпретация библиотечного маркетинга как управленческой деятельности библиотеки, организованной на принципах классического маркетинга, направленной на достижение целей полного удовлетворения потребностей пользователей и обеспечения адаптации библиотеки к современным социально-экономическим условиям (т. е. рыночным), предложенная И. М. Сусловой [1, с. 225].

Но это определение содержит некое противоречие. Классический маркетинг связан с получением прибыли, а библиотечный маркетинг – некоммерческий, и потому его «прибыль» нематериальна, носит социальный характер, представляя собой устойчивый спрос на услуги/продукты библиотеки, ее востребованность у населения. Эта «прибыль» не является постоянной и высокой константой. Она достигается посредством многих действий библиотеки, в том числе благодаря применению маркетинговых ин-

струментов. Из всего их спектра более или менее освоена реклама библиотечных услуг на сайте библиотеки, в социальных сетях, местной печати. Хуже обстоит дело со связями с общественностью (например, личными формами коммуникации: публичными выступлениями руководителей, ведущих специалистов библиотек на общественно значимых мероприятиях; пресс-конференциями и брифингами, круглыми столами, презентациями, фильмами, блогами и пр.). Отсутствует маркетинговый мониторинг рынков библиотеки (книжно-информационный, досуговый, образовательный). Маркетинговые исследования библиотеки в массе своей не проводят либо проводят эпизодически, локально, методологически не проработано, а в привычном формате анкетирования пользователей. Что дает такое анкетирование для маркетинговой деятельности библиотеки? Очень мало или почти ничего. Поэтому маркетинговые концепции, о которых много писали классики библиотечного маркетинга В. К. Клюев, С. Д. Колегаева, И. М. Суслова, Е. М. Ястребова, фактически отсутствуют у библиотек. Адаптация библиотеки к быстро изменяющимся, рыночным социально-экономическим условиям происходит инертно, интуитивно, фрагментарно.

Проблема качества управленческих кадров, их профессионального соответствия требованиям времени

Для начала зададимся вопросом: как становятся библиотечными менеджерами, в частности, директорами библиотек? Есть два пути: «снизу» (когда специалист показал профессиональную эффективность в коллективе, был замечен, продвинут, вошел в «профессиональный лифт» и т. д.) и «сверху» (был назначен учредителем библиотеки). Первый путь, как будто, более правильный, оптимальный. Но и второй может быть удачным (но может быть и катастрофическим). В этом случае, проблему создает/не создает вышестоящий руководитель библиотеки (т. е. учредитель). Какими критериями он руководствуется, назначая данного человека на должность директора библиотеки? Есть ли они у него?

Например, в западном менеджменте выбор менеджера (даже не высшего звена) – сложная, многоэтапная процедура с целью оценки его, в первую очередь, стратегической культуры. Претендент на руководящую должность проходит ряд собеседований, встречается с сотрудниками разных направлений данной организации, с другими руководителями разных уровней. Детали будущей работы обсуждаются как можно более подробно, потом организация и потенциальный менеджер принимают решение о совместной стратегической работе, оговаривают ее мельчайшие нюансы. Такая процедура оправдана, поскольку менеджер, особенно высшего звена, приходит в организацию не на один год. Он должен «вписаться» в систему, разделять и продвигать культуру корпорации, его система подготовки дорогостояща и длительна, потому его замена или его промахи в работе – это убытки для организации.

В библиотечном же деле многие библиотечные руководители, особенно со стажем, считают, что главное для эффективного управления – иметь опыт работы и обладать полномочиями (властью). Но руководители, особенно высшего звена, в силу специфичности своих функций не должны быть просто «ремесленниками от управления», т. е. опираться исключительно на свой прошлый опыт, а должны виртуозно владеть определенным комплексом управленческих знаний, основанном на мировой практике. Ведь управление – это точно такая же отдельная отрасль деятельности со своей спецификой, как машиностроение, транспорт, банковское дело и т. п. Библиотекарь, становясь заведующим отделом, приобретает новые функции и полномочия, для исполнения которых прошлый, библиотечный, опыт недостаточен, а то и мало полезен. И чем выше должность, тем больше в ней специфических управленческих функций и меньше технологических, собственно библиотечных.

Как отмечают исследователи, беда многих российских высших менеджеров в том, что они, заняв позицию управленца, по стилю мышления, по способам решения проблем остаются отраслевыми специалистами, т. е. «руководителями, просто принимающими решения», а не «системно управляющими процессом». Как правило, такие руководители увлеченно и достаточно неплохо занимаются технологическими проблемами организации и весьма неохотно – собственно управленческими.

Поэтому еще раз стоит подчеркнуть, что управленческая подготовка руководителю библиотеки настоятельно необходима и управленческие знания должны постоянно актуализироваться. Ведь профессионализм менеджера – не статичное понятие, он требует развития «через всю жизнь», фактически превращения его в искусство управления.

Проблема мотивирования сотрудников библиотек

Мотивирование подчиненных – это создание системы мер, направленных на побуждение работников к эффективному, добросовестному, инициативному труду. Создание данной системы требует поиска, разработки, выбора мер с учетом индивидуальных особенностей каждого работника.

Если в основе материальных мер побуждения к труду лежит оплата труда работников (стимулирование), обеспечивающая удовлетворение его материальных потребностей и реализацию трудового потенциала, то меры нематериальной мотивации – это, прежде всего, воздействие на работника, способствующее изменению/поддержанию/формированию его ценностных ориентаций и интересов, раскрытию трудового потенциала. Обеспечить такое воздействие гораздо сложнее, чем стимулировать работника.

Теоретические представления о механизме мотивации и стимулирования, имеющиеся у руководителя, к сожалению, не всегда полностью совпадают с его практическим воплощением. Именно «рычаги», связанные с мотивацией, чаще всего, недостаточно эффективно работают в библиотеках. В чем причины такого диссонанса?

1. Во многом он возникает из-за недостаточной компетентности менеджера, в частности, в сфере социальной психологии, психологии трудового коллектива. Это большой минус для современного руководителя библиотеки. Сегодня социальная психология – вообще одна их активно востребованных областей профессиональной деятельности. Ведь на нынешнем этапе развития социальной жизни общества отмечаются нарастающие кризисные тенденции, а именно – отчужденность индивидов, отсутствие у людей убедительных, ясных идеалов и целей, подмена духовных ценностей сиюминутными удовольствиями, распространение идеологии потребления, агрессивность, нигилизм, фобии и т. п. Все это заставляет людей все чаще обращаться за психологической помощью. Поэтому руководителю библиотеки настоятельно необходимо формировать компетентность в вопросах социальной психологии, чтобы эффективно выстраивать межличностную коммуникацию индивидуально с каждым подчиненным, в том числе в плоскости его индивидуального мотивирования. Трудовые коллективы библиотек также нуждаются в профессиональном социальном управлении, как и любые другие.

Вместе с тем не секрет, что в библиотеках разных типов отмечается низкая мотивация у сотрудников либо вообще ее отсутствие, даже у тех специалистов, которые получили соответствующее образование. Исследования констатируют карьерный пессимизм библиотекарей, недовольство высокой напряженностью труда, низкую лояльность по отношению к библиотеке и др. Не перечисляя общеизвестных причин такого положения, акцентируем внимание на другом.

Мотивация трудовой деятельности библиотекарей во многом зависит от возможностей самореализации и общения, т. е. имеют место психологические дивиденды – высокая степень удовлетворенности самой работой. Кроме того, мотивацию библиотекарей отличают превалирование социального мотива (общение с читателями, общение с коллегами) и мотива безопасности (гарантированная заработная плата, отпуск, в том числе, оплачиваемый учебный отпуск, оплачиваемый бюллетень, другие преференции); зависимость между индивидуальной мотивацией труда и общим состоянием библиотеки – условиями труда, морально-психологическим климатом, стилем управления и др. На мотивацию труда оказывают влияние также возможность продвижения, адекватная система оценки и поощрений и др.

Но приходится констатировать, что, в основном, служебный рост библиотекарей часто происходит эпизодически и медленно. В библиотеках не составляются карьерограммы сотрудников, мотивационные карты, квалификационные аттестаты и другие документы, которые могут служить основанием для принятия соответствующих мотивационных решений и действий руководства.

2. Помимо отсутствия/низкого уровня психологической компетентности, практических навыков управления мотивацией у руководителей библиотек, слабым местом кадрового менеджмента в отношении создания системы мотивирования персонала является слабая предварительная работа/полное отсутствие ее с претендентами на работу в библиотеке на «входе» в нее, т. е. на этапе подбора и отбора сотрудников. Фактически не используются психологические тестирования, заполнение и анализ анкет при приеме на работу, подробные собеседования при найме, практические демонстрации способностей претендента к выполнению той или иной работы и т. п., чтобы выяснить его готовность и мотивированность к библиотечному труду. Справедливости ради следует сказать,

что нередко на работу в библиотеку принимают того, кто пришел, независимо от его образования и жизненных установок, за отсутствием других претендентов. В данном случае говорить о библиотечно-ориентированной мотивации, видимо, не приходится.

Очень часто в причинах «бед» библиотек обвиняют власти разных уровней, которые их недофинансируют, переводят в худшие помещения, объединяют с клубами, «толкают» на путь коммерциализации, сокращают штат, закрывают и т. п. К сожалению, все это имеет место. Но это «беды», приходящие извне. Однако есть «беды», которые не зависят или мало зависят от позиции властей, а существуют внутри библиотек и по вине их самих. Именно на это профессиональной корпорации стоит обратить пристальное внимание. Тем более, что есть примеры библиотек, где успешно решаются рассмотренные выше проблемы.

Список литературы

1. Суслова И. М., Клюев В. К. Менеджмент библиотечно-информационной деятельности. Санкт-Петербург: Профессия, 2009. 600 с.

References

1. Suslova I. M., Klyuev V. K. Management of library and information activities. Saint Petersburg: Professiya, 2009. 600 (in Russ.).

УДК [025.7/.9+930.25]:001.891.5

С. А. Добрусина, Н. И. Подгорная

Оценка состояния фондов библиотек и архивов

Описан опыт обследования состояния библиотечных и архивных фондов неразрушающими методами с целью выявления повреждений различного вида, оценки состояния документов, определения возможности их дальнейшего использования и разработки программы консервации. Представлены методики обследования фондов, разработанные российскими и зарубежными библиотеками и архивами. Результаты обследования заносятся в информационные карты, электронные паспорта сохранности, из которых на основе программных пакетов MS Access и MS Excel формируются базы данных состояния документов. Рассмотрен вопрос выборки объектов обследования для обеспечения статистической достоверности результатов, репрезентативности, случайности и достаточности. Показана возможность интегрирования баз данных состояния документов в библиографические базы данных. Оценка состояния фондов позволяет спланировать консервационные мероприятия с соблюдением этических норм консервации, обеспечить индивидуальный подход к каждому документу и к фонду в целом, установить приоритеты в выполнении работ, свести к минимуму риск повреждения документа при использовании.

Ключевые слова: сохранность библиотечных фондов, сохранность архивных фондов, консервация документов, обследование фондов, доступность фондов, электронный паспорт сохранности, электронные базы данных

Svetlana A. Dobrusina, Natalia I. Podgornaya

Evaluation of libraries and archives collections

The article deals with the experience of examining the state of library and archival collections by non-destructive methods in order to identify deterioration of various types, assess the state, determine the possibility of their further use and develop a conservation program. The methods of survey of stocks developed by Russian and Foreign libraries and archives are presented. The results of the examining are fixed in information cards, electronic preservation data passport, from which database status of document on the basis of software packages MS Access and MS Excel are formed. Consider the sample survey to ensure statistical validity of the results, representativeness, randomness, and sufficiency. The possibility of integration the database of state documents in the bibliographic database are shown. Evaluation of the state of the stocks allows to plan conservation activities in compliance with ethical standards of conservation, to provide an individual approach to each document and to the stocks a whole, to set priorities in the performance of work, to organize activities with minimal risk of document deterioration.

Keywords: preservation of library stocks, preservation of archival stocks, document conservation, survey of library stocks, accessibility of library stocks, electronic preservation passport, electronic database
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-157-164

Практика обеспечения сохранности документов в библиотеках показывает, что количество документов, требующих особого внимания специалистов, постоянно увеличивается. Необходимость систематического обследования физического состояния документов по единой методике очевидна: оно позволяет своевременно выявить повреждения, скорректировать условия хранения и использования документа, разработать необходимые мероприятия по превентивной и оперативной консервации, оценить финансовые затраты на их реализацию. Традиционные инструментальные методы оценки состояния бумаги, широко используемые в научных исследованиях, являются разрушающими и не применимы к документам, хранящимся в фондах. Поэтому разработка методики обследования оригинальных документов, оценка тех или иных видов повреждения, формирование базы данных о физическом состоянии документов, экспертная оценка отдельных документов и фонда в целом являются актуальными задачами для специалистов служб консервации документов и хранителей.

Чрезвычайно остро вопрос об оценке состояния документов с целью их дальнейшего использования, замены, реставрации или списания встал после пожара в Библиотеке Академии наук (БАН) в 1988 г.

На основе результатов исследования «Научная экспертиза состояния фондов БАН СССР, пострадавших от пожара», специалистами предложена оценка состояния издания по трем основным параметрам: степени обугливания, степени карбонизации и степени коробления. Для количественной оценки каждого из параметров приняты 4 дискретных уровня: 0 – отсутствие повреждения,

1 – слабое повреждение, 2 – среднее повреждение, 3 – сильное повреждение. Методом малой выборки обследовано 14 хранилищ и получены результаты, характеризующие процент книг с определенным видом и степенью повреждения. Описание книг из фонда К. М. Бэра по предложенной методике позволило сопоставить экспертную оценку сохранности по выборке с реальным состоянием фонда, сделать выводы, какие документы практически не пригодны к эксплуатации, какие требуют определенных консервационных обработок, создания щадящих условий эксплуатации, защиты от действия перепадов температуры и относительной влажности воздуха.

Выполненная в БАН программа исследований и технологических приемов консервации документов, пострадавших при пожаре, явилась качественно новым этапом в определении политики обеспечения сохранности документов.

Работа по консервации фондов, пострадавших при пожаре, позволила создать максимально унифицированные информационные карты и фактографические базы данных по сохранности изданий. Составлено несколько вариантов информационных карт, учитывающих особенности различных коллекций и документов разного вида. По замыслу создателей, все базы в целом должны составлять концептуально единый комплекс, доступный в рамках локальной сети библиотеки [1].

Разработанные методики оценки состояния изданий применены к коллекции печатных книг «Библиотека Петра I». Консервационным работам предшествовала полная экспертная оценка сохранности книг, идентификация физико-химических и микробиологических повреждений, составление информационной карты на каждую книгу. Карта включала 153 характеристики, разделенные на пять крупных блоков: библиографические сведения, материалы и техника изготовления книг, сохранность переплета и блока – идентификация повреждений (механических, химических, биологических), консервационные обработки, как примененные ранее, так и необходимые и допустимые в настоящем, рекомендации на будущее. На основе всесторонней экспертизы коллекции даны соответствующие заключения, создана база данных, позволяющая выявлять различные особенности книг и обеспечивать выполнение разработанной программы их консервации. В результате комплекса консервационных мер отмечено улучшение экологической ситуации в хранилище, соблюден принцип наименьшего вмешательства в документ, обеспечена обратимость консервации благодаря применению контейнеров из бескислотного картона для дальнейшего хранения книг [2].

Использование фактографических баз данных, отражающих состояние фондов, является основой информационного обеспечения работ по консервации в Библиотеке Российской академии наук (РАН). Благодаря созданию и обновлению электронных фактографических баз данных снижаются затраты времени на планирование работ по консервации, определяются наиболее эффективные методы консервации, учитывающие экологическую обстановку в хранилищах и текущее состояние фонда.

Разработаны технология создания фактографического описания библиотечных фондов, программное обеспечение для превентивной консервации фонда иностранных рукописей, поддерживаются базы данных «Библиотека Петра I», «Славянский фонд. Библиотека Радзивиллов».

С помощью баз данных специалисты оценивают состояние документов в конкретный момент времени: выполняют анализ состава и физического состояния фонда (или его части); определяют объем, приоритетность и очередности консервационных и реставрационных мероприятий; разрабатывают перечень необходимых мероприятий по консервации; делают отметку о выполнении этих мероприятий с указанием исполнителей, дат, инструкций и методик работы. Ведется мониторинг состояния коллекции в процессе хранения, после выполнения обработок, консервационных мероприятий; определяются интегральные количественные и качественные характеристики по каждому параметру для всей коллекции; производится обобщение имеющихся данных на основе созданного экспертного модуля статистического анализа; разрабатываются рекомендаций по общей стратегии сохранения фонда (коллекции).

В последнее десятилетие специалистами Библиотеки РАН усовершенствованы технология создания фактографического описания библиотечных фондов, индивидуальные информационные карты-описания для документов коллекций и программное обеспечение на основе MS Access. Начиная с 2008 г. издания из фондов, которые переводятся в форму фазового хранения, описывают по информационным картам с одновременным занесением данных в соответствующую базу данных. С 2013 г. уже имеющиеся базы по сохранности поэтапно конвертируются в формат UNIMARC для дальнейшего использования в ИРБИС–64. В 2016 г. уже на основе ИРБИС–64 разработана база данных «Микромицеты БАН», содержащая информацию о микроскопических грибах, выделенных с биоповрежденных документов [3].

В Лаборатории консервации и реставрации документов РАН для оценки степени сохранности документов, поврежденных в аварийных ситуациях, предложен квалиметрический (количественный) метод. Сущность метода состоит в экспертной оценке качества документа, выработке шкалы оценок различных свойств и определении комплексной

оценки качества. Для этого составлен перечень характерных видов повреждений документов, произведен выбор единичных показателей качества (состояние материальной основы документа, сохранность текста, контрастность текста, различные повреждения), введены коэффициенты весомости, отражающие важность каждого единичного показателя. Единичный показатель качества складывается из определенных дефектов, оценка которых производится по 4-балльной шкале. Метод апробирован на примере коллекции К. Э. Циолковского. По результатам исследования установлено, что более 60 % документов фонда имеют сильно деструктированную основу, осыпающийся текст с пониженной контрастностью. Прогнозируемая долговечность коллекции – не более 50 лет. Практика работы показала, что данный метод оценки состояния фонда позволяет прогнозировать объем и сложность реставрационных и восстановительных работ [4].

В 1998 г. научно-исследовательским отделом консервации документов Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино (ВГБИЛ) разработана методика обследования фонда, которая предусматривает подробное описание сохранности отдельно взятого документа с заполнением информационной карты, содержащей следующие характеристики: идентификационные данные, сведения о переплете, блоке и их повреждениях. На основе оценки повреждений документа определяется коэффициент сохранности, который характеризует долю повреждений документа относительно общей суммы повреждений, подробно представленных в информационной карте состояния. Методика применима для больших массивов документов и отдельных коллекций. Результаты обследования сведены в базу «Сохранность», созданную на основе программного пакета MS Access, и дают общую количественную оценку документов, нуждающихся в специальной обработке, позволяют прогнозировать дальнейшее поведение документов, планировать работу по консервации фондов и финансовые затраты. По данной методике обследован фонд отдела «Абонемент» и фонд «Коллекция Н. М. Зернова». Результаты обследования, сведенные в базы данных, позволили выполнить статистический анализ сохранности по определенным параметрам (единичным или совокупности нескольких), представить структуру фонда, дать оценку состояния фонда в целом, прогнозировать дальнейшее поведение документов, скорректировать условия хранения и использования документов. В частности, для отдела «Абонемент» спланирована и проведена работа по изготовлению защитного переплета книг в мягких обложках, представлены данные о необходимости более интенсивного обновления фонда. Для коллекции Н. М. Зернова выявлена необходимость реставрации значительного количества бумажных обложек, изготовлению защитных переплетов по типу имеющихся в коллекции владельческих переплетов. Проделанная работа способствовала рациональному планированию консервационных мероприятий: очередность работ организована с учетом таких факторов, как востребованность изданий читателями, наличие дублетных экземпляров и т. п.

В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи разработана методика описания доступности и сохранности документов на бумаге. Особое внимание уделено формированию выборки для исследования, разработке универсальной карты обследования объекта и созданию электронной базы данных. Методика основана на квалиметрической оценке различных повреждений документа, что позволяет уменьшить процент ошибки.

При обследовании количественно оценивалась каждая составная часть документа и характерные для нее виды повреждений. Универсальная карта обследования объекта отражает повреждения носителя информации, «информационного слоя», переплета, паспарту или рамы. Повреждения, в свою очередь, характеризуются по природе – химические, механические, биологические. Каждый вид повреждений оценивается количественно по 4-балльной шкале: 0 – повреждение отсутствует, 1 – одиночные повреждения, 2 – повреждения среднего уровня, 3 – серьезные повреждения, угрожающие сохранности документа. В карте имеется раздел, содержащий рекомендации по консервации и возможности использования документа. На основе карты создана база данных в программном пакете MS Access. Статистическая обработка результатов дает общую картину по уровню доступности коллекции или фонда (выдавать без ограничений, выдавать ограниченно, не выдавать) и процент объектов от общего числа по каждому уровню доступности, количество объектов (в процентах), имеющих определенные повреждения, информацию о материалах и технике исполнения документа. Апробация методики проведена на основе фонда «Коллекция чертежей». Выявлено, что преобладают химические и механические повреждения документов, незначительная часть повреждена влагой и имеет повреждения от ранее выполненной реставрации. Определена степень доступности коллекции в целом: количество документов, которые могут выдаваться без ограничений, с ограничением и требующие неотложной консервации. Установлено, что хранилище перегружено, составлен план оснащения хранилищ новым оборудованием, в первую очередь драйверами для крупноформатных материалов.

Для фондов оружия, военной техники, средств связи специалистами музея разработана форма «Паспорт состояния образца вооружения и военной техники» и обследовано несколько образцов на открытой экспозиции.

В зарубежных институтах оценке сохранности документов различного вида давно уделяется большое внимание. Интересны работы специалистов Нидерландов и Великобритании.

В Национальном архиве Королевства Нидерландов совместно с Научно- техническим центром (TNO) разработана универсальная методика оценки состояния архивных коллекций (UPAA-STANDARD) и коллекции карт, чертежей и рисунков (UPAA-MD) для ответа на вопрос «Можно ли выдавать документ читателю?».

Голландские специалисты считают, что для получения результатов обследования с уровнем достоверности 95 % достаточный объем выборки составляет 200 единиц. При этом «единицей» может быть как одиночный документ, так и серия документов. Процесс отбора основан на эмпирической модели для партикулярных материалов [5]. Отбор объектов для исследования производится по компьютерной программе после введения целого ряда данных о длине архивных полок, среднего числа объектов на полке, заданного объема выборки и т. д.

При заполнении формы UPAA-STANDARD главное внимание уделяется описанию повреждений. Все повреждения разделены на пять основных категорий и имеют буквенное обозначение: повреждения переплета и книжного блока (B), химические (C), механические (M), повреждения влагой (V), повреждения насекомыми и грызунами (I). Каждая категория повреждений имеет несколько подкатегорий.

К подкатегориям повреждения переплета и блока относятся повреждения крытья, утрата переплета, деформация, утраты фрагментов. Подкатегории химического повреждения – окислительная и гидролитическая деструкция целлюлозы, в том числе под действием кислотосодержащих чернил; повреждения, вызванные веществами и материалами, использованными при предыдущей реставрации; фоксинги. Подкатегории механического повреждения – повреждения в процессе использования и бытования. Повреждения влагой – пятна и обесцвечивание текста, пигментные пятна плесневых грибов, налеты плесени, сцементирование.

С учетом количества повреждений по категориям и подкатегориям определяется уровень повреждения документа: низкий (использование документа без риска его последующего разрушения), средний (повреждение имеет место, но при бережном использовании состояние объекта не ухудшится), серьезный (ухудшение состояния объекта при использовании).

По совокупности категорий повреждения и уровня повреждений устанавливают уровень доступности документа:

уровень 1 – документ в очень хорошем состоянии и может использоваться без ограничений;

уровень 2 – документ в удовлетворительном состоянии, однако его использование может служить причиной незначительного снижения долговечности;

уровень 3 – документ в плохом состоянии, использование ограничено, требуется консервационное вмешательство;

уровень 4 – документ в очень плохом состоянии, использование невозможно, необходимо срочное консервационное вмешательство.

Для всех видов повреждений в форме UPAA-STANDARD приводится только информация об их наличии, без количественной оценки. Данные обследования документов сначала заносятся в бумажную форму, а затем вводятся в базу, разработанную на основе программы Excell. Программа выполняет статистическую обработку введенных данных и выдает отчет, в котором в цифровом и графическом виде представлена информация по видам повреждений, категориям и уровням повреждений и доступности. На основе данных, приведенных в отчете, возможны оценка объема и вида работ, необходимых для обеспечения доступности коллекции, а также определение объема финансирования консервационных мероприятий.

Форма UPAA-MD для карт, чертежей и рисунков более обширна, чем форма для архивных документов. Помимо данных о различных видах повреждения документа включает в себя библиографическую и материаловедческую информацию.

В Британской библиотеке создана методика описания уникального документа – Синайского кодекса, рукописи IV в., являющегося самым ранним и полным из дошедших до наших дней списком Священного Писания на греческом языке. Части рукописи оказались сосредоточены в четырех всемирно известных хранилищах рукописного наследия – монастырь св. Екатерины (Синай), Британская библиотека (Лондон), Университетская библиотека Лейпцига, Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

В марте 2005 г. в Лондоне официальные представители этих учреждений заключили договор о партнерстве с целью реализации международного проекта «The Codex Sinaiticus», который успешно завершен в 2010 г. В результате решены следующие задачи: выполнена консервация всех листов Синайского кодекса по единому стандарту; изготовлены цифровые копии всех частей Кодекса в едином формате; транскрибирован текст и дан научный

комментарий; весь Кодекс опубликован on-line; исследована история Кодекса [6].

Изготовлению цифровой копии и консервации предшествовало детальное описание физического состояния каждого листа.

В 2007 г. специалисты Федерального центра консервации библиотечных фондов Российской национальной библиотеки (ФЦКБФ РНБ) имели возможность ознакомиться с методикой обследования документа, описания его физического состояния. С целью описания состояния документа британскими специалистами разработан единый метод, который мог использоваться во всех четырех местах хранения. Результаты описания введены в уникальную по своей основательности базу данных, созданную в программе Excell. База насчитывает более 300 полей и дополнена созданными в рамках проекта изображениями и особенностями фрагментов; имеется глоссарий специальных терминов и определений. В базу данных внесены сведения о физическом состоянии документа, пергамене как носителе информации, способах его обработки перед написанием, размере, кодикологических особенностях каждого фрагмента, чернилах, использованных для написания разных частей текста. Неразрушающими методами исследована поверхность пергамена, а также чернила, проведен их сравнительный анализ.

Форма описания физического состояния Синайского кодекса состоит из восьми частей: общая, описание пергамена, описание текстовой части, кодикологические особенности документа, ранние реставрационные обработки, состояние документа, состояние реставрированных частей, консервационные обработки. Для удобства описания особенностей лист Кодекса разделен на непосредственно текстовую часть и часть с маргиналиями. В свою очередь текстовая часть разделена на четыре, каждая их которых имеет буквенное обозначения a, b, c, d. Часть с маргиналиями разделена на шесть частей, обозначенных соответственно e, f, g, h, i и j. Кроме того, пронумерованы колонки текста. В соответствии с выделенными частями из инертной полиэфирной пленки изготовлены шаблоны листов Кодекса, при помощи которых легко можно указать место того или иного повреждения, той или иной особенности документа.

Общая часть включает описание Кодекса как книги: количество тетрадей, размер листов, нумерация листов, которая, и это было отмечено при описании, различна в разных местах хранения частей Кодекса.

Описание пергамена как носителя информации заключается в определении вида животного, из шкуры которого он изготовлен, указании стороны (мездровая или мясная), толщины, прозрачности, цвета по специально разработанной цветовой шкале с учетом стандартов IDAP (Improved Damage Assessment of Parchment).

В текстовой части отмечены такие особенности документа, как подготовка пергамена к использованию для записи информации – нанесение специальных линий и отверстий для разметки листа, расстояние между строками (в тексте выявлены три «межстрочных интервала»); получены спектры отражения черных и красных чернил, проведен их сравнительный анализ.

Кодикологическая часть дает представление о внетекстовых особенностях практически каждого листа.

Ранние реставрационные обработки Кодекса относятся к 1930-м гг., к моменту его приобретения Британской библиотекой, когда листы пергамена укреплялись «шелковым газом». Детальное исследование ранее реставрированных фрагментов позволило констатировать их состояние как хорошее.

В разделе «Состояние» описываются пятна различного происхождения, утраты, деформация поверхности пергамена, состояние материалов записи информации (выцветание, утрата, коррозия и т. д.).

Предложенные консервационные обработки листов Кодекса минимальны и способствуют получению наиболее качественного изображения при оцифровке документа. Методика описания физического состояния разработана специально для Синайского кодекса.

Анализируя опыт российских и зарубежных институтов в сфере экспертной оценки состояния документов, нельзя не сказать о практике работы российских архивов при оценке физического состояния и выявлении документов, нуждающихся в срочной или плановой специальной обработке.

Специалистами Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) разработана единая методика проверки физического состояния и выявления поврежденных архивных документов с применением типовой номенклатуры дефектов. Физическое состояние документов оценивают по отсутствию или наличию типовых дефектов бумаги и/или текстов. В соответствии с номенклатурой, каждый вид повреждений имеет свой индекс. Повреждения бумаги индексируют буквенными индексами Б (незначительные) или А (сильные). Повреждения текста индексируют цифровыми индексами от 1 до 5. Отсутствие повреждения индексируется знаком «1». Общее физическое состояние документа оценивают по совокупности повреждений бумаги и текста, используя суммарный буквенно-цифровой индекс. Наличие и виды повреждений определяют при полистном просмотре каждого дела или документа, обращая внимание на возраст документа, внешний

вид и особенности бумаги, контрастность текста, локальный или общий характер повреждений. Буквенно-цифровые индексы достаточно полно характеризуют состояние документа, указывают степень опасности при хранении и использовании, определяют приоритеты в проведении реставрации. Сведения о состоянии фондов позволяют архивам прогнозировать дальнейшее поведение документов, планировать мероприятия по обеспечению их сохранности, формировать рассчитанный на перспективу банк данных о физическом состоянии материалов архива.

Центральный государственный архив кинофотодокументов (ЦГАКФД) предлагает квалиметрическую оценку качества изображения по имеющимся дефектам. Выделено семь групп дефектов, определяющих единичный показатель качества документа (контрастность изображения, состояние полутоновых изображений, царапины, трещины, пятна, прочее). Дефект оценивается по 10-балльной шкале. Качество изображения по каждому дефекту оценивается от отличного до очень плохого (отличное – 5 баллов, почти отличное – 5-, очень хорошее – 4+, хорошее – 4, почти хорошее – 4-, вполне удовлетворительное –3+, удовлетворительное – 3, почти плохое –3-, плохое – 2+, очень плохое – 2). Такой метод определения уровня качества фотоизображения хорошо согласуется с возможностями зрительного аппарата человека и прост в применении. После выявления дефектов дается комплексная оценка состояния фотоизображения по совокупности имеющихся дефектов. Результаты заносятся в специальный бланк, в котором указан архивный номер, краткая аннотация, год изготовления, вид подложки, размер документа, уровень качества изображения и необходимость реставрации.

В дополнение к «Основным правилам работы государственных архивов с кинофотодокументами» в Научно-исследовательском центре технической документации (НИЦТД) предложен метод оценки дефектов фонодокументов на магнитной ленте, который не меняет существующую систему и технологию визуально-слухового контроля, но вводит оценку состояния фонодокументов в баллах по показателям качества визуальных и акустических дефектов. К визуальным дефектам относятся плохое качество намотки, коробление, деформация ленты по длине (сабельность), адгезионная прочность рабочего слоя, количество склеек и качество их выполнения, загрязнение магнитной ленты. Основные акустические дефекты – частотные искажения, копирэффект (копирование сигнала на соседние витки), шумовой фон, импульсные помехи, нарастающее изменение скорости записи, шум паузы, детонация. Оценка проводится с помощью специального оборудования: микроскопов и аппаратуры для воспроизведения звука. Дефекты фонодокументов оцениваются по 5-балльной шкале: дефект отсутствует – 5, слегка заметен – 5-, заметен, но не ухудшает качества звучания или поверхности – 4, отчетливо заметен, но не мешает восприятию – 4-, сильно заметен, начинает мешать восприятию – 3, существенно мешает восприятию – 3-, сильно мешает восприятию – 2. После оценки дефектов фонодокумента определяется уровень качества визуально-акустических параметров по минимальной из оценок. Результаты оценки заносят в специальный бланк. Полученные данные позволяют судить о степени старения документов и своевременно принимать необходимые меры по обеспечению их сохранности.

Во ВНИИДАД даны рекомендации по отбору документов при обследовании архивных коллекций в зависимости от их объема. Если коллекция содержит документы узкого временного интервала, то массив документов считается однородным, и при его обследовании рекомендуется применять способ малой выборки. При этом необходимый объем выборки – 1600 документов. Фонд документов с временным охватом 50 и более лет определяется как неоднородный, и в этом случае проверке подлежит 3000 документов. Надежность результатов – 95 %. Для одновременного обеспечения репрезентативности, случайности и достаточности выборки рекомендован механический способ случайного отбора. Для получения результата с вероятностью 95 % объем выборки зависит от числа документов в коллекции [7]:

Число документов в коллекции	Объем выборки (%)
500–1000	100
2000–5000	30–60
16 000	10
30 000	5
80 000 и более	2

Данная методика отбора документов может быть реализована и в библиотеках. Как правило, особо ценные коллекции, фонды редкой книги содержат не очень большое количество документов, и объем таких коллекций и фондов позволяет оценить степень повреждений каждого документа. Однако редкие и ценные издания составляют лишь небольшой процент общего фонда, основной массив которого – документы XIX – начала XXI в. При разработке программы консервации для библиотеки оценка физического состояния фонда в целом имеет большое значение. Обследовать весь фонд не представляется возможным, поэтому для получения достоверного результата очень важным моментом является отбор документов для обследования. Он должен быть случайным, и в то же время выборка должна быть репрезентативной, т. е. включать достаточное количество документов.

Началом систематического обследования, создания электронного паспорта состояния и формирования базы данных сохранности фондов в ФЦКБФ Российской национальной библиотеки в конце 80-х гг. XX в. явилось обследование состояния уникальной по полноте и объему коллекции западноевропейских гравированных атласов XVI–XVII вв., имеющей мировое значение и включающей свыше 450 томов.

Период XVI–XVII вв. был временем подъема и расцвета картографии, вызванного великими географическими открытиями, давшими огромный материал для создания новых карт и необычайно расширившими географический кругозор людей. Огромное влияние на развитие картографии оказало изобретение в XV в. книгопечатания, вслед за которым в практику вошли гравирование и печатание карт. Карты XVI–XVII вв. изготовлены способом гравюры на меди, часто иллюминованы вручную. Согласно существовавшим традициям, карты богато декорированы в соответствии с господствующими художественными стилями, что роднило их с произведениями искусства, а их создателей – с художниками. Так, А. Ортелий, известный фламандский картограф (1527–1598), состоял в знаменитой гильдии Святого Луки, объединявшей живописцев и граверов.

В ходе обследования выявлены повреждения, типичные для многих документов на бумаге и характерные именно для собрания атласов. Из последних наиболее значимым является повреждение бумаги атласов под действием зеленой краски (ярь-медянки). В процессе оценки состояния бумаги – носителя информации – все отмеченные повреждения (механические, химические, биологические) систематизированы, оценена степень повреждения каждого тома по отдельным видам повреждений. Показатель «степень повреждения» принят условно, чтобы оценить вклад каждого вида повреждения в общий процесс повреждение бумаги атласов. Степень сохранности каждого атласа определяли как разность между 100 % сохранности и суммарной степенью повреждения. В суммарную степень повреждения атласа особый вклад вносила степень сохранности материалов записи информации, охарактеризованная по критериям, наиболее значимым именно для данной коллекции, среди которых важнейшим является степень повреждения бумаги под действием зеленой краски. Степень повреждения выражена в баллах по 4-балльной системе.

По результатам обследования на основе программного пакета Fox Pro сформирована база данных сохранности коллекции атласов, в которой возможен поиск томов по шифру, автору, степени сохранности либо по их сочетанию.

Однако в связи с неоднократной сменой аппаратного и программного обеспечения база данных, характеризующая оценку состояния западноевропейских атласов, утрачена. В 2016–2017 гг. с учетом опыта работы и имеющихся данных создан электронный паспорт состояния «Атлас» на основе MS Access и коллекция обследована вновь.

С середины 90-х гг. XX в. ФЦКБФ ведет систематическую работу по оценке сохранности документов различных коллекций. С этой целью разработаны электронные формы паспортов состояния документов различного вида, и на основе программного пакета MS Access сформированы базы данных сохранности, в числе которых «Редкая книга», «Манускрипт», «Фотография», «Открытка», «Периодика», «Карты», «Восковые пластинки», «Атлас», «Гравюра».

Система управления базой данных позволяет осуществить ввод, редактирование, поиск и вывод в файл или на принтер следующую информацию:

– библиографические данные;

– особые характеристики документа;

– данные об использовании документа;

– сведения о наличии копий и выполненной в предшествующие годы реставрации;

– характеристики материалов носителя и записи информации, блока, переплета;

– количественные показатели, характеризующие повреждение документа по видам, и степень сохранности документа в целом;

– рекомендации по консервации.

Для заполнения паспорта имеются логические (да/нет), числовые и текстовые поля, а также поле примечаний, где можно размещать до 32 000 знаков дополнительного текста. Поиск и сортировка информации по всем полям легко осуществляется стандартными средствами MS Access, например, с применением фильтров. Оценка степени повреждения выполняется по 4-балльной шкале: 3 – сильные повреждения (повреждено более 50 % документа), 2 – умеренные (повреждено от 25 до 50 % документа), 1 – слабые (повреждено до 25 % документа), 0 – повреждения отсутствуют. После чего рассчитывается в процентах сохранность отдельных частей документа (носителя информации, материала записи информации, блока и переплета) и документа в целом. Все базы данных имеют аналогичную структуру, однако каждая характеризуется определенными отличиями, продиктованными особенностями описываемой коллекции или видом документов.

Специалистами ФЦКБФ обследована часть коллекции инкунабул, хранящейся в Отделе редкой книги, альбом фотографий «Collection de types des peoples de la Russie, Roumanie et Bulgarie» Ж. Х. Рауля, «Туркестанский альбом» в 6 томах генерал-губернатора К. П. фон Кауфма-

на, коллекция фотографий Д. Ермакова из фонда Отдела эстампов, коллекция рукописных карт, восковых пластинок, часть собрания «Польских автографов» П. П. Дубровского из фонда Отдела рукописей, коллекция западно-европейских атласов из фонда Отдела картографии. Критериями выбора объектов исследования служили ценность документов, историко-культурная значимость, физическое состояние, востребованность читателями.

По результатам обследования документов начата реставрация и оцифровка Польских автографов из коллекции П. П. Дубровского, организовано фазовое хранение коллекции фотографий Ж. Х. Рауля, Д. Ермакова, «Туркестанского альбома», коллекции рукописных карт, восковых пластинок, рекомендована санитарно-гигиеническая обработка контейнеров и помещений, где хранится коллекция западноевропейских атласов.

В 2016 г. при поддержке Министерства культуры Российской Федерации в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» ФЦКБФ реализован проект «Обследование безопасности Научной библиотеки Российской академии художеств», включавший в себя оценку условий хранения и состояния документов редкого фонда. Обследовано 647 документов различного вида – 254 книги, 189 фотографий, 204 листовых документа (гравюры, плакаты, афиши, акварели). По результатам обследования разработаны методические рекомендации, включающие описание необходимого комплекса мероприятий по обеспечению сохранности документов.

Опыт работы библиотек и архивов по оценке состояния документов с заполнением паспортов сохранности, информационных карт и формированию баз данных состояния показал, что это направление обеспечивает системную организацию деятельности по сохранению фондов с соблюдением этических норм консервации, обеспечивая индивидуальный подход к каждому документу и к коллекции или фонду в целом, устанавливая приоритеты в выполнении работ в соответствии с уникальностью, историко-культурной значимостью, состоянием и частотой использования документов.

Список литературы

1. Захаров В. П., Буторова У. В., Азарова И. В. Информационная схема описания сохранности документов. URL: http:// gpntb. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

2. Новое в сохранении коллекций БАН после пожара / Ю. П. Нюкша, И. М. Беляева, Е. В. Старова, Л. Г. Левашова // БАН: 10 лет после пожара: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 16–18 февр. 1998 г. / Б-ка Акад. наук. Санкт-Петербург, 1999. С. 90–94.

3. Белинская М. А., Тилева Е. А. Фактографические базы данных в обеспечении сохранности фондов // Петербург. библ. шк. 2017. № 3 (59). С. 89–94.

4. Андреева К. И., Левашова Л. Г., Блюмберг М. И. Квалиметрическая оценка и физико-химические исследования состояния документов // Совет. арх. 1989. № 4. С. 73–76.

5. Havermans J., Marres P., Defize P. The development of an universal procedure for archive assessment // Care and conservation of manuscripts: proc. 4th internat. seminar held at the Univ. of Copenhagen, Royal Library, 1997, Oct. 13–14. Copenhagen, 1999. P. 68–77.

6. Крушельницкая Е. В. Синайский кодекс и рукописи Синая в фондах Российской национальной библиотеки. URL: http:// nlr. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

7. Привалов В. Ф. Обеспечение сохранности архивных документов на бумажной основе: метод. пособие / Федер. арх. служба России; Всерос. науч.-исслед. ин-т документоведения и арх. дела. Москва, 2003. 112 с.

References

1. Zakharov V. P., Butorova U. V., Azarova I. V. Information schema of description of documents safety. URL: http:// gpntb. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

2. Nyuksha Yu. P., Belyaeva I. M., Starova E. V., Levashova L. G. New in preservation of Library of Academy of Sciences collections after fire. *Library of Academy of Sciences: 10 years after fire*: materials intern. sci. conf., Saint Petersburg, 1998, Febr. 16–18. Library of Academy of Sciences. Saint Petersburg, 1999. C. 90–94 (in Russ.).

3. Belinskaya M. A., Tileva E. A. Factual databases in ensuring safety of funds. *Peterburgskaya bibliotechnaya shkola*. 2017. 3 (59), 89–94 (in Russ.).

4. Andreeva K. I., Levashova L. G., Blyumberg M. I. Qualimetric assessment and physico-chemical studies of state of documents. *Sovetskie arkhivy*. 1989. 4, 73–76 (in Russ.).

5. Havermans J., Marres P., Defize P. The development of an universal procedure for archive assessment. *Care and conservation of manuscripts*: proc. 4th intern. seminar held at the University of Copenhagen, Royal Library, 1997, Oct. 13–14. Copenhagen, 1999. 68–77.

6. Krushel'nitskaya E. V. Codex Sinaiticus and manuscripts from Sinai in National Library of Russia collections. URL: http:// nlr. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

7. Privalov V. F. Preservation of archival documents on paper basis: handbook / Federal Archival Service of Russia; All-Russian Research Inst. of Document Science and Archival Affairs. Moscow, 2003. 112 (in Russ.).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Art history

УДК 7(571.16-25)"18/19"

Т. П. Христолюбова

Академическая традиция в художественной жизни Томска на рубеже XIX–XX в.

В центре внимания статьи находится процесс становления и развития художественной жизни в сибирском городе Томске, административном центре Томской губернии, на рубеже XIX–XX в. При этом акцент делается на прямой и косвенной роли Императорской Академии художеств в этом процессе. Влияние Академии художеств на становление художественной жизни Томска было как прямым (официальная поддержка рисовальных классов и проекта школы живописи и ваяния), так и косвенным (наличие в Томске художников с академическим образованием, которые организацией и участием в местных выставках, выступлением на страницах газет и журналов, а также преподавательской деятельностью смогли сделать томскую публику более образованной в художественном отношении). При этом Томское общество любителей художеств сыграло важную роль в формировании художественной культуры города.

Ключевые слова: Императорская Академия художеств, Томское общество любителей художеств, художественные выставки, художественное образование, Сибирь, Томск

Tat'yana P. Khristolyubova

Academic tradition in Tomsk artistic life in 19th – beginning of 20th century

The focus of the article is a process of formation and development of artistic life in the Siberian city of Tomsk, an administrative center of the Tomsk province, during the turn of the 19th–20th century. It is accentuated on the direct and indirect role of the Imperial Academy of Arts in this process. The influence of the Academy of Arts on the development of the artistic life of Tomsk was both direct (the official support of drawing classes and project of the school of painting and sculpture) and indirect (the presence in Tomsk of artists with academic education who organized and participated in local exhibitions, their speeches in newspapers and magazines, as well as teaching activities made the Tomsk audience more educated in the artistic sense). At the same time, the Tomsk Society of Art Lovers has played an important role in shaping the artistic culture of the city.

Keywords: Imperial Academy of Arts, Tomsk Society of Art Lovers, art exhibitions, art education, Siberia, Tomsk
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-166-169

В декабре 1911 – январе 1912 г. в стенах Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге состоялся Всероссийский съезд художников, на котором поднимались вопросы эстетики, истории искусства, развития живописной техники, охраны художественных памятников, проблем архитектуры, декоративно-прикладного искусства, а также художественного образования и воспитания. Сибирь на данном мероприятии представляла делегация из Томска, состоявшая из участников Томского общества любителей художеств (ТОЛХ), образованного в 1909 г. по инициативе энтузиастов и ставящего своими целями «объединение местных художников и любителей искусств на почве художественных интересов, распространение художественных идей в широкой публике путем устройства выставок, публичных собраний для чтения докладов на художественные темы, лекций по художественным вопросам и т. п., устройство в Томске, со временем, художественно-промышленной школы и художественно-промышленного музея» [1].

Влияние Императорской Академии художеств на томскую художественную жизнь оказалось знаковым. Многие из членов-учредителей ТОЛХ окончили академию или учились в ней.

На Всероссийском съезде художников делегат от ТОЛХ Семен Маркович Прохоров выступил с докладом «О художественных нуждах Сибири», в котором говорилось о необходимости создания в Сибири художественной школы, где на тот момент таковой не имелось. Действительно, участниками ТОЛХ был проделан большой объем работы по созданию в городе учебного заведения, способного дать обучающимся в нем людям качественное художественное образование. Несмотря на то, что в 1888 г. в Томске был открыт университет, – первый в Сибири, а затем в 1900 г. – Томский технологический институт, большинство населения региона имело крайне низкий уровень образования, и для многих учеба в среднем специальном учебном заведении, таком как школа живописи и ваяния с трехлетним курсом обучения, к созданию которой стремилось ТОЛХ, стала бы важным этапом интеллектуального развития.

История становления художественного образования в Томске демонстрирует тернистый путь, который пришлось пройти энтузиастам-художникам. Начало этого пути приходится на середину XIX в., когда в Томск приехал выпускник Академии художеств Павел Михайлович Кошаров и долгое время преподавал рисование в мужской гимназии, а затем – в реальном училище. Считается, что именно его персональные выставки были первыми художественными выставками в Томске. С 1885 г. П. М. Кошаров на безвозмездной основе преподавал в открывшихся воскресных классах технического рисования при Обществе попечения о начальном образовании, просуществовавших с 1885 по 1887 г. В 1889–1891 гг. художник принимал участие в издании «Художественно-этнографических рисунков Сибири», которые представляли собой сценки из сибиркой жизни, включавшие пояснительный текст [2, с. 168–169]. П. М. Кошаров смог в образовательных условиях Томска второй половины XIX в. привить любовь к изобразительному искусству многим ученикам, которые потом с большой любовью вспоминали своего учителя. Некоторые его ученики вошли со временем в тонкую прослойку томской художественной интеллигенции.

Еще одним человеком, стоявшим у истоков художественного образования в Томске, можно считать Александра Эдуардовича Мако, окончившего Мюнхенскую академию и с конца 1870-х гг. преподававшего рисование в женской гимназии в Томске. Кроме того, А. Э. Мако занимался обучением учеников в своей студии, а также устраивал выставки собственных работ.

В 1890 г. в Томске были открыты воскресные классы рисования для девочек, рассчитанные на учениц рукодельных школ. Занятиями в этих классах руководила имеющая академическое образование художница Августа Степановна Капустина, сестра А. С. Попова, изобретателя радио, и супруга профессора Томского университета Ф. Я. Капустина. Томский этнограф, журналист и общественный деятель тех лет Александр Васильевич Адрианов отмечает «любопытную подробность» в работе этих классов: ученицы довольно быстро потеряли интерес к занятиям, которые первоначально были построены на «копировании рисунков разных стилей и на сочинении звезд, наугольников, бордюров» [3, с. 340]. Однако когда копирование орнаментов было заменено рисованием с натуры, количество желающих обучаться в классах вновь значительно возросло. Оказалось, что рисование интересовало девушек «не в применении его к рукоделиям, а как самостоятельный предмет» [3, с. 340].

Позже к преподаванию в этих классах подключилась Мария Павловна Черепанова, также имеющая академическое образование. В 1894 г. она устроила рисовальные классы при поддержке Общества попечения о начальном образовании. В 1897 г. ряд ученических работ был послан в Академию художеств, которая одобрила метод рисования с натуры, практикуемый М. П. Черепановой, выдала художнице звание учительницы рисования в средних учебных заведениях и прислала гипсовые орнаменты и головы в качестве учебного материала, а также выделила субсидию в размере 200 р. на поддержание рисовальных классов в Томске [4]. К сожалению, из-за организационных проблем в 1902 г. классы пришлось закрыть. Известно, что М. П. Черепанова, при поддержке профессора Академии художеств Павла Петровича Чистякова, намеревалась возродить классы, однако скоропостижная ее смерть от обострившейся хронической болезни не дала этому случиться.

В 1909 г. возникает Томское общество любителей художеств, организующее классы рисования и живописи с ежедневными занятиями и приступающее к реализации проекта открытия в Томске школы живописи и ваяния как среднего специального художественного заведения. К сожалению, этот проект так и не был реализован из-за отсутствия средств, хотя и получил поддержку от Академии художеств.

Томское общество любителей художеств, организовав в 1910 г. рисовальные классы и готовясь к учреждению школы живописи и ваяния, обратилось к Илье Ефимовичу Репину с просьбой порекомендовать для руководства этими учебными заведениями образованного художника. Эта просьба представляла собой довольно сложную задачу, поскольку, по справедливому замечанию А. В. Адрианова, на деле это означало «загнать в далекий суровый край, где еще не начиналась художественная жизнь, подлинного художника, поставить его здесь в тяжелые и заведомо худшие, по сравнению со столичными, условия, на жалование в 900–1000 руб<лей>» [5]. Однако И. Е. Репин довольно быстро откликнулся на просьбу и нашел такого человека, более заинтересованного не в карьерном росте и материальном благополучии, но в идее нести просвещение в далекие регионы. Это был ученик Ильи Ефимовича по классу живописи в Академии художеств Семен Михайлович Прохоров.

Позже, когда в 1913 г. С. М. Прохоров покинул Томск, представители ТОЛХ снова обратились к И. Е. Репину с просьбой прислать им кого-то на замену, однако почтенный художник не смог на этот раз так же быстро исполнить их просьбу, сославшись на то, что «молодые не уве-

рены в себе и боятся дали», а художники с большим опытом «обзавелись уже и здесь обязанностями» [6]. Другие художники, приглашенные позже для руководства томскими рисовальными классами (Н. К. Горенбург, В. Д. Малько), не смогли в дальнейшем по тем или иным причинам надолго остаться в Томске и были вынуждены расторгнуть отношения с ТОЛХ.

Надо заметить, что томская публика была в описываемый период не достаточно подготовлена для надлежащего восприятия художественных произведений. Так, например, в газетной заметке 1902 г. о выставке картин художницы Лидии Павловны Базановой, окончившей Московское училище живописи, ваяния и зодчества и приехавшей в Томск вместе со своим мужем, профессором Томского университета, художник Владимир Дмитриевич Вучичевич около двух третий своего текста посвящает сообщению читателям, «воспитывавшимся на олеографиях и лакированных подносах» [7, с. 17] и привыкшим ожидать от картин реалистического подобия, «некоторых подробностей вообще об умелом рассматривании картин» [8]. В. Д. Вучичевич предостерегает посетителей выставки от рассматривания картин с близкого расстояния, объясняет, что «в картине прежде всего должно быть настроение», и заключает: «Ведь не понравится же Вам, смею думать, стихотворение, в котором будут описаны со всею точностью все аксессуары обстановки комнаты» [8].

Л. П. Базанова в 1903 г. также предваряет свой очерк, посвященный первой сибирской передвижной выставке в Томске, разъяснениями о том, «какое значение имеют произведения художественного творчества и какие требования мы можем предъявить к ним», делая краткий экскурс в историю искусства, а также ставя акцент на «настроении», которое должно вызывать в зрителе художественное произведение [9].

В 1909 г. в статье, посвященной выставке картин художника Андрея Осиповича Никулина, А. В. Адрианов дает характерное описание томской публики: «Они требуют, чтоб художник давал им хорошо и красиво раскрашенную фотографию пейзажа, бытовой сцены и пр., с отчетливо выписанными деревьями, цветами, водой, постройками, фигурами; восхищение такого зрителя перед картиной поднимается, когда он узнает в ней хорошо знакомый ему уголок» [7, с. 16].

В 1913 г. в пятой по счету периодической выставке картин в Томске принимал участие Илья Иванович Машков, живопись которого вызвала негодование не только у неподготовленной публики, но и у ряда местных художников. По-видимому, эмоциональный накал, производимый на зрителей картинами этого художника, был столь силен, что в рамках выставки было решено устроить «беседу об образовательном искусстве вообще и в частности о картинах московского художника Мошкова (sic! – *прим. Т. Х.)*» [10]. Подводя итог описанию данного события, томский художник Николай Павлович Ткаченко заключает: «Фигурирующие на выставке три картины худож<ника> Мошкова следует понимать как некоторые образцы своеобразного импрессионизма, не уделяющие, к сожалению, места ни воображению, ни поэзии. Рассматривать же их как попытку искательства новых путей в искусстве невозможно» [10]. Здесь следует отметить некоторую тенденцию томских художников и авторов статей об искусстве в начале XX в. называть импрессионизмом все, не вписывающееся в традицию реалистического отображения мира.

Вряд ли томскую публику, не имевшую возможностей и ресурсов быть в курсе основных событий российской и европейской художественной жизни, можно осуждать за такой подход. Возможно, если бы ТОЛХ просуществовало дольше и имело бы больше времени и возможностей на осуществление своей просветительской миссии, томская художественная жизнь смогла бы, «не хромая», влиться в общий процесс культурного развития.

К сожалению, начавшаяся вскоре Первая мировая война и последовавшие за ней революционные события в России не дали возможности полноценно реализовать многие крупные художественные начинания. Не удалось томским художникам и воплотить в жизнь проект школы живописи и ваяния. В мае 1918 г. в Томске была создана «Сибирская народная художественная академия», просуществовавшая два месяца. Организаторов ее критиковали за нецелесообразность учреждения в Сибири, где «только один процент населения имеет среднее образование», художественного вуза, за обучение в котором, к тому же требовалось вносить плату. Кроме того, данное заведение было сложно назвать академией в полном смысле этого слова, так как «подобранный преподавательский состав не только не обладал нужной подготовкой, но и не имел даже высшего художественного образования» [11, с. 116].

На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что влияние Академии художеств на становление художественной жизни Томска было как прямым (официальная поддержка рисовальных классов и проекта школы живописи и ваяния), так и опосредованным (наличие в Томске художников с академическим образованием, которые, в свою очередь, организацией и учас-

тием в местных выставках, выступлением на страницах местных газет и журналов, а также преподавательской деятельностью смогли сделать томскую публику более образованной в художественном отношении).

Томское общество любителей художеств прекратило свое существование в 1919 г. Многие художники и представители томской творческой интеллигенции, стоявшие у его истоков, скончались или покинули Томск к этому времени. Дела и проекты этой организации надолго оказались забыты. Томский областной художественный музей был основан лишь в 1979 г. Специализированные учреждения среднего или высшего художественного образования в Томске отсутствуют до сих пор. Однако с начала XXI в. выпускники Института искусств и культуры при Томском государственном университете и факультета культуры и искусств Томского государственного педагогического университета имеют возможность получить квалификацию «бакалавр изобразительного искусства». Тем не менее стоит помнить о вкладе ТОЛХ в дело художественного просвещения жителей Сибири, поскольку опыт этой небольшой общественной организации дореволюционного Томска может пригодиться в будущем.

Список литературы

1. Г. В. У Томских художников // Сиб. жизнь. 1909. 17 марта. С. 5.

2. Томск от А до Я: краткая энцикл. города / под ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: НТЛ, 2004. 440 с.

3. Адрианов А. В. Об искусстве в Томске // Город Томск. Томск: Тип. изд-ва сиб. т-ва печ. дела в Томске, 1912. С. 337–344.

4. Капустина А. Памяти М. П. Черепановой // Сиб. жизнь. 1902. 11 апр. С. 3.

5. Адрианов А. В. Школа рисования в Томске // Сиб. жизнь. 1913. 25 дек. С. 3.

6. В рисовальных классах Об-ва любителей художеств // Сиб. жизнь. 1913. 8 дек. С. 5.

7. Адрианов. О выставке и художниках. II // Молодая Сибирь. 1909. № 3. С. 16–22.

8. Вучичевич В. Выставка картин // Сиб. жизнь. 1902. 7 марта. С. 3.

9. Базанова Л. Первая сибирская передвижная выставка // Сиб. вестн. 1903. 14 сент. С. 2.

10. Ткаченко Н. Вопросы искусства: к беседе о выставке картин // Сиб. жизнь. 1913. 6 янв. С. 4.

11. Хроника художественной жизни Томска, 1909–1919 гг.: к 90-летию Томск. о-ва любителей художеств: по материалам газ. «Сиб. жизнь». Томск: Томск. гос. ун-т, 2000. 170 с.

References

1. G. V. Tomsk artists. *Siberian life*. 1909. March 17. 5 (in Russ.).

2. Dmitrienko N. M. (ed.) Tomsk from A to Z: brief encycl. of city. Tomsk: NTL, 2004. 440 (in Russ.).

3. Adrianov A. V. Art in Tomsk. *Tomsk city*. Tomsk: Siberian publ. assoc. print. and publ. house in Tomsk, 1912. 337–344 (in Russ.).

4. Kapustina A. In memory of M. P. Cherepanova. *Siberian life*. 1902. April 11. 3 (in Russ.).

5. Adrianov A. V. School of Drawing in Tomsk. *Siberian life*. 1913. Dec. 25. 3 (in Russ.).

6. In drawing classes of Society of Art Lovers. *Siberian life*. 1913. Dec. 8. 5 (in Russ.).

7. Adrianov. About exhibition and artists. II. *Young Siberia*. 1909. 3, 16–22 (in Russ.).

8. Vuchichevich V. Exhibition of paintings. *Siberian life*. 1902. March 7. 3 (in Russ.).

9. Bazanova L. First Siberian traveling exhibition. *Siberian vestn*. 1903. Sept. 14. 2 (in Russ.).

10. Tkachenko N. Issues of art: talk about exhibition of paintings. *Siberian life*. 1913. Jan. 6. 4 (in Russ.).

11. Chronicle of artistic life in Tomsk, 1909–1919: on 90th anniversary of Tomsk Soc. of Art Lovers: based on materials of newspaper «Siberian life». Tomsk: Tomsk State Univ., 2000. 170 (in Russ.).

УДК [7.036.45:75.047](=161.1)"18/19"

А. С. Яковлева

Предметно-пространственная среда в пейзажной живописи русского символизма

Символизм в пейзажных произведениях конца XIX – начала XX в. ознаменовал не только смену иконографии, но и изменение их художественной коммуникации и авторской точки зрения. Художники круга «Мир искусства» и Якунчикова демонстрируют в своем творчестве приемы, призванные показать необычно мотивированный взгляд на мир. Эксперименты в области перспективного и ракурсного построения обусловливали высокую степень интеллектуального контроля в построении композиции. Эта тенденция в их произведениях чаще всего мотивирована интересом к предметно-вещественной составляющей искривленного пространства. «Культ вещи» способствовал внедрению натюрморта в пейзажные композиции и его активной роли в интерпретации всего произведения. Изображение натюрморта не сводило образность картины к аллегории, но задавало определенные смысловые координаты ее понимания. Кроме того, именно предметная составляющая пейзажа выстраивала его архитектонику, обозначая актуальный для эпохи кризис в отношениях природы и культуры. Эти особенности в творчестве художников «Мира искусства» и Якунчикова демонстрируют воплощение одной из концептуальных тенденций искусства символизма.

Ключевые слова: русский символизм, импрессионизм, предмет в пейзаже, композиционные приемы, русская живопись рубежа XIX–XX в., Мир искусства, А. Н. Бенуа, М. В. Якунчикова, В. Э. Борисов-Мусатов

Anastasiya S. Yakovleva

Material and dimensional environment in landscape paintings of Russian symbolism

Symbolism in landscape paintings of the late 19th – early 20th centuries suggested not only a modification of iconography, but also a change in their artistic communication and author's point of view. «World of Art» artists and Yakunchikova demonstrated methods in their paintings which are designed to show an unusually uncommon view of the world. Experiments in the field of perspective and angle construction caused a high level intellectual control in the masterpieces. This tendency in their works is most often motivated by the interest in the object-material component of the curved space. «Cult of things» contributed to the introduction of still life in landscape compositions and its active role in the interpretation of the whole masterpiece. The still life did not become allegorical imagery, but it set certain semantic coordinates of its understanding. In addition, it was the object-material component of the landscape that built up its architectonics, denoting the crisis at the turn of the centuries' era in the relations of nature and culture. These peculiarities in the works of the «World of Art» artists and Yakunchikova demonstrate the embodiment of one of the conceptual trends of the art of symbolism.

Keywords: Russian symbolism, impressionism, subject in landscape, compositional techniques, Russian paintings of turn of 20th century, World of Art, A. N. Benois, M. V. Yakunchikova, V. E. Borisov-Musatov
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-170-173

Повышенный интерес к предметному миру, окружающему человека, был общей тенденцией искусства конца XIX – начала XX в. При этом понятие «предмет» расширяло круг своих значений, выстроенных на противопоставлениях «одушевленность–неодушевленность», «естественность–искусственность», «реальность–иллюзорность» и т. д. Пространство перестает быть местом действия или декорацией изображаемых событий, а само в своей цельности начинает претендовать на позицию главного героя, создавая необходимую атмосферу для эстетического переживания. Это, в свою очередь, весьма сильно отразилось на стилистических поисках эпохи.

Бессюжетные композиции в изобразительном искусстве выдвигали на первый план значимость безмолвного и богатого внутренними смыслами присутствия организованного особым образом пространства. Безусловной ценностью наделяются архитектурные, садово-парковые элементы, городские постройки, предметы быта, произведения декоративно-прикладного искусства, которые становятся носителями эмоционального переживания художника и его понимания красоты. Человек в данных случаях становится или свидетелем некой «тайной жизни», или частью общей декоративной ритмики, т. е. не является более хозяином созданного им же пространства, а подчиняется его формообразу-

ющим принципам. Подобная смысловая рокировка характерна и для искусства символизма, вплоть до композиций с мотивом «покинутого мира», где отсутствие живых существ очень выразительно в своей негативной реакции.

Заметим, что большой интерес проявлялся к предметам, уже имеющим определенную традицию для интерпретации. Так изображение статуарных аллегорий, вырванных из контекста и поставленных в новую игровую ситуацию, приобретало новые смысловые возможности, утрачивая или видоизменяя прежние. Принципиальным становился перенос качеств с одушевленных на неодушевленные предметы, а также создание такого рода пространства, в котором окружающие человека вещи наделяются новыми возможными, но неустойчивыми значениями. Анализ способов решения этих задач способствует лучшему пониманию символистских приемов в живописи.

Во многом тенденции повышенного внимания к предметам способствовали и различного рода композиционные эксперименты. Так в пейзажах М. В. Якунчиковой и художников «Мира искусства» наблюдается своеобразное сужение взгляда, уменьшение области обзора, отказ от панорамности даже там, где точка зрения располагается высоко. Кроме того, для символистского произведения характерна необычно мотивированная зрительская позиция, несвойственная для привычного обзора местности. Неожиданные ракурсы, открывающие новые возможности присутствия в мире, позволяют пережить привычное как нечто иное, наполненное скрытыми, до конца не осознаваемыми смыслами. Возникают «эффекты подглядывания» за тайной жизнью пространства за счет понижения точки зрения, укрупнения объемов первого плана, совмещения различных ракурсов. Отказ от панорамности при высокой позиции обзора, тяготение к замкнутому пространству, «укромному уголку», интимному переживанию обусловили предельное внимание к «тихой жизни» предметов. Как пишет О. С. Давыдова, «в основе садово-паркового мотива у мирискусников лежал культ предмета, вещи, детали, не менее свойственный „голуборозовцам“, с их тягой к развеществлению, зыбкости, воздушной первозданности. У мирискусников преобладал более логично предсказуемый принцип проникновения настоящего момента в мечтаемое прошлое, а оттуда в вечность» [1, с. 392]. Артистическая вера в одушевленность предметов, их способность хранить и воссоздавать дух «идеального» прошлого в условиях непривлекательной для символиста реальной действительности часто имели ироничный характер или налет лиричной тоски, так как по сути пытались непосредственно соединить неравноценные, неравнозначные вещи. Невозможность слияния и гармонии между прошлым и настоящим заставляла художника все глубже уходить в мир грез и фантазий, где предметность теряла всякое значение. Нарастающее стремление к преображению видимой реальности в символистских пейзажах мастеров «Голубой розы» приводило к романтической идее иррационального проникновения в иллюзорный мир искусства.

Однако в творчестве М. В. Якунчиковой и художников объединения «Мир искусства», напротив, ценность предмета в пейзажных композициях возрастает, и тем она сильнее, чем более пустынно окружающее его пространство. Скульптура, элемент архитектуры или садово-паркового убранства, выдвинутые на первый план, акцентированные укрупненным объемом, часто фрагментированные, становятся молчаливыми носителями памяти о былых «идеальных» временах, затерявшимися в настоящем предметами, беспомощными и по сути бессмысленными для современности, но ценными для символиста своей способностью воскрешать воспоминания, переживания, чувства. Играя на контрастах, художник изображает предмет как закодированное сообщение, произнесенное с большим пафосом недосказанности. Все это приводило к своеобразной «натюрмортности» пейзажных композиций. В этом смысле смещение жанровых границ в конце XIX в. справедливо отмечала И. С. Болотина. Исследовательница пишет: «Среди пейзажно решенных картин мы найдем и своеобразные пейзажно трактованные натюрморты. Натюрморт изображается рядом с портретом, в интерьере, в пейзаже. Натюрморт выступает как часть широкого мира, уже вполне равноправная с природой, с человеком, но еще не самостоятельная. Даже если изображены только предметы и больше ничего, они изображены как часть чего-то большего» [2, с. 9–10]. Действительно, внимание к жанру натюрморта было общей тенденцией изобразительного искусства конца XIX – начала XX в., но в живописи символизма она приобрела особый характер. Хотя предмет и изображался как выражение части чего-то большего, он имел вполне выраженную самостоятельную жизнь. Предметный мир в символизме не имеет случайностей, а исключительно возможности существования в различных пространственных срезах и конфигурациях и с необходимостью содержит в себе зашифрованную систему иносказаний. Предмет имеет не формальную самостоятельность, а семантическую нагруженность, как «вещь-несущая-весть». Материальная незавер-

шенность, необоснованность, функциональная неопределенность сталкивались со смысловой концентрацией и свободой интерпретационных перспектив, что создавало ощущение одиночества, таинственности, тоски, томления и прочих неоднозначных состояний.

Для живописи символизма характерны смысловая форсированность, повышенное эмоциональное напряжение, подчеркивание направленности переживания (доходящая порой до дидактичности) и высокий интеллектуальный контроль со стороны художника. Важнейшим фактором построения композиции становится соотношение планов и характер расположения предметов в пространстве. Так для произведений М. В. Якунчиковой «Из окна старого дома. Введенское» (1897), «Вид с колокольни Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода» (1898) и работ А. Н. Бенуа «Фантазия на версальскую тему» (1906), «Водный партер» (1905) характерны резкие ракурсы, укрупнение объемов первого плана, необычная постановка точки зрения (сильное занижение), фрагментированность и сужение области обзора. Все эти приемы направлены на возникновение у зрителя ощущения неоднозначности и логической невнятности процесса созерцания демонстрируемого пространства и, как следствие, формирование интерпретационной перспективы художественного образа. Однако если для Бенуа главным становится организация смысловых параллелей и игровых ситуаций, то для Якунчиковой важно создать атмосферу ее сокровенного переживания. В первом случае укрупненные объемы фигур на первом плане, благодаря своей резкой контурности, контрастирующему с фоном цвету, низкой точки зрения, которая придает им монументальность, создают молчаливое напряжение всего идейно-образного строя композиции. Скульптуры не просто отсылают к определенным эпохам, тем самым связывая изображение с историко-культурными ассоциациями, но своей постановкой в пространстве задают основные координаты их интерпретации. Так в произведении А. Н. Бенуа «Фантазия на версальскую тему» две скульптуры, стоящие друг напротив друга, словно ведут диалог, не замечая ни маленьких фигурок людей, словно случайно попавших в их холодный, опустевший мир, ни самого зрителя. Искусственно созданная реальность становится важнее, целесообразнее живой действительности. Возникает трагично-ироничная ситуация, когда творение искусства отрывается от своего создателя и начинает жить своей тайной жизнью. Эта тема поднималась в литературном и живописном символизме не раз.

Для М. В. Якунчиковой концентрирование на предметах, которое часто сопровождается их фрагментацией, обусловливается, прежде всего, ее желанием создания интимно-лиричной интонации. В своем стремлении к замкнутому пространству она изображает даже не сами предметы, а их образы в контексте переживания, воспоминания или состояния тоски. Архитектурный или интерьерный элемент, предмет быта для нее интересны настолько, насколько они могут вызывать определенные чувства и эмоции. Кроме того, стремление к поэтизации образа усиливает в творчестве М. В. Якунчиковой декоративность ее художественного языка. В таких работах, как «Весло» (1896), «Скамейка под каштаном. Сад в Кламар» (1899), натюрмортное начало, растворенное в композиционном замысле, не нарушая ритмику линий, органично выявляет пространственную емкость изображения.

Интерес к жанру натюрморта в живописи символизма имеет особый характер. Сближение этого жанра с пейзажем в конце XIX в. отмечал Б. Р. Виппер также в импрессионизме: «Натюрморт был самой любимой, после пейзажа, темой импрессиониста; в особенности тот натюрморт, который можно было развернуть пейзажно, в котором было больше всего от природы, изменчивой, вибрирующей: цветы, фрукты, вода в хрустале. Их импрессионист полюбил с тех самых пор, как он разлюбил человека, с тех пор, как он увлекся жаждой анализа, разложения всего видимого на составные части света и краски. И чем дальше шел он в своем анализе, чем беспощадней разлагал на элементы, тем решительней уходил он от человека к предмету» [3, с. 19]. В искусстве символизма также часто встречаются натюрморты, развернутые пейзажно. «Версаль. Аллегория реки» (1905) А. Н. Бенуа, «Крест над святым колодцем в Наре» (1899) М. В. Якунчиковой представляют собой натюрморты на фоне пейзажа, решенные довольно простыми принципами организации смысловых параллелей. Главный предмет располагается на первом плане, вплотную к зрителю, но, не теряя иллюзорной дистанции, выделяется цветом или контуром и имеет атрибуты, несущие определенные историко-культурные коннотации. Фон, имеющий небольшую глубину и выступающий как «среда обитания» объекта изображения, только поддерживает эмоциональную настроенность восприятия образа. Однако подобных работ сравнительно мало. Гораздо чаще встречаются композиции с резкими ракурсами, совмещением разных точек зрения, фрагментацией предметов, кадрирова-

нием, сжатием и растяжением планов и т. д. Так в композиции В. Э. Борисова-Мусатова «Девушка с агавой» (1897) мы не можем с точностью определить, человек или растение больше занимают внимание художника. Во многом, конечно, сказывалась общая тенденция изобразительного искусства конца XIX – начала XX в. нарушение традиционного соотношения проработанности фигур людей, животных и окружающей их среды. Пространство переставало быть декорацией, местом действия главных героев, лишь дополняющим, поддерживающим эмоциональную составляющую произведения. Повышенное внимание художника к изображению фона ставило вопрос о его смысловом и ценностном соотношении с фигурами. И это то, что сближало художников импрессионизма и символизма на формальном уровне, однако на концептуальном существовали огромные различия даже при кажущейся схожести приема.

Относительно «натюрмортности» пейзажей, т. е. такого типа композиций, где изображение природы или города сочетается с повышенным, акцентированным вниманием к предметам садово-паркового убранства, архитектурным и интерьерным элементам, произведениям декоративно-прикладного искусства, в символизме следует отметить следующее. Прежде всего, это смещение смыслов, перенос качеств одушевленных существ на неодушевленные предметы. В картинах импрессионизма мир будет одухотворен, но не оживлен, не трансформирован. Художник-символист концентрируется только на том предмете, который, по его мнению, способен к преображению и возможности вызывать в таком виде разного рода смысловые и эмоциональные ассоциации. Для этого используются такие приемы, как резкие ракурсы, завышение или занижение точки зрения, их совмещение в рамках одной композиции, цветовые контрасты, подчеркнутая контурность, растяжение и сжатие планов, укрупнение объемов и т. д. Кроме того, в «натюрмортных» пейзажах символизма ощущается присутствие человека и практически всегда с оттенком грусти и тоски. Ощущение «покинутого» пространства, «забытого» и уже «недоступного» мира, в котором только вещи «помнят» о былых временах, пронизывает почти все пейзажные композиции, где главными героями становятся предметы. Дело не только в том, что сад, парк или город как творения рук человека, оставленные им, начинают жить своей тайной жизнью. Чувство тоски по утерянному прекрасному и поиск идеального мира – те черты, которые вообще характерны для русского живописного символизма. Пробуждая в себе особого рода чувственность, художник символистского склада пытался уловить в действительности тонкие вибрации потусторонней реальности.

Список литературы

1. Давыдова О. С. Иконография модерна: образы садов и парков в творчестве художников русского символизма. Москва: БуксМАрт, 2014. 511 с.

2. Болотина И. С. Русский натюрморт. Москва: Искусство, 1993. 134 с.

3. Виппер Б. Р. Проблема и развитие натюрморта. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. 384 с.

References

1. Davydova O. S. Art nouveau iconography: gardens and parks images in Russian symbolism artists works. Moscow: BuksMArt, 2014. 511 (in Russ.).

2. Bolotina I. S. Russian still life. Moskow: Iskusstvo, 1993. 134 (in Russ.).

3. Vipper B. R. Problem and development of still life. Saint Petersburg: Azbuka-Klassika, 2005. 384 (in Russ.).

УДК 7.038.3(73+44)"1920/1930"

М. С. Стебаков

Тема движения в творчестве А. Колдера и Ф. Леже

Рассматриваются значения темы движения в творческом наследии Александра Колдера и Фернана Леже, ограниченном 1920–1930-ми гг. Важным является обращение рассматриваемых авторов к кинетической скульптуре и киноискусству. Автор статьи акцентирует внимание на переходном периоде рассматриваемых художников от работы с пространственными видами искусства к работе с пространственно-временными. Тема цирка в их творчестве связана с идеей движения и может трактоваться, как элемент игры. В статье проводится сравнительный анализ работ двух мастеров авангарда, связанных с воплощением идеи движения. Обращение к теме цирка стало для этих авторов платформой, которая побудила их к обращению к работе с новыми для начала XX в. средствами выражения.

Ключевые слова: кинетическая скульптура, беспредметный кинематограф, элемент игры, тема движения, тема цирка, мобиле, Фернан Леже, Александр Колдер

Mikhail S. Stebakov

Theme of motion in A. Calder's and F. Léger's heritage

The author of the present paper concerns the significance of the theme of motion in the Alexander Calder's and Fernand Léger's heritage, confined by the period of 1920–1930's. Their turn to kinetic sculpture and cinema is important in the regarded context. The transition from dealing with spatial arts to dealing with spatial-continuous arts made by the considered artists is underlined in the present paper. The theme of circus in their heritage relates to the notion of motion and can be interpreted as the game element. The comparable analysis of the considered artists' works, related to realization of the notion of motion, is made in the present paper. The treatment of the circus theme became the platform for these artists to turn to the new means of expression of the early 20th century.

Keywords: kinetic sculpture, abstract cinema, game element, theme of motion, theme of circus, mobile, Fernand Léger, Alexander Calder
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-174-177

В авангардных движениях начала XX в. выделяется тенденция увлечения работы с подвижными элементами и репрезентации их во времени. Первые пробы выражения движения открыли художникам потенциал работы со временем. Эксперименты с выражением временного элемента находят воплощения в работах Марселя Дюшана («Портрет (Дульсинея)», 1911 г.), Ханса Рихтера (серия Дада голов, 1918–1920-е гг.), Фернана Леже и Александра Колдера.

В творческом наследии Александра Колдера и Фернана Леже будет интересно рассмотреть эксперименты с включением идеи движения в скульптуру и живопись 20–30-х гг. XX в.

Потребность в воплощении движения в этот период часто находит выражение в игре. Художники в игровой форме обращаются к темам, будоражащим современное им общество. Безобидность игры, таким образом, приобретает оттенки жестокой буффонады. Игровой компонент, будучи оживленным движением, хорошо схватывается и автором, и зрителем. Отсюда тесная связь движения с игрой.

У Колдера игровой компонент выражается в цирковых персонажах, сделанных из проволоки и выразительно подчеркнутых движением, это отражение его поисков нового выразительного языка; у Фернана Леже тема движения активно проявляется в живописи послевоенного периода в частности в обращении к достижениям киноискусства. Художественное решение таких работ Фернана Леже, как «Партия в карты» (1917), и «Цирк Медрано» (1918), словно предвосхищают последующее обращение художника к экспериментам с киноязыком.

Фернан Леже знакомится с персонажами Чарльза Чаплина в кинотеатре, расположенном недалеко от его дома в Париже во время войны [1, p. 146]. Это знакомство с бродягой Чаплина, известного во Франции как Шарло, произошло в 1916 г., благодаря Гийому Аполинеру [1, p. 153], который и убедил Леже посетить близлежащий кинотеатр. Шарло повлиял на теоретическое мышление Леже. Он называл комика «источником единственно возможного образования для воспитания первоклассного специалиста из „подвижного образа“» [1, p. 145]. С этого времени Леже занимается формулированием движения в своей работе. Он сотрудничает с труппой Рольфа де Маре «Шведские балеты» («Ballets

Suédois») с 1921 по 1922 г. и позднее увлекается кинематографом.

В балете 1922 г. «Skating Rink» («Каток») Фернан Леже хотел показать визуальную эмоцию интенсивности материала, посредством игры цветовых форм, задействованных в движении. Например, он противопоставлял десяти ускоренно двигающимся красным фигурам десять желтых фигур, двигающихся замедленно [1, p. 159].

Премьера балета Франсиса Пикабиа «Relâche», 1924 г. была открыта представлением балета «Skating Rink». Леже рассматривал оба эти представления как спектакли движущегося света, меняющих жанр и объединяющих киноэкран, сцену и цирковую арену, пересекающих разделительную линию между сценой и аудиторией зрительного зала для создания эффекта «удивления» [1, p. 158]. В другой статье Леже пишет: «Свет оживляет самый неодушевленный предмет и придает ему кинематографическое значение» [2, p. 8].

К 1923 г. интерес Леже к движению перерос в сотрудничество с кинорежиссером Марселем Л'Эрбье над фильмом «Бесчеловечная». Фернан Леже сделал вступительную заставку и спроектировал интерьер лаборатории, приведенный в движение в последнем эпизоде фильма. Вступительная заставка élément mécanique сконструирована из характерных для живописи Леже решенных крупно деталей механизмов, вырезанных из дерева, акцентированных беспрерывно двигающимися элементами так, словно живописное полотно оживает. Впоследствии Леже откроет свой совместный с Дадли Мерфи кинематографический проект «Ballet mécanique» коротким планом с анимированным ассамбляжем «Кубистский Шарло», составленным из геометризированных частей персонажа Чарльза Чаплина, тоже вырезанных из дерева.

Тема цирка, которой Леже касается в 1918 г., привносит в его послевоенную живопись элемент игры, который, в свою очередь, мог предвосхитить его последующее обращение к движению. В первой послевоенной работе Фернана Леже «Партия в карты» 1917 г., хранящейся в Рейксмузеум Кроллер-Мюллер в Оттерло, содержится элемент игры, запечатленный в образе карточной игры. Картина обладает хорошо читаемым сюжетом, передает образ солдат через отпечатанное в сознании Леже визуальное переживание сверкающих на солнце пушечных стволов, с которыми он столкнулся, во время Первой мировой войны, будучи на службе в артиллерийских войсках. Вот что пишет Леже об этом переживании: «Я никогда не делал рисунков пушек, я видел их своими глазами. В течение войны я стоял на твердой почве. На протяжении двух месяцев я узнал больше, чем за всю свою жизнь» [3, p. 67], и в другом месте: «казенник пушки, солнце, бьющее вниз, необработанность самого предмета. Вот, где я был сформирован» [3, p. 70]. Несмотря на жестокость изобразительного решения солдат в передаваемом Леже образе, карты, привносящие элемент игры, расположены в центре композиционного круга, образованного фигурами солдат. Включив в центр этого круга жестокости войны элемент игры, Леже изображает коллективную машину убийства, для которой само убийство воспринимается как забава.

Год спустя Леже обращается к другому аспекту «игры» – цирку – в картине «Цирк Медрано», хранящейся в Центре Помпиду в Париже. В отличие от «Партии в карты» картина «Цирк Медрано» решена живописно, а не преобладающе линеарно. Гамма цветовых пятен в ее решении контрастна. Фрагменты, отсылающие к цирку, размещены таким образом, что заставляют глаз будто бы случайно натыкаться на узнаваемые фигуры цирковых персонажей.

Помимо кубистского конструирования композиции это наблюдение может быть прокомментировано следующими словами Леже из его статьи 1925 г. «Спектакль-балет, спектакль-предмет» («The Ballet-Spectacle, the Object-Spectacle») для «Bulletin de L'Effort Moderne»: «Создав прекрасную вещь для тех кто не ожидает ее появления, Вы становитесь мастером сцены и толпы». И поясняет: «Чаплин является вдохновителем конкретно этой мысли» [4, p. 71–72]. Эта «прекрасная вещь» заигрывает со зрителем так, что вызывает в нем эмоциональный отклик, наполненный радостным и очищенным переживанием. Следующим шагом Фернана Леже в увлечении элементом игры был переход к движению, которое акцентировало игровой компонент в его творческом наследии более четко: «Существует что-то, помимо „человека, животных и растений"; это предметы. Мы должны принимать их во внимание. Они либо статичные, либо подвижные. <…> Предметы обладают пластической силой, которой ничто не может воспрепятствовать» [4, p. 73].

Для понимания используемого Леже понятия «предмет» (objét), применяемого к театру и к кино, следует обратиться к источнику, обнаруженному в архиве фонда Фредерика и Лилианы Кислер, – зимнему театральному выпуску журнала Джейн Хип «The Little Review», приуроченному к международной выставке новых театральных технологий, прошедшей в Нью-Йорке в 1926 г. На изначальной экспозиции, показанной в Вене в 1924 г., состоялась

мировая премьера фильма Ф. Леже «Ballet mécanique». В статье «Новый Реализм – Предмет (его пластическая и кинематографическая ценность)» («A New Realism – The Object (its plastic and cinematographic value)») Леже пишет: «На экране можно смотреть на них (на предметы. – *М. С.)* – они могут быть исследованы – и они, оказывается, обладают пластической и драматической красотой, будучи должным образом представленными» [2, p. 7]. И дальше: «Я предлагаю применять эту формулу к экрану и изучить пластические возможности, присущие увеличенному фрагменту, проецированному на экран (крупно), специализированному, рассмотренному и изученному с каждой точки зрения в движении, и неподвижно» [2, p. 7]. В конце статьи Леже еще раз указывает на ее цель: «Я повторяю – так как смысл этой статьи заключен именно здесь – мощный, театральный эффект предмета сейчас полностью игнорируется» [2, p. 8]. Таким образом Леже называет предметами неодушевленные элементы декораций, костюмов и т. д. (в контексте театра), части машин, манекенов и т. д. (в контексте визуального языка Ф. Леже), представленные зрителю со сцены или экрана и воспринимаемые последним иначе, нежели живые актеры.

Работа Фернана Леже «Кубистский Шарло» (1924, Центр Помпиду, Париж) была задействована во вступительной и заключительной анимационных заставках фильма «Ballet mécanique», хранящегося в музее современного искусства в Нью-Йорке. Леже пишет о самом персонаже Чарли Чаплина следующее: «Я увидел Шарло, и это было несомненно что-то, так как он удерживал мое внимание, несмотря на масштабный спектакль, который я оставил на семь дней. Здесь был этот „маленький паренек“, который перестал быть „маленьким пареньком“ и вместо этого стал чем-то вроде живого предмета – голого, движущегося, черного и белого. Это было новым» [1, p. 153]. «Кубистский Шарло» – это ассамбляж, составленный из вырезанных из дерева частей, прикрепленных к деревянной доске вставными деревянными круглыми в сечении шипами так, что каждая часть, формирующая персонажа Шарло, может двигаться по оси крепления к доске. Такая конструкция крепления дает широкие возможности для процесса анимирования персонажа. Доска, к которой прикреплен персонаж, красного цвета. Части, составляющие персонажа, окрашены черной и белой красками за исключением левой ноги Шарло, которая окрашена в желтый цвет. Несмотря на живописное решение компоновки лишенными глубины цветовыми пятнами, лицо и пальцы рук персонажа акцентированы линеарно.

«Шарло» – образ Чарли Чаплина, пропущенный через кубистское зрение с его шляпой-котелком и вьющейся шевелюрой, стилизованной в персонаже неправильным зигзагом. Черно-белое решение фигуры «Шарло» еще больше усиливает ассоциацию с образом Чарли Чаплина, словно вырванного из среды черно-белых немых кинолент студии «Keystone». Леже разграничивает Шарло и Чарльза Чаплина: «Его сила (Чарли Чаплина. – *М. С.*) в знании о том, как перевоплощать себя. Шарло и Чарли Чаплин – это две разные вещи» [1, p. 153], и дальше: «Кажется, не подозревая об этом, Шарло воскрешает великую древнюю традицию перевоплощения на сцене» [1, p. 153]. Называя Шарло «живым предметом», Леже воспринимает персонаж Чарли Чаплина как неодушевленный предмет, оживленный движением, – таким образом актер на киноэкране теряет свою одушевленность, становится продуктом машинного процесса проецирования изображения с кинопленки. Апеллируя к традиции перевоплощения на сцене, Леже рассматривает ее в новом механическом смысле перевоплощения на киноэкране.

Одним из факторов обращения Александра Колдера к кинетической скульптуре, mobile, являлась его работа внештатным иллюстратором в газете «National Police Gazette», где ему поручили посетить представление цирка «Ringling Brothers» и сделать наброски, которые были опубликованы 23 мая 1925 г.

Игровой компонент кинетических скульптур Александра Колдера во всей его полноте читается в сохранившихся свидетельствах представлений его цирка. Они всегда были уникальны: последующее не повторяло предшествующее. Несмотря на наличие определенной программы цирковых номеров, которые Колдер воспроизводил в своем цирке, последовательность демонстрируемых публике номеров варьировалась от одного представления к другому. Представления цирка Колдера, по воспоминаниям их свидетелей, выглядели следующим образом: как в настоящем цирке, сидящие на сооруженных Колдером временных трибунах посетители ели арахис и наблюдали за происходящим на импровизированной цирковой арене [5, p. 19]. Расположившись на полу, Колдер разыгрывал цирковое представление, исполнителями которого были сделанные им небольшие фигуры из проволоки, пробки, обрывков ткани, резины и прочих материалов [6, p. 213] высотой около 150 мм [5, p. 16]. Выразительность этих цирковых «артистов» обнаруживалась тогда, когда они начинали двигаться под действием рук Колдера

или от столкновений друг с другом, как в акробатических трюках на трапеции. Отправлять акробата в неконтролируемый полет Колдер мог в одном представлении несколько раз до тех пор, пока ему не удавалось воспроизвести задуманный трюк. Этот момент спонтанности, непредсказуемости и повторения до достижения необходимого результата напоминает игровой процесс, в который Колдер увлекает и публику, заставляя ее топотом имитировать рычание льва и реагировать на происходящее на арене его цирка.

Более поздняя работа Колдера «Мобиле», 1930-е гг., из коллекции музея Атенеум города Хельсинки, может быть рассмотрена как пример сконструированного движения, реализованного в скульптуре. Также за счет использования цвета и присутствующей спонтанности в характере движения рассматриваемого мобиле в его композиционную структуру привнесен элемент игры. «Мобиле» из коллекции музея Атенеум отражает увлечение Колдера «механикой» солнечной системы. Джед Перл в вышедшей биографии Александра Колдера в конце 2017 г. пишет, что Колдер соотносил свой шаг по направлению к кинетическому искусству со своим интересом к механике солнечной системы и описывал посещения парижского планетария и наблюдения за моделями солнечной системы восемнадцатого столетия в музее [4, p. 375]. В интервью 1964 г. американскому телеканалу NBC Колдер произнес следующее: «Хорошо, я не астроном, но я люблю вселенную. Я бы хотел иметь небольшой контроль над ней. Но… а… да, следующее получается у меня лучше всего. Я пытаюсь заставлять вещи двигаться вокруг друг друга в пространстве» [6, p. 375]. Приведенные выше цитаты дополняя друг друга подтверждают мысль о том, что каждый подвижный компонент этого мобиле, подвешенный в открытом пространстве, ожидает взаимодействия с окружающей средой для обнаружения движения, присущего ему. Интерактивность мобиле напоминает процесс взаимодействия Колдера с созданными им цирковыми персонажами во время представления – его кинетические скульптуры словно приглашают их публику к игре.

Анимированный «Кубистский Шарло» в фильме Фернана Леже и Дадли Мерфи, за счет «самостоятельности» своих движений на экране, создают схожее впечатление игры, как и кинетическая скульптура Александра Колдера. Таким образом, элемент игры, обнаруживаемый как в работах Фернана Леже, так и в работах Александра Колдера, связывает творческое наследия двух мастеров авангарда 1920–1930-х гг., что подтверждается переросшей в дружбу встречей Фернана Леже и Александра Колдера на цирковом представлении последнего. Об этом упоминает Джед Перл: «Колдер и Фернан Леже вскоре стали друзьями. Фернан Леже – живописец, который думал о том, чтобы стать режиссером и чей короткометражный абстрактный фильм, „Ballet mécanique“, завершенный в 1924 г., обнаруживал его идеи о кинетическом опыте, который шел параллельно и перекликался с работой Колдера начала 1930-х гг.» [6, p. 281].

Список литературы

1. Léger: modern art and the metropolis / ed. by A. Vallye. New Haven: Yale Univ. Press, 2013. 278 p.

2. Léger F. A new realism – the object // The little review. 1926. Special theatre number (12). P. 7–8.

3. Lawder S. D. The cubist cinema. New York: New York Univ. Press, 1975. 268 p.

4. Functions of Painting / ed. by R. Motherwell. New York: Viking Press, 1965. 222 p.

5. Sperling L. J. Calder in Paris: the circus and surrealism // Archives of Amer. art j. 1988. № 2 (28). P. 16–29.

6. Perl J. Calder: the conquest of time, the early years, 1898–1940. New York: Alfred A. Knopf, 2017. 601 p.

References

1. Vallye A. (ed.) Léger: modern art and the metropolis New Haven: Yale Univ. Press, 2013. 278.

2. Léger F. A new realism – the object. *The little review*. 1926. Special theatre number (12). 7–8.

3. Lawder S. D. The cubist cinema. New York: New York Univ. Press, 1975. 268.

4. Motherwell R. (ed.) Functions of painting. New York: Viking Press, 1965. 222.

5. Sperling L. J. Calder in Paris: the circus and surrealism. *Archives of Amer. art j*. 1988. 2 (28), 16–29.

6. Perl J. Calder: the conquest of time, the early years, 1898–1940. New York: Alfred A. Knopf, 2017. 601.

УДК 738.025.4

Т. В. Шлыкова

Реставрационный мотив в творчестве современных художников-керамистов

Эстетика фрагмента, пришедшая на смену цельности классического идеала, считается отличительной чертой эпохи постмодернизма. Современные художники-керамисты обращаются к теме фрагмента, вводя в художественные тексты аллюзии на реставрацию либо внешнее вмешательство, направленное на воссоздание былого единства поврежденного предмета. Новые идеи предполагают новые технические пути их воплощения, а новые техники задают иной характер высказывания. Холодная техника монтажа, пришедшая из практики реставрации и нехарактерная для традиционного керамического производства, наилучшим образом выражает драматичный характер повреждений и фрагментации. Явные отсылки к истории реставрации несет в себе вошедшая в художественную практику техника кинцуги, или золотого лака. Таким образом, в поисках выразительных возможностей художники заимствуют приемы и материалы из арсенала реставраторов. Реставраторы дают новаторские ходы в понимании части и целого в визуальном восприятии, но и художники через заострение этого вопроса способствуют поиску новых подходов к трактовке повреждений в целостном произведении.

Ключевые слова: целостность, фрагмент, керамическое искусство, реставрация, художники-керамисты, кинцуги

Tat'yana V. Shlykova

Restoration motifs in creative works of contemporary ceramics artists

Aesthetics of fragment that replaced classical ideal's integrity is considered to be postmodernist epoch's distinguishing feature. Contemporary ceramics designers treat the theme of fragment, referring to restoration or action aimed at former integrity's recovery. New ideas suppose new ways of embodiment, and new techniques set another character of expression. Cold assembly technique originating from restoration practice and not characteristic of traditional ceramic manufacture proves the best possible way to express dramatic character of damage and fragmentation. Pronounced references to the history of restoration can be found in the use by artists of kuntsugi, or gold lacquer technique. Thus, in search for expressiveness artists borrow approaches and materials from restoration-conservation practice. Conservators prompt innovative ways of interpretation of the fragment and the whole in visual perception, and in turn, artists contribute to the search of new ways of losses treatment on pieces of art which once used to be integer.

Keywords: integrity, fragment, ceramic art, restoration-conservation, ceramics designers, kuntsugi
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-178-181

Тысячелетия истории развития искусств словно бы утверждают незыблемую истину – произведение искусства должно быть целостно. Принцип единства лежит в самой его основе, и всякий обучавшийся мастерству художника знает, что дробность или измельченность – наиболее существенный недостаток, который только возможен в законченной работе. Казалось бы, это должно в самой полной мере относиться к произведениям прикладного искусства, поскольку они наделены или могут быть наделены утилитарной функцией, предполагающей удобство обращения с предметом: последнее подразумевает слитность и обобщенность форм и декора. Это крайне важно для произведений из керамики, сам материал которых, глина, в силу своих физических свойств не терпит острых углов и выступающих деталей. Именно поэтому тему эстетики фрагмента как доминирующего принципа композиционного построения произведений визуальных искусств особенно интересно рассмотреть на примере художественных объектов из керамики.

Многие современные художники-керамисты отсылают нас к эстетике фрагмента, обращаются к обыгрыванию темы утрат, воссоздания из руин. Можно назвать это отличительной тенденцией эпохи постмодернизма, когда «эстетика фрагмента пришла на смену цельности классического идеала, и фрагмент стал одним из главных признаков „современности“» [1]. Создавая свои произведения, ныне творящие художники, скорее всего, не размышляют об этом впрямую, но в любом случае находятся именно в своей, а не в какой-то другой эпохе со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому в рамках нашего небольшого исследования мы принимаем данность заострения идеи фрагмента как характерной черты времени и обратимся к осмыслению процесса создания

произведений в новой стилистике и эстетике, поскольку именно этот аспект в наименьшей степени попадает в поле зрения специалистов.

Целостность, о которой мы заговорили, не отменяет внутренней сложности произведения. Скульптура обязательно подразумевает сочетание нескольких объемов. Даже простые функциональные формы сосудов обычно трехчастны и состоят из горла, тулова, ножки. Цельность предполагает не отсутствие или скудость деталей, а их гармоничное сочетание, а первая задача художника состоит именно в согласовании различных частей, на соотношении которых, точнее – образуемых ими ритмах и акцентах – и строится композиционная и неразрывно связанная с ней образная система произведения [2]. В случае необходимости художник, не колеблясь, жертвует красивым фрагментом, если он затрудняет восприятие произведения в целом. Для достижения нужного эффекта в распоряжении художника два пути: к предельному пластическому единству частей либо сложной драматургии доминирования и подчинения контрастных элементов. И если в ретроспективе керамического искусства, за редкими исключениями, преобладает, в том числе, и в силу специфики глины как материала, первый путь, то для воплощения идеи фрагментации художники сегодня используют и принцип согласования через контраст.

Игра художника в утраты – продуктивный способ подвигнуть зрителя к сотворчеству через мысленное достраивание образа. Прием, когда автор вводит идею недосказанности, мотив утраты, тем самым предлагая зрителю продолжить построение в уме, применяется художниками достаточно давно. Если говорить о керамическом искусстве, этот принцип положен в основу ряда работ крупного отечественного мастера Владимира Цивина. Яркий пример – композиция «Диана и Афродита» [3, с. 227], представляющая собой лаконично завершенные и одновременно открытые вовне керамические объемы – реплики на фрагменты античных фигур. Открытость достигается за счет того, что обобщенные формы своими плавными плоскостями организуют окружающее их пространство, рисуя конфигурации воображаемых утрат и тем самым наполняя его содержанием. Объемы фигур цельны, а в образном плане в качестве утрат работают пустоты, которые воспринимаются не как травмы, а как части произведения, включенное в композиционную конструкцию пространство. Фигуры с их обтекаемыми контурами и компактными формами решены в соответствии с тектоническими свойствами глины как материала по принципу пластического единства, столь характерному для многовековой традиции формообразования произведений керамического искусства. Таким образом, представлена тема, которой в скором времени предстоит стать актуальной и тиражируемой, но пока она раскрывается соответствующими глине как материалу и в этом смысле традиционными способами, т. е., условно говоря, перед нами первый из рассмотренных вариантов организации частей произведения в единое целое.

Однако на использовании рассмотренного приема интеллектуальные игры художников во фрагменты только начинаются. Помимо подчеркнутой эстетизации утрат, ныне творящие авторы недвусмысленно вводят в художественные тексты своих работ аллюзии на реставрацию либо такое внешнее вмешательство, которое направлено на воссоздание былого единства поврежденного предмета. И если упомянутая нами композиция Цивина, исполнения 1985 г., вызывает лишь размышления о необратимом ходе времени и обусловленных им утратах, то работы керамистов начала XXI в. задают явные параллели с практикой реставрации. Художник больше не приглашает зрителя мысленно восполнить утраты, но делает это сам и буквально, а зрителю словно бы предлагает оценить результат. Превосходную возможность проанализировать подобные подходы дает экспозиция музея Виктории и Альберта в Лондоне, на которой представлены работы Марека Сечулы и Ганса Стофера.

Работы Сечулы в плане технического исполнения занимают промежуточное положение между творческими опытами Цивина и результатами изысканий художников, работающих не просто с идеей фрагмента, а впрямую с фрагментами. В фарфоровой композиции «Красота несовершенства» (Beauty of Imperfection: Set 8. 2006 г.) Сечула использует воду для деформации предметов до обжига. Как видим, здесь снова разрабатывается тема повреждений. Причем, если применить реставрационную терминологию, повреждения эти попадут в категорию полученных на стадии производства и не подлежащих реставрации [4]. Другими словами, художник использует естественное свойство сырой глины к деформациям и разрывам под действием воды, и в этом смысле приемы его работы в полной мере отвечают традиционным качествам керамики как художественного материала. Не исключено, что такому творческому решению способствовала и ставшая не только своего рода профессиональной нормой, но и важной современной тенденцией практика демонстрации на экспозициях крупнейших мировых музеев результатов, по сути, производственного брака – исторических предметов, получивших повреждения еще в процессе производства. Это могут быть, например, поставленные друг на друга стопкой глазурованные блюда, спекшиеся в монолит в обжиге, или деформированные в обжиге же сосуды.

В композиционную основу работ Стофера и ряда художников, создающих свои произведения из керамических фрагментов, положен кардинально иной принцип формообразования, и именно они впрямую отсылают нас к теме реставрации. Поэтому прежде, чем перейти к рассмотрению этих произведений, необходимо коснуться некоторых особенностей реставрационного процесса. В то время, как керамика рождается в пламени, одна из ключевых особенностей ее реставрации состоит в том, что здесь используются, по преимуществу, не аутентичные, а холодные техники, имитирующие материал подлинника. Это точно так же обусловлено не чем иным, как свойствами глины, в первую очередь – ее способностью неизбежно давать усадку и деформироваться в сушке и обжиге. В результате усадки образец обязательно будет меньше в объеме и линейных размерах, чем в момент формовки, а благодаря естественной деформации его форма претерпит хотя бы минимальные изменения. Таким образом, в традиционных керамических техниках крайне сложно изготовить фрагменты заданных форм и размеров. Этим и объясняется то, что в большинстве случаев гораздо более продуктивным оказывается восполнение утрат в имитирующих холодных техниках.

В то время, как в реставрации керамики холодные техники занимают доминирующее положение, а попытки внедрения техник изготовления восполнений в материале подлинника носят скорее экспериментальный характер, в формообразовании произведений из керамики все обстоит диаметрально противоположно. Вплоть до недавнего времени керамическими признавались лишь те техники, которые предполагают обжиг. Из холодных техник официально признанной технологами можно было, по сути, считать лишь одну – вощение. В настоящее время ситуация меняется: права на официальное существование получили многие так называемые студийные техники, т. е. такие, которые не требуют производственных мощностей – в том числе, и холодные. Именно холодные техники работы с керамикой, включая склеивание фрагментов и технику золотого лака, использует в своем творчестве Ганс Стофер.

При создании своих композиций Стофер использует поврежденные и выброшенные владельцами керамические предметы. В фарфоровой композиции «Сервиз для эспрессо» (Espresso Set. 2007 г.) утраты ручек чашек и сколы блюдец контрастно подчеркнуты холодным золочением, а у чайных ложек срезаны нижние части; перед нами чашка, которую не взять за ручку за ее отсутствием, и ложка, в которую невозможно что-либо набрать. Если говорить о техническом решении, оно берет истоки в так называемой технике кинцуги, или золотого лака, древнем восточном искусстве, получившем в наши дни новое преломление. Техника состоит в том, что склеивание разбитого предмета производится на сок лакового дерева, а выступившие вдоль шва излишки покрываются золотым порошком. Этим же способом эстетизировали трещины и сколы. В Китае практиковались похожие приемы, но мастера применяли листовое золото [5]. Таким образом, повреждения не маскируются, а подчеркиваются. Это связано с тем, что на Дальнем Востоке отреставрированный предмет мог восприниматься даже как более ценный по сравнению с новым. В настоящее время техника золотого лака попала в поле зрения как профессиональных художников, так и любителей изящных хобби и, как видим, получает новое осмысление и применение.

Карола Пуйстер, чьи работы демонстрируются на экспозиции Музея Гауда в г. Гауда Королевства Нидерландов, соединяет фрагменты битых фаянсовых изделий в единый объем в технике мозаики, сшивая их на цементирующий раствор, без применения золота. Сходную технику монтажа фрагментов применяют художники Пол Скотт и Роберт Купер, чья совместная выставка «Lost & Found» («Потерянное и найденное») состоялась в августе – сентябре 2017 г. в Оксфордской галерее керамики, г. Оксфорд, Великобритания. Практически все объекты, представленные на выставке, представляют собой коллажи из фрагментов керамических изделий, преимущественно глазурованных или расписанных в подглазурной технике.

Новые технические возможности задают иной художественный язык, позволяя тем самым по-новому выразить те или иные идеи. Перед нами сложная драматургия согласования разнородных элементов с их резкими изломанными очертаниями и четкими касаниями, т. е. условно выделенный нами второй способ согласования частей произведения в единое целое – через контраст. Именно холодный способ совмещения фрагментов и заполнения пустот задает подобный жесткий, заостренный язык, в противоположность мягкости очертаний предметов, смоделированных в традиционных керамических техниках. В наибольшей степени эта особенность проявляется в творчестве Пола Скотта. Если Роберт Купер активно применяет уже упомянутую технику золотого лака, Скотт от нее отказывается, ограничиваясь склеиванием фрагментов. Использованные им при создании импровизированных настенных подсвечников черепки подчеркнуто различны по форме, цвету, рисунку – перед нами словно осколки прошлого, фрагменты чего-то некогда целого, контрастно соединившиеся в причудливую изломанную фигуру. Цек на глазури с въевшимися стойкими загрязнениями, ореолы загрязнений же под глазурью перестают быть для зрителя повреждениями, вступая в игру линий и пятен, противостояние синевы

подглазурной росписи и охристо-желтой поливы и позолоты.

Роберт Купер предлагает интеллектуальные головоломки в своей серии разбитых и якобы отреставрированных блюд. Художник словно демонстрирует зрителю всю предысторию реставрации – здесь и прием соединения частей с помощью скоб, и уже упомянутая техника кинцуги. Казалось бы, нам предъявлены предметы, возвращенные к их былой цельности, но есть что-то, сперва неявное, что сразу же вносит в их восприятие диссонанс. Во-первых, это абсолютно прямая линия подчеркнутого золотом шва – конфигурация, которая не может появиться естественным образом. Во-вторых, восполнение утраченных частей фрагментами весьма похожих, но бесспорно других блюд с декором, выполненным в идентичной технике и близком масштабе, но с другим изображением. Все это не оставляет сомнения, что перед нами разворачивается именно игра в реставрацию, что и повреждения, и ошибки в воссоздании здесь намеренны, как намеренно и стремление лишить зрителя привычно комфортного восприятия восстановленного из фрагментов предмета. Жесткость касаний на стыке, его подчеркнуто прямая линия лишь обостряют чистоту этого эффекта.

Несомненно, перед нами новый, но уже утвердивший свое право на существование художественный язык, несущий в себе и новый посыл, и новый выразительный потенциал. То, что раньше считалось браком, мусором, становится для художника ресурсом – это касается и идей, и способов их воплощения. Тот факт, что художники столь тщательно разрабатывают тему фрагмента, лишний раз подтверждает ее важность для современной культуры. Поиск и выбор идей и технологий взаимообусловлены и протекают под влиянием изменений в окружающем художника мире. Новые идеи предполагают новые пути их воплощения, рождающие и новый художественный язык. Другими словами, иные техники дают иные возможности и подразумевают иной характер высказывания. В нашем случае холодная техника исполнения, пришедшая из практики реставрации, неизбежно предполагает жесткость касаний, что как нельзя лучше выражает драматичный характер темы повреждений и фрагментов.

Художники активно ищут новые технические приемы, заимствуя их и из практики реставрации. Это, в конечном итоге, приносит пользу не только художникам, осваивающим новые творческие возможности, но и реставраторам. Несомненно, реставраторы подсказывают художникам новаторские ходы в понимании части и целого в визуальном восприятии, но и художники через заострение этого вопроса способствуют поиску новых подходов к трактовке повреждений в целостном произведении. Хотя реставратор находится на позициях исследователя, а не художника, для решения профессиональных задач он должен обладать и обладает художественным мастерством, а его способность оценить творческие поиски художников могут дать плодотворную обратную связь в вопросах восполнения утрат в практике научной реставрации. Таким образом, взаимообмен между реставраторами и художниками доказывает свою продуктивность в плане обоюдного поиска новых возможностей на границах сфер профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Светляков К. А. Свобода в поисках утраченной гармонии: современное искусство и античность – культура фрагмента или образная система? // Актуальные проблемы теории и истории искусства–2014: тез. докл. 5-й междунар. конф. Санкт-Петербург, 2014. С. 289–290.

2. Виппер Б. Р. Введение в историческое изучение искусства. Москва: Изобразит. искусство, 1985. 288 с.

3. Одна композиция. Санкт-Петербург: Новая нива, 2011. 320 с.

4. Реставрация музейной керамики: метод. рек. Москва: ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря, 1999. 144 с.

5. Опыт реставрации керамики Дальнего Востока в Государственном Эрмитаже / Н. А. Большакова, Н. В. Борисова, К. В. Лавинская, Т. В. Шлыкова, О. М. Шувалова // Проблемы реставрации памятников культуры и искусства: материалы III регион. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию Эрмитаж. шк. реставрации. Екатеринбург: Тезис, 2012. С. 52–57.

References

1. Svetlyakov K. A. Freedom in search of lost harmony: modern art and antiquity – culture of fragment or artistic system? *Actual problems of theory and history of art–2014*: proc. of 5th intern. conf. Saint Petersburg, 2014. 289–290 (in Russ.).

2. Vipper B. R. Intrtoduction to historical study of art. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1985. 288 (in Russ.).

3. One composition. Saint Petersburg: Novaya niva, 2011. 320 (in Russ.).

4. Restoration of museum ceramics: guidelines. Moscow: Russ. Acad. I. E. Grabar' Art Sci. Restoration Center, 1999. 144 (in Russ.).

5. Bol'shakova N. A., Borisova N. V., Lavinskaya K. V., Shlykova T. V., Shuvalova O. M. Experience of Far Eastern ceramics conservation at State Hermitage Museum. *Problems of conservation of pieces of culture and art*: proc. of 3rd regional conf., dedicated to 15th anniversary of Hermitage School of Conservation. Yekaterinburg: Tezis, 2012. 52–57 (in Russ.).

УДК 7.091.4(4)"2016":7.037.4

Д. М. Кожевин

Развитие идей дада в рамках европейской биеннале Манифеста 11

Посвященная столетнему юбилею движения дада европейская биеннале Манифеста 11, состоявшаяся в Цюрихе в 2016 г., продемонстрировала характерные для этого направления смешение жанров, нарушение привычных границ, взаимодействие с аудиторией и вторжение в социальное пространство. Стремясь подчеркнуть преемственность с авангардным духом дада, кураторы Манифесты 11 во главе с художником Кристианом Янковски реализовали две оригинальных идеи – активное сотрудничество художников с представителями городских профессий на этапе создания арт-объектов и художественную рефлексию по поводу этих профессий. Результатом этого сотрудничества стали десятки оригинальных работ, часть которых могла бы соперничать с театрализованными постановками дада в степени скандальности. Тем не менее встроенные в структуру официального института искусства и находясь в тепличных для себя условиях, арт-объекты Манифесты 11 оказались лишены свойственного для пионеров дада революционного пафоса и художественного радикализма. Пример Манифесты дает повод подвергнуть сомнению возможность больших социальных институтов искусства создавать условия для саморефлексии.

Ключевые слова: биеннале, Манифеста, актуальное искусство, дада, взаимодействие, вторжение, социальное пространство, художественный институт

Dmitrii M. Kozhevin

European biennial Manifesta 11 as dada ideas development

European biennial Manifesta 11, which took place in 2016 in Zürich, was devoted to the centenary of the dada movement. Manifesta 11 demonstrated mixing of genres, breaking borders, interaction with an audience and intrusion to the social space, which were usual for dada. Aiming to mark the continuity Manifesta's 11 curators with its head Kristian Yankovski have realized two original ideas – active collaboration between the artists and the hosts of their city's diverse workforce and art reflection of their professions. Tens of original artworks became a result of the collaboration. A part of them could compete with the dada performances in creating of scandal. Nevertheless, being installed to formal art structure and staying in the comfort conditions, Manifesta's art-objects were deprived of the revolutionary pathos and art radicalism. The example of Manifesta gives rise to call into question the ability of large social institutes of art to provide conditions for selfreflextion.

Keywords: biennial, Manifesta, contemporary art, dada, interaction, intrusion, social space, art institute
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-182-186

Проект Манифеста – одна из важнейших европейских биеннале современного искусства, в отличие от подобных ей Венецианской, Берлинской и других, для выставочной площадки следующего двухлетнего цикла выбирает новый европейский город. Отсутствие постоянного места дислокации, кочевой характер проекта позволяют устроителям биеннале формулировать оригинальную художественную концепцию, отталкиваясь от географических, национальных, культурных и иных особенностей принимающего города, выполняющего функцию большой декорации, которая формирует идеологический контекст Манифесты.

Для одиннадцатой Манифесты, состоявшейся в 2016 г., ее кураторами был выбран город Цюрих, Швейцария. Это решение было обусловлено столетним юбилеем дада, художественного направления, родившегося в 1916 г. в Цюрихе и положившего начало мощной волне нового искусства XX столетия, направления, разрушившего границы между жанрами, между художниками и аудиторией, между эстетикой и антиэстетикой, высоким и низким, массовым и элитарным. Мир искусства познакомился с абсолютно новым выразительным языком, вошедшим в историю под названием «дадаизм» и получившим многочисленную армию последователей на столетие вперед. Его признаки можно обнаружить практически в каждом большом художественном событии актуального искусства, неизбежно включающим в свою программу перформансы, концептуальные объекты, взаимодействие с аудиторией в той или иной форме. Манифеста 11, посвящая рождению дада свою программу, поставила своей целью продемонстрировать развитие выразительных приемов дада.

Вошедший в историю искусства термин «дада» своим появлением обязан Тристану

Тцаре, поэту, одному из активных участников театрализованных выступлений в цюрихском «Кабаре Вольтер», которое в 1916 г. стало местом проведения художественных акций дада. Их идеологической основой была ярко выраженная критическая позиция по отношению к европейскому истеблишменту, художественным и культурным канонам, служившим, по их мнению, лицемерным прикрытием глубоко безнравственного мышления, приведшего к грандиозным военным столкновениям Первой мировой войны. Бунтарский характер дада проявился практически во всех жанрах искусства – изобразительном искусстве, скульптуре, музыке, танце, театральных представлениях. Именно театрализованный способ репрезентации оказался наиболее подходящим инструментом для реализации художественной стратегии дада. В его основе лежит практика живой демонстрации самим художником своих произведений перед аудиторией. Из представления исчезает нарратив, художник становится актером, само представление носит ярко выраженный провокационный характер. Ранние спектакли дада содержали абсурдные поэтические тексты, нелепые маски-костюмы и поведение на грани допустимого. Историк искусства Роузли Голдберг включает эти спектакли в историю перформанса, который представляет из себя смесь изобразительного искусства, музыкального спектакля, литературного и театрального представления. «Перформанс был самым надежным средством для того, чтобы вывести из себя благодушную публику. Он давал художникам право на то, чтобы быть „создателями“ новой формы художественного театра, и в то же время „предметами искусства“; при этом они не разделяли свою деятельность на поэтическую, изобразительную и исполнительскую» [2, с. 18]. Первые представления в цюрихском «Кабаре Вольтер» 1916 г. объединяли в одном пространстве живопись Марселя Янко, Тристан Тцара декламировал свои стихи под аккомпанемент виолончельной сонаты Сен-Санса в исполнении Артура Рубинштейна.

Смешение жанров, нарушение границ, коллаж, взаимодействие с аудиторией, тематизация неожиданного и непривычного, вторжение, интервенция – вот короткий список художественных приемов дада, призванный стать концептуальным фундаментом Манифесты 11. Помимо того, что на этих художественных приемах строится актуальное искусство в принципе, проект Манифеста использует их в качестве своей основной художественной стратегии. Она заключается в том, чтобы вторгаться в городские пространства, в социальные отношения: «Манифеста, действительно, использует искусство и системы искусства как средство действия в городском пространстве, развивающее модели интеграции и отражения кросс-культурных связей посредством искусства, как ответ на местные вызовы» [3, p. 16]. Эта цитата из каталога к Манифесте 5, состоявшейся в Барселоне в 2004 г., свидетельствует об инструментальном характере искусства в понимании устроителей биеннале. Искусство – средство, а художественные исследования, социально-культурная интеграция, поиск новых способов взаимодействия – его главные цели, и Манифеста 11 реализует себя как масштабная творческая лаборатория, мастерская, что еще больше сближает ее с экспериментами дада. Для реализации идеологии творческой лаборатории куратором проекта был выбран Кристиан Янковски, художник, специализирующийся на своего рода вторжениях в обычную социальную ткань, в течение двадцати лет активно рекрутирующий зрителей в свои работы. По разработанной Кристианом Янковски официальной концепции Манифесты 11 «Что люди делают за деньги?» за несколько месяцев до открытия биеннале 30 приглашенных художников должны были на основе списка из одной тысячи городских профессий, предложенных Институтом социологии Цюрихского университета, образовать 30 творческих микроколлективов, своего рода «совместных предприятий» с представителями этих профессий. Кристиан Янковски поставил перед художниками и их соавторами задачу – художественно отрефлексировать и воплотить в виде арт-объектов свои профессии.

В результате сотрудничества на свет появились разнообразные проекты: официанты, обслуживающие гостей в ресторане одной из гостиниц были одеты в ярко-оранжевую униформу, разработанную художником по тканям Францом Эрхардом Вальтером совместно с производителем тканей Томасом Дойченбауэром; художница Дженифер Ти в сотрудничестве с сотрудником похоронного бюро Рольфом Штейнманом сделала несколько скульптурных инсталляций на городском кладбище, обыгрывающих печальные процедуры прощания; художница Маргерит Хамю и системный инженер Матиас Берки создали пару взаимодействующих между собой роботов, имитирующих сложные любовные отношения. Маурицио Кателлан, один из самых известных авторов, работающий в жанре перформанса, в сотрудничестве с паралимпийской чемпионкой Эдит Вольф-Хункелер представил перформанс, в котором Эдит эффектно пересекает участок Цюрихского озера по его

поверхности в своем кресле-каталке, имитируя библейскую притчу. Майк Буше и сотрудники городских очистных сооружений предъявили посетителям биеннале самый цитируемый проект Манифесты 11, представляющий из себя восемьдесят тонн высушенных, спрессованных в прямоугольные брикеты и сложенных в один массивный блок продуктов переработки канализационного коллектора, собранных в течение одних суток. Объект был размещен в одном из выставочных залов. Евгений Антуфьев вместе с пастором Мартином Рюшем соорудил инсталляцию «Вечный сад» в Вассеркирхе и посвятил ее Владимиру Набокову и бабочкам. Традиции представлений 1916 г. продолжили перформансы в том же «Кабаре Вольтер», художникам предлагалось выбрать себе пару из представителей профессий и сделать перформанс на сцене кабаре.

Объявленное устроителями Манифесты 11 желание творчески развить художественные приемы дада позволяет рассмотреть результаты ее работы в этой плоскости, найти то, что их объединяет и то, что является существенным различием.

Мини-спектакли дада 1916 г. – это, прежде всего, театр, живое выступление перед зрителями. Театрализация искусства предполагает непосредственное вовлечение зрителей в процесс рождения искусства, делает их если не соавторами, то свидетелями его возникновения. Театральный зритель существенным образом отличается от посетителя выставки традиционного искусства. Реальная встреча автора и зрителя запускает вид художественного диалога – «Произведение и восприятие знаков и сигналов происходит одновременно. Театральное представление – благодаря поведению людей на подмостках и в зрительном зале – позволяет возникнуть некоему общему тексту, даже если при этом вслух не произносится никаких речей. А поэтому адекватное описание театра непременно связано с чтением этого совместного текста. Коль скоро виртуально взгляды всех участников могут встретиться, театральная ситуация образует некое единство как очевидных, так и сокрытых коммуникативных процессов» [4, с. 25]. Перформативность дада, как и перформативный характер большинства проектов Манифесты 11, позволяет утверждать, что общим знаменателем для них является театрализация искусства. Для этого художественного метода характерно присутствие нескольких принципиально важных приемов. В первую очередь, это взаимодействие со зрителем.

Кристиан Янковски доводит идеологию взаимодействия до предельных значений, используя две оригинальные идеи – он приглашает к работе представителей самых разных городских профессий и предлагает высказаться художественными средствами на свои профессиональные темы. Таким образом, в проект оказалась включенной значительная часть потенциальной аудитории, которая с помощью художников-соавторов говорит о том, что ей хорошо знакомо. Традиционная для актуального искусства дистанция между зрителем и автором в случае такого тесного взаимодействия сокращается до минимума. Это пример сотрудничества, доведенный до абсолюта, зритель становится соавтором, зрительская профессиональная жизнь становится предметом для произведения искусства, из него художник и соавтор создают арт-объект. Такое сотрудничество можно признать одним из путей развития актуального искусства – арт-объект как трансформация фрагмента повседневной жизни. Этот фрагмент знаком для зрителя-соавтора, который с помощью профессионального художника раскрывает его новые грани, происходит эстетизация профессии, художественное осмысление социальной функции. Французский арт-критик, философ и куратор Николя Буррио еще в конце 1990-х гг. предложил теоретическую модель актуального искусства, назвав ее эстетикой социального взаимодействия или эстетикой взаимоотношений [1]. В ее основе лежит тезис о том, что актуальное искусство способно художественно осмыслить привычные социальные практики, превратив фрагменты повседневной человеческой жизни в произведения искусства. По мысли Николя Буррио в процессе репрезентации такого рода арт-практик формируется до сих пор неотрефлексированное поле микросоциальных взаимоотношений между художником и зрителем.

Это взаимодействие можно рассмотреть под двумя близкими углами зрения. Взаимодействие как интервенция искусства в социальную ткань повседневной жизни, с одной стороны, и ее эстетизация – с другой, вторжение-интервенция как результат социально-ответственной позиции художника, не позволяющего себе оставаться в комфортных границах своего собственного микромира; продолжение романтической идеи об искусстве, спасающем или изменяющем мир, и совпадающей с модернистскими взглядами дада. Однако движение в этом направлении обнаруживает пределы, задаваемые институтом Манифесты, социальной организации, решающей, в том числе, свои собственные задачи самосохранения. Несмотря на длительное взаимо-

действие художников с носителями профессий и художественную оригинальность высказываний, проекты не обладают тем уровнем радикализма, который был характерен для художников дада и который свойственен художникам, намеренно дистанцирующимся от системы искусства. Смелое высказывание упаковано в комфортную оболочку галерейных стен, исключена тематизация политического и антисистемного, вторжение в социальное незаметно, но жестко контролируется, и этот уровень контроля принимается художниками. Покидающий свою зону комфорта концептуальный художник Манифесты не отходит от нее далеко.

Эстетизация социально важных профессий ярко проявилась в самом цитируемом проекте Манифесты 11, проекте Майка Буше, предъявившего посетителю галереи 80 тысяч килограммов отходов суточной жизнедеятельности жителей Цюриха. Проект блестяще сработал в качестве рекламной приманки, обеспечив свое (и Манифесты 11) присутствие на первых полосах изданий, освещающих культурную жизнь. Майк Буше и его соавторы, инженеры городских очистных сооружений, художественно и эстетически понятно высказались на тему экологии города, в буквальном смысле продемонстрировав зрителям объем производимого ими всего лишь за одни сутки, так же как и вторжение в социальную ткань эстетизация профессий обнаруживает свою неоднозначность. Искусство, взявшееся эстетизировать быт, производство и политику давно и масштабно трансформировалось в дизайн, утратив свою функцию критической по отношению к реальности рефлексии. Критическая позиция по отношению к искусству-дизайну основана на том, что эстетизация быта, производства, предметов потребления, политики как их дизайн уводит от осознания обществом реальных проблем, от той романтической и модернистской идеи изменения текущего положения дел. Проблема, обозначенная Майком Буше, могла бы быть решена более эффективно, если бы попала в повестку дня городского сообщества без дополнительных художественных манипуляций. Неоднозначность эстетизации, однако, выражается в том, что без участия художника проблема рискует остаться в принципе неотрефлексированной. В этом заключается убедительный ответ на критику искусства-дизайна. Как это часто происходит, оценка ситуации целиком зависит от позиции наблюдателя.

Театрализация искусства не без основания претендует на то, чтобы стать его генеральным определителем. Синтетический характер актуального искусства размывает жанровые границы, объединяя в одном проекте все доступные средства выражения с одной целью – завладеть вниманием зрителя. Живое представление в реальном времени, обеспечивающее непосредственный контакт и взаимодействие между автором и зрителем, до сих пор есть непревзойденный по силе воздействия художественный прием, чем с успехом пользовались авторы первых перформансов дада. Выставка приобретает черты шоу, биеннале становится грандиозной сценической площадкой. «Современный музей воплощает модернистскую мечту о театре, где нет четкой границы между сценой и зрительным залом, – мечту, которую сам театр так и не сумел в полной мере реализовать» [5, с. 25]. Эти слова можно применить и к большим арт-событиям класса Манифесты. Модернистская мечта происходит родом из эпохи дада, ее воплощением стали перформансы Манифесты 11, иммерсивный театр, акционизм Янковского, Бойса, Лизы Морозовой и Петра Павленского. Побочный эффект театрализации – миграция искусства в развлечение подобно неизбежному превращению процесса эстетизации в дизайн. Системный актуальный художник вынужден искать баланс между несовместимыми начальными установками – завладеть вниманием максимально широкого круга зрителей и отрефлексировать неспектакулярное, обозначить острую социальную проблему и не лишиться патронажа социального института искусства. Пионеры дада были более свободны в выборе своих художественных стратегий как по причине скупости выразительных инструментов, так и в силу неразвитости околохудожественных институций. Применяя сленг сегодняшнего дня, Хуго Балль, Тристан Тцара и их сподвижники были тотально несистемными художниками.

Манифеста 11 – прямой наследник театрализованных постановок 1916 г., происходивших в Цюрихе в «Кабаре Вольтер». Их общие коды – театрализация, искусство-событие, эксперимент, выход за границы привычного, сотрудничество с аудиторией. «Наследник» демонстрирует существенное развитие каждого из этих аспектов – если представления дада ограничивались пространством «Кабаре Вольтер», то пространство Манифесты 11 – весь город и его пространства. Зрительская аудитория дада не отличалась от обычных посетителей театра, аудитория Манифесты трансформировалась в соавтора. В 1916 г. Тристан Тцара, Хуго Балль, Ханс Арп и их товарищи деконструировали свои художественные тексты до абсурда в поисках нового языка, это было творчество, целиком основанное на интуиции, творчество на пределе физических сил. Для участников Манифесты не составляет труда художественно переработать любые за-

данные условия, работа с самым неожиданным выразительным материалом для актуального художника превратилась в рутину. Наряду с тем, что объединяет современное биеннале с постановками столетней давности, можно установить и принципиальные отличия. Дада – результат творческой активности группы энтузиастов, поразивший современников новизной художественного языка. Манифеста 11 – результат деятельности масштабного социального института, вписанного в европейские государственные и бизнес-структуры. Это обстоятельство накладывает жесткие ограничения на объекты художественной рефлексии – оно исключает рефлексию по поводу самой системы института искусства. Манифеста 11 демонстрирует одно из парадоксальных явлений актуального искусства – его события невозможны без функционирования этого системного социального института. Манифеста отграничивает искусство от обычной жизни, маркирует художественные события, интерпретирует их значения для зрителей. В то же самое время система делает невозможным максимальную свободу художественного высказывания, которую имели основатели дада. При всей необычности тематизируемого проекты Манифесты 11 развивают идеи дада в комфортных условиях, где Майк Буше неизбежно вторичен после Марселя Дюшана.

Список литературы

1. Буррио Н. Эстетика взаимодействия // Худож. журн. 1999. № 28/29. URL: http: // guelman. ru (дата обращения: 26. 11. 2018).

2. Голдберг Р. Искусство перформанса: от футуризма до наших дней. Москва: Ад Маргинем пресс, 2015. 320 с.

3. Manifesta 5: exhibition cat. Barselona: Actar, 2004. URL: http: // zs. thulb. uni-jena. de (дата обращения: 26. 11. 2018).

4. Леман Х.-Т. Постдраматический театр / предисл. А. Васильева; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. Н. Исаевой. Москва: ABCdesign, 2013. 311 с.

5. Гройс Б. В потоке / пер. А. Фоменко. Москва: Ад Маргинем пресс, 2018. 208 с.

References

1. Bourriaud N. Relational Aesthetics. *Khudozhestvennyi zhurnal*. 1999. 28/29. URL: http: // guelman. ru (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

2. Goldberg R. Performance art: from futurism to present. Moscow: Ad Marginem press, 2015. 320 (in Russ.).

3. Manifesta 5: exhibition cat. Barselona: Actar, 2004. URL: http: // zs. thulb. uni-jena. de (accessed: Nov. 26. 2018).

4. Lehmann H.-T.; Vasil'ev A. (introd.); Isaeva N. (transl., pref., comment.) Postdramatic theater. Moscow: ABCdesign, 2013. 311 (in Russ.).

5. Groys B.; Fomenko A. (transl.) In flow. Moscow: Ad Marginem press, 2018. 208 (in Russ.).

УДК [02:001.89](049.32)

Э. Р. Сукиасян

Полезная книга о современной методологии научных исследований: рецензия на монографию Г. В. Варгановой «Научные исследования в библиотечно-информационной сфере: отечественные и зарубежные практики» (Санкт-Петербург, 2018)

Варганова Г. В. Научные исследования в библиотечно-информационной сфере: отечественные и зарубежные практики: монография / Г. В. Варганова; М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ин-т культуры. – Санкт-Петербург: СПбГИК, 2018. – 208 с. – ISBN 978–5–94708–259–3.

Eduard R. Sukiasyan

Advantageous book on modern research methodology: review on monography «Research in library and information sphere: domestic and foreign practices» by Galina V. Varganova (Saint Petersburg, 2018)

Varganova G. V. Research in library and information sphere: domestic and foreign practices: monograph / Ministry of Culture of Russian Federation, Saint Petersburg State Univ. of Culture. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Univ. of Culture, 2018. 208. ISBN 978–5–94708–259–3.
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-187-188

В моих руках новая книга, такая интересная и полезная, что сразу захотелось поблагодарить автора и издателя – наш старейший институт культуры, отмечающий столетие со дня образования. Редко у нас публикуются монографии, посвященные методологии. Между тем библиотечная наука незаметно развивается. Во главе многих региональных библиотек (университетских и УНБ) в руководстве появились ученые со степенями. Вернулись в структуры научные и исследовательские подразделения. Расширилась тематика, которая традиционно охватывала лишь историко-книговедческую проблематику. Многие библиотеки бросились изучать читательский контингент. Не сразу, но понемногу стало ясно, что чтение – это не только библиопсихология Н. А. Рубакина, но и огромный комплекс, охватывающий издательское и книготорговое дело.

На каком этапе выяснилось, что общая методология далеко не всегда может помочь библиотекарям? Наш лидер – Оган Степанович Чубарьян знал это очень давно. Когда стало ясно, что мне предстоит серьезное исследование по системе каталогов, убедил: без социологии ничего не получится. По его настоянию мне удалось в середине 1970-х гг. получить дополнительное образование по социологии. С тех пор слежу и собираю литературу по методологии и методике, особо – по библиотечной социологии.

Есть мнение, что социологов у нас в библиотеках мало. Не сказал бы: они рассредоточены по библиотекам. Уже два десятилетия они раз в два года собираются в Российской государственной библиотеке для молодежи на рабочие встречи (а марте 2018 г. состоялась уже 10-я) «Социолог и психолог в библиотеке». Мне удалось быть участником всех, на многих выступить. Психологи почти все с образованием. Социологов-профессионалов меньше. И совсем мало тех, кто мог бы назвать себя профессионалом-библиотекарем.

Вот почему библиотечная методология, в особенности – методика проведения социологических исследований нуждается в фундаментальных изданиях. С учебными пособиями для магистров и будущих кандидатов наук библиотекари-практики не знакомы. Монография Г. В. Варгановой – такое издание, которое нужно библиотекам.

Прежде, чем рассказать немного о структуре и содержании, хочу процитировать найденные мной в тексте главные слова. Они встретились мне в середине книги, просто в тексте. Я процитирую: «Целью науки является получение нового знания, а это возможно только на основе перехода от фактографического материала к созданию теоретических построений, которые могут их объяснить: гипотез, концепций, теорий, позволяющих выявить сущность явлений, их взаимосвязь и взаимовлияние, закономерности или особенности развития в разных исторических условиях и др.» (с. 119). Как это правильно сказано и как это важно для нас сегодня! В нашей литературе о научно-исследо-

вательской работе библиотек очень много планов и программ (одним словом «желаний»), а вот с итогами дело обстоит хуже. Можно посмотреть материалы ежегодных Крымских конференций. Найти в них «новое знание» – задача сложная. В основном – информация о содеянном. О проблемах мы говорить не любим.

Нет у нас методологии. Ведь без понимания проблемы исследования невозможно построить программу. С удовольствием читал Главу 1 «Теоретико-методологические аспекты научных исследований». Именно здесь речь идет о программе, которую Г. В. Варганова рассматривает в трех «фасетах» (термин Ш. Р. Ранганатана) – теоретическом, процедурно-методологическом и организационном. Внутри каждого все разложено строго по полочкам.

Глава 2 «Методологические парадигмы научных исследований в библиотечно-информационной сфере». Речь идет о количественной и качественной парадигме. Все мы знаем: библиотекари в большинстве – гуманитарии. Оценка статистических (математических по сути) параметров для многих из них – дело сложное. Как профессор ведущего в стране вуза Г. В. Варганова правильно говорит о повышении качества математического образования. В стране есть передовой опыт (например, в Казани). Я бы посоветовал библиотекарям приглашать консультанта из числа читателей. Нельзя строить «концепции», тем более делать выводы на основе анализа 50–100 анкет. Это не выборка!

Когда речь идет о качественных параметрах, я бы посоветовал воспользоваться методиками квалиметрических исследований. Квалиметрия – наше, отечественное изобретение.

Самая большая по объему – глава 3 «Научные методы исследований». Здесь все интересно, даже для специалиста, знающего общую социологию. Все рассматривается на основе библиотечной практики. А в списке литературы указаны базовые источники, опубликованные за последние 10–15 лет: труды В. А. Ядова, В. И. Добренькова, М. А. Горшкова, В. Е. Григорьева и других. Это совершенно новый, созданный уже в России, пласт литературы. Здесь же мы встречаем авторефераты диссертаций наших коллег. В Интернете многое сохранилось: в ряде случаев остался полный текст автореферата и диссертации.

В главе 4 «Историко-библиотечные исследования в США: критический анализ» мне больше всего понравился параграф о биографических исследованиях. Думается, что это направление, которому уделяется большое внимание в ряде крупнейших библиотек (например, в Российской национальной библиотеке, в Библиотеке РАН), в регионах забыто. Пишут, например, о помещичьих библиотеках, заодно подробно о помещиках. И лишь между строчками встречаешь слова о библиотеках. Кто в них работал? Какими они были? Историкам порой это неинтересно.

Содержание главы 5 «Этическое изменения научных исследований» понятно из заглавия. Редко освещаемая проблема, очень важная с точки зрения социально-психологической обстановки, прежде всего – в коллективе исследователей.

Заключительная 6-я глава монографии «Модернизационный потенциал библиотечно-информационного образования» сначала показалась привнесенной, но после изучения стало ясно – это необходимое обоснование тех процессов, которые характеризуют современный этап развития высшей библиотечной школы. Правильно сказано: магистратура – ключевое звено подготовки исследователей. Здесь пока не все у нас получается. Многие бакалавры считают, что образование на этом этапе они «недополучили». Но их руководители этого не понимают, считая, что их надо «доводить» в условиях практики. Но в магистратуру многие не попадают по понятным (семейно-бытовым) причинам. Те, которым надо пройти курс магистратуры (например, руководители подразделений), уже не хотят учиться. Эту проблему мы пока решить не смогли.

«Литература» – чрезвычайно важный элемент монографии занимает с. 176–198 и содержит 249 тщательно отобранных источников, примерно поровну книг и статей, треть (87) – на английском языке. В русской части всего десяток переводов. Автор, располагающая библиографическими сведениями о тысячах публикаций по теме, включает в список, как уже говорилось, только новые работы.

Теперь нам надо решить вопрос об информировании библиотечной общественности о выходе монографии. Попробуем сделать это с помощью известных периодических изданий.

Сведения об авторах

Information about authors

Базанов Петр Николаевич, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Bazanov Petr Nikolaevich, doctor in history, associate professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 6698–3986, bazanovpn@mail.ru

Балаш Александра Николаевна, кандидат культурологии, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Balash Aleksandra Nikolaevna, PhD in cultural studies, associate professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 6783–9945, alexandrabalash@gmail.com

Большаков Валерий Павлович, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Bol'shakov Valerii Pavlovich, honored figure in higher school of Russian Federation, doctor in philosophy, professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 4717–8649, bolshakov.valerii@mail.ru

Добрусина Светлана Александровна, заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская национальная библиотека», Санкт-Петербург

Dobrusina Svetlana Aleksandrovna, honored figure in science of Russian Federation, doctor in technical studies, federal state budget institution «National Library of Russia», Saint Petersburg, SPIN-код: 7623–7484, svetdobru@gmail.com

Иконникова Светлана Николаевна, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Ikonnikova Svetlana Nikolaevna, honored figure in science of Russian Federation, doctor in philosophy, professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 5567–3559, ikon.08@inbox.ru

Кальницкая Елена Яковлевна, доктор культурологии, федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей-заповедник „Петергоф“», Санкт-Петербург

Kal'nitskaya Elena Yakovlevna, doctor in cultural studies, federal state budget institution of culture «State Museum Reserve „Peterhof“», Saint Petersburg, AuthorID: 336150, samson@peterhofmuseum.ru

Кожевин Дмитрий Михайлович, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Kozhevin Dmitrii Mikhailovich, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 7173–1886, kdm64@mail.ru

Колесникова Марина Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Kolesnikova Marina Nikolaevna, doctor in pedagogics, professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 5657–9748, marik008@mail.ru

Конева Анна Владимировна, доктор культурологии, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Koneva Anna Vladimirovna, doctor in cultural studies, associate professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 9718–7177, akoneva@list.ru

Сведения об авторах

Information about authors

Коротков Максим Викторович, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Korotkov Maksim Viktorovich, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 1908–2276, hermitage-korotkov@mail.ru

Крейденко Владимир Семенович, заслуженный работник культуры РФ, доктор педагогических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Kreidenko Vladimir Semenovich, honored figure in culture of Russian Federation, doctor in pedagogics, professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», AuthorID: 250837, bvtch@mail.ru

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Leonov Ivan Vladimirovich, doctor in cultural studies, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 2606–8163, ivaleon@mail.ru

Махлина Светлана Тевельевна, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Makhlina Svetlana Tevel'evna, honored figure in higher school of Russian Federation, doctor in philosophy, professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 1410–7840, makhlina@pochta.tvoe.tv

Михеева Галина Васильевна, заслуженный работник культуры РФ, доктор педагогических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская национальная библиотека», Санкт-Петербург

Mikheeva Galina Vasil'evna, honored figure in culture of Russian Federation, doctor in pedagogics, professor, federal state budget institution «National Library of Russia», Saint Petersburg, SPIN-код: 1659–2852, mikheeva@nlr.ru

Мухин Андрей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Mukhin Andrei Sergeevich, doctor in philosophy, associate professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 4081–2201, nebelwerfer@inbox.ru

Назанян Карина Георгиевна, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Nazanyan Karina Georgievna, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 3134–4261, nazanyan2013@gmail.com

Огарков Александр Николаевич, кандидат философских наук, доцент, федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица»

Ogarkov Aleksandr Nikolaevich, PhD in philosophy, associate professor, federal state budget institution of higher education «Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art's and Design», SPIN-код: 3406–9341, suer53@inbox.ru

Островская Елена Петровна, доктор философских наук, профессор, федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт восточных рукописей Российской академии наук», Санкт-Петербург

Ostrovskaya Elena Petrovna, doctor in philosophy, professor, federal state budget institution of science «Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences», Saint Petersburg, SPIN-код: 9457–7382, ost-alex@yandex.ru

Подгорная Наталья Ивановна, федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская национальная библиотека», Санкт-Петербург

Podgornaya Natalia Ivanovna, federal state budget institution «National Library of Russia», Saint Petersburg, SPIN-код: 6874–7720, conservation@nlr.ru

Сведения об авторах

Information about authors

Попов Артем Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Popov Artem Anatol'evich, PhD in history, associate professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 4847–3803, artempopovspb@gmail.com

Протанская Елена Сергеевна, доктор философских наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Protanskaya Elena Sergeevna, doctor in philosophy, professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 4517–2409, proels2007@yandex.ru

Радзиевский Виталий Александрович, кандидат культурологии, доцент, Киевский национальный университет культуры и искусств, Украина

Radzievskii Vitalii Aleksandrovich, PhD in cultural studies, associate professor, Kiev National University of Culture and Arts, Ukraine, svitrad@yandex.ru

Русаков Аркадий Юрьевич, доктор философских наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Rusakov Arkadii Yur'evich, doctor in philosophy, associate professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 1121–6008, vestnik@spbgik.ru

Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Sapanzha Ol'ga Sergeevna, doctor in cultural studies, associate professor, federal state budget educational institution of higher education «Herzen State Pedagogical University of Russia», SPIN-код: 6063–7030, sapanzha@mail.ru

Соколов Евгений Георгиевич, доктор философских наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Sokolov Evgenii Georgievich, doctor in philosophy, professor, federal state budget educational institution of higher education, «Saint Petersburg State University», SPIN-код: 9958–0824, EGSlov@gmail.com

Стебаков Михаил Сергеевич, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Stebakov Mikhail Sergeevich, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 9544–1373, stebackov@gmail.com

Суетов Леонид Александрович (1946–2018), кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Suetov Leonid Aleksandrovich (1946–2018), PhD in history, associate professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture»

Сукиасян Эдуард Рубенович, заслуженный работник культуры РФ, кандидат педагогических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская государственная библиотека», Москва

Sukiasyan Eduard Rubenovich, honored figure in culture of Russian Federation, PhD in pedagogics, associate professor, federal state budget institution «Russian State Library», Moscow, SPIN-код: 2210–3726, SukiasyanER@rsl.ru

Сундиева Аннэта Альфредовна, кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»

Sundieva Anneta Al'fredovna, PhD in history, associate professor, federal state budget educational institution of higher education «Russian State University for Humanities», SPIN-код: 3026–3568, asundieva@yandex.ru

Сведения об авторах

Information about authors

Христолюбова Татьяна Павловна, кандидат искусствоведения, государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Ленинградский областной колледж культуры и искусства», Санкт-Петербург

Khristolyubova Tat'yana Pavlovna, PhD in art studies, federal state budget professional educational institution «Leningrad Regional College of Culture and Art», Saint Petersburg, SPIN-код: 2838–1180, takhristol@gmail.com

Чернышева Татьяна Алексеевна, кандидат искусствоведения, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Chernysheva Tat'yana Alekseevna, PhD in art studies, associate professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 1866–5009, tchernysheva.tatiana@gmail.com

Шевцов Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Shevtsov Aleksei Vladimirovich, doctor in philology, professor, federal state budget educational institution of higher education «Herzen State Pedagogical University of Russia», SPIN-код: 8536–8242, monografia.schevtsov@yandex.ru

Шлыкова Татьяна Викторовна, кандидат искусствоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Shlykova Tat'yana Viktorovna, PhD in art studies, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 4902–0396, yasno-solnce@mail.ru

Яковлева Анастасия Сергеевна, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Yakovleva Anastasiya Sergeevna, federal state budgetary educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 9830–7240, nastya9117911991@mail.ru